

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

ДЖЕК ЧАЛКЕР

Лилит. Цербер

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

***Jack
L. Chalker***

Lilith

■

Cerberus

■

**ДЖЕК
ЧАЛКЕР**

ЛИЛИТ

Цербер

ББК 84 (7США)
Ч12

Серия основана в 1992 году

Перевод с английского

*Серийное оформление А.В. Сальникова
Художник Р.Ш. Рамазанов*

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Spectrum Literary Agency

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Чалкер Дж. Л.

Ч 12 Лилит. Цербер: Романы / Пер. с англ. – М.:
ТКО АСТ, 1996. – 496 с. – (Координаты чудес)
ISBN 5-88196-852-2

В главное Командование Вооруженных Сил – самое сердце Конфедерации проник инопланетный робот-шпион. Аналитики Службы Безопасности не сомневаются, что чужаки вербуют агентов на четырех планетах Ромба Вардена, превращенных Правительством в идеальную тюрьму. Расследование поручено лучшему агенту Конфедерации...

© Jack L. Chalker, 1981
© АСТ, 1996

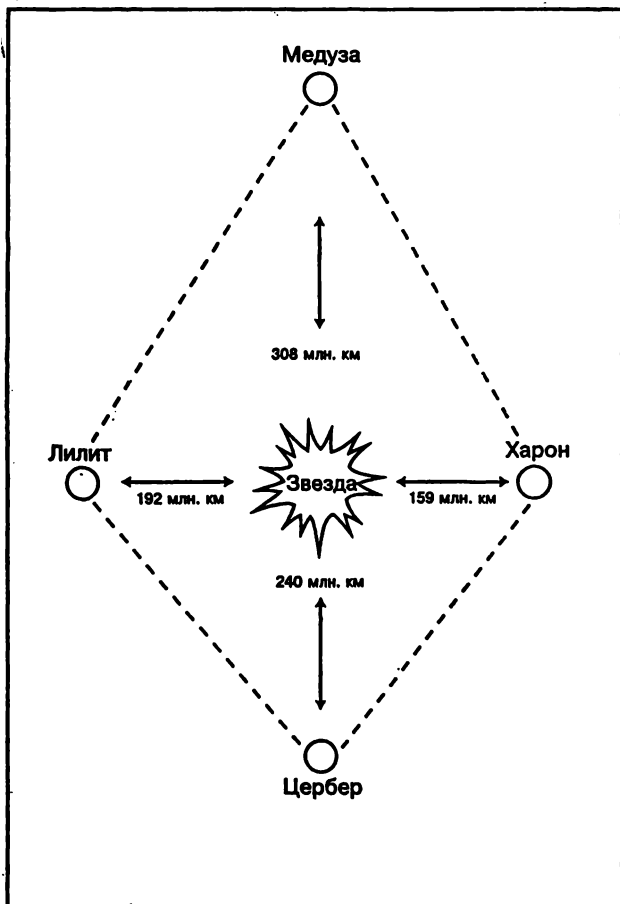
Лилит: **змея в траве**

Lilith:
A Snake in the Grass
1981

Перевод с английского
Е.Н.Ереминко

Луи Табакову — большому, но малоизвестному другу научной фантастики на протяжении полувека. Его расположение и дружбу я буду ценить всегда.

Ромб Вардена

ПРОЛОГ

НАЧАЛО ВСЕХ БЕД

1

Невысокий мужчина в твидовом пиджаке отнюдь не был похож на бомбу. И в самом деле, гораздо больше он походил на большинство других служащих, молодых операторов и политиков из Главного Командования Вооруженных Сил. Маленькие блестящие карие глаза-бусинки, орлиный нос, впалые щеки, узкие губы — на такую физиономию никто не оглянется. Вот потому-то он и был так опасен.

У него были все необходимые пропуска, и он спокойно миновал все посты, хотя малейшая ошибка в отпечатках пальцев или структуре сетчатки могла включить сигнализацию и даже уничтожить его. В руках он держал небольшой портфель, правда, без металлической цепочки, наглухо пристегнутой к запястью. Но на подобные мелочи охранная система не отреагировала — ее интересовали только индивидуальные особенности человека.

Изредка в залитых светом коридорах встречались похожие на него люди; они проходили мимо, иногда кивая ему, как знакомому, чаще — не обращая никакого внимания. И неудивительно — служащие разнились разве что профессией да должностью. Только вряд ли то же самое можно было сказать про невысокого человека. Уж он-то отличался от остальных.

Наконец он оказался в маленькой комнате, где перед мягким уютным креслом стоял компьютерный

терминал. Здесь не было никаких предупредительных знаков, никаких охранников, никаких сигнальных устройств — хотя именно здесь открывались тайны гигантской межзвездной империи. Впрочем, никакой охраны здесь и не требовалось. Включить терминал могли лишь трое, да и то с помощью по крайней мере двух роботов, каждый из которых управлялся кодированными командами с двух разных пультов. Любая попытка несанкционированного включения не только потерпела бы крах, но и привела бы в действие всю систему сигнализации.

Невысокий человек не спеша опустился в кресло, устроился поудобнее, откинулся на спинку и открыл свой портфель. Вытащив прозрачную прямоугольную коробочку, он включил прибор и установил напротив платы контроллера терминала.

Экран ожил. Замелькали все требуемые пароли и запросы, словно и правда вводились с клавиатуры. Появился и запрос о предпочтительном режиме работы: аудио или видео.

— Видео, пожалуйста, — сказал невысокий человек лениво, слегка гнусая, так что акцент практически пропал. Теперь машина полностью готова к работе. — Файлы систем защиты C-476-2377AX и J-392-7533DC, пожалуйста. И с максимальной частотой.

Экран замигал с неуловимой для глаза скоростью — четыреста строк в секунду — на пределе возможностей аппаратуры. Оба файла мгновенно промелькнули перед глазами невысокого человека меньше чем за секунду.

Он остался доволен. Настолько доволен, что рискнул еще раз попытать счастья.

— Запасные варианты генерального плана обороны, пожалуйста, с максимальной скоростью, в таком же режиме, — небрежно бросил он.

Машина повиновалась. Для вывода материала потребовалось почти четыре минуты.

Невысокий человек взглянул на часы. Ему хотелось продолжить, но риск увеличивался с каждой секундой. Пожалуй, хватит.

Он спрятал прозрачную коробочку, застегнул портфель, встал и неспешно вышел. И в этот момент он допустил оплошность. Конечно, такую мелочь он мог и не знать. Надо было просто отдать команду очистить экран и переопределить пароли. Этот компьютер принципиально отличался от остальных, отключавшихся автоматически или сохранявших заданный режим. Когда компьютер получил подтверждение, что оператор ушел, он оповестил обслуживающий персонал и вышел из рабочего режима при помощи предусмотренной дополнительной процедуры.

На первом контрольно-пропускном пункте невысокого человека уже ждали.

Молодая женщина бросила быстрый взгляд на сигнальную красную лампочку. Она мгновенно проверила аппаратуру на сбой и включила Компьютер-Накопитель Визуального Наблюдения. Она не имела права работать с компьютером, но запросить информацию о режиме охраны могла. Женщина нажала две кнопки и наклонилась к микрофону.

— Просмотр записи последнего сеанса работы, — приказала она.

На экране возникло лицо невысокого человека. И не только лицо, но и образцы сетчатки глаза, термальный портрет — все, что поддавалось определению при помощи внешних датчиков. Женщина ввела в компьютерную сеть команду на идентификацию.

— Фрехт, Огур Пен-Гил, ОГ-6, сотрудник Генштаба, — сообщил компьютер.

Она не успела нажать кнопку сигнала тревоги — кто-то опередил ее.

Не было ни завывания сирен, ни ярких вспышек — решительно ничего, что могло бы насторожить шпиона. Фрехт беспрепятственно достиг третьего и последнего контрольно-пропускного пункта, придвинулся к окуляру, прижал ладонь к контрольной панели — дверь не открылась.

В то же мгновение он понял, что охранники — роботы и люди — окружают его со всех сторон. Он поднял левую руку, замер на миг, как на параде, и нанес сильнейший удар по двери там, где находился запорный механизм. Рама прогнулась, и тогда он без видимых усилий отодвинул дверь ровно настолько, чтобы проскользнуть в образовавшуюся щель.

Теперь он оказался в переходном отсеке, и дверь за ним захлопнулась; слышно было, как опускаются дополнительные перегородки. Зажатый в небольшом тамбуре между дверями, он попал в капкан. Камера была полностью герметична, так что воздух из нее можно быстро выкачать. Для другого это, несомненно, означало бы верную смерть.

Впрочем, вакуум помешал бы и ему. Шпион ударил по внешней двери — раз, другой, с третьей попытки дверь поддалась. Он изо всех сил давил на дверь до тех пор, пока ворвавшийся в щель воздух не выровнял давления внутри и снаружи. И вот тогда он открыл дверь и вышел.

Он оказался прав: охранники только-только подошли, и застигнутые врасплох, ошарашенные служащие помешали им сразу открыть огонь. К нему устремились четыре черных робота-охранника. Невысокий человек спокойно ждал. И как только двое вплотную приблизились к нему, одним мощным толчком швырнул на подходящих сзади. Не успев отреагировать, неуклюжие приземистые агрегаты повалились на пол. Невероятно: невысокий человек самой непримечательной наружности опрокинул четырех-

тонные груды одушевленного металла, даже не пошатнувшись.

Затем он стремительно бросился к ближайшему окну. Он бежал с такой невероятной скоростью, непостижимой ни для людей, ни для большинства роботов, что, когда он оказался у окна, преследователи остались далеко позади. Толстые оконные стекла выдержали бы даже прямое попадание бомбы, но под его ладонью треснули и рассыпались, как обычное стекло. Невысокий человек выпрыгнул, пролетел двенадцать метров, сохранив равновесие, мягко опустился на землю и бросился бежать через двор.

Но теперь пропал фактор внезапности. Силы безопасности поняли, что столкнулись с мощным — и физически, и интеллектуально — роботом и приготовились к самому худшему. Во дворе уже поджидали войска охраны, роботы-убийцы и даже легкие лазерные пушки.

Он остановился на вершине невысокого, поросшего травой холмика и, сохраняя полное самообладание, мгновенно оценил ситуацию. Потом, совершенно неожиданно окинув взглядом бесчисленные ряды брошенных против него солдат, усмехнулся; легкий смешок перешел в раскатистый смех, смех, который становился все громче и громче, пока не обернулся сверхъестественным, нечеловеческим, безумным грохотом, эхом, отдававшимся от высоких стен.

И когда в тот же миг по нему открыли огонь и смертоносные лучи коснулись холмика, его уже там не было. Он взмыл вверх, беззвучно и стремительно уходя прямо в зенит с совершенно невообразимым ускорением.

Боевые автоматические системы пытались отследить его полет, но на такие скорости они явно рассчитаны не были. Какой-то офицер, сжимая лазерный пистолет, тупо смотрел в опустевшее и безмятежное небо:

— Надо же, даже из штанов не выскочил, подлец!

* * *

Непосредственное управление сразу же передали Орбитальному Командованию, но оно оказалось совершенно не готовым к такому повороту событий; никто ни малейшего представления не имел о том, как высоко он поднялся и какова его траектория. В этот момент на орбите находились тридцать семь торговых и шестьдесят четыре военных корабля да вдобавок тысяч восемь всяких спутников, не говоря уже о пяти орбитальных станциях. Самые совершенные радары могли засечь его, только если он изменит курс и надумает приземлиться, но, пока он находился в космосе, оставалось только одно — ждать. Дело в том, что на орбите болталось слишком много разного хлама, а цель была слишком мала.

Итак, они терпеливо ждали, готовые в любой момент превратить в газовое облако всякое орбитальное тело, которое либо начнет атаку, либо попытается изменить траекторию. Радары отслеживали каждый корабль; если кто-либо попытается проникнуть на борт, они узнают об этом.

Почти трое суток робот играл с Орбитальным Командованием в прятки. Но главная его задача все еще не была выполнена — похищенные планы не попали по назначению и, судя по всему, устарели, хотя и сохраняли определенное значение, поскольку давали представление о реальных силах противника. Их анализ позволил бы выявить образ мышления и возможные действия потенциального неприятеля. Но нельзя же тянуть до бесконечности: хотя, конечно, полностью изменить оборонный план не так-то просто и любой новый должен создаваться на основе первоначального с небольшими вариациями. Вот только число этих предполагаемых вариаций с каждым часом будет возрастать в геометрической про-

грессии. Он должен что-то предпринять. И он решился.

Небольшой спутник, значившийся в архивах как устаревшая станция метеорологического контроля, и космический корабль оказались всего в трех тысячах метров друг от друга. Корабль — маленький правительственный челнок — вполне мог оказаться без экипажа, но наверняка с охраной, как, впрочем, и любой другой корабль на орбите.

Робот, по-прежнему выглядевший как самый заурядный клерк, появился из спутника через люк, которого вполне могло и не быть, если бы, конечно, он оставался всего лишь устаревшим спутником. Но с тех пор как Чужаки избрали спутник своей базой, его неоднократно модернизировали, каждый раз наполняя самым современным шпионским оборудованием.

Без видимых усилий робот подплыл к кораблю и устроился поудобнее на обшивке. Из-за пояса он достал небольшое приспособление, соединенное тонкими проводами с блоком разъемов. За последние три дня робот, используя резервы спутника, пополнил свой энергозапас; теперь пришло время его использовать. Мощный луч быстро вырезал в корпусе корабля круглое отверстие размером с апельсин. Место было выбрано правильно; на борту находилось только двое охранников, человек и робот, и оба как раз напротив вырезанного люка. Никто никогда не узнает, отчего погиб человек — от разгерметизации корабля или же от смертоносных лучей; у робота-охранника скорее всего не выдержала защита — жесткая радиация мгновенно вывела его из строя.

Шпион добрался до расположенного в носовой части корабля шлюза и беспрепятственно проник внутрь. Ускорения при старте хватило, чтобы уничтожить все живое на борту.

2

Молодой человек в полном молчании слушал пространное повествование. Как и у всех его современников, фигура у него была идеальной. Еще несколько столетий назад его сочли бы за супермена, но в эпоху расцвета геной инженерии он ничем не отличался от окружающих. Тридцать лет, стандартные 180 сантиметров и 82 килограмма, черные как смоль волосы и светло-карие глаза. Впрочем, на этом его заурядность и кончалась.

— Вы, разумеется, привлекли все силы для наблюдения за кораблем. — Его слова звучали не как вопрос, но как утверждение.

Крег, такой же супермен, только чуть постарше — морщины, крути под глазами, печать опыта сорокалетней службы на лице — коротко кивнул:

— Разумеется. Но уничтожить мы его не смогли: он практически мгновенно развил немыслимую скорость. Поэтому мы просто разместили на орбите станции слежения и ожидали его... этого... Это же робот. Правда, робот потрясающий. Вам что-нибудь известно о подпространственной баллистике?

— Кое-что известно, — неопределенно сказал молодой человек.

— Так вот, зная вектор скорости при старте — ах, какой это был старт! — мы можем определить положение точки в пространстве. К счастью, сверхплотные пучки движутся быстрее любого физического объекта, так что нам удалось сконцентрировать силы в заданной области за несколько минут до его появления в корабельной системе отсчета. Предугадать его дальнейшие действия — дело техники. Он предпринял несколько маневров, пытаясь сбить нас со следа, но мы не потеряли бдительности. За несколько минут мы добрались до той временной точки, где он начал пере-

давать информацию, — клянусь, мы действовали эффективно, как всегда. Мы настигли его и разнесли на атомы. У нас не оставалось другого выхода. Ведь мы уже знали, на что он способен.

Собеседник покачал головой:

— А жаль. Интересно было бы разобрать эту штуку на части. Совершенно новая конструкция, пожалуй, такого я еще не видел.

Командор кивнул:

— Неизвестно еще, кто бы кого разобрал. Ясно одно: при создании этого аппарата применялись недоступные нам технологии, может, даже такие, о которых мы просто понятия не имеем. Шпион обманул рентгеновский контроль, идентификатор сетчатки глаза, термограф и аппаратуру функционального контроля — сами знаете. Он одурачил даже друзей того несчастного, чьим обликом завладел. И хотя орбитальная база взорвалась сразу после его исчезновения, обнаруженных нами обломков оказалось вполне достаточно, чтобы понять, что же находилось внутри. Так вот, могу вас заверить: все это не наше. И отдаленно не напоминает. Конечно, по фрагментам кое-что установлено, но даже самые элементарные устройства изготовлены совсем по-другому. Даже материалы, из которых они сделаны, нам неизвестны. Мы столкнулись с прискорбным фактом: робот и его орбитальная база созданы, сконструированы и посланы в нашу систему вражеской цивилизацией, о реальной мощи которой мы и представления не имеем.

— Но вы, наверное, уже что-то выяснили? — спокойно спросил тот, что помоложе.

Командор горестно покачал головой:

— Нет. К сожалению, нет. Конечно, кое-что выяснить удалось, но этого пока мало. Эта дрянь оказалась чертовски умной. Давайте посмотрим, что мы имеем на данный момент.

Крег развернулся в кресле и нажал кнопку. Пустая стена, вспыхнув ярким светом, превратилась в экран, усеянный множеством звезд.

— Конфедерация. — Командор указал на звезды, окрашенные красным. — Семь тысяч шестьсот сорок шесть миров, почти треть Галактики. Немалое достижение для периферийной расы! Есть планеты земного типа, планеты, к проживанию на которых люди адаптировались самостоятельно, даже шесть десятков планет с собственными разумными обитателями, которые приняли наш путь развития. И все это — наше. Ни одна из ныне известных цивилизаций не в состоянии соперничать с нами. Они вынуждены либо примириться с нами и принять наши правила игры, либо погибнуть.

Молодой человек не возражал. А зачем? Дитя этой культуры, он считал, что все так и должно быть.

— И вот, — продолжил командор, — мы столкнулись с цивилизацией такого же уровня, как наша, а возможно, и превосходящей нас в технической области. И выводы, надо сказать, неутешительные. Во-первых, с точки зрения нашей обычной политики экспансии. Разумеется, и другие развивающиеся цивилизации выходят за пределы своей исконной звездной системы. Но они первыми обнаружили нас, и это плохо. Они провели исследования и уже многое узнали о нас. Во-вторых, теперь неизбежно столкновение. Начнется борьба за жизненное пространство. В-третьих, судя по всему, они намного меньше нас и значительно слабее, хотя и обладают некоторым технологическим превосходством. Они готовятся к войне, но не уверены в победе. Иначе они бы уже напали на нас. Следовательно, им необходима информация — бездна информации. Как устроены наши вооруженные силы. Как организована система обороны и как она приводится в действие. А самое главное — каков образ нашего мышления. В-четвертых, они уже

какое-то время занимаются изучением нашей цивилизации, так что пока столкновение откладывается, и возможно, на годы. Нас, по всей видимости, случайно обнаружила группа разведчиков, которая, проводя глубинный поиск, сбилась с курса. А может, просто группа чрезмерно амбициозных индивидуумов. Они провели здесь достаточно времени, чтобы изготовить человекоподобного робота, разместить вокруг Главного Командования Вооруженных Сил орбитальные станции-шпионы да еще и организовать вербовку изменников, которые всех нас продали.

Последнее вывело молодого человека из состояния глубокой задумчивости.

— А? — спросил он.

— Да-да, — заверил командор. — Это умозаключение зиждется на том, что внешне они настолько не похожи на нас, что мы могли попросту их не заметить. Они явно оставили здесь замаскированных под людей роботов-шпионов — и кто знает, сколько? Я настолько запутался, что уже подозреваю весь штаб. И предателей — людей. Последнее, кстати сказать, явно в вашей компетенции.

Раньше Министерство безопасности представляло собой тайную полицию. Но последнее время оно гораздо меньше следило за повседневной жизнью граждан Конфедерации. Ситуация изменилась, и у полиции появились задачи поважнее.

Человечество уже давно приспособилось к этому миру. Поступившись неограниченной свободой, оно сохранило мощь и способность к развитию, причем не на какой-нибудь там одной планете, а во всей межзвездной империи, целостность которой гарантировали только всеобщий контроль и управление. На каждой планете — стандартная политическая система. Повсюду приняты одни и те же ценности, идеи и идеалы, у всех — одинаковый образ мыслей. При этом человечество сохранило гибкость, способность

адаптироваться к различным биосферным условиям и даже — как бы жестоко это ни звучало — к внеземным цивилизациям и чуждым формам жизни.

Разумеется, встречались и такие, кто не мог или не хотел приспособливаться. Зачастую они проходили процедуру «перевоспитания» — комплекс очень сложных методик социального обучения, — хотя некоторым не помогало и это. Например, особо чуждым инопланетным цивилизациям, которые в принципе не могли адаптироваться к общепринятой системе. Такие цивилизации безжалостно истреблялись. Кроме того, в каждой системе всегда найдутся индивидумы, которые, обладая и волей, и умением, обходят закон. Такие люди исключительно опасны, а потому их необходимо выявлять и либо отправлять на принудительное перевоспитание, либо уничтожать на месте.

— Прежде законы были помягче, — сказал командор Крег. — Только теперь наша система достигла абсолюта. А тогда неисправимых преступников отправляли в вечную ссылку на Ромб Вардена. Мы и поныне ссылаем туда тех, кто, обладая исключительными талантами, способен на крупные интеллектуальные достижения. Такая политика полностью окупается, хотя приходится отправлять туда ежегодно не меньше сотни человек.

— Так вот куда Чужаки отправились за помощью. Значит, робот пытался скрыться в Ромбе Вардена... — в ужасе прошептал собеседник капитана Крега.

— Угадали, — ответил Крег.

В мире, основанном на безукоризненном законодательстве, подобии и гармонии, на твердой вере в естественные законы, Ромб Вардена был просто сумасшедшим домом, воплощенным отрицанием всего и вся в Конфедерации.

Хальден Варден, разведчик Конфедерации, открыл эту систему лет двести назад, когда Ромб находился далеко за пределами административной зоны. Варден слыл чем-то вроде живой легенды — человеком, ненавидевшим общественное устройство, а заодно и других людей. С таким характером он бы долго не протянул, но в те времена уже существовала развитая отрасль психологии по выявлению социально опасных личностей, их изучению и использованию для общественно полезной деятельности. Только человеконенавистники вроде Вардена становились отшельниками, способными перенести многолетнее одиночество, сохранив нормальную физическую и психическую форму, столь необходимую разведчику глубокого космоса. Согласно стандартам Конфедерации, ни один здоровый человек был не в состоянии выполнять подобную работу.

И по этим меркам Варден был не то что не здоров, а просто тяжело болен. Он старался не задерживаться надолго в «цивилизации», приближаясь к обитаемым планетам только для заправки горючим и пополнения запасов. Он летал дальше, дольше и чаще, чем любой другой разведчик, а от количества сделанных им открытий просто захватывало дух.

К несчастью для руководства, Варден считал открытия своей единственной целью. И в погоне за ними забывал обо всем, в том числе и о предварительных исследованиях, и о подробных докладах. Не сказать, чтобы он полностью игнорировал планетную разведку — просто он старался как можно реже выходить на связь с Конфедерацией, часто доводя всех до белого каления.

Когда однажды в пункт управления пришел его сигнал «4ПП», все почувствовали предвкушение чего-то необыкновенного. Шутка ли, четыре пригодных для жизни планеты в одной системе! Соглас-

но теории вероятности, только одна из четырех тысяч звездных систем в среднем содержит что-либо подходящее для использования, не говоря уже о планетах земной группы. Сгорая от нетерпения, каждый хотел поскорее услышать, что столь немногословный разведчик сообщит о небесных телах. С трепетом ожидали, как этот безумный Варден напечатает новые планеты и поддастся ли дешифровке его очередное послание.

Действительность превзошла самые худшие опасения. Чем дальше уходил Варден, тем короче и непонятнее становились его двусмысленные сообщения.

— Харон, — говорилось в первом отчете. Затем следовала подробная характеристика: — Похожа на Ад.

— Лилит, — сообщалось далее. — Она прекрасна, но в траве затаилась змея.

— Цербер, — обозвал Варден третью планету. — На собаку похожа.

И последнее:

— Медуза. Как посмотришь — сразу окаменеешь.

Затем шли координаты и новая информация, подтверждавшие, что Варден провел дистанционное обследование планет. То, что он не высаживался, не вызывало сомнения. Завершали сообщение символы «ZZ», которые привели всю Конфедерацию в еще большее смятение. Эти буквы означали наличие чего-то очень странного, так что изучение новых территорий требовалось проводить с исключительной осторожностью.

Так как безумный Варден не сообщил больше ничего, Конфедерация решила снарядить обыкновенную экспедицию из двухсот самых лучших, самых опытных исследователей и разместить на четырех больших крейсерах с боевым вооружением.

Самым неприятным в варденовских описаниях было то, что, несмотря на всю свою лаконичность, почти всегда они оказывались правдивыми. Но вот

что именно он хотел сказать, оставалось непонятным до тех самых пор, пока вы сами не попадали на планету.

Когда корабль вышел из гиперпространства, глазам ученых предстало совершенно необычное зрелище: горячая звезда F-типа со сложной системой из газовых планет-гигантов (а у каждой — свое кольцо), огромные астероиды и множество планет с привычной твердой поверхностью. Внутри системы, недалеко от звезды, находились четыре планеты, изобилующие кислородом, азотом и водой, — четыре драгоценных приобретения Конфедерации, всем своим видом сообщавшие о наличии на них жизни. Ближайшая планета находилась в 158 миллионах километров от звезды, а самая дальняя — в 308 миллионах. Тем не менее в момент прибытия экспедиции их взаимное расположение оказалось странным, просто невероятным: небесные тела выстроились точно по вершинам ромба. Хотя подобная геометрия являлась просто счастливым совпадением и повторялась очень редко, планеты получили еще одно, общее название — «Ромб Вардена». Даже самые безнадежные материалисты восприняли это как знамение. Как и Варден, они не стали торопиться с высадкой. Последовало длительное зондирование, автоматический забор проб, анализ, но... ничего подозрительного. Планеты не отличались ничем сверхъестественным, разве что были подозрительно хороши. Вскоре первоначальные страхи и сомнения рассеялись и члены экспедиции слегка расслабились. Возникла смелая гипотеза, что Ромб Вардена — плод инженерной деятельности неизвестной древней цивилизации, но никаких доказательств обнаружено не было.

Экспедиция с максимальными мерами предосторожности приступила непосредственно к исследованиям.

Харон, ближайшая к звезде планета, оказалась очень горячей. Практически постоянно там шли сильные дожди. На поверхности обитали крошечные ящеры, и, хотя их с некоторой натяжкой можно было считать страшными и даже опасными, ничего невероятного они собой не представляли. Опасность скорее всего таилась в глубинах океана, занимающего большую часть планеты, но исследовать его могла только экспедиция, базирующаяся на планете. Сушу покрывали непроходимые джунгли; наклон оси составлял 6 градусов, температура на поверхности изменялась в пределах 28 — 60 градусов по Цельсию. Благодаря удачному расположению материков-континентов планета вполне подходила для жизни. Но не отличалась гостеприимством.

Да, пожалуй, Харон действительно был похож на Ад.

Следующая планета, Лилит, являла собой хрестоматийный пример планеты, пригодной для жизни. Чуть поменьше Харона; 70 процентов поверхности покрыто водой; более умеренный климат и более приятный пейзаж. Невысокие горы, обширные равнины и топкие болота в низинах — замечательное разнообразие ландшафта при отсутствии сколько-нибудь серьезных опасностей. Наклон оси — 84 градуса, почти как у Земли, небольшие сезонные изменения климата. Правда, большей частью здесь стояла сильная жара — температура нередко поднималась до 40 градусов по Цельсию и даже выше; минимальная температура составляла 20 — 25 градусов.

Леса, напоминавшие вечнозеленые джунгли, составляли зеленый массив планеты, и хотя деревья мало походили на земные, сочные плоды оказались вполне съедобными. В фауне доминировали насекомые самых разных форм и размеров — от гигантов,

смахивающих на бегемотов, до крошечных созданий, размером с булавочную головку. Именно такие планеты и нужны были Конфедерации, и именно такие планеты практически никогда ей не попадались. Просто настоящий, воочию явленный Эдем. И — что самое главное — никакой змеи в траве. Пока.

Цербер оказался более суровым. При 25-градусном наклоне оси сезонные изменения климата были очень сильными и резкими, так что в то время как на экваторе температура поднималась до сорока градусов по Цельсию, на полюсах царила лютая стужа. Но самая большая неприятность ждала на поверхности, практически полностью поросшей разноцветными лесами. Приземление оказалось делом нелегким, площадку удалось найти с немалым трудом. Огромные, растущие со дна океана деревья вытянулись вверх на многие километры и образовали местами столь плотный покров, что на него, как выяснилось, можно было спокойно сажать тяжелые межзвездные корабли. На вершинах этого удивительного полуподводного леса рос, в свою очередь, еще один лес, так что вместе они образовывали уникальную экосистему. Животный мир составляли преимущественно птицы, хотя попадались и насекомые. Наземные животные практически не встречались, но о том, что творилось в глубинах совершенно не изученного океана, можно было только догадываться. Человек вполне мог селиться на верхушках этих деревьев и даже строить большие города — странный, чуждый, но не такой уж и непривычный мир. Здесь не имелось никаких природных ресурсов, кроме древесины, и обеспечить принятый в Конфедерации уровень жизни было практически невозможно. Здешние поселения вряд ли могли считаться надежными и долговечными. Планета действительно чем-то напоминала собаку, и тут Варден не ошибся.

Самой дальней и самой негостеприимной оказалась Медуза, блистающая замерзшими морями, ослепительным снежным покровом и громадными остроконечными горными вершинами. Наклон оси в 19 градусов обеспечивал сезонные изменения климата; что лишь ухудшало ситуацию: летняя температура в тропических широтах не превышала 20 градусов по Цельсию, а в полярных областях царил невероятный холод. Несмотря на сильное оледенение, только здесь наблюдалась значительная вулканическая активность. Тут тоже встречались лесные массивы, но большую часть свободной ото льда территории занимали тундра и зеленые луга, где паслись стада млекопитающих. Встречались и свирепые злобные хищники. Этот суровый, жестокий мир вполне можно было покорить и заселить. Однако и тут невозможно было не согласиться с Варденом — чтобы по собственной воле поселиться на Медузе, нужно просто окаменеть или по крайней мере обладать каменным сердцем.

Четыре планеты — от раскаленного ада до ледяной тундры. Четыре планеты, температурный режим которых допускал биологическое существование, а вода и воздух вполне подходили человеку. Невероятно, фантастично, разум отказывался верить в такую удачу, однако все это оказалось правдой. Исследовательская экспедиция разбила лагерь на берегу живописной лагуны — разумеется, на Лилит. А отсюда уже отправлялись небольшие команды на остальные планеты.

По поводу трех из четырех открытых им планет Варден явно был прав, но его сомнения относительно Лилит казались беспочвенными. Может, он решил, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой. А может, шестое чувство подсказало. А может...

Исследовательская бригада на Лилит находилась в условиях полного карантина. Предварительное

изучение занимает не меньше года, в течение которого за учеными наблюдают, как за подопытными кроликами, подобно тому как сами специалисты исследуют особенности новой планеты. Они располагали только небольшим челноком, пригодным самое большее для полетов между планетами Ромба Вардена. Любые непосредственные контакты с представителями Конфедерации запрещались — слишком велик был риск. Слишком долго человечество не знало подобного везения.

...Змее, затаившейся на Лилит, потребовалось примерно полгода, чтобы составить представление о пришельцах.

Когда внезапно сломались все механизмы, было уже слишком поздно. Люди беспомощно смотрели, как приборы и устройства теряют энергию, словно неизвестное существо залпом осушало их. За двое суток вся механика, все оборудование, все рукотворные предметы — все превратилось в груды хлама. В результате погибли четыре человека; уцелевшие, оцепенев от ужаса наблюдали, как буквально на глазах разлагаются трупы.

А потом еще неделю исчезали последние следы пребывания на планете представителей чуждой расы. С каждым днем поверхность очищалась от всего чужеродного: металл, пластик, органические и неорганические компоненты — все ржавело, растворялось, рассыпалось, и, наконец, не осталось ничего, кроме мельчайших частиц, мгновенно поглощавшихся жирной почвой, да шестидесяти двух голых ошарашенных ученых.

Неделей раньше был восстановлен прямой контакт с группами, находившимися на других планетах Ромба Вардена. На Лилит побывали представители каждой из них. Они намеревались поделиться инфор-

машией, продемонстрировать результаты и решить, что делать дальше. Так и случилось: исследователи общались, анализировали данные, готовили доклады. А потом вернулись на свои планеты, даже не подозревая, что прихватили с собой змею.

Группа ученых на борту орбитального крейсера тут же взялась за дело. Роботы с дистанционным управлением, срочно отправленные на планету, нашли то, чего не заметил никто, кроме Вардена. В пробах присутствовал необычный микроорганизм, который внедрялся в клетки и образовывал колонии. Не будучи разумным в общепринятом смысле слова, он обладал потрясающими способностями, позволившими ему фактически подчинить себе всю планету, и невероятными возможностями приспосабливаться к условиям новой среды обитания и преобразовывать ее в соответствии со своими потребностями. Хотя время жизни отдельного организма не превышало трех—пяти минут, все они обладали удивительным свойством ускорять процессы в сотни и даже в тысячи раз. За шесть месяцев они приспособились к новым организмам, появившимся на планете, а затем преобразовали их, подстроив под себя.

Но другие планеты отличались от Лилит — отличались атмосферно-климатическими условиями, гравитацией, уровнем радиации и многим-многом другим. И поскольку окружающую среду микроорганизмы преобразовать не смогли, им пришлось приспосабливаться. В некоторых случаях — например, на Медузе — они преобразовали сначала организм-носитель, человека, а затем животных и растения. На Хароне и Цербере они нарушили экологический баланс, что, естественно, привело к вторичным изменениям всего живого. Зато микроорганизмы с полным комфортом устроились внутри живых существ.

Вот так Ромб Вардена превратился в карантинную зону. Ученые лихорадочно искали методы борьбы с

неожиданной напастью. Для начала несколько несчастных поместили в изолятор. Но это не помогло: что-то связывало микроорганизмы с планетой, и вдали от нее они погибали, убивая заодно и людей-носителей. Без микроорганизмов, взявших на себя функции контроля за биохимическими процессами, клетки становились неуправляемыми, что влекло за собой ужасную и мучительную, но, по счастью, быструю гибель.

Как ни странно, на других планетах микроорганизмы претерпевали столь сильные мутации, что напрочь теряли связь с Лилит и, достигнув устойчивого равновесия со средой, прекращали дальнейшее развитие.

Итак, выяснилось, что люди в принципе могут жить и работать на планетах Вардена. Но, однажды туда попав, вынуждены оставаться там до конца дней. Обратной дороги не было.

Конечно, подобные мелочи не могли остановить ученых. Они потихоньку обживались на новом месте, строили поселения. Правда, весь инструмент приходилось изготавливать вручную и только из местного материала.

Так прошло два столетия, появились новые поселенцы. Но Ромб Вардена по-прежнему хранил свои тайны.

И тогда правительство Конфедерации решило превратить эти четыре планеты в идеальную, абсолютно надежную тюрьму. И в Ромб Вардена, один за другим, полетели корабли с заключенными.

Сюда отправляли всех: мужчин, женщин, детей... — всех, кто обладал выдающимися способностями, своего рода гениев. Представителей высокопоставленных семейств, к которым нельзя было применить процедуру изменения психики. Бесчисленное множество политзаключенных — короче, всех, кто не мог или не хотел жить по законам Конфедерации. В результате здесь собрался весь цвет «антиобщественного общества», вся

криминальная и политическая элита. И все они жили на планетах Вардена, женились, выходили замуж, рожали детей и умирали...

Они даже занимались производством и коммерцией. Конечно, все вывозимые с планет товары подвергались тщательной обработке. Все микроорганизмы уничтожались еще на орбите, на борту специальных спутников с автоматическим управлением.

Зато благодаря торговле те преступники, которые еще оставались на свободе, могли беспрепятственно переправлять на Ромб Вардена деньги, драгоценности, произведения искусства. И действительно, разве можно найти более надежный тайник? А на Лилит, где нельзя было хранить предметы материальные, хранилась информация: номера банковских счетов, государственные тайны, имена, названия... Все то, что нельзя доверить даже компьютеру.

На Ромбе Вардена выжидали сильнейшие. Сильнейшие управляли планетами. Сильнейшие держали в руках всю торговлю. Сильнейшие обладали бесценной информацией.

Четыре великих короля преступного мира — Четыре Властителя Ромба — стали обладателями секретов, бесценных сокровищ и «грязных» денег. Их влияние распространилось на всю Конфедерацию, хотя сами они навсегда стали изгоями.

— Итак, Четыре Властителя Ромба нас продали, — выдохнул молодой человек. — Почему бы попросту не уничтожить все четыре планеты? Я бы сказал, что для нас это лучший вариант.

— Я-то не против, — согласился командор Крег, — но только действовать надо было раньше, пока они еще не обладали такой властью и такими связями.

Молодой человек откашлялся.

— Понятно, — несколько брезгливо ответил он. — Тогда, может, нам следует создать там агентурную сеть? Разобраться наконец кто есть кто?

— Да-да, именно это мы и пытались сделать, — ответил Крег. — Только ничего у нас не вышло. Ну посудите сами, кто же, в здравом уме и трезвой памяти, добровольно согласится на вечную ссылку да еще и на симбиоз с микроорганизмами? Разве что законченный фанатик. Ну, найдем мы такого, извините, пристукнутого фанатика. А дальше что с ним делать? Какой из него разведчик? Вы что думаете, властители такие дураки? Ничего подобного! Они подвергают всех вновь прибывших серьезнейшей проверке. Кроме того, у них полным-полно информаторов в нашем правительстве. Я считаю, что туда необходимо внедрить одного профессионального агента экстра-класса, а не громоздкую разведсеть, которую мгновенно вычислят и уничтожат. Правда, должен сказать, один из нынешних властителей, по существу, и есть такой агент.

— Что?!

— Да-да, — командор Крег кивнул. — Точнее, был таковым. Он считался наилучшим разведчиком, знавшим все ходы и выходы, и к тому же Ромб Вардена пришелся ему весьма по душе. По его словам, Конфедерация ему надоела. Его забросили на Лилит, поставив задачу внедриться в местную иерархию. Самое удивительное, что ему это удалось. Да еще как удалось! Он пролез на самый верх. Вся беда в том, что, пока он делал карьеру, мы не получали от него практически никакой информации. Теперь он стал нашим врагом. Вы меня понимаете?

— Да уж, — сочувственно протянул молодой человек. — Вам не на кого надеяться в Ромбе Вардена. А тем временем они преспокойно продают нас пришельцам.

— Именно, — согласился Крег. — Теперь понимаете, какая складывается ситуация? Мы, разумеется, готовим новых людей. Но гарантий никаких. Конечно, мы кое-чем их заинтересовали — небольшими услугами, всевозможными побрякками, некоторых — откровенным шантажом. В общем, определенные стимулы существуют, но только всех их, вместе взятых, все равно недостаточно. Ведь Четыре Властителя не прощают измены. Единственное наше преимущество в том, что планеты открыты недавно и пока еще мало заселены. На каждой планете своя социальная структура и иерархия.

Молодой человек кивнул:

— Я, кажется, догадываюсь, к чему вы клоните. Однако должен напомнить, что вы рассказали мне о предыдущих агентах. Меня это не устраивает. Я должен работать один.

— Нет-нет, все не так уж плохо, — ухмыльнулся командор Крег. — Вы, конечно, чертовски хороший детектив, и сами об этом знаете. Вам предстоит выследить противника и расстроить его планы. Перехитрить самые мощные компьютеры и самых выдающихся преступников, а ведь вы еще так молоды — вы самый молодой инспектор за всю историю Конфедерации. Перед нами две проблемы. Во-первых, надо выявить силы противника и определить их происхождение. Выяснить, кто они, откуда и каковы их намерения. Хотя может статься, что мы уже опоздали. Во-вторых, надо нейтрализовать наводчиков и информаторов Четырех Властителей. Как вы собираетесь все это сделать?

Молодой человек усмехнулся:

— Перекупить их у инопланетян. Предложить работать на нас.

— Невозможно. Мы уже думали. Ни деньги, ни власть им не нужны — и того, и другого у них в избытке. Да, мы в состоянии изолировать их от осталь-

ной Вселенной, и раньше перед такой угрозой они были бессильны. Но теперь у них появился мощный союзник. Я боюсь, что ими движет месть, и в этом случае мы ничего не можем поделать, даже пообещать им смягчить наказание. Ведь все исследования этого микроорганизма зашли в тупик. А у этих... Чужаков научный потенциал поболее нашего. У нас нет ни одного козыря.

— Тогда следует заслать на каждую планету наших людей, которые должны выйти на прямой контакт с инопланетянами. В конце концов кто-то ведь должен передавать им информацию и программировать их машинки, вроде этого вашего фантастического робота.

— Согласен. Тот, кто сможет выжить в подобных условиях и даже жить припеваючи, вероятно, способен накопить информацию и продать ее. Но только как нам выиграть время?

Молодой человек снисходительно улыбнулся:

— Очень просто. По крайней мере просто сказать. Ну, а сделать, боюсь, невозможно. Нужно уничтожить всех властителей. Всех четырех. Разумеется, рано или поздно появятся другие, но мы все равно выиграем на этом несколько месяцев, если не лет.

— Мы уже думали над этим, — согласился Крег. — И смоделировали ситуацию на компьютерах. Выдающийся детектив, всецело преданный Конфедерации, доброволец, обладающий лицензией на убийство. Таких нужно четверо плюс координатор, поскольку каждый будет работать самостоятельно. Плюс еще несколько агентов на всякий случай: мало ли что, всяко бывает. Тщательно изучив ситуацию, мы пришли к выводу, что единственная подходящая кандидатура — это вы.

Молодой человек криво усмехнулся:

— Так я и думал. А еще кто?

— Никто. Только вы.

Впервые за все время собеседник командора растерялся. Он непонимающе нахмурился:

— Только я?

— В принципе есть и другие кандидатуры, но все они либо менее надежны, либо не отвечают всем перечисленным требованиям, либо решают прочие жизненно важные задачи, либо находятся в настоящий момент на периферии.

— Тогда возникают еще две проблемы. Во-первых, вам надо решить, каким образом я могу добровольно согласиться на подобное задание, и, во-вторых, каким образом вы... — Он осекся. — Мне кажется, я знаю...

— Мне кажется, что вам правильно кажется, — съязвил командор Крег. — Это, вероятно, самый охраняемый секрет во всей Конфедерации, но процесс Мертон уже освоен. И процент отрицательных результатов невелик.

Молодой человек, рассеянно кивнув, погрузился в размышления. Когда год назад ему присвоили звание инспектора, его первым делом отвели в незнакомую, тщательно охраняемую лабораторию и погрузили в состояние гипноза. Он не совсем понял, что именно с ним произошло, но после этого у него три дня сильно болела голова, что только возбудило его любопытство. Процесс Мертон. Разгадка бессмертия. Он потратил уйму времени, пытаясь раскрыть этот секрет, но ему удалось понять одно: в Конфедерации работают над технологией, которая позволит записать весь объем памяти человека, всю структуру его личности, а затем переписать накопленную информацию в другой мозг, например в точную клонированную копию мозга этого человека. Он также узнал, что предыдущие попытки копирования личности заканчивались неудачно. Он высказал командору все свои сомнения.

— Всякое бывало, — не стал спорить Крег, — но на ранних стадиях исследований. Клонированные

копии мозга не способны поглощать такой материал. Формирующийся в искусственной среде мозг образует собственные, отличные от прототипа базовые структуры, и при передаче информации они необратимо разрушаются. Однако мы в состоянии извлечь из мозга всю информацию, а затем, очистив мозг-донор, вернуть ее обратно. Следующая стадия — передача информации акцептору. Естественно, предварительно уничтожив всю прежнюю информацию, содержащуюся там. Процедура это чрезвычайно сложная. Сейчас нам удастся безупречная транспортировка личности в одном случае из двадцати.

— А что с другими девятнадцатью? — спросил молодой человек с едва скрываемым любопытством.

Командор Крег пожал плечами:

— Они либо погибают сами, либо нам приходится их устранять. Для экспериментов используются только откровенно асоциальные элементы, которые все равно должны подвергаться процедуре перевоспитания или же уничтожаться. Как вы, очевидно, знаете, структуру вашей личности мы переписали четырнадцать месяцев назад. Остается только сделать четыре ваших копии. И все четверо, внешне абсолютно непохожие друг на друга, будут вести себя идентично. Они будут *вами*. Если потребуются, мы сделаем не четыре копии, а гораздо больше. Итак, мы создадим четыре копии. Каждая сохранит память о своем уголовном прошлом. Каждая будет заброшена на одну из планет Ромба Вардена. А что касается вас... Вы будете координировать операцию.

На сей раз молодой человек молчал примерно минуту.

— Н-н-ну ладно, будь я проклят! — воскликнул он наконец.

— Четырежды проклят, — отозвался Крег. — Как видите, вы ничем не рискуете. У нас уже есть информация о вашей личности.

Молодой человек вновь впал в задумчивость:

— Но ведь потребуются сведения и о последних событиях. Нельзя же отправить мои копии, не вложив в них данные о том, что произошло за эти четырнадцать месяцев. Хотя бы вот об этом нашем разговоре.

— Разумеется, — закивал Крег. — Но я, например, ежегодно сбрасываю накопленную информацию. Ничего страшного, так, небольшая головная боль; если в первый раз запись удалась, потом все идет как по маслу.

— Это утешает, — неуверенно пробормотал инспектор, вспоминая, что во время первой записи он даже не был поставлен об этом в известность. Подавив эти мысли усилием воли, он спросил:

— Каким образом будут поступать необходимые для корреляции данные? Даже если моим копиям удастся разузнать то, что вас интересует, как я получу информацию?

Командор Крег, выдвинув ящик стола, достал маленькую коробочку. Он осторожно открыл ее и протянул инспектору.

— С помощью вот этого.

«Вот это» оказалось крошечной бусинкой из непонятного материала, столь маленькой, что ее трудно было разглядеть даже на фоне черного бархата.

— Следящий имплантант? — скептически поинтересовался молодой человек. — И что, правда помогает?

Все полицейские хорошо знали это устройство. Его легко можно было вживить в тело и практически невозможно обнаружить. Никакого обслуживания оно не требовало. Зато позволяло элементарно определить местонахождение человека.

— Помогает-помогает, — сказал командор. — Только это не то, что вы думаете. Оно действительно основано на обычном имплантанте, но усовершенствовано с помощью Мертон-технологии. Оно вживляется в определенный участок мозга и позволяет под-

держивать устойчивую связь только между людьми с идентичными характеристиками. С помощью специального приемника мы найдем носителя устройства в любом уголке планеты, обеспечим постоянный контроль за его передвижениями, а также примем и усилим сигналы, которые поступят затем на Мертон-регистратор. Таким образом проводится «мягкая» перезапись накопленной мозгом информации, совершенно безвредная и необременительная процедура — ребята из группы Мертон утверждают, что это напоминает просмотр фильма. Только такая запись в отличие от фильма содержит абсолютно полную картину всего, что произошло с вашей копией. Находясь на патрульном корабле с максимальным комфортом, вы практически непрерывно будете получать агентурные данные. Само устройство изготовлено из квазиорганики, так что даже на Лилит, в среде, нетерпимой к инородным элементам, оно сработает безупречно. Эта система связи уже опробована. Мы снабдили двух ссыльных такой штуковиной, разумеется, как вы сами понимаете, не поставив их в известность. Так вот: система работает отлично.

Молодой человек только кивнул.

— Вы, кажется, о чем-то задумались?

Последовала недолгая пауза.

— А если после всего услышанного я передумаю?

Или, предположим, мои... эээ... «альтер эго» решат действовать самостоятельно?

Командор Крег зловеще улыбнулся:

— Вы все-таки подумайте над моим предложением. Мы сделаем вас бессмертным — если вы справитесь с заданием. Выше награды не существует. Вы атеист и знаете, что когда умрете, то умрете навсегда. Но мы сделаем ваше существование вечным. Вы не находите, что это предложение более чем заманчиво?

Инспектор пристально посмотрел на собеседника.

— Хотел бы я знать, как к этому отнесутся они? — прошептал он.

Четыре Властителя Ромба. Четыре невероятно могущественных и проникающих человека, способных на любое преступление. И загадка пришельцев, готовых уничтожить человечество. Пять проблем, пять загадок.

Да, никакая это не награда. Это приказ.

3

Базовый корабль достигал семи километров в длину. Он дрейфовал примерно в четверти светового года от Ромба Вардена. Сконструированный как маленькая искусственная планета, корабль полностью обеспечивал себя всем необходимым, а команду — сверхкомфортным существованием.

С нижних палуб регулярно вылетали патрульные пилотируемые корабли. Беспилотные же аппараты непрерывно кружили по всей системе Ромба Вардена, снабжая базовый корабль исчерпывающей информацией. Затем сообщения передавались искусственным спутникам внутри системы. В образованный таким образом периметр защиты допускали только военных, но даже персонал военных кораблей никогда не опускался на поверхность. При любой попытке войти в охраняемую зону корабль-нарушитель велено было захватить, а в случае сопротивления — уничтожить. Но всё равно, при всем при том, вероятность прорваться сквозь линию защиты оставалась. Чем и воспользовался противник, благополучно обманув людей и самую современную технику.

Разумеется, появление на базовом корабле необычного пассажира не могло пройти незамеченным. О секретном характере его миссии знали все, и его происхождение и выполняемые здесь задачи вызыва-

ли на корабле самые невероятные слухи, хотя даже адмирал не был посвящен в эту тайну.

Вместе с необычным пассажиром прибыл модуль, который установили на жилой палубе в отсеке Службы безопасности. Здесь таинственный незнакомец мог выполнять свое задание, не опасаясь посторонних глаз; модуль оберегали гвардейцы Службы безопасности, тоже, впрочем, не имевшие ни малейшего представления о том, кого и зачем они стерегут. Более того, они — так же, как и адмирал — не имели права войти внутрь ими же охраняемого модуля. Пропускной пункт реагировал только на биотоки мозга, акустический спектр голоса, образцы сетчатки глаза, структуру ДНК таинственного незнакомца, — словом, на все, что только могли придумать параноики из Службы безопасности.

Хотя незнакомец находился на борту уже несколько месяцев, никто не знал его имени. Не сказать, чтобы он сознательно избегал общества — нет, он регулярно занимался спортом, обедал вместе с остальными и даже пропускал рюмочку-другую с некоторыми членами экипажа, особенно с женщинами, которых он очень интриговал. Молодой, симпатичный, веселый, спокойный. Но за все это время он ни намеком не приоткрыл окружающую его завесу таинственности. Зато офицеры безопасности заметили, что он обладал исключительной способностью выводить у собеседника самое сокровенное.

Почти ежедневно незнакомец проводил несколько часов в своей маленькой каюте; ночевал он всегда только там. Службисты ломали головы, пытаясь разгадать его тайну. Предположений высказывалось множество. И ни одно не было правильным.

Войдя в модуль, он слышал жужжание зуммера и впервые ощутил восторг и радостное возбуждение в

предвкушении работы. Он подошел к большому креслу, уселся поудобнее и разместил на голове несколько миниатюрных зондов-датчиков.

Некоторое время он плывал в тумане полугипнотического забытья, но потихоньку в мозгу начали формироваться расплывчатые образы, постепенно приобретая определенность, ясность, заполняя его мысли. Наркопрепараты и маленькие нейронные зонды сделали свое дело: его собственное «я» куда-то исчезло, отодвинулось на второй план, и возникло нечто новое.

— Агент к докладу готов, — сообщил компьютер, посылая команду в глубины его сознания, ставшего теперь не только его собственным.

Передаваемая с поверхности информация, проходя через управляющий компьютер, преобразовывалась, сортировалась и систематизировалась, превращаясь в связный рассказ.

Включились записывающие устройства.

Человек в кресле откашлялся. Ему потребовалось больше трех часов, чтобы невнятные междометия превратились в осмысленную речь. Компьютер терпеливо ждал, пока человеческий мозг переварит невообразимые массивы информации.

Наконец он заговорил.

ГЛАВА 1

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

После беседы с Крегом я несколько дней приводил в порядок свои дела — что оказалось непросто, — а потом меня направили в клинику. Службы безопасности. Мне доводилось бывать здесь и раньше, но я никогда не подозревал об истинной цели своих посещений. Обычно здесь программировали агентов перед очередной операцией и восстанавливали сознание после ее завершения. Наша деятельность зачастую выглядела не совсем легальной, экстралегальной — я предпочитаю называть ее именно «экстралегальной», а не просто «нелегальной», что, по-моему, подразумевает откровенно уголовные намерения. Многие наши операции еще не рассекречены, и, чтобы предотвратить любую утечку информации, мозг агента подвергается информационной чистке.

Кому-то такая жизнь, при которой не знаешь, где ты был вчера, может показаться весьма странной, но есть у нее свои преимущества. Все потенциальные враги — и политики, и военные — знают о чистке памяти, и потому вам не о чем беспокоиться. Никому и в голову не придет поквитаться с вами за прежние дела — вы уже ничего не знаете о них. Неизбежные неудобства с лихвой компенсируются обеспеченным существованием, практически неограниченными финансовыми возможностями и полным комфортом. Мне не возбранялось жить в самых роскошных отелях, питаться в лучших ресторанах, позволять себе любые развлечения и мелкие шалости — я чувствовал

себя просто великолепно и постоянно находился в прекрасной форме. Я наслаждался каждым мгновением жизни и, исключая регулярные занятия по переподготовке — месячные или полуторамесячные курсы, слегка напоминавшие курсы общей военной подготовки, только более грязные и жестокие, — вел жизнь богатого повесы, практически не сталкиваясь с житейскими проблемами. Собственно, цель регулярных занятий как раз и состояла в том, чтобы проверить, не размягчились ли ваши мозги от этой сытой и слегка бестолковой жизни, не ослабла ли воля. Вживленные датчики непрерывно контролировали самочувствие и определяли, когда именно необходимо хорошенько встряхнуться.

Меня зачастую удивляла крайне изощренная встроенная система наблюдения за здоровьем.казалось, целый штаб Службы безопасности неусыпно следит за ходом моих deboшей, готовый немедленно предупредить меня о грозящей опасности; со временем, однако, я научился игнорировать их.

Жизнь агента была прекрасной и беззаботной. Да и не только агента. Обитателей наиболее цивилизованных планет тоже снабжали подобными датчиками, хотя вряд ли столь же сложными и хитроумными.

Правда, когда приходила пора отправляться на очередное задание, требовался весь опыт предыдущих операций. Простое уничтожение накопленной информации без ее хранения и осмысления было бы крайне непрактично; даже самый хороший агент становился еще лучше, избегая повторения собственных ошибок.

Так что в первую очередь вас помещали в клинику, где хранилась информация, стертая в свое время из вашего мозга. Информацию благополучно возвращали на место, и вы вновь были готовы к исполнению долга.

После такой операции я всегда поднимался кресла потрясенный. Но сейчас процесс затро: более глубокий уровень. Когда я выйду из клиники я буду знать не только все, что когда-либо делал своей жизни, я узнаю многое и о других людях, об сознании, теле, узнаю так много, что смогу запрос: стать любым из «них».

Что же будут любить *они*, четыре моих «ал: тер эго»? Совершенно разные физически, они, впо: не возможно, выходцы одного из миров, пока еще н: цивилизованного, жители которого не успели под: вергнуться стандартизации во имя полного равенства. Нет, эти люди наверняка родом с самой окраины: торговцы, шахтеры или пираты, без которых распростра: нение цивилизации оказалось бы невозможным; именно они обладают индивидуальностью, самоуве: ренностью, творческим началом — тем, без чего не: выдюжить в сложнейших ситуациях. Идиоты-прави: тели могли бы уже давно уничтожить всех, кто хоть: чем-то отличается от обычных стандартов. К счастью, в своем идиотизме они зашли так далеко, что давно: уже утратили необходимую для подобной расправы: волю и энергию.

Вот потому-то они и основали резервацию на: Ромбе Вардена. Многие первопроходцы были на: столько яркими личностями, что стали угрожать без: опасности Конфедерации. Проблема состояла в том, что индивидуум, способный разрушить общественные: устои, должен обладать настолько мощным интеллек: том, насколько это вообще возможно в человеческом: обществе, а стало быть, и бороться с ним практически: некому. Ромб оказался очень удобной ловушкой. Люди творческие сохраняли там все свои способнос: ти. А Конфедерация постоянно черпала из этого не: иссякаемого источника новые идеи.

Да и тамошним уголовникам грех было бы жало: ваться на судьбу. Ссылка заменяла смертную казнь.

* * *

...Проклятые зонды причиняли нестерпимую боль. Обычно вслед за легким покалыванием приходил сон, а через несколько минут вы возвращались к реальности, вновь осознавая себя. Но сейчас покалывание превратилось в невыносимую боль, обручем сдавившую череп. Казалось, у меня перехватили управление собственным мозгом. Словно гигантская рука стиснула его изо всех сил, периодически ослабляя хватку. Я потерял сознание.

Очнувшись, я застонал. Боль исчезла, но память о боли осталась. Несколько минут я пролежал неподвижно, пытаясь понять, кто я и где нахожусь, затем, собравшись с силами, поднялся и сел.

Воспоминания на миг отступили и вновь захлестнули меня. Интересно, прошли мои дубли какую-либо подготовку или нет? Ведь их память по завершении операции очистить уже не удастся. А потом я внезапно осознал, что, получив мою ментальную информацию в полном объеме, они просто-напросто погибли бы. Да и вообще, в Ромбе Вардена сгинуло гораздо больше секретов.

Вокруг что-то изменилось: такого со мной еще не бывало. Оглядев небольшую комнату, я внезапно понял причину тревоги.

Это не клиника Службы безопасности! Я сидел на узкой койке в небольшой тесной каюте. Рядом с койкой виднелась миниатюрная раковина, стандартный пищепорт. В стене напротив — встроенный туалет. И все? Или есть еще что-то?

Я огляделся внимательнее. Ну конечно, полный визуальный контроль. Дверь закрывалась так плотно, что щель практически невозможно обнаружить. О том, чтобы открыть ее изнутри, нечего и мечтать. Теперь понятно, где я.

Тюремная камера.

Но, что еще хуже, я ощутил слабую вибрацию, порождаемую отнюдь не единственным источником. Само по себе это не столь уж неприятно, но я-то прекрасно знал ее происхождение. Я находился на борту космического корабля.

Я встал, испытав легкое, мгновенное головокружение, и оглядел себя. Я оказался весьма мускулистым: тело принадлежало человеку, хорошо знакомому с тяжелым физическим трудом. В нескольких местах его рассекали шрамы, явно не от скальпеля хирурга; с удивлением я обнаружил два следа ножевых ранений.

Почти всюду пробивались жесткие волосы. Грудь, руки, ноги — мне еще не доводилось встречать у людей такого оволосения. Не могу утверждать наверняка, но, похоже, меня наградили нечеловеческими сексуальными способностями. Неизвестно сколько я простоял так в полнейшем изумлении.

— Я теперь не я! — крутилось в голове. — *Я один из моих «альтер эго»!!!*

Вновь усевшись на койку, я еле разобрался в сложившейся ситуации. Ведь я знал, кто я такой на самом деле, помнил каждое мгновение своей жизни...

Первоначальный шок сменился гневом — гневом и бессилием. Отныне я всего лишь копия, марионетка в руках того, кто управляет каждым моим шагом, каждой моей мыслью. Я возненавидел его, возненавидел с нечеловеческой страстью, в которой не было ничего рационального. Сейчас этот гад сидит где-то в тепле и безопасности, наблюдает за каждым моим шагом, а когда все закончится, вернется к сытой и беззаботной жизни, а я...

Они хотят забросить меня на одну из планет Ромба Вардена, захлопнуть в ловушке, как какого-нибудь преступника, заключенного отныне и во веки веков, безо всякой надежды на избавление. А что потом? Когда я выполню задачу? Внезапно меня

осенило. Я ведь знаком с подобными вещами! За мной будут постоянно следить и тут же ликвидируют, стоит только сболтнуть лишнее. Вообще меня уберут в любом случае.

Здесь дала о себе знать моя подготовка; мысли постепенно освобождались от сумбура и ужаса. Я сосредоточился на том, что мне известно.

Контроль? Конечно. Да еще какой! Я вспомнил слова Крега о какой-то органической линии дистанционной связи. Ну как тебе это нравится, сукин сын? Словил кайф?

Я вновь попытался справиться с эмоциями. Все это ровным счетом ничего не значит, сказал я себе. Во-первых, я знаю, что *он*, то есть «я», да и вообще все люди полагали, что я проклятый сукин сын, которого следует пустить в расход.

Чертовски трудно осознать, что ты совсем не тот, кем себя ощущаешь, а всего лишь непонятное существо неестественного происхождения. Что-то вроде кентавра. Столь же трудно принять и то, что прошлая жизнь ушла навсегда. Не будет больше благоустроенных планет, казино и смазливеньких шлюшек. И денег, которыми ты так привык сорить, тоже больше не будет. Но и сейчас, пребывая в прострации от открывающихся перспектив, я уже приспособился к сложившейся ситуации. Именно поэтому они и отбирали таких ребят, как я. Мы обладаем редкой способностью адаптироваться практически ко всему и везде.

Хотя тело и не было моим, я все равно оставался самим собой. Индивидуум — это память, разум, воля и характер человека, а отнюдь не тело. Самая обыкновенная линька, маскировка, сказал я себе, только на редкость совершенная. Вплоть до того момента, как я поднялся с кресла в клинике Службы безопасности, я действительно был кем-то другим. Значительная часть моих воспоминаний и навыков исчезла

безвозвратно. Прежний «я», в промежутках между заданиями, был искусственным «мною». Он, этот ничтожный хлыщ, не обладавший даже постоянным существованием, всего лишь эрзац. Подлинный «я», запечатанный, как джинн в бутылке, в памяти мощных компьютеров, выпускался на волю только тогда, когда возникала необходимость. На свободе я представлял собой реальную угрозу властям Конфедерации, как и те, с кем мне приходилось бороться.

А я слыл хорошим агентом. Лучшим, как сказал Крег. Вот почему я теперь здесь, в этом теле, в этой камере, на борту этого корабля. Мои мысли не будут стерилизованы, и я выживу, если выполню задание. Чувство ненависти к другому «я», находящемуся где-то рядом, внезапно прошло. Когда все закончится, его мозги опять хорошенько прочистят, выкинув из них все значимые воспоминания, а возможно, просто убьют, если кто-то из моих «коллег» или я сам разумаю слишком много. В лучшем случае он вернется к своей пустой, полурастительной жизни.

Я... я останусь здесь... Я буду жить... И это будет уже реальное «я», даже более реальное, чем он, мой прототип.

Хотя я знал достаточно, чтобы не питать никаких иллюзий. Убить меня им ничего не стоит. Достаточно только не выполнить приказ. И прямо с автоматического спутника, не ведая сомнений. Я слишком хорошо это понимал. Но ведь я совершенно незащищен лишь до тех пор, пока не овладею ситуацией и своим новым домом, теперь уже постоянным. Мне известны в мельчайших подробностях их методы работы, их образ мышления. Я выполню свою грязную работенку, и они знают это, но только тогда, когда представится подходящая возможность. И я смогу их обставить даже в такой, казалось бы, полностью контролируемой ими ситуации. Вот почему они в первую очередь прибегают к услугам таких, как я:

чтобы распознать всех, кто распоряжается своей судьбой, кто достаточно силен, чтобы избежать полного им подчинения.

Но если я обведу их вокруг пальца, нового суперагента специально, чтобы меня обезвредить, сюда больше не пошлют — чтобы избежать повторения ситуации с моим предшественником. По всей видимости, то же самое поручат кому-нибудь еще.

Видимо, мое руководство ни минуту не сомневалось — у меня нет выхода, придется выполнять. И не стоит меня опасаться до тех пор, пока я работаю на них. А там видно будет.

Головоломка разрешима, и цели достижимы. Я предвкушал победу, достаточно легкую, если не вдаваться в подробности — надо лишь бросить вызов судьбе или противнику и ощутить свое интеллектуальное и физическое превосходство. Во-первых, следует оценить степень опасности, исходящей от пришельцев. Как таковая, она меня больше не интересовала — отныне я пленник Ромба. Если пришельцы выйдут из предстоящей схватки со щитом, Ромб Вардена выживет — как их союзник в войне с Конфедерацией. Если они проиграют (в моем положении это мало что изменит) — теперешняя ситуация продлится неопределенно долго. Отсюда следует, что проблема пришельцев сугубо интеллектуальная, решение ее представляет чисто спортивный интерес. И поэтому она казалась мне столь привлекательной.

Другая задача — выследить властителя и при первой же возможности убить его — на деле может оказаться гораздо сложнее. Ведь предстоит работать в совершенно незнакомой обстановке, и, кроме того, наверняка потребуются союзники. Если мне удастся свалить властителя, это значительно увеличит мое могущество и упрочит репутацию. Если же ситуация сложится не в мою пользу, это сразу решит все проблемы.

Правда, я никогда не допускал даже мысли о поражении, что всегда способствовало достижению цели. Организация и осуществление убийства — это всегда борьба не на жизнь, а на смерть. И если постоянно думать о том, что проиграешь, ты обречен.

Неожиданно мне пришло в голову, что разница между мной и властителем лишь в том, что я работаю во имя закона, а он (или она) — вопреки ему. Но, конечно же, это не так. Здесь, на планете, именно он — живое воплощение закона, а я — нарушитель. Замечательно. На редкость симметричная ситуация.

Одно плохо: я изначально оказываюсь в очень невыгодном положении. Необходимо было всю информацию по данному делу вложить непосредственно в мой мозг заранее, еще до того, как отправить в дальний путь. Но на этот раз обычной процедурой почему-то пренебрегли. Вероятно, из-за того, что мне предстояло выполнить четыре совершенно различных задания, и дополнительные сведения существенно затрудняли процесс передачи информации в мозг исполнителя; наверное, их добавят позднее. Но такой процедуры врагу не пожелаешь. Я с раздражением подумал, что тому, кто планировал операцию, не мешало бы над этим поразмыслить.

Но сначала надо выяснить не «кто», а «как». Примерно через час после моего пробуждения в камере раздался негромкий звонок. Я встал и подошел к пищепорту. Из него мгновенно появился горячий поднос и пластмассовые приборы. Стандартные столовые приборы для тюрем.

Омерзительная пища, да я и не надеялся на лучшее. Но обогащенный витаминами сок оказался вполне приличным. Я взял еще, оставив себе чистый легкий стакан на случай, если захочется воды. Все остальное затолкнул обратно в порт, и оно моментально испарилось. Панель захлопнулась.

Централизованному контролю не поддавалось только функционирование органов жизнедеятельности; примерно через полчаса после первого приема тюремной баланды они дали о себе знать. На противоположной стене камеры размещалась панель с надписью «туалет» и маленькое вытяжное кольцо. Самая обычная конструкция. Я потянул за кольцо, панель опустилась, открыв то, что положено, — небольшой зонд с тонкими, как бумага, стенками и жесткий трубопровод. Я уселся прямо на трубопровод, прислонившись задом к панели, глубоко вдохнув и одновременно расслабившись.

Все произошло в момент контакта тела с поверхностью сантехнического устройства — и не спрашивайте меня, как именно — я в инженерных вопросах мало что смыслю. Это было столь же неприятно, как и программирование, но позволило им общаться со мной и даже посылать мне визуальные образы, которые воспринимал только я.

— Надеюсь, первый шок уже прошел, — раздался голос командора Кrega непосредственно у меня в голове. — Теперь вы знаете, кем и чем стали.

Особенно потрясало то, что даже мои тюремщики ничего не слышали и, очевидно, понятия не имели, кто я такой.

— Доводим до вашего сведения, что это простейший способ, так как процесс передачи информации крайне затруднен. О, вам не о чем беспокоиться — так будет постоянно. Хотелось бы дать вашему мозгу время адаптироваться к новым условиям, но на самом деле надо спешить. Мы вынуждены приступить к работе немедленно, поскольку, к моему глубокому сожалению, стоящая перед вами задача гораздо сложнее, чем у ваших коллег.

Я почувствовал радостное возбуждение. Вызов, вызов...

— Вы будете работать на планете Лилит, главной колонии Ромба, — продолжил командор. — Честно говоря, это настоящий сумасшедший дом. То, с чем вам предстоит столкнуться, не поддается логическому объяснению. Нас обнадеживает только одно — на планете свои законы и они вполне согласуются с внутренними убеждениями местных жителей. Я передам все необходимые сведения. Вас встретят представители властителя Лилит и проинструктируют как осужденного преступника, и это гораздо эффективнее, чем любой пересказ доступной нам скудной информации.

— Хотя возможности этого устройства весьма ограничены, — продолжил он после короткой паузы, — мы снабдим вас одной весьма полезной вещью, которую вы вряд ли найдете там. Это географическая карта — самая точная, какой мы располагаем.

Резкая боль, приступ головокружения, тошнота. Внезапно я понял, что полная физическая и политическая карты Лилит крепко впечатались в мое сознание.

Потом хлынул поток всевозможных данных о планете. Диаметр ее составлял примерно 52 000 километров и по экватору, и по меридиану. Как и остальные небесные тела Ромба Вардена, она являлась почти совершенной геометрической фигурой, что весьма необычно для планет, хотя принято считать их просто шариками.

Гравитационное поле у поверхности — 95 процентов нормального, так что мне предстояло стать чуточку легче и прыгучее. Чтобы привыкнуть к этому, потребуется время. Содержание кислорода в атмосфере чуть выше нормы, так что я стану несколько энергичнее; огонь на планете, судя по всему, горит ярче и быстрее. И развести его наверняка намного проще. Высокая концентрация водяных паров в сочетании с

наклоном оси вращения планеты в 85 градусов и расстоянии до светила около 192 000 000 километров предполагали очень теплый и влажный климат и практически полное отсутствие сезонных изменений. Разница температур на Лилит связана с широтой и относительной высотой местности, а не со сменой времен года. При подъеме на тысячу восьмьсот метров температура понижается примерно на 3 градуса.

Но даже не это явилось решающим фактором. На экваторе царила нещадная жара — от 35 до 50 градусов, на средних широтах температура изменялась в пределах 25—34 градусов и даже на полюсах никогда не опускалась ниже двадцати. Вечная мерзлота полностью отсутствовала, поэтому суша на Лилит представляла собой огромный континент, вдоль которого тянулась вереница островов.

День длился 32,2 стандартных часа, так что придется привыкнуть к новому биоциклу. Сутки там на 8 часов больше обычных. Год соответственно состоит из 344 местных суток. Судя по всему, это большая планета с относительно слабым гравитационным полем. Она наверняка очень бедна металлами. Неплохая тюрьма, без всякого энтузиазма подумал я.

— В настоящее время властителем Лилит является Марек Криган, — продолжил Крег. — Похоже, он самый опасный из всех Четырех Властителей Ромба, хотя именно он не совершил пока ничего преступного. Как и вы, он в свое время был агентом Конфедерации, причем одним из лучших агентов. Если ему удастся покинуть систему Вардена, он наверняка станет самым опасным человеком во всей Конфедерации.

Я почувствовал легкий озноб. Во-первых, мне предстоял поединок с коллегой, получившим такую же 'разностороннюю' подготовку. Фантастически сложное задание. Однако ситуация не казалась мне безнадежной. У меня даже мелькнул проблеск надеж-

ды, который наверняка привлёк внимание Крега. Если Криган на самом деле был наилучшим агентом и ситуация, в которую он попал, сродни моей, а он до сих пор жив — значит, шанс выжить есть и у меня. Он выжил. Отлично. Если выжил Криган, значит, выживу и я.

Он не только выжил, но и стал властителем Лилит.

Отлично, значит, и я обладаю такими же шансами. Я тоже не лыком шит.

— Однако, — продолжил Крег, — поиск Кригана, не говоря уже о его убийстве, может оказаться задачей нелегкой, практически невыполнимой. Во-первых, он редко появляется на людях, а если и появляется, то всегда тайно. Любой, кто смог бы опознать его, немедленно уничтожается. У него нет постоянной резиденции, Криган перемещается по всей планете и всегда инкогнито. Он держит своих подчиненных в постоянном напряжении и вынуждает их быть относительно честными, по крайней мере по отношению к нему. Они не знают, как он выглядит, но страшно боятся его: властитель в состоянии уничтожить каждого, и ничего с этим не поделаешь. По последним подсчетам, на Лилит проживает 13 244 000 человек — естественно, оценка очень приблизительная. Согласитесь, население невелико, но Криган может оказаться кем угодно.

Да, Крег действительно дилетант в нашем деле, подумал я. Во-первых, у Кригана стандартная внешность гражданина Конфедерации. Следовательно, его тело имеет строго определенные физические данные — рост, вес и так далее — таким образом, можно отсеять множество людей. Он, разумеется, мужчина — еще половину долой. Ему примерно семьдесят семь лет, однако он попал на Лилит двадцать один год назад, и за это время его внешний облик, должно быть, существенно изменился. Мужчина средних лет должен резко выделяться среди других обитателей

Лилит — в этом царстве дикой природы далеко не все доживают до такого возраста. И так: немолодой мужчина стандартного роста и телосложения. Если учесть, что все население около тринадцати миллионов, можно значительно сузить поле поиска — гораздо существеннее, чем удалось командору Крегу.

Сложная задача, но не такая уж невыполнимая. Что немаловажно, он, как властитель и главный администратор, должен посещать определенные места и выполнять определенные функции. Круг подозреваемых значительно сузился, а я ведь даже еще не попал на планету.

Остальная часть инструктажа протекала традиционно. После его завершения я поднялся со стульчака и задвинул шпионский инструмент. Послышался звук спускаемой воды, и я опять открыл устройство, вспомнив, что так и не использовал его по назначению. Вся процедура получения информации заняла не более минуты.

Весьма эффективно, подумал я. Недремлющие по-ремщики, бдительно следящие за каждым моим шагом, вряд ли подозревают, какую роль играло теперь в моей жизни выдвижное устройство.

Теперь я знал, кто я такой — с полным правом я мог называться «грязной скотиной».

Отныне меня звали Кол Тремон. Старый одинокий пират, убийца — короче, весьма отвратительный тип, с точки зрения изнеженного обитателя благоустроенных планет Конфедерации. Почти двухметрового роста, весом 119 килограммов — сплошные кости и мышцы. Мое волевое, почти квадратное лицо обрамляла копна иссиня-черных волос и густая борода, да вдобавок пышные длинные усы, достававшие до всклоченных бачек. Большой рот с толстыми губами, несколько сплюснутый, но очень большой нос. Большие карие

глаза пристально глядели из-под насупленных, сросшихся над переносицей бровей.

Я чувствовал себя пещерным человеком. Я был в отличной форме, огромное и сильное тело во сто крат сильнее, чем мое собственное. Такое тело таит немалые возможности. Исключительно ценное приобретение, только вот с ловкостью и изяществом придется распрощаться.

Итак, теперь я Кол Тремон. Отныне и навеки — Кол Тремон.

Я улегся на койку и погрузился в легкий транс, переваривая информацию, обдумывая и размышляя. Особую важность представляла история красочной, если не кровавой, жизни Кола Тремона. Хотя он не походил на парня, у которого есть друзья, на извилистых дорожках Лилит можно встретить кого угодно. Не исключено, что его узнают.

ГЛАВА 2

ПО ЭТАПУ

За ходом времени я мог следить только по регулярности подачи пищи, но, несомненно, путешествие слишком затянулось. Никто не собирался попусту тратить деньги, доставляя заключенных в Ромб с большей скоростью.

Наконец наш корабль причалил к базовой станции, дрейфующей в доброй трети светового года от системы Вардена. Я понял это лишь по прекращению вибрации, сопровождавшей меня на протяжении всего полета. Тюремщики действовали обычно: как я и предполагал, они ожидали, когда соберется достаточно большая партия приговоренных с самых разных концов Галактики, чтобы забросить на планеты всех сразу. Я по-прежнему пытался анализировать имеющуюся информацию, зачастую вспоминая, что нахожусь не очень далеко от своего прежнего тела. Я бы искренне удивился, если бы он периодически не наблюдал за мной — просто из праздного любопытства. За мной и еще тремя коллегами, тремя его копиями.

У меня хватало времени сосредоточиться на ситуации в Ромбе Вардена и на причинах, по которым он превратился в столь совершенную тюрьму. Разумеется, я прекрасно понимал, что в мире нет ничего совершенного, а тем более тюрем. Хотя для Ромба Вардена такое определение подходило как нельзя лучше. Как только меня высадят на Лилит и я вдохну местный воздух, мельчайшие микроорганизмы проникнут во все клетки моего тела, поселятся там и станут контролировать весь организм. Ими движет только

одно — воля к жизни; отныне их существование будет неразрывно связано с моим. Их гибель повлечет за собой мою, и наоборот.

Следовательно, им нужно нечто вроде контрольной субстанции, присутствующей только в системе Вардена. Что это за субстанция — не знает никто, экспериментально обнаружить ее невозможно, но она существует и существует только здесь, на Ромбе Вардена. Вряд ли эта субстанция находится в воздухе — ведь между планетами Ромба курсируют челночные корабли, и в них можно дышать очищенным воздухом без всяких последствий. Нет ее и в пище; подобная гипотеза уже неоднократно проверялась. Один из бывших обитателей системы Вардена превосходно чувствует себя в комфортабельных условиях и в полной изоляции от внешнего мира в лаборатории космической станции. Но стоит кораблю удалиться от Ромба, и он погибнет. Микроорганизмы модифицируют клетки человека, превращая их в свою среду обитания. Отныне они управляют делением клеток и биохимическими процессами, и гибель микроорганизмов приведет к неконтрольному развитию клеток. Человек погибнет в страшных — хорошо хоть недолгих — мучениях. Разрушение микроорганизмов начинается с расстояния примерно в четверть светового года. Именно этим и определялся выбор орбиты базового корабля. Природа всех четырех планет совершенно различна. Микроорганизмы приспосабливались к местным биосферам, однако их зависимость от светила изменялась в зависимости от расстояния, видимо, поэтому образовывавшиеся симбиоты имели существенные отличия. На развитие микроорганизмов сильно влияет то, какую из четырех планет Ромба вы посетите в первую очередь.

Создается впечатление, что все микроорганизмы поддерживают своего рода телепатическую связь, что, впрочем, никто пока не смог объяснить. Естественно,

они не разумны; по крайней мере поведение их всегда предсказуемо. Изменения в жизнедеятельности колонии одного организма-носителя каким-то образом влияют на другие. При помощи сознательного импульса можно управлять колонией вашего организма и таким образом стать доминирующим элементом этого кентавра. Славная и простая, но справедливая система; если бы кто-нибудь еще и пролил свет на все это.

О Лилит я знал только то, что это воплощенная мечта о райских кущах. Я недобрым словом помянул начальство, не позаботившееся о моем предварительном программировании: на изучение местных условий потребуется время, и, судя по всему, немалое.

Примерно через полтора дня после нашего прибытия на базовый корабль пол неожиданно накренился и резкие беспорядочные толчки отшвырнули меня на койку. Но я не растерялся. Ясно, что тюремщики уже собрали подходящую партию ссыльных и готовятся зашвырнуть нас на поверхность. Сразу же всколыхнулось множество разнообразных эмоций: с одной стороны, я отчаянно хотел выбраться из опостылевшего бокса, в котором царила нескончаемая, неизбывная скука. С другой стороны, отсюда мне только одна дорога — в тюремную камеру попросторнее и попривлекательнее, камеру размером с планету.

Толчки и удары вскоре повторились, но очень быстро прекратились, и после короткой неожиданной паузы послышался непрерывный гул — гораздо громче, чем раньше. Либо мы находились на очень маленьком судне, либо камера граничила с маршевыми двигателями. Затем еще четыре томительных дня — еда подавалась двадцать раз — и мы добрались до места назначения. Долго, конечно, но для субсветового транспорта, скорее всего переоборудованного и полностью автоматизированного грузовика, вполне сносно. Наконец гулкая вибрация прекратилась, я

понял, что мы на орбите Лилит. И снова некая двойственность — безысходность и одновременно бесовское веселье.

Неизвестно откуда послышался резкий дребезжащий голос:

— Заключенные, внимание! Мы на орбите планеты Лилит в системе Вардена.

Для меня в этой информации не содержалось ничего нового; хотя, возможно, для других арестантов это поразительное откровение. Понятно, что их положение во сто крат хуже. Я уже имел представление о Лилит, даже о властителе Кригане. Им придется узнавать все с нуля и причем на собственной шкуре. Непонятно, почему их не просвещают, хотя бы в общих чертах. Видимо, подробности местной жизни известны только избранным.

— Сейчас двери камер откроются, — продолжил голос, — и вам следует выйти наружу. Ровно через тридцать секунд они закроются и начнется вакуумная стерилизация боксов, так что медлить не советую.

«Хорошенькое дельце, — подумал я. — Вряд ли кто-либо из арестантов замешкается».

— Сразу после выхода в коридор вы должны остановиться и ждать, пока дверцы камер не закроются. Каждый, кто попытается сдвинуться с места, будет мгновенно расщеплен на атомы. Никаких разговоров. Каждый, кто нарушит тишину или ослушается приказа, будет немедленно уничтожен. Дальнейшие инструкции вы получите в коридоре. Приготовиться... Пошли!

Дверь скользнула в сторону, и я, не теряя времени, нырнул в образовавшуюся щель. Маленькая белая пластинка с метками для ступней показывала, где именно надо встать. Как ни противно, пришлось подчиниться. Для абсолютно голого и беспомощного человека на борту корабля, управляемого только ком-

пьютером, скромность — наиболее эффективная линия поведения.

Осторожно оглядевшись, я лишь убедился в собственной правоте. Мы находились в длинном, закрытом с торцов коридоре, по обе стороны которого тянулись дверцы камер. Арестантов было человек десять—пятнадцать, не больше. Сливки общества, угрюмо подумал я. Дюжина мужчин и женщин — примерно половина на половину — голых, грязных и избитых. Искоса поглядывая на лица, я пытался понять, почему именно их отправили в столь долгое путешествие? Почему не применили к ним стандартную процедуру принудительной психокоррекции? Чем они так поразили психиатров? Что заставило сохранить им и жизнь, и личность одновременно? Сами они, очевидно, не имели об этом ни малейшего понятия. А кто, интересно, имел?

Двери камер с треском захлопнулись. Я прислушался, не раздастся ли сдавленный крик какого-нибудь задержавшегося в камере арестанта, но слезливой сцены не последовало. Выяснить, предпочел ли кто-нибудь смерть, теперь уже невозможно.

— По моей команде, — из динамиков сверху слышался тот же голос, — вы повернете направо и медленно, соблюдая дистанцию, направитесь вперед, в челнок, который доставит вас на поверхность. Занимать места с головы салона, все кресла. Пристегнуться немедленно.

— С-сукины дети, — пробормотала стоящая рядом женщина. Тут же мощный столб света, вырвавшись из-под потолка, вонзился в пол в миллиметре от нее.

— Все-все, — потрясенно прошептала она.

— А сейчас — напрааа-во!

Мы немедленно повиновались.

— Вперед, шагом марш!

Мы осторожно, в полном молчании двинулись вперед. Металлический пол коридора отдавал холодом. Здесь вообще царила жуткая стужа, как в хорошем морозильнике.

Челнок оказался на удивление удобным и современным, хотя жесткие сиденья явно не рассчитаны на голые задницы. Я добрался до свободного кресла в четвертом ряду и сразу же пристегнулся. Я оказался прав: среди арестантов было восемь мужчин и шесть женщин.

Люк автоматически закрылся, перегрузка вдавила нас в кресла, и челнок покинул базовый корабль, унося приговоренных навстречу судьбе.

Для тюремного транспорта корабль подозрительно хорош, отметил я про себя. Очевидно, один из тех аппаратов, которые регулярно курсируют между планетами Ромба Вардена.

Динамики вновь ожили, и неожиданно раздался приятный женский голос. Я почувствовал себя гораздо лучше.

— Добро пожаловать на Лилит. Вам, по-видимому, не надо объяснять, что Лилит — последний пункт путешествия и ваш новый дом. Хотя отныне вы не сможете покинуть систему Ромба Вардена, вы автоматически перестаете быть заключенными и становитесь свободными гражданами Ромба. Уже на борту нашего корабля — коллективной собственности Ромба Вардена, флот которого составляют четыре пассажирских челнока и шестнадцать грузовых транспортов, — законодательство Конфедерации на вас не распространяется. Совет системы имеет официальный статус инстанции, которая управляет Ромбом. Мы признаны суверенным субъектом Конфедерации и даже располагаем местом на Всеобщем Съезде. У каждой из четырех планет собственная административная система управления, уникальная и полностью независимая от остальных. Отныне ваше прошлое не имеет никакого

значения — теперь вы граждане Лилит. Впредь учитывается только ваша социальная деятельность.

Голос на мгновение смолк, давая возможность переварить ошеломляющие новости. Изменение социального статуса люди восприняли как нечто чрезвычайное.

— Из-за уникальных свойств Лилит челнок не может долго находиться на поверхности. Он немедленно вернется на орбиту, чтобы забрать остальных. Вы покинете салон, как только откроется люк. Вас встретят, ответят на вопросы и познакомят с вашей новой обителью. Пожалуйста, помогайте друг другу, так как Лилит — дикая и необустроенная планета и новичков здесь подстерегает немало опасностей. Примерно через пять минут мы произведем посадку.

За оставшееся время никто не проронил ни слова — отчасти под впечатлением предпосадочной «суеты», отчасти из-за нервного потрясения от только что услышанного.

Внезапное ощущение падения, сильная перегрузка, глухой удар... Челнок сел с предельно безопасным для пассажиров ускорением, люк быстро отошел в сторону. Волна очень теплого и влажного воздуха внезапно ударила в лицо.

Не теряя ни секунды, мы покинули корабль. Бессмысленно сопротивляться новому, еще совершенно неизвестному местному начальству. С удивлением я обнаружил трап, который спускался от люка до самой земли. Конечно, никакого космопорта. Некоторое время мы — голые, но уже взмокшие — растерянно озирались по сторонам. Вокруг простирался луг, густо покрытый буйной растительностью.

Мы прибыли на Лилит. И с того самого мгновения, как волна горячего воздуха ударила нам в лица, неведомый и невидимый противник начал методично внедряться к нам в организмы.

ГЛАВА 3

АККЛИМАТИЗАЦИЯ

Невдалеке стояла небольшая группка людей — отъезжающие, понял я. Несколько человек в свободных рубашках и даже в блестящих мантиях мало чем отличались от забытых в медвежьих углах цивилизации, прошедших огонь и воду пограничников, хорошо мне знакомых. На самом деле они не очень-то отличались от нас. Когда последний арестант покинул челнок, они быстро забрались внутрь. Трап тут же втянулся обратно, и люк захлопнулся.

— Быстро управились, а? — бросил стоящий рядом мужчина, и я кивнул.

Внезапно я понял, что насторожило меня в улетавших пассажирах: ни у кого не было при себе багажа. Как не было и времени погрузить его в отдельный отсек. Единственное, что у них было, — одежда.

Корабль загудел и быстро начал набирать высоту. Вскоре он превратился в едва различимую точку, а затем скрылся из виду. Казалось, челнок оборвал последнюю ниточку, связывающую нас с цивилизацией, с родными планетами, с людьми.

Опустив глаза, я заметил, что к нам приближается весьма привлекательная девушка. Одета в хламиду из блестящей полупрозрачной ткани, на ногах — что-то типа простых сандалий, непривычно высокая — сантиметров 180, не меньше. Длинные черные волосы и почти такой же темный загар.

— Привет! — произнесла она низким гортанным и, пожалуй, даже приветливым голосом. — Я ваш гид и учитель. Вас не затруднит проследовать за мной?

Несколько человек, словно громом пораженные, все еще пялились в небо, но вскоре и они пришли в себя, и мы нестройными рядами двинулись за гидом. Жизнь продолжалась.

Мне доводилось слышать, будто Лилит — истинный райский сад. И это сушая правда, судя по первому впечатлению. Хотя полуобнаженные женщины и хижины из пучков травы с непривычки шокировали.

Здесь встречались легкие бараки из желтого бамбука с соломенными крышами. Похоже, всех нас обуревали одинаковые чувства. Хотя мы и старались ничему не удивляться, но выросли-то мы как-никак в урбанистическом мире, полностью механизированном и автоматизированном. Даже самые неимущие привыкли глядеть на часы, чтобы узнать время; привыкли к автоматически включающемуся свету; привыкли получать готовую пищу при одном только прикосновении к панели пищевого порта. В этом первобытном мире отсутствовал контроль за погодой, здания сооружались из простого камня или дерева, к тому же планета казалась девственно заросшей. Теперь я не только знал, как жил доисторический человек, но и сам стал точно таким же.

Мы уселись перед хижинкой, и женщина приступила к занятиям:

— Меня зовут Патра, — сказала она, слегка краснея. — Я тоже была приговорена к ссылке на Лилит за уголовное преступление пять лет назад. Я не хотела бы останавливаться на своем прошлом, называть свою прежнюю фамилию — такое на планетах Ромба Вардена не обсуждается. Вы и сами вольны рассказывать о себе что хотите и кому хотите; можете оставить прежнее имя или выбрать новое.

Послышался оживленный шепот, некоторые согласенно закивали. Мне эта идея понравилась. Теперь я легко смогу избежать риска быть случайно узна-

ным кем-нибудь из друзей Кола Тремона и уйти от нежелательных вопросов.

— Вы пробудете здесь несколько дней, — продолжала Патра. — По одной лишь причине: вы попали в совершенно незнакомый и враждебный вам мир. Я прекрасно понимаю, что многие из вас и раньше бывали на совершенно незнакомых и негостеприимных планетах, но никогда на столь своеобразных. Раньше вы располагали картами местности, планами и схемами, компьютерами и прочими полезными вещами, не говоря уже об оружии... Здесь ничего этого нет, и всю необходимую информацию вы получите от меня. Кроме того, вы наверняка знаете, что местные микроорганизмы проникают в ваши тела. В ближайшие дни этот процесс может сопровождаться побочными эффектами. Не пугайтесь: самое большое — головокружение, легкая тошнота, расстройство желудка. По-настоящему болеть вы не будете, только периодически станете замечать некоторые неудобства. А потом очень скоро все пройдет. В этом, как ни странно, есть свои преимущества...

— Да, хрен отсюда удерешь, — проворчал кто-то. Патра весело улыбнулась:

— Ну что же, — сказала она. — Это просто данность, вот и относитесь к ней соответственно. О побеге даже не мечтайте: до вас это пытались осуществить умнейшие люди Галактики. К чему обрекать себя на такие муки?

Она немного помолчала.

— Так вот, что касается преимуществ. Оно состоит в том, что теперь вы можете совершенно не беспокоиться о своем здоровье. Забудьте о зубной боли, о простудах, об инфекциях — обо всем. Даже самые тяжелые ранения, если только они не смертельны, излечиваются очень быстро; возможна даже регенерация утраченных конечностей. Доктора на Лилит не нужны. Иными словами, ты — мне, я — тебе.

Она перешла к особенностям географии планеты, которые я узнал из инструктажа в туалете. Затем настало время обеда. Казалось, в пищу годилось абсолютно все: насекомые и множество разнообразнейших трав, перемешанных с неизвестными ягодами на редкость неаппетитного фиолетового цвета.

Кое-кто из ссыльных не смог даже притронуться к еде, но рано или поздно все равно придется себя пересилить.

Тушеные ножки гигантских насекомых и подозрительно фиолетовый хлеб — для первого раза это уж слишком, но ведь надо же что-нибудь есть.

Несколько дней я привыкал к местной пище, учился ходить по нужде в джунгли, применяя листья местных лопухов в качестве туалетной бумаги...

Насчет побочных эффектов Патра оказалась права. Я действительно испытал сильные головокружения, странные и неприятные болезненные явления вроде острого зуда внутри — крайне противно, — впрочем, не умирать же в самом деле? Бегать в джунгли тоже приходилось каждые пять минут, но я связывал это с необычной пищей, а не с коварными симбионтами.

Вводные лекции Патры, очень подробные да и просто увлекательные, касались в основном уже известных мне вещей, и нужную информацию почерпнуть из них я не мог. На четвертый, невыносимо долгий, день она наконец перешла к вещам поинтереснее.

— Я знаю, что вас удивляет отсутствие машин, космопорта, современных зданий и привычного комфорта. Я долго отделялась шутками, так как очень важно, чтобы все вы благополучно акклиматизировались. Причину нетрудно объяснить, но чертовски трудно понять — хотя объяснение рядом с вами. — Она посмотрела, как мы дружно и недоуменно покрутили головами, и едва заметно улыбнулась. — Лилит просто кишит жизнью. В этих сло-

вах нет никакого смысла, но в системе Вардена вы вообще нигде не найдете смысла. Постараюсь объяснить суть происходящего в терминах, которые весьма грубо описывают реальность. Представьте, — продолжила Патра, — что буквально все здесь — не только трава и деревья, но вообще *все* — камни, пыль под ногами — все это *живое*. Микроорганизмы Вардена абсолютно со всем находятся в сложных отношениях симбиоза. Можно сказать, вся планета — единый живой организм. И все здесь поддерживает друг друга. Срубите дерево — и из пня буквально на следующий день вырастет точно такое же. А сам пенек начнет разлагаться с удивительной скоростью — и за три дня от него не останется и следа. То же и с людьми. Через три дня после смерти вы обратитесь в прах. Вот почему наша пища столь своеобразна. Животное надо поймать, убить, приготовить и съесть в течение дня. Вы, вероятно, заметили, что наш паек приносят каждое утро.

Слушатели радостно закивали, но я нахмурился:

— Погодите. Если все это правда, то почему же хижины из травы не разрушаются? Они ведь состоят из мертвой материи.

Патра вновь улыбнулась:

— Хороший вопрос. Вы не поверите, но это не мертвая древесина, а настоящие живые деревья, которые называются *бунти*; их желтые стволы часто встречаются в местных лесах.

— Вы хотите сказать, что они самостоятельно приобрели столь удобную для вас форму хижин? — скептически поинтересовалась какая-то дама из числа ссыльных.

— Не совсем так. Они выросли в форме домов, потому что такова была наша воля. Мы им приказали.

— Приказали... э-э-э... кому? — переспросил кто-то.

— Жизнь — бесконечное соревнование, в котором побеждает тот, чья воля сильнее. А на Лилит особен-

но. На этом основана вся местная культура. Несмотря на то, что здешние микроорганизмы не обладают разумом — по крайней мере разумом, похожим на наш, — они представляют собой единый организм, который проникает во все клетки живого существа, становится его неотъемлемой частью, и так во всем. Отныне все вы уже не люди. Вы приобрели новое качество, и теперь правильнее называть вас инопланетянами. В буквальном смысле слова. Если вы способны управлять собственным телом, обладаете необходимым даром и достаточно сильной волей, вы сможете почувствовать присутствие этих микроорганизмов во всем, что вас окружает. Сначала почувствовать, а затем и вступить с ними в общение. Никто не знает, как именно, но все микроорганизмы объединены друг с другом. Их можно рассматривать как отдельные клетки огромного живого существа. Они не образуют единого тела, но они связаны между собой и общаются, обмениваются информацией... И вы сами можете принудить их к этому. А если у вас достаточно сильный характер, вы заставите даже находящиеся извне микроорганизмы Вардена сделать все, что вы пожелаете.

Слушатели недоверчиво притихли, пытаясь вообразить себе *такое*, но я уже был немного подготовлен. Правда, верилось все равно с трудом.

— Сила воли, — объяснила Патра, — изменяется в очень широком диапазоне. У многих ее нет вообще. Следовательно, только благодаря единицам, обладающим воистину железной волей, можно управлять микроорганизмами... Попадаются и такие, кто обладает врожденным даром, но не способен контролировать процесс. Они, как и многие другие, абсолютно беспомощны, но требуют большего внимания, особенно если их таланты проявляются в опасных формах. Степень контролируемости человека — величина постоянная. Больше я ничего не знаю. Впрочем, этого

не знает никто. Могу только сказать, что в силу ряда обстоятельств новички гораздо лучше управляют этой энергией, чем уроженцы планеты. Возможно, потому, что организмы Вардена остаются чуждыми нам. Если вы по-настоящему сильная личность, вы сможете подчинить их себе и тем самым упрочить собственную мощь. Конечно, все это достигается путем длительных тренировок, постигается на опыте, но рано или поздно вы найдете здесь свое место.

Да, над этим стоило поразмыслить. Выходит, что продвинуться в этом мире мне поможет только тесный контакт со всей той дрянью, которая отныне прочно обосновалась во всех клетках моего тела. А повлиять на это я никак не мог.

— На Лилит существует административно-политическое деление, — продолжала Патра. — Области, или районы, заселены различными популяциями. В данный момент в каждом районе проживает примерно двадцать восемь тысяч семьсот обитателей под управлением главы — герцога. Герцоги чрезвычайно могущественны и способны даже стабилизировать неживую материю, то есть уберечь ее от разрушения. Они живут в неслыханной роскоши. И под охраной — учтите! — неслыханного оружия. Герцог — верховный рыцарь своего региона. Ему подчиняются рыцари, обладающие неограниченной властью в своих поместьях. У них те же способности, что и у герцога, только не столь развитые. Для остальных обитателей района разница между рыцарем и герцогом несущественна. Герцог — просто самый могущественный рыцарь. Поместья бывают различных размеров — от игрушечных до гигантских, в зависимости от числа обитателей. Чем могущественнее рыцарь, тем больше людей находится в его подчинении и тем обширнее его поместье. У герцога, естественно, поместье самое большое.

Естественно, подумал я. Похоже, все эти герцоги и рыцари живут припеваючи. Из слов Патры следовало, что на планете существует откровенно монархический строй, при котором власть не передается по наследству, а приобретается в соответствии с врожденным даром. Что ж, отсутствие династий только упрощает дело.

— Поместьями управляют магистры, — сообщила Патра, — каждый отвечает за определенную область деятельности. Это напоминает глав департаментов. Магистры способны управлять живой материей, но сохранение неживых тел им неподвластно. Превратить дерево *бунти* в хижину — пример того, на что способны магистры.

Ступенькой ниже на иерархической лестнице стоят смотрители. Их задача — организация общественных работ. Они практически не способны консервировать искусственные предметы, но весьма успешно управляют живыми существами — в основном, правда, в разрушительных целях. Им ничего не стоит восстановить свой организм и даже регенерировать утраченные конечности, как и магистрам, рыцарям и герцогам, разумеется. Хотелось бы предупредить, что они мастаки и по части обратного — иссушают члены и вызывают боль одним усилием воли.

— А вы кто? — поинтересовался у Патры один из слушателей.

— Я даже не смотрительница. — Она рассмеялась. — Я странница. Мои способности сравнимы со способностями магистра, но я не привязана ни к одному поместью. Герцогам нужны посыльные — для передачи информации, торговых сделок и для инструктажа вновь прибывших на Лилит. Мы и купцы, и дипломаты, и курьеры, а подчиняемся непосредственно герцогам. Кем станете на Лилит вы — магистром или странником, — зависит прежде всего от вашего темперамента. Во всем есть свои плюсы и ми-

нусы, и если сейчас я странница, то когда-нибудь вполне могу оказаться магистром.

— Вы упомянули о иерархии высшего управления, — сказал я. — Таких должностей на планете, наверное, несколько тысяч. А остальные тринадцать миллионов?

— Ничто, обычные пешки, — спокойно ответила она. — Делают, что прикажут. Посудите сами — они ведь все равно никак не обойдутся без тех, кто обеспечивает их питанием, жильем, кто защищает их от диких зверей.

— Рабы, — пробормотал мой сосед. — Все, как в Конфедерации, только немного экзотики.

Мне, конечно, его обобщение не понравилось, но, если честно, он был абсолютно прав.

— Вы кое-что упустили, — раздался женский голос. По-моему, он принадлежал той самой женщине, которая пыталась спорить еще на борту корабля. — В чем заключается могущество властителя? Того, кто управляет всей планетой?

— Властитель только один, в настоящий момент — Марек Криган. Он стал им после поединка с предыдущим властителем. Властитель в отличие от герцогов способен еще и обеспечивать существование на Лилит инопланетной материи. Все, что не законсервировано им самим или его ближайшим помощником, великим герцогом Кобе, разрушается практически мгновенно. Наши челноки тоже законсервированы непосредственно властителем Криганом. Иначе они бы давно рассыпались.

Да, худшие мои опасения подтверждались. На Лилит существовала просто невероятная иерархия. Каждый четко знал свое место, знал, что ему позволено, а что — возбранено. Наконец-то я понял, почему у здешних обитателей нет никакой частной собственности. Этим объяснялась и такая бросающаяся в глаза разница в одежде. В зависимости от способ-

ностей по «стабилизации неживой материи» вы можете носить одежду лишь определенного качества, что автоматически определяет ваш социальный статус. Наверное, здешние герцоги — настоящие ходячие гардеробы. Выходит, богатые одежды им просто необходимы как знак высокого положения. Неудивительно, что властитель Криган предпочитает путешествовать инкогнито.

На этой планете людей делала людьми одежда, а мы, нагие, оставались на самой низкой ступени местной иерархии. Хорошо хоть от холода здесь не умрешь.

В тот же день у нас взяли анализ крови. Судя по всему, результаты оказались удовлетворительными. Вечером Патра собрала нас в последний раз.

— Завтра, — сообщила она, — за вами вернется челнок и развезет по поместьям — не знаю, кого куда. Отныне каждому будет предписана определенная работа. Несколько недель уйдет на обучение; останетесь вы простыми пешками или же подниметесь на самую вершину — зависит только от вас. В ваших силах подняться на тот уровень, которого вы достойны, но учитите, на это уйдут месяцы, а может, и годы.

По группе прокатился глухой ропот. Власть на Лилит абсолютна и безгранична — чем не тюрьма?

Этой ночью я не сомкнул глаз. Меня обуревали самые противоречивые чувства. Никогда еще я не попадал в столь сложное положение и теперь терзался сомнениями. Я по-прежнему знал о планете очень мало. И только одно укрепляло веру в собственные силы — в свое время Марек Криган оказался на Лилит в аналогичной ситуации. Да, он был лучшим агентом, но таким же простым смертным, как и все мы. И он тоже мог бесславно погибнуть.

Зато я располагал очень подробной информацией о властителе. Я знал его возраст, пол, внешний вид, знал, что он предпочитает оставаться инкогнито и внешне ничем не отличается от какого-нибудь странника. Он наверняка владеет сложными способами маскировки. Теперь-то мне ясно: обычный странник сравним по способностям с магистром, но запросто может оказаться куда более могущественным, особенно если этот странник — мужчина средних лет. Даже у самого сильного герцога от такой перспективы может начаться паранойя.

Чтобы справиться с задачей, мне, очевидно, лучше стать странником. Но как?

Внезапно меня осенило: я смогу сократить список, ведь странников, подходящих по другим признакам, наверняка не более тысячи. Это открытие несколько успокоило меня.

Задача упрощалась прямо на глазах.

ГЛАВА 4

ПОМЕСТЬЕ ЗЕЙСС

За нами прибыл блестящий, серебристый челнок. Внутренним убранством он напоминал корабль, доставивший нас на Лилит; правда, обшивка того отдавала неприятным ржаво-бурым цветом. Впрочем, не исключено, что это и был тот самый корабль: возможно, после каждого рейса его заново красили на орбите, обновляя защитное покрытие. Но, как бы то ни было, совершенно очевидно, что расписание корабля было составлено очень жестко и выполнялось безукоризненно. А ведь на Лилит отсутствовали радиоприемники — значит, координаты всех рыцарей, герцогов и даже самого властителя вносились в графики раз и навсегда.

А вот чего я действительно не мог себе даже представить, это, как проявляется «сила». Явного волшебства не замечалось — никто не таял в воздухе у меня на глазах, не метал молнии... Да, наверное, я так и буду пребывать в неведении до тех пор, пока не почувствую, вернее, не узнаю, есть она у меня или нет. А если нет, значит, игра проиграна. Раньше я всегда ощущал у себя за спиной надежную громаду Спецслужбы. Но никто, ни одно живое существо во всей Галактике, не способен объяснить феномен Ромба Вардена. Стало быть, поддержки ждать неоткуда.

Я вновь и вновь возвращался мыслями к Кригану. Этот парень знал, на что идет, но вызвался на задание добровольно. А значит, у него были серьезные основания подозревать в себе исключительную силу воли, иначе он просто не рискнул бы...

Уже четыре раза наш челнок опускался на поверхность и снова взлетал, высаживая одних пассажиров и подбирая других. Надо ли говорить, что мы выделялись отсутствием одежды? В промежутках между посадками наш челнок подвергался на орбите тщательной дезинфекции. Путешествие длилось уже целую вечность. Наконец голос из динамика громко и отчетливо произнес номер моего кресла. Входной люк угрожающе зашипел, и я ступил на горячую землю Лилит...

...и увидел нечто потрясающее. В кольце высоких гор лежала уютная долина, словно сошедшая со страниц волшебной сказки: бескрайние поля, высокие деревья, спокойные голубые озера. А потом я заметил гигантских насекомых, чрезвычайно напоминавших тараканов, — мне, немало повидававшему на своем веку, попадались куда более отталкивающие твари. Но лакомиться отбивными из них еще не приходилось.

Невдалеке простиралась фруктовая рощица. Непривычные плоды поражали разнообразием. Поодаль тянулись плантации ягод, на первый взгляд вполне съедобных.

Но уж поистине фантастический вид придавал этой идиллии огромный Замок, возвышавшийся посреди долины. Он стоял на каменистом уступе, вероятно, искусственного происхождения, устремляясь на сотню метров вверх. Сложенный из камня, он поражал замысловатостью конструкции, а бесчисленные башенки, парапеты и бойницы навевали мысли о средневековье.

Чуть ниже, в долине, виднелось скопище соломенных хижин. В них, очевидно, ютились люди попроще. Обернувшись на грохот, я увидел нечто, напоминавшее деревянный фургон на полозьях. Очевидно, какое-то очередное местное растение. В роли «лошади» выступало огромное зеленое существо,

многоногое, с круглым лоснящимся панцирем. На крошечной головке, отдаленно напоминавшей лошадиную, виднелись два маленьких красных глаза и пара усиков-антенн.

Животное погонял здоровенный детина отталкивающей наружности, удобно устроившийся в грубо сработанном седле. Беспокойство вызывала не внешность: я, надо полагать, выглядел ничуть не одухотвореннее. В глаза бросалось отсутствие вожжей, кнута или других средств управления гужевым транспортом. Он просто сидел и тупо тарасился вперед, позволяя животному самому тащить фургон.

Значит, вот как они проявляются — таинственные способности аборигенов! Погонщик управлял животным одной лишь силой воли.

Подъехав ко мне, сани остановились. Мужчина выпрямился во весь рост и молча уставился на меня. Его мускулистая фигура — надо отдать должное — производила впечатление. Одежда возницы состояла из ослепительно желтой набедренной повязки, стянутой на удивление толстым ремнем из гибкого темно-коричневого материала. Сбоку висел огромный, свернутый кольцами кнут.

— Га? — несколько неучтиво спросил он. — Ты что, остолоп, приперся сюда глазами хлопать?

Добро пожаловать в новый дом, с раздражением подумал я, усаживаясь на козлы рядом с гостеприимным аборигеном. Сиденье, как и почти все на этой планете, было из твердой и прочной древесины. Без всяких понуканий зеленый иноходец взял с места в карьер, и я чуть не вылетел из седла.

Абориген беззлобно ухмыльнулся:

— Да, к этому нужно привыкнуть. Но ты не беспокойся — простолюдинам нечасто приходится ездить верхом. — Он замолчал, пристально оглядывая меня с головы до ног. И, видимо, составив благоприятное впечатление, сообщил: — Ты неплохо

сложен, мускулист и крепок. Мы тебя быстро куда-нибудь пристроим. Ты в прежней жизни делал что-нибудь полезное? Плотничал? Строил? Ухаживал за животными?

Подобный наив меня здорово позабавил. Найти в цивилизованном мире кого-нибудь, кто хотя бы помнил значение этих слов, — задача не из легких. Но я уже вошел в роль первопроходца, привыкшего к полудикой жизни.

— К сожалению, ни с чем подобным мне сталкиваться не доводилось. Электрические и энергетические комплексы, оружие — вот и все, с чем мне приходилось иметь дело.

Он фыркнул:

— Электричество! Как же! Теперь ты обычный батрак, и единственное электричество, с которым тебе придется иметь дело на Лилит, — молнии во время грозы. Так что забудь поскорее о прежнем комфорте — ты крепостной в поместье Зейсс. А я — Кронлон, смотритель. Будешь работать на меня, называть меня «сэр» и делать все, что я прикажу.

— Я сам привык отдавать приказы, — пробормотал я достаточно громко. Мне хотелось подразнить его, но Кронлон в ответ только рассмеялся. Повозка остановилась в поле, на полпути до видневшихся у подножия Замка хижин.

— А ну слезай, — приказал он скорее небрежным, чем угрожающим тоном, подкрепив слова энергичным жестом. — Слезай. Иди вперед.

Я недоуменно пожал плечами и спустился с повозки. Вообще-то я ожидал, что моя реплика приведет к потасовке, но Кронлон вовсе не собирался мериться силой. Он спрыгнул вслед за мной и пошел рядом. Я был на целую голову выше, но его это нисколько не заботило.

— Давай нападай на меня! Кому говорят — нападай! Намечалось показательное выступление.

Я опять пожал плечами, размахнулся и попытался изо всех сил двинуть кулаком ему в челюсть. Но почему-то не смог. Руки застыли в воздухе, а кулаки словно сжало гигантскими клещами. Я не мог даже шевельнуться. От чудовищного напряжения невыносимо заболели мышцы, но ударить я все равно не мог. Мой правый кулак беспомощно висел всего в нескольких дюймах от ухмыляющейся физиономии Кронлона. Он неторопливо размахнулся и вмазал мне в солнечное сплетение. Я тяжело рухнул навзничь, издав непривычный стон удивления и боли. Мою правую руку по-прежнему что-то сковывало.

Он подошел поближе:

— Ну как? Даже не верится, правда? — Смотритель не скрывал самодовольства. Внезапно мое оцепенение прошло, кулак рванулся вперед, завершая задуманное движение, и тяжело опустился в дорожную пыль. От толчка я перевернулся на бок. Кронлон коротко хохотнул и повернулся к саням.

Мгновенно сконцентрировавшись, я подскочил и бросился на него сзади. Он разозлил меня не на шутку. Может, он и слышал мои шаги, но видеть меня никак не мог. Новое тренированное тело и меньшая сила тяжести на Лилит придавали мне уверенности. Но, когда до Кронлона оставалось несколько шагов, мои ноги стали ватными, и я вновь рухнул наземь.

Кронлон остановился, повернулся ко мне и зловеще ухмыльнулся:

— Ты что, так ничего и не понял? Я тебя раскусил, ясно? У меня в башке сидит твоя копия, — и для пущей наглядности он постучал по голове. — Даже перечить не пытайся — сразу же узнаю и скручу в бараний рог. Вставай, ишь разлегся.

Я медленно поднялся на ноги, всем телом ощущая ушибы. Мысли крутились с бешеной скоростью. Я был в ярости от того, что этот парень вертел мною

как хотел, но сразу же распознал действие здешней загадочной силы. А ведь Кронлон занимал самую низшую ступень служебной лестницы Лилит!

Он снял кнут с ремня — я уже приготовился к наказанию, — но вдруг ни с того ни с сего протянул его мне:

— На, раскрути. Умеешь? Тогда лупи меня что есть силы!

Взбеленился я круто, и дважды уговаривать меня не пришлось. Кнут оказался длинным и прекрасно сбалансированным. Пару раз ударив по воздуху, чтобы приноровиться, я собрался с силами и занес кнут над головой зрителя.

Кронлон стоял и громко хохотал, даже не пытаясь вернуться. Как я ни старался, но не смог даже задеть его. Я сшибал придорожные камни и срезал траву, будто косой, но, как только перед кнутом оказывался хозяин, он тотчас же налетал на невидимую преграду.

— Замечательно, — сказал зритель. — Теперь, надеюсь, ты понял. Сбрось мне на голову пудовый валун с метровой высоты — и он пролетит мимо.

Кронлон отступил на шаг, кнут буквально прыгнул прямо к нему в руки и тут же угрожающе развернулся. На мое счастье, Кронлон свернул кнут и подцепил к ремню. Его ухмылка стала еще шире.

— Знаю, что ты сейчас подумал, — сказал он. — У тебя на лице написана радость, что я не отстегал тебя. А знаешь почему? Кнут только символ власти, я получил его от самого хозяина Тиля. И мне не хотелось бы случайно попортить его. — Усмешка сошла с лица Кронлона, тон стал властным, в нем слышалось нескрываемое презрение. — У тебя два варианта: либо беспрекословное подчинение и мгновенное выполнение всех моих приказов — и тогда ты будешь жить, либо самоубийство. Я о тебя руки марать не собираюсь — я поступлю гораздо хуже...

Внезапно меня пронзила ужасная боль — ничего подобного я еще не испытывал. Я истошно завопил и рухнул на землю. Я не мог выносить *этого*; я страстно желал умереть сейчас же — казалось, ничто на свете мне не поможет.

Боль прошла так же внезапно. Мгновенное облегчение эхом прокатилось по моим измученным нервам. Чуть дыша, я уткнулся лицом в траву.

— Встать! — приказал Кронлон.

Я немного замешкался, и боль вернулась снова — на долю секунды, как предупреждение. Какие-то силы подбросили меня на ноги.

Кронлон наблюдал за мной с нескрываемым удовольствием. Я ненавидел его сильнее, чем кого бы то ни было, а подлецов на своем веку я повидал.

— Имя? — спросил он.

— Тре... Тремон, — срывающимся голосом прошептал я. — Кол Тремон.

Вновь короткая вспышка адской боли. Я рухнул на колени, но боль тут же стихла.

— Встать! — скомандовал смотритель.

Я попытался подчиниться без промедления, но смог только со второй попытки. Он бесстрастно смотрел на меня.

— Отныне ты будешь называть меня «сэр». В моем присутствии стоять по стойке смирно и смотреть мне в глаза, а когда получишь приказ — сделаешь небольшой поклон и бросишься выполнять задание. С каждым, кто не принадлежит к твоему классу, можешь разговаривать только в том случае, если тебя о чем-то спросят, и только отвечая на вопрос. Понял?

Я по-прежнему задыхался:

— Да... сэр.

— Неправильно, Тремон! Какая ты бестолковая скотина! Вставай, попробуем еще раз.

Кронлон явно не шутил. Боль, которую он причинял нисколько не напрягаясь, была совершенно не-

выносимой. Она еще не изгладилась из моей памяти, и я был готов на все, лишь бы избежать этой пытки. Нелегко сознавать, что унижить и сломать меня оказалось так просто, однако это уже случилось. Казалось, я утратил даже способность думать и жаждал только одного — чтобы боль не возникла снова.

Так прошел час. Приказы сыпались без передышки, подкрепляясь короткими болевыми импульсами. Эта процедура доставляла моему мучителю настоящее удовольствие. Я хорошо знал это опьяняющее состояние собственного могущества, но в роли бессловесной жертвы мне еще выступать не доводилось. Схема была проста: боль — приказ — боль. Агентов учили терять сознание, но я обнаружил, что у меня не осталось сил даже на это. Агенты могли даже спровоцировать усилием воли собственную смерть, но только после того, как лишались последнего шанса на победу.

Если бы от меня зависела жизнь других людей, я не колебался бы ни секунды — в таких ситуациях смерть не самый худший исход. Но сейчас об этом не было и речи.

Кронлон оказался прав: в подобном положении у человека оставалось два выхода — либо смерть, либо полное, безоговорочное подчинение. Когда наступили сумерки, мое «я» было полностью сломлено, а воли словно и не бывало. Еще до заката я по команде лизал его вонючие ноги.

Когда повозка въехала в маленькую деревушку, я тупо сидел на козлах, а в голове крутилось одно: «...магистр в десятки раз сильнее зрителя, а рыцарь в десятки раз сильнее магистра, а герцог в десятки раз сильнее рыцаря, а властитель — это сам Бог...»

Не помню, как мы оказались в деревушке из грязных соломенных хижин. Когда я пришел в себя, уже занимался рассвет.

ГЛАВА 5

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

Батраки жили в самых убогих условиях: спали на полу в переполненных хижинах из дерева *бунти*, не имея никакой собственности вообще.

Первые дни я передвигался, как автомат, ни о чем не думал и ничего не чувствовал. Батраки, казалось, понимали, что мне довелось испытать, хотя многие из них родились на Лилит и, вероятно, никогда не подвергались подобной процедуре. Никто не пытался ни спровоцировать конфликт, ни установить нормальные отношения, словно все ожидали моей инициативы.

Работы заканчивались поздно, и все собирались на пятачке посреди деревни для совместной трапезы. Всем раздавали одинаковую еду: гигантские, безвкусные блины и сочные аппетитные желтые фрукты. Затем появлялся смотритель. Он жил рядом с работниками в точно такой же хижине, но один. Пищу, подобную нашей, он получал в своей лачужке. Пока мы работали, кто-то наводил порядок в общей столовой.

Несмотря на всю свою мощь, Кронлон занимал низшую ступень в здешней иерархии, лишь немного превосходя наш уровень. Достаточно было сравнить его жалкую хибару с возвышавшимся над деревушкой Замком, чтобы понять, какая пропасть отделяет его от собственных хозяев.

Работы состояли в основном из погрузки и переноски тяжестей. Я довольно быстро осознал, насколько вырос человек в условиях Конфедерации.

Жизнь на Лилит остановилась на уровне каменного века; весь труд был ручным, все орудия и утварь — грубые, корявые и, как правило, временные.

В озера впадали две горные реки, и местным жителям приходилось постоянно бороться с наводнениями. Почти каждый день в одно и то же время шел сильный короткий ливень; горы принимали на себя весь шквал, что в какой-то мере спасало поместье. Все ирригационные каналы рыли вручную, вручную грузили землю на повозки и отвозили на берега озер, где сооружались грубые земляные дамбы. Дренажные и ирригационные каналы протянулись на сотни километров; их постоянно размывало, и напряженная работа не прекращалась ни на день.

На полевых работах царило равноправие — мужчины и женщины трудились вместе, выполняя одну и ту же работу. Конечно, учитывались силы, возраст и способности. Дети — самым маленьким было лет шесть-семь — трудились наравне со старшими, выполняя посильную работу под присмотром родителей. Система общественного управления была грубой и примитивной, но хорошо продуманной. Действовала она на родоплеменном уровне.

Дни на Лилит были длинными, рабочее время делилось на равные промежутки с очень короткими перерывами для отдыха и четырьмя длинными — для еды. Продолжительность рабочего дня составляла шестнадцать часов. Когда на долину опускалась ночная мгла, Замок вдаль озарялся огнями. Ночи тоже были длинными. На широте около пяти градусов, где располагалось поместье Зейсс, продолжительность дня и ночи весь год не изменялась.

Досуг батраков был не более разнообразен, чем все остальное. Они танцевали и пели песни, болтали, в основном о работе, сплетничали. Некоторые занимались любовью, но семей или постоянных связей, как

правило, не возникало. Хотя при согласии партнеров создавалось некое подобие семьи.

Этот замкнутый жалкий мирок казался нормальным и естественным. И неудивительно — ничего другого они не знали.

Ну а я? Я пребывал в полной отключке. Я работал, выполнял приказы, но никогда ни о чем не думал.

Теперь-то мне ясно, почему все сложилось так, а не иначе. Честно говоря, больше всего на свете я хотел бы это забыть. Но не могу. Страшно представить, во что я мог превратиться. Скорее всего в некий подвид человекообразного растения. Вот это, пожалуй, страшило меня больше всего.

Трудно сказать, сколько времени я пребывал в таком состоянии — дни, недели... На Липит нет ни часов, ни календаря.

Медленно, очень медленно, я начал восстанавливать свое истинное «я» — сначала во сне, затем в неожиданно всплывавших из укромных уголков подсознания обрывках воспоминаний. Сейчас я понимаю, что на отчаянное внутреннее сопротивление меня запрограммировали еще в клинике Службы безопасности. Никто не хотел играть с удачей вслепую.

«Найди пришельцев... Убей властителя...»

Эти приказы постепенно формировались в моем мозгу и помогли восстановиться, казалось бы, безнадежно разрушенному сознанию.

«Найди пришельцев... Убей властителя...»

Медленно, очень медленно, ночь за ночью возвращались ко мне осколки памяти и собирались согласно приказу, который я должен был выполнить несмотря ни на что.

«Найди пришельцев... Убей властителя...»

И шаг за шагом вернулась способность мыслить. Вечером, перед тем как заснуть, я принялся последовательно вспоминать, что со мной случилось. Теперь оставалось одно: ждать и надеяться.

В цепочке моих рассуждений мог быть изъян, но она работала, и только это теперь имело значение. Первым и самым значительным шагом стало осознание того, что каждый, прилетевший на Лилит, проходил через подобное.

Патра, рыцарь в Верхнем замке, даже сам властитель Марек Криган — ни у кого на этом пути не было привилегий. А Марек прошел все стадии — от смотрителя до властителя — и выиграл Гран-при в бесконечной изматывающей борьбе.

«Найди пришельцев... Убей властителя...»

Всем, кто здесь чего-то добился, пришлось сначала выделиться из массы покорных рабов и пройти — ступень за ступенью — иерархическую лестницу. Всем без исключения.

Так как же действует эта проклятая сила? Как узнать, есть она у тебя или нет?

Спектакль, устроенный Кронлоном, потряс меня до глубины души. Мне и раньше доводилось попадать в переделки, но я всегда находил выход. Единственное отличие теперешней ситуации состояло в том, что, осознав мощь противника, я не стал готовиться к уничтожению врага, а незаметно сдался. В тот день, когда я понял, что передо мной обычное препятствие, а не абсолютно непреодолимый барьер, я вновь почувствовал себя человеком.

Я начал завязывать беседы, хоть это оказалось весьма непросто: темы можно было пересчитать по пальцам. Разговоры о погоде отпадали — погода здесь была неизменной — жаркой и влажной. О чем можно говорить с человеком, для которого вся Вселенная ограничена небольшой горной долиной? Некоторые батраки бывали в других поместьях, но и там жизнь не отличалась разнообразием.

В этом, похоже, и была загвоздка. Хоть в действительности я и знал несравненно больше, чем уроженцы Лилит, мне не хватало информации. После вос-

становления личности я отчаянно нуждался в обществе людей разумных. Я всегда любил одиночество, но на сей раз оно оказалось принудительным. Прежде общение было всегда доступно мне, стоило только захотеть. А теперь, казалось, все обернулось против меня. Я уже почти отчаялся. Но внезапно судьба улыбнулась мне.

Ее звали Ти.

Как-то вечером, уже после моего выздоровления, мы случайно встретились в нашей деревне. Мне и раньше доводилось пару раз мельком видеть ее. Да и трудно было ее не заметить.

Она была невысокая, но такая стройная, с тонкой талией, пышным бюстом и особенно пикантными ягодицами. Удивительные, песочного цвета волосы ниспадали в аккурат до этих самых аппетитных выпуклостей. Да, очень привлекательная девушка. Единственное, что несколько портило впечатление, — это странное сочетание лица двенадцатилетнего подростка с телом зрелой женщины.

Я бы не отреагировал на этот нонсенс, если бы подобное было типично для Лилит, но в нашей деревушке по крайней мере ничего похожего не встречалось. Здесь чувствовалась какая-то тайна, и я решил выяснить, в чем дело.

— Да это же Ти, — пояснил мне один батрак. — Ее выбрал телостроитель и скоро возьмется за нее всерьез. Заминка произошла только из-за того, что у нее обнаружили редкие врожденные способности, и теперь он хочет посмотреть, что из нее получится.

На меня обрушилась лавина совершенно новой информации, и оказалось, что случайно я получил очень ценные сведения.

— А что это значит — «выбрал телостроитель»? — спросил я. — Ты же знаешь, я здесь недавно.

— Хозяин Тиль разводит женщин так же, как он разводит снарков.

Снарками назывались огромные косматые монстры, которых разводили из-за необыкновенно вкусного мяса.

— Когда ребенок, особенно девочка, рождается с какими-нибудь особенностями, его тут же берет на заметку телостроитель, который отбирает кандидатов для спаривания. Он переделывает ее тело, как захочет, а затем спаривает с отобранными мальчиками. Понятно?

Идея показалась мне мерзкой даже для Лилит. Мерзкой, но новой.

— И ее... э... развитие протекало неестественным путем? — поинтересовался я.

Собеседник усмехнулся и выставил указательный палец.

— Видишь? — спросил он. — В свое время я отрубил его напрочь. Кровищи было... И меня отвели к телостроителю. Одним взглядом он остановил кровь, потом осмотрел рану, пару раз прикоснулся к ней, и я отправился обратно. А палец тут же вырос заново.

— Но что означает?... — начал было я, но тут же запнулся. В принципе он уже все объяснил. Я недоверчиво покачал головой. Батрак перехватил мой взгляд и ухмыльнулся.

— Разведение нужно для воспроизводства. Понятно?

Как не понять. При помощи своей силы телостроитель постепенно проникал в ее организм и производил осторожные, неувлимые изменения, отложив время полового созревания по одному ему известным причинам. Это напоминало настоящее животноводство. Мне пришла в голову еще одна мысль.

— Хоги, — толкнул я батрака.

— Ну чего?

— Ты сказал, она обладает какими-то врожденными способностями. Какими? Что она может делать?

— Понятия не имею, — ответил он после небольшой паузы. — Знаю только, что она не боится не только Кронлона, но и вообще никого из здешних правителей. Может, так только немного побаивается. Сила приходит к ней и уходит, но управлять ею она пока не научилась.

Я кивнул. Теперь понятно, почему власти оставили Ти здесь, а не увезли в главный поселок или в замок: они боялись ее потенциальных возможностей. Если она так ничему и не научится, ее используют для спаривания, но если Ти овладеет силой, местные власти столкнутся с массой проблем.

Казалось, я уловил истинную цель программы человеческой селекции. Немного же энтузиазма испытывают сливки здешнего общества от того, что их талантливые дети превращаются в простых рабов, почти животных. Впервые я начал понимать рыцарей и магистров. Да, тяжело обладать такой властью и не иметь возможности передать ее по наследству. На Лилит нет генной инженерии, и даже простейшие лабораторные опыты невозможны. Остается одно — проводить эксперименты по селекции людей. Пока безуспешные.

Внезапно до меня дошло, что все одаренные исключительными способностями люди, о которых мне доводилось слышать, — мужчины. Кроме Патры. Этот вывод мог оказаться неверным, основанным на недостаточной статистике, но, если я прав, проблемы возникают поистине глобальные.

Хогги в этих вопросах разбирался гораздо лучше.

— Да, мужчин действительно больше, — подтвердил он, — но и женщин немало. Я слышал что, когда у женщины-магистра рождается ребенок, ее сила переходит к ребенку. А тем временем кто-то может занять ее место, правда?

Да, на вершине пирамиды только 471 место и всего несколько тысяч — рядом с кормушкой. В условиях такой конкуренции целых девять месяцев оставаться совершенно беззащитной — чистое безумие.

— Ты хочешь сказать, что верховные правители — бесполое? — недоверчиво переспросил я.

— Конечно. Когда обладаешь невероятной силой, этого добиться нетрудно. При травме достаточно приказать своему телу, и кровь останавливается. Точно так же женщина может приказать своему телу не рождать детей. Понятно?

У девушки — врожденный дар, хоть еще и не развитый, и для меня это чрезвычайно важно. Нужно вывести о ее силе как можно больше. Я твердо решил при первой же возможности познакомиться с Ти.

ГЛАВА 6

ТИ

На следующий вечер я разыскал ее как бы случайно. Меня уже предупредили, что Ти тяжело сходится с людьми, но уж чего-чего, а проблем с общением у меня никогда не возникало. Она сидела на валуне спиной к факелу, отмахиваясь от слетевшихся на свет крошечных мошек, и не спеша расправлялась с куском гри — похожего на дыню фрукта со странным кисло-сладким вкусом.

Любой повод для знакомства показался бы слишком нарочитым, поэтому я просто подошел к ней и сказал:

— Здравствуйте. Можно присесть?

Она посмотрела на меня своими огромными глазами, неожиданно улыбнулась и ответила:

— Привет. Конечно, можно.

— Меня зовут... — начал было я, но она тут же перебила.

— Тебя зовут Кол Тремон, и ты попал сюда Извне. — Ее голос, детский и чистый, гораздо больше подходил юному личику, нежели взрослое тело.

— Откуда ты знаешь?

— Я поняла, что ты хочешь со мной познакомиться, — игриво ответила она. — Этого, конечно, хотят все мужики, но тебя я выделила сразу. Ходят слухи, что ты немного тронутый. Это правда?

Я был очарован.

— Да, немного, — сказал я, — но теперь мне гораздо лучше. Здесь все так не похоже на мою родину, и сначала было очень трудно.

Ти зашвырнула кожуру в кустарник и обхватила руками колени:

— Расскажи, что там, Извне?

Я улыбнулся. Она была чертовски привлекательна.

— Там все совсем по-другому. — Я старался подбирать только знакомые ей слова. — Во-первых, там прохладнее. И нет ни батраков, ни рыцарей, ни смотрителей.

Такую информацию переварить ей было явно не по силам..

— А кто же тогда работает?

Хороший вопрос.

— Те люди, которые хотят работать, — осторожно попытался пояснить я. — Кроме того, там полно самой разной работы, на любой вкус. А все самое тяжелое делают машины.

— Да, я слышала об этих 'шинах, — понимающе ответила Ти. — Но кто-то же должен их выращивать и разводить, верно?

Я горестно вздохнул: опять тупик. Как объяснить, что такое машина, обитателю планеты, на которой машин нет вообще? Хотя с этой темы можно будет незаметно перескочить на ту, которая волнует меня гораздо больше.

— Там, где я жил раньше, ни у кого нет силы. А когда ее нет ни у кого, ты можешь изменять предметы и хранить их сколько вздумается. Некоторые такие предметы называются машинами и служат примерно для того же, для чего на Лилит используется сила.

Ти немного подумала, но явно ничего не поняла. Примерно так же вели себя те, с кем я пытался общаться прежде, однако у Ти с головой было все в порядке.

— А почему там нет силы?

— Не знаю. Я даже не представляю, что значит иметь ее и что это такое. — «Не торопись, — подумал я. — Будь осторожнее». — Я слышал, ты обладаешь силой. Это правда?

— Да, похоже на то, — ответила Ти. — Хотя я не очень-то умею с ней обращаться. Понимаешь, я вроде бы ощущаю ее присутствие, но ничего не могу ей приказать. Наверное, такой силой обладают магистры и рыцари, но они могут ей приказывать все что угодно.

— Но ведь ты ощущаешь ее присутствие? На что это похоже?

Она разжала руки, соскользнула с валуна и сладко потянулась. Затем забралась обратно, усевшись поближе.

— Я просто чувствую ее, вот и все. А ты нет?

— Нет. — Я покачал головой. — Или у меня ее вообще нет, или я не разбираюсь в своих ощущениях.

— Даже не знаешь, как это бывает?

Я попытался развить тему, но ей внезапно все наскучило; Ти больше и слышать не хотела об этой проклятой силе, и я решил не надоедать ей. Сегодня мне посчастливилось найти хорошего друга, и я совсем не хотел потерять ее в одночасье. Время терпит.

Неожиданно я осознал, что Ти сидит подозрительно близко, и тут же вспомнил, что она сразу заметила меня и сама была не прочь познакомиться. Мое огромное, по-мужички привлекательное тело притягивало ее как магнит. Да и сам я вдруг почувствовал... но что-то меня остановило. Все-таки она была юной, слишком юной, и слово «батрак» для нее могло значить гораздо больше, нежели для меня.

После нескольких пустых фраз, в которых я воздержался от намеков, она привстала и несколько странно на меня посмотрела:

— Слушай, а ты не из тех, кто любит одни только разговоры?

Я развеял ее сомнения искренним хохотом:

— Нет, конечно, просто там, где я жил раньше, принято выбирать партнеров одного с тобой возраста. «А ты мне в дочки годишься», — мысленно закончил я фразу.

Ти обиделась:

— Так я и думала. Не понимаю, какое это имеет значение. Я ведь давно этим занимаюсь, как ты догадываешься. У меня знаешь сколько таких было! Магистр Танг сказал, что это очень хорошо. — Надув губки, она встала. — Подумай только, я смогу подняться на самую вершину!

Я вздохнул. Как бы это ей получше объяснить? Его поведение очень попахивало юношеским шантажом: «Если ты отказываешься заниматься со мной любовью, я...» Требовательная и чувственная женщина так контрастировала с невинным в душе ребенком, что я просто понятия не имел, как себя вести; к тому же я знал, что ее похоть разбудил тот, кто видел в ней только животное, разве что одомашненное.

Но в конце концов пришлось той же ночью уступить. Слишком страшно было потерять единственную ниточку, которая могла привести меня к новым знаниям.

Мое новое тело таило массу возможностей. Круг рассказывал, что в Безопасности перебрали множество вариантов и выбрали явно не самый худший. Грубая звериная красота и ярко выраженное мужское начало мгновенно очаровали Ти. В последующие дни она старалась не отходить от меня ни на шаг — особенно по вечерам. Казалось, все ее мысли заняты только мной; остальные мужчины сразу как-то поблекли. Кроме того, бывший плебей изрядно поднатрел в любовных играх и мог блеснуть изощренностью, не известной на Лилит.

При малейшей возможности, стараясь не вызвать подозрений, я осторожно выводил все, что касалось силы. Вскоре я узнал то, что хотел, и глубокой ночью, когда Ти лежала в моих объятиях, попытался реализовать полученные знания на практике.

По-видимому, все основывалось на самовнушении, но я так и не получил сколько-нибудь связного объяснения. Ты обладала этой способностью, что называется с пеленок, а потому объяснения давались ей с огромным трудом. Гораздо больше мне помогло бы общение с человеком, который попал на Лилит в зрелом возрасте, но такого случая пока не предвиделось.

Своей настойчивостью я во многом был обязан Кронлону. Если уж такой безмозглый садист смог каким-то образом овладеть силой!.. Да, боюсь, мне никогда не понять, по какому принципу отбирают арестантов для ссылки на Ромб Вардена... И как это Кронлон угодил сюда, избежав простой, вполне заслуженной им модификации психики?

Что же он сделал, чтобы разбудить в себе эту энергию, задумывался я каждую ночь. Что он при этом чувствовал?

Порой между сном и явью мне казалось, будто меня охватывает какое-то странное волнение, но оно было почти неуловимым. Я уже стал беспокоиться, что так никогда и не обрету власть над этой силой. Возможно, виной тому было мое новое тело. Я еще не до конца освоился с ним.

Личность — это черно-белая фотография характера, и только благодаря физиологическим особенностям она окрашивается в разные тона. Даже сексуальные привязанности человека скорее определяются крошечной группой клеток головного мозга, нежели рассудком. Их деятельность протекает незаметно для личности, но стоит вам оказаться в совершенно новой шкуре, и вы переродитесь на глазах.

Древние, многократно мутировавшие гены Тремона, появившегося на свет в глубинке, в результате неуправляемого слияния избежавших физиоконтроля мужчины и женщины, не подверглись коррекции. По-видимому, он обладал врожденными способнос-

тиями, так пригодившимися ему — а стало быть, и мне — на Лилит.

Собственно, личность — не что иное, как комбинация способностей. Тремон был существом яростным, агрессивным и аморальным, попросту грубым самцом. Все эти черты характера придавали особый колорит моим старым привычкам и принципам. Конечно, чем дольше я оставался в его теле, тем больше эти факторы сказывались на моем поведении. В конце концов я просто перестал понимать, почему в какой-то ситуации поступаю так, а не иначе, делаю именно это, а не что-либо иное, получаю удовольствие от того, а не от этого. Постепенно я отождествил себя с Колом Тремоном, который унаследовал память и знания совсем другого человека.

Недели через две после знакомства с Ти я обнаружил, что плохо разбираюсь в своих первых смешанных чувствах к ней. То есть мой рассудок работал по-прежнему четко, но вследствие захлестнувших меня эмоций я все с большим трудом постигал смысл своего джентльменского поведения.

Однажды, возвращаясь в деревню после целого дня полевых работ, я вдруг услышал, как говорит трава.

Это было жуткое, таинственное ощущение, которое вряд ли можно передать словами; ничего подобного мне в жизни испытывать не приходилось. Казалось, трава кишит мириадами невидимых живых существ, непрерывно переговаривающихся друг с другом. Я чувствовал возмущение растений, на которые случайно наступал, и неуловимый вздох облегчения — когда я проходил мимо. Трудно сказать, были ли они разумными, но то, что это живое, способное чувствовать, несомненно. Кроме того, эти существа каким-то образом общались друг с другом. Подминая на ходу былинки, я ощущал слабое напряжение, с ко-

торым растущие поблизости стебельки ожидали той же участи.

Странное, всепроникающее чувство среди моря травы переполняло меня — усталого, грязного, подавленного. От этого недолго и сойти с ума.

Ти, присоединившись ко мне после работы в детских яслях, казалось, сразу уловила происшедшую во мне перемену.

— Ты сегодня почувствовал *это*, — шепнула она.

Я кивнул:

— Да. Очень странное чувство — слышу траву, слышу, как общается друг с другом сонм крошечных живых созданий.

Ти не склонна была к длинным дискуссиям, но хорошо знала, что именно я ощутил, и ее лицо неожиданно исказила гримаса жалости.

— Ты что, правда еще никогда этого не слышал?

Ей явно верилось с трудом. Как будто человек, проживший всю жизнь глухим, внезапно обрел слух. Во мне проснулось некое подобие шестого чувства, столь же острое и пронизательное.

Теперь, когда я знал, что именно нужно искать, я находил его буквально во всем.

Камни, деревья, дикие животные — решительно все кишело еще одной жизнью, невидимой с первого взгляда, но столь же насыщенной и глубокой. Эта планета звучала многоголосным инструментом — и он играл для меня.

Люди не составляли исключения, хотя научиться слышать их было труднее — отчасти из-за их собственного подсознательного нежелания, отчасти из-за неизбежной субъективности любого наблюдения за мыслящим существом. Каждый человек воспринимался мной уникальным, и без чрезвычайной сосредоточенности невозможно было четко восстановить ход его мыслей — составить своеобразную ментальную карту.

Теперь ключ к таинственной энергии был у меня в руках. Микроорганизмы Вардена, поселившиеся в каждой клеточке, а возможно, и в каждой молекуле моего тела, загадочным образом общались с остальными микроорганизмами, населявшими Лилит. Именно эту взаимосвязь мне удалось уловить и услышать. Этой способностью обладали все, в ком оставила след таинственная сила, движущая этим миром.

Когда что-нибудь погибает или деформируется — например, рушится скала, — погибают и микроорганизмы Вардена, а без них субстанция становится нестабильной и мгновенно разрушается. Рыцари, как я понял наконец, обладают даром спасать микроорганизмы Вардена даже в этом случае. Но и они не в силах предотвратить разрушение бактериями предметов, попавших на планету из чуждой среды; они действуют наподобие антител, предохраняющих человека от чужеродных вирусов, — атакуют неживую материю, а затем дестабилизируют и разрушают ее. Кригану удалось, казалось бы, невозможное — убедить микроорганизмы Вардена пощадить попавшую на планету Извне неразумную материю.

Но что позволяет вам настроиться на волны микроорганизмов, живущих в симбиозе с вами, и контролировать их сигналы? Осознание того, что я чувствую такие сигналы, в то время как остальные батраки на это не способны, совершило у меня в душе величайший переворот. Я больше не ощущал ни усталости, ни депрессии. Я обрел бесценный дар и теперь просто обязан был развить его, проверить на практике, научиться пользоваться им, установить границы собственных возможностей.

Возможно, уровня властителя мне никогда не достичь — значит, надо искать союзников.

Но в тот момент меня больше всего радовало то, что скоро я вырвусь из этого ежедневного кошмара.

Да, более чем радовало.

ГЛАВА 7

ОТЕЦ БРОНЦ

Я ни на что и ни на кого не обращал внимания. Дар открылся у меня так неожиданно, так внезапно, что я должен был привыкнуть к нему, осознать происшедшее, понять, какова моя истинная сила, и, главное, научиться управлять ею. И никто не способен был помочь мне в этом — никто, кроме Ти. Но ведь она сама еще не научилась пользоваться своей силой. А значит, рассчитывать я мог только на себя.

Да, я открыл в себе дар. Но до сих пор толком не понимал, какова его природа. Что это? Экстрасенсорика? Одно я мог сказать наверняка: энергия, которую я ощущал, была настолько ничтожна, что воспринимать ее я мог лишь в виде непрерывных и пульсирующих потоков, излучаемых всеми твердыми телами.

А вот из жидкостей и газов ничего не исходило — или я пока этого не улавливал.

Что я еще могу сказать? Все тела излучают энергию одного вида, но по сигналам можно отличить одну травинку от другой, человека от крупного животного; можно даже выделить сигналы, посылаемые каждым из триллионов микробов внутри человека.

Я с головой ушел в эксперименты, когда в нашей деревне появился странник.

Он пришел утром и весь день прогуливался по окрестностям. Но увидел я его только вечером.

Ослепительно белая сверкающая тога, тонкой работы сандалии — все говорило о том, что человек этот обладает исключительной силой. Но в поведении его

не было и тени высокомерия. Сначала мне показалось, что он уже не молод. Его окладистая, ухоженная борода была совсем седая. На лбу выделялись две огромные залысины, а к переносице спускался длинный локон. Тем не менее он был подтянут и энергичен. Его истинный возраст с трудом поддавался определению — то ли восьмой десяток, то ли больше. Странно...

Властитель Марек Криган собственной персоной, подумал я, взглянув на странника. Хотя нет. Ведь Криган должен иметь стандартное сложение, а этот, пожалуй, слишком коренаст и невысок.

А потом я заметил еще одну странность: батраки общались со стариком, как с равным.

— Кто это? — тихонько спросил я у Ти.

— Отец Бронц, — ответила она.

— Да? Ну и что?

— Он магистр. — Видимо, Ти считала, что этим все сказано.

— Это понятно, что магистр. Я не понимаю другого: почему батраки его не боятся? Они даже от тебя и то шарахаются. А уж о зрителе я и не говорю. Что это за магистр такой? На кого он работает? На герцога, да?

— Отец Бронц ни на кого не работает, — ответила Ти, явно удивленная моей тупостью. — Он Человек-Бог.

В первое мгновение я просто онемел. Наконец до меня дошло: Ти просто хотела сказать, что этот старик — священнослужитель.

А я и не знал, что на Лилит есть религия! Впрочем, суеверия встречаются повсюду, даже на самых цивилизованных планетах.

Я с интересом посмотрел на странника.

Как это он угодил на Лилит? За что его сослали? И как он стал магистром? Ведь для этого надо сперва убить соперника, а разве священникам разрешено убивать?

Тем временем к нему подходили все новые мужчины и женщины, небольшими группками или поодиночке.

— О чем они беседуют? — вновь спросил я у Ти.

— Отец Бронц учит их, — пояснила она, — а иногда помогает.

Я нахмурился. Кто он — миссионер или защитник? Но отец Бронц явно заинтересовался моей персоной и то и дело поглядывал в мою сторону. Когда поток батраков наконец иссяк, он повернулся ко мне и призывно махнул рукой.

— Эй, вы! Большой и лохматый, я к вам обращаюсь! Идите сюда! — Голос у него был низкий и мягкий. В интонациях — ни тени враждебности. Да, с такими данными ничего не стоит сделаться лидером.

Итак, выхода не было. Пришлось повиноваться.

— Да вы не волнуйтесь, — улыбнулся он. — Я не дерусь, не истязая батраков и не закусываю младенцами. — Когда я подошел поближе, священник удивленно посмотрел на меня. — Да это же Кол Тремон собственной персоной!

Я весь напрягся, ожидая продолжения.

— Наслышан о вас, от ваших... э... коллег, попавших на Лилит. Я все гадал, на кого же вы похожи.

Ну вот. Вот этого я и боялся. На планете хватало людей, знавших о подвигах Кола Тремона куда больше, чем я сам.

— Присаживайтесь. — Он указал на небольшой холмик. — И успокойтесь, ради Бога! Я служу Господу, и вам нечего бояться.

Я покорно сел рядом. Знал бы он, чего я боюсь на самом деле! Плевать я хотел на его силу. В конце концов и не таких видали. Но вот информация, которой он явно располагал... Ладно. Ничего не поделаешь. Надо взять себя в руки и расслабиться.

— Кол Тремон, — отрекомендовался я. — Что же вы такого обо мне слышали? И от кого?

Он улыбнулся:

— Ну, о вас знают все, кто попадает на Лилит. Вы легендарная личность, Кол, — надеюсь, я могу вас так называть? Один рейд Користана чего стоит! Удар по шахтерской колонии — и сорок миллионов человек как не бывало! Даже удивительно, как им только удалось вас поймать?

— По моему следу пустили агентов-убийц, — быстро ответил я. Только бы он не начал расспрашивать о Користане — понятия не имею, что это такое. — Меня не прикончили только потому, что я предусмотрительно распахал добычу по тайникам. Пришлось им сохранить мне жизнь. Иначе, как бы им удалось все это найти?

Священник сочувственно кивнул:

— Да, от агентов уйти практически невозможно. А кстати, вы знаете, что нынешний властитель был когда-то агентом?

— Да, что-то слышал. Извините за любопытство, но очень странно видеть здесь священника. А еще более странно то, что он с таким участием разговаривает с бывшими уголовниками.

Отец Бронц рассмеялся:

— Вас смутило, что я не читаю проповеди? Да, приходится работать в несколько непривычных условиях. А ведь когда-то я был хорошим проповедником, очень хорошим — боюсь, что я пал жертвой собственных успехов. Я начал с крошечного прихода на всеми забытой планете, а потом получил высший духовный сан на трех планетах, причем две из них были цивилизованными! — Отец Бронц помолчал, глядя в пространство. — О, в нашу казну деньги текли рекой, одно время мы проводили массовые богослужения для полумиллиона человек одновременно! Это было великолепно! — В его голосе зазвучали ностальгические нотки.

— И как же вы попали сюда?

Отец Бронц с трудом вернулся к реальности и посмотрел мне прямо в глаза:

— Наше влияние вселяло страх. У нас было множество последователей, немало денег, а значит, политическое могущество. Церковь приносила неудобство властям. Меня не произвели в архиепископы, и все сливки достались другому, человеку весьма недалекому. Конечно, эта затея провалилась. Последовали общественные акции, политические заявления; общественное мнение стало оказывать неприкрытое давление на церковь. Просто расправиться со мной духовенство не могло — я не нарушил ни единого закона. Меня могли только понизить в сане, но это опять же не привело бы ни к чему. Я вновь бы восстал из пепла, подобно птице Феникс, а мои влиятельные сторонники добились бы моего возвращения на родную кафедру. Вот тогда-то у моих врагов родилась мысль отправить меня миссионером на Ромб Вардена. Но я отказался, пригрозив основать из своих последователей новую церковь. Это все было давно, еще задолго до полного разложения церкви. Против меня сфабриковали уголовное дело с обвинениями в хищении пожертвований и использовании религии в политических целях — и вот я здесь. Я не пожелал принять изгнание добровольно, и меня отправили на Лилит как уголовника.

Да, жизненный путь отца Бронца заурядным не назовешь.

— И вы продолжаете здесь служить церкви в качестве миссионера? — допытывался я.

Он печально улыбнулся:

— Возможно, наша бухгалтерия велась не слишком строго, но я был искренен в своих побуждениях. Я верую в догмы и каноны моей церкви. Я верю, что я лишь орудие в руках Господних. На цивилизованных планетах Церковь стала светской и кор-

румпированной, как и само правительство. А на Лилит мы вернулись к истокам. У нас нет иерархии, нет приходов, только вера — горячая и чистая. Здесь множество язычников и ни одного начальника, кроме самого Всемогущего. — Он оглянулся на батраков и слегка понизил голос. — Посмотрите. Как они живут? Без надежды, без будущего — одно лишь нудное и изнуряющее настоящее. Если вы не обладаете силой, то становитесь рабом. Но ведь все они живые люди! Им, как воздух, нужна вера. Нужна надежда. А бывшие, с позволения сказать, уголовники в нас нуждаются особенно. Кроме того, — добавил он, — я сам в них нуждаюсь. Кто еще будет выслушивать их сетования, такие же жалкие, как и они сами, и защищать их перед хозяевами? Только люди вроде меня. Больше никому.

Ну-ну, видали мы таких. Решил сполна искупить свои грехи (а уж что они у него были — это всякому понятно). Тоже мне, мученик нашелся. Спасаем свою душу путем спасения душ своих ближних. Разумеется, отъявленный фанатик, хотя... Такие, как он, действительно способны помочь людям. Особенно таким несчастным, как эти рабы. А может, даже и мне!

Отец Бронц посмотрел в сторону, заметив Ти, тяжело вздохнул.

— О, нет, — еле слышно произнес он, но я слышал.

— Вы о чем? — удивленно спросил я.

Отец Бронц жестом указал на Ти:

— То, что они собираются сделать с ней и со множеством других девушек, великий грех.

Я невольно вздрогнул. До сих пор я старался не думать об этом. И Ти никогда ни о чем не говорила. Наверное, я боялся потерять ее и не хотел думать о близкой разлуке.

— Что они с ней сделают? — со злостью спросил я.

Отец Бронц опять тяжело вздохнул:

— Во-первых, если можно так выразиться, ее заморозят. Развивающийся интеллект может им помешать, поэтому они искусственно задержат ее развитие на уровне ребенка, гораздо более низком, чем сейчас. Для этого требуется всего лишь найти нужный участок мозга и осторожно уничтожить лишнюю информацию. Большинство телостроителей в свое время работали психиатрами и легко справляются с подобными задачами. Затем они возбуждают деятельность желез внутренней секреции — или чего-то еще, я в этих вопросах не специалист, — и, когда все стабилизируется, направят вместе с другими изуродованными девушками в так называемый гарем. И там начнут ставить эксперименты по устойчивой передаче способности по наследству. У рыцарей это почти мания, и телостроители с радостью используют такой предлог для проведения экспериментов.

Я просто закипел от возмущения:

— И они называются врачами? Мне казалось, призвание врача — спасать жизнь и восстанавливать здоровье — и тела, и духа.

Отец Бронц посмотрел на меня с некоторым удивлением:

— Какой ты странный, Тремон! Почему ты считаешь, что врачи менее подвержены греху, чем все остальные? Они разные — хорошие и плохие, и большинство плохих оказалось именно здесь. Я слышал, что Конфедерация осуществила целую кампанию по высылке их сюда, проводился даже компьютерный анализ их деятельности. Власти надеялись, что они отыщут способ борьбы со здешними микроорганизмами.

Я замотал головой, пытаясь отогнать этот кошмар. Конфедерация! Нет, это бездушие, это за пределами всякой логики!

— Когда они заберут Ти? — еле слышно спросил я. Священник окинул девушку пристальным взглядом:

— Она уже прошла предварительную обработку. Странно, почему она все еще здесь? Видишь ли, «экспериментальный материал» нельзя надолго отпускать в нормальное человеческое общество — может сформироваться устойчивое сознание, уничтожить которое практически невозможно. Мне кажется, твое появление подстегнет их к решительным действиям, так как длительный контакт с человеком, знакомым с миром Извне, может сильно расширить ее кругозор и быстро развить личность.

Я вздрогнул — отец Бронц слишком легко догадался о наших отношениях с Ти.

— Как вы догадались? — спросил я.

Отец Бронц только рассмеялся:

— Священник должен уметь многое, но главное — разбираться в людях. Я видел, какими глазами она смотрела на вас — как послушный щенок на хозяина. Она на самом деле очарована вами, не важно, понимаете вы это или нет. А вы как к ней относитесь?

Я задумался. Никаких иллюзий относительно нашей близости я не питал. Никаких обязательств друг перед другом у нас не было. Подобное случилось со мной впервые — боюсь, я любил ее по-настоящему. У нее были все предпосылки незаурядной личности, яркий и пытливый ум. Я сам пребывал в полном недоумении, оттого что мне удается одновременно воспринимать ее как нуждающегося в моей защите ребенка и как страстную любовницу, в которой нуждаюсь я. Хоть мы и не состояли в родственных отношениях, все это сильно смахивало на инцест. Я все честно сказал отцу Бронцу. В ответ он печально кивнул:

— Так я и думал. Жаль, очень жаль — рядом с вами она могла бы стать необыкновенно интересной и умной женщиной.

Я задумался. Да, у нее были все задатки. Потому-то она и отличалась так от окружающих. И тем трагичнее складывалась ее судьба. Меня захлестнула волна гнева.

Отец Бронц молча, понимающе смотрел на меня. Наконец, мне удалось взять себя в руки.

— Ну вот, — тихо сказал он, — теперь передо мной настоящий Кол Тремон — такой же страшный и неукротимый, как в многочисленных легендах. Из него так и рвется гигантская энергия. Колу Тремону на роду написано стать одним из могущественнейших людей нашего времени... если только он научится сдерживаться.

Я с волнением ловил каждое слово. Отец Бронц, как чрезвычайно сильный и талантливый магистр, смог ощутить мою волю и мощь. Я понял наконец, как управлять этой неведомой силой. Эмоции! Вот в чем дело! Вплоть до этого момента я отличался хладнокровием и никогда не действовал импульсивно. Но здесь, на Лилит, гормоны моего нового тела сыграли свою роль. И отец Бронц первый почувал это.

Гораздо важнее не уровень силы, а способность управлять ею, умение испытывать подлинные, первобытные, ничем не опосредованные чувства и сознательно направлять их в нужное русло. Именно это служило гарантией продвижения человека по иерархической лестнице Лилит. Именно поэтому Кронлон, злобный и неистовый, достиг лишь самой нижней ступени. Именно поэтому Марек Криган стал властителем. Качества блестящего непобедимого агентагодились ему и здесь.

Уже совсем стемнело, батраки разбрелись по хижинам. Завтра предстоял такой же трудный день.

— Вы еще придете? — спросил я отца Бронца.

Он покачал головой:

— К сожалению, нет. Впереди долгий путь, я и так очень задержался. Я направляюсь на юг, в поместье Шемлон. Рад был с вами познакомиться. У меня пред-

чувствие, что мы еще встретимся. Человек такой недоужинной силы быстро вырастает на нашей планете, особенно если тренирует и развивает свой талант.

Это замечание показалось мне чрезвычайно важным.

— Тренирует? — переспросил я. — Но как? Что для этого нужно? Кто поможет?

— Иногда никто, а иногда кто-нибудь, немного, — загадочно ответил он. — Самую лучшую подготовку, насколько мне известно, можно получить в поместье Моаб, где проживают потомки первых поселенцев-ученых. Однако до него много тысяч километров. Впрочем, не стоит волноваться — когда ученик готов, учитель приходит сам.

Я оставил его на пригорке и вместе с Ти направился в хижину. Несмотря на то, что час был поздний, а день выдался не из легких, я долго не мог заснуть. Обрывки мыслей носились в голове. Я думал о Мареке Кригане, о Ти, моей милой несчастной Ти, и о том, что с ней собираются сделать. Постепенно я забылся.

ГЛАВА 8

ПУТЬ НАВЕРХ

Каждую свободную секунду я посвящал тренировкам и добился, по крайней мере так мне казалось, немалых успехов. Во-первых, доставшееся мне тело Кола Тремона я стал воспринимать как свое. Кроме того, его — нет, уже моя — сила развилась до уровня, который еще недавно я считал недоступным. Теперь я даже не замечал, что мой вес как минимум в три раза превышает привычный; перестали болеть мышцы.

Второе мое достижение для меня как агента было гораздо ценнее.

Меня унизили, покорили, а затем втоптали в грязь с удивительной легкостью. Такое не прощают. Теперь, как ни странно, унижение пошло мне на пользу. Когда я попал на Лилит, я был дерзок, энергичен и очень самоуверен. Однако в таких условиях мне — лучшему агенту Конфедерации — действовать еще не приходилось. Все здесь было совершенно чуждым, подчинялось своим, особым законам. Я выпал из родной стихии и раз уж вступил в игру с намерением победить, требовалось сильное, непереносимое унижение, чтобы разрушить все старые стереотипы, взглянуть другими глазами и — выйти победителем. Только поэтому мне удалось выжить. И только поэтому мне, казалось бы, окончательно раздавленному непобедимой мощью, удалось сохранить волю к жизни.

Как-то вечером, вскоре после отъезда отца Бронца, я понял, что что-то случилось неладное.

Ти исчезла. Обычно мы встречались после работы и вместе ужинали, а жизнь в поместье текла столь размеренно, что обо всех переменах я узнавал заранее.

Я принялся расспрашивать, но никто ее не видел. Наконец я узнал, что в полдень за ней зашел Кронлон и увел с собой.

Я задумался. Хотя смотритель был не прочь поразвлечься, дело обстояло гораздо хуже. Несмотря на кажущееся могущество, он был низшим звеном уходящей в горные выси иерархии, и ему так же, как и нам, приходилось исполнять свои обязанности. Предчувствуя самое худшее, я оставил еду и направился к хижине смотрителя. Вряд ли этот поступок можно назвать благоразумным, но иного выхода я не видел.

Кронлон сидел, поглощая какое-то пойло и попыхивая местным эквивалентом сигары — батраков такой роскошью не баловали.

Батрак, который пришел к смотрителю сам, без приказа, бросал вызов основам, и Кронлон, заслышав мои шаги, недоуменно обернулся:

— Тремон! Все-таки пришел! Давай заходи.

Я осторожно приблизился. На мгновение мне захотелось бежать сломя голову, но было поздно — и я прекрасно понимал это. Кронлон заметил меня и пригласил войти, а это уже равносильно приказу.

Он оскалился:

— Ищешь свою сучку, да? Спать не с кем? — В его глазах вспыхнули злорадные огоньки.

Во мне неудержимо нарастали гнев и ненависть. А-страх... Страх куда-то исчез. Я молча кивнул.

Кронлон отвратительно засмеялся. Отхлебнув пива, он сказал:

— Нет ее, парень! Ушла навсегда. Так что подыщи себе кого-нибудь еще. А то беднягу Кола совсем скрутило от обиды, вот умора! — Он снова захохотал.

Я сдерживался из последних сил.

— Где она, сэр? — прямо спросил я.

— А ты что, и впрямь скучаешь? — Он явно наслаждался своим превосходством. — Сегодня я получил приказ найти ее и доставить в Замок. Идти она не хотела, но ничего не поделаешь! — Его взгляд стал пустым, а голос — серьезным. — Мы люди подневольные.

Я почувствовал, что эта мысль ему особенно ненавистна. Свою забитость и безотчетный страх он вымещал на беззащитных жертвах — единственный выход, доступный этой мелкой и подлой душонке. Я чуть было не пожалел его, но передо мной стояло полное ничтожество, недостойное даже ноги мыть тем, над кем он издевался. Я уже кипел.

— А знаешь, что с ней сделают? — внезапно спросил он. — Превратят в корову. В очеловеченную корову, Тремон. Вымя большое, а мозгов никаких. — И он расхохотался.

— Грязный сукин сын, — отчетливо и громко произнес я.

Он продолжал смеяться. Не знаю, слышал он меня или нет, да меня это и не заботило. Я был настолько взбешен, что уже не владел собой. Я бы с радостью внес любую пытку, лишь бы свернуть ему шею.

Однако он меня услышал.

— Что ты сказал? — вставая, спросил Кронлон. — Ну хорошо, сейчас я тебя проучу! — Я почувствовал, как микроорганизмы в его теле стали осязаемее, их свечение заметно усилилось. — Сопляк! Сейчас мы разберемся с тем, что так нравилось твоей корове! Эта штука тебе больше не понадобится!

Ужасная боль буквально взорвалась в каждой клетке моего тела. Я инстинктивно отшатнулся, но боль лишь подстегнула мой безудержный гнев. Кол Тремон превратился в сгусток ненависти.

Я выпрямился и шагнул вперед.

Густые брови Кронлона удивленно приподнялись, на лице появилась растерянность. Затем он сосредоточился, направив на меня всю свою мощь.

Я зарычал, и свирепый первобытный крик сотряс притихшую деревушку. Нечеловеческим усилием воли я бросил всю свою ярость на внезапно присмиревшего зрителя.

Он отступил, наткнулся на стоявший посреди хижины стол и буквально рухнул на него. Мгновенно оказавшись рядом, я мертвой хваткой вцепился ему в глотку. Кронлон пробудил во мне не только животный страх; он научил меня настоящей, всепоглощающей ненависти.

Он попытался разжать мои руки, но, разумеется, безуспешно. Я ощутил, как уходит боль, но не обратил на это внимания. Меня заботило другое.

Энергия во мне стремительно возрастала; странная, почти осязаемая энергия, собравшаяся в один разящий сгусток. Не успел я осознать происходящее, как напряжение спало и выплеснувшаяся энергия ударила в поверженное тело. Мощнейшая вспышка света и невыносимый жар отбросили меня, тело зрителя озарилось странным неестественным светом и стало разлагаться у меня на глазах.

Я смотрел на него как зачарованный, не понимая еще, что произошло. Сначала с него сошла кожа и превратилась в прах, затем наступила очередь мышц, внутренних органов и скелета.

Наконец я шагнул вперед, туда, где только что лежал Кронлон, — горстка праха, вот и все, что от него осталось.

Хотя я уже слышал о таком, разум отказывался это принимать. Это невозможно! Выходит, обитавшие во мне микроорганизмы преобразовали мою ярость в мощный импульс и направили его на Кронлона.

Оглушенный, я повернулся и только тогда увидел толпу батраков. Я шагнул вперед — они отпрянули. На их лицах застыл безотчетный ужас. Ужас передо мной.

Теперь они боялись меня.

— Стойте! — крикнул я. — Пожалуйста, не бойтесь! Я не такой. Я не сделаю вам ничего плохого, я ваш друг. Я ведь жил и работал вместе с вами!

Зря старался. Между нами возникла пропасть. Я стал человеком, обладающим силой.

— Теперь все пойдет по-другому, — почти умолял я. — Больше не будет тирании — я не Кронлон.

Торлок, единственный старик в деревне — батраки обычно не доживали до старости, — считался здесь кем-то вроде старейшины, и к его мнению прислушивались. Он медленно подошел ко мне.

— Сэр, вы должны покинуть нас, — сказал он, как прокаркал. — Вы теперь чужой.

— Торлок...

Он остановил меня жестом:

— Прошу вас, сэр. Когда завтра узнают, что Кронлон не вышел на работу, из Замка пришлют кого-нибудь выяснить, в чем дело. И в конце концов нам дадут нового смотрителя. С его смертью для нас ничего не изменилось.

— Вы же тоже успеете уйти, — сказал я. — У вас есть как минимум полдня.

Торлок вздохнул:

— Сэр, вы просто ничего не понимаете, вы здесь недавно. Вы предлагаете уйти, но куда? В другое поместье? Вы думаете, от этого что-нибудь изменится? Или вы предлагаете нам вести голодную дикую жизнь, без всякой защиты от обладателей силы и просто от зверей? Или быть случайно подстреленным, как дичь? — Он покачал головой. — Нет, для нас нет выхода. Вы должны нас покинуть. Ступайте в Замок и расскажите все. С этого дня вы будете жить их жизнью. Ступайте, пока случайно не навлекли на наши головы гнев магистра. Если вы действительно хотите помочь нам, пожалуйста, уходите.

Слова застряли у меня в горле. Глупцы! Неужели они предпочитают такую жизнь? Им лень хоть немно-

го напрячь свою волю? Ну что же, они это заслужили. Пусть будет так. А мне — мне действительно пора. Пора в Замок.

Там Ти.

Ни слова не говоря, я медленно пошел прочь.

Гнев прошел, а вместе с гневом прошло и ощущение могущества. Теперь я снова держал себя в руках.

Мне еще не доводилось видеть Замок так близко. К тому же я понятия не имел, сколько там людей и какой мощью они обладают. Разумеется, в Замке проводили большую часть времени рыцарь и его семья, а я уже знал, что не могу претендовать больше, чем на магистра. Что касается зрителя... Кронлон выслужился благодаря своим личным качествам: мелочности, подлости, жестокости и тупости. Думаю, и не без оснований, что первые три особой роли не играют, но последнее просто необходимо.

Я склонялся к мысли, что типы вроде Кронлона, не слишком способные и ограниченные, в здешнем обществе обречены на заклание. Кто-то же должен выполнять грязную работу. И всегда оставался риск, что какой-нибудь батрак неожиданно одолеет своего зрителя.

С другой стороны, будь наши силы равны, борьба скорее всего закончилась бы вничью. Если бы я оказался немного сильнее, Кронлон, испытав сильнейшую боль, остался бы жив. Очевидно, я достиг уровня магистра.

Очевидно, достиг... но уровня совершенно нетренированного магистра. Я не мог применить силу просто по команде, автоматически, как это удавалось даже Кронлону. Хотя у Ти это получалось еще хуже, чем у меня; а ведь однажды ее взбесили до такой степени, что она разложила кого-то на атомы. Правда, закрепить свой успех не сумела.

Я остановился посреди поля, снова и снова спрашивая: что же это — доказательство моей избранности или неуправляемые врожденные способности?

Ночи напролет я вслушивался в микроорганизмы, но все мои попытки приказать им что-то заканчивались неудачей — усилием воли не удавалось согнуть даже былинку. А затем без всякой подготовки мне удалось обратиться в прах человека. Как это случилось? Почему?

Дело не в отсутствии мыслей, хотя на этот раз все было как в тумане; правители, даже такого низкого ранга, как Кронлон, всегда добивались желаемого без видимых усилий. Кроме того, невозможно установить контакт с микроорганизмами Вардена, которые находятся внутри организма; эти дряни реагируют только на стимулы. На внешние стимулы. А если сила человека не зависит от его разума, то тем не менее может быть мобилизована сознательно усилием воли, что тогда?

Стоило только сформулировать вопрос, как сразу возник ответ. Конечно же, всему виной эмоции. Моя ненависть и презрение к Кронлону вынудили микроорганизмы передать ему разрушительный импульс.

Ненависть, страх, любовь... все эти чувства суть химические реакции организма, и в первую очередь головного мозга. Образующиеся вещества воздействуют на микроорганизмы Вардена, находящиеся в симбиозе с клетками организма-носителя. Человеческие эмоции, сведенные к простым химическим заменителям, — вот в чем разгадка. А значит, надо научиться управлять теми участками мозга, которые обычно не подвластны сознанию. Нечто подобное делают йоги.

Сосланные на Лилит уголовники — люди неуравновешенные, а зачастую просто больные. Люди, не умеющие подавлять эмоции. Их потомки лучше адаптировались к местным условиям потому, что выросли в стабильном и замкнутом обществе, и среди них за-

метно меньше наделенных способностью пользоваться силой. Собственно говоря, мой тренированный расчетливый ум агента оказался не самым эффективным орудием — меня выручило тело Кола Тремона.

Я медленно брел к Замку, стараясь во всем разобаться. Примерно через два часа я стоял перед резной каменной лестницей, которая, петляя, вела в Замок. Впервые за долгое время я устыдился своей наготы и грязного тела, дикости и ярости, немыслимых в цивилизованном обществе. А там, за толстыми стенами, находились вполне цивилизованные люди. Возможно, не совсем нормальные, но уж точно цивилизованные. И даже культурные.

Я задумался, как мне следует представиться, и пожалел, что не поинтересовался в деревне. Может, просто постучать и сказать: «Привет, я Кол Тремон. Я только что убил зрителя Кронлона и хочу к вам присоединиться»?

Никаких достойных мыслей мне в голову не приходило. Оставалось одно — идти вперед, положившись на судьбу.

ГЛАВА 9

ЗАМОК

Такое бывает в ночных кошмарах. Ни на одной цивилизованной планете многие тысячелетия не было ничего подобного. Лишь начитавшийся сказок ребенок мог вообразить это.

«И жили они счастливо...»

По обе стороны от главных ворот поднимались в заоблачную высь две мрачные башни. Огромная каменная арка была перекрыта тяжелыми двустворчатыми воротами из дерева цвета бронзы. В непривычно огромных окнах виднелись подсвеченные изнутри витражи, выполненные настоящим мастером. Замок весь светился огнями, и я решил, что никого не побеспокою столь поздним визитом.

Внимательно осмотревшись, я не заметил никаких калиток — только огромные ворота. Интересно, у всех рыцарей такие огромные дворцы или это причуда хозяина Тиля?

Ничего похожего на звонок тоже не оказалось, и я принялся из всех сил стучать кулаками.

Я ожидал мгновенного отклика, но ошибся. Из-за толстых стен доносились лишь звуки музыки. Я стучал долго, очень долго, периодически отдыхая на траве, и уже решил, что Замок откроется для посетителей только утром. Все же меня услышали, и сверху раздался голос:

— Эй, вы! Какого черта?

Я вскочил, пытаясь определить местонахождение говорящего. Он стоял в одном из маленьких стрель-

чатых окошек башни. Разглядеть одежду и тем самым определить его ранг в темноте оказалось невозможно.

Я пожал плечами. Чертовщина какая-то!

— Я Кол Тремон, сэр! — крикнул я, и эхо подхватило мои слова. — Я расплыл одного из ваших смотрителей и решил отправиться к вам!

Поколебавшись, незнакомец ответил:

— Подождите минутку! Я кого-нибудь найду!

Я недоумевал. Понятно, что я никуда не уйду, идти просто некуда. Интересно, куда он направился и кто он такой — последний слуга или же хозяин собственной персоной.

Через несколько минут раздался скрип, огромные двери распахнулись, и я увидел не очень молодую женщину, высокую и стройную, одетую почти что изысканно. Вероятно, еще недавно она поражала изумительной красотой, однако годы взяли свое. Седина и морщины выдавали настоящий возраст.

Ее длинное платье (или халат) ярко-фиолетового шелка, расшитое золотом, потрясало роскошью. Магистр как минимум, решил я. И внезапно почувствовал себя совершенно беспомощным. Казалось, мое странное и неожиданное появление нисколько не удивило ее.

Женщина обошла меня со всех сторон, рассматривая как племенного бычка. Ее носик слегка сморщился — ясно, для нее это внове и не по вкусу. Мой «аромат» наверняка напомнил ей то давно прошедшее время, когда она находилась в моем теперешнем состоянии.

Наконец женщина отступила и еще раз окинула меня взглядом с головы до пят. Я решил лучше помолчать.

— Так это вы убили Кронлона? — поинтересовалась она.

Я кивнул:

— Совершенно верно, мадам.

— Джиор сказал, что вы его... э-э-э... дезинтегрировали?

— Совершенно верно, — вновь кивнул я. — Он просто рассыпался в прах.

Она задумалась.

— Вы свободно используете слова, свидетельствующие о высоком культурном уровне, — с некоторым удивлением отметила она. — Дезинтегрировали. Прах. И манеры выдают хорошее воспитание. Вы прибыли к нам Извне?

— Да, мадам, — подтвердил я, прекрасно понимая, какое впечатление произвел мой внешний вид. — Но я на Лилит уже довольно давно; к сожалению, не могу сказать точнее.

Женщина поднесла руку ко лбу и задумчиво спросила:

— А чем вы занимались Извне, Тремон?

— Я был... э-э-э... джентльменом удачи.

Она не смогла сдержать улыбку:

— Вы хотели сказать «пиратом»?

— Но по политическим мотивам, — возразил я. — Меня не устраивал основной принцип Конфедерации, и я объявил им войну.

— В самом деле? И что же это за принцип?

— Равноправие, — ответил я, стараясь выглядеть непринужденным и искренним. Я оказался в родной стихии и мог блеснуть своими талантами. — Конфедерация попыталась уравнивать всех во всех отношениях, в том числе и имущественно. Я твердо убежден в порочности такого подхода и действовал согласно своим убеждениям.

Женщина мгновение помолчала и внезапно залилась глубоким гортанным смехом.

— А вы забавный, Тремон, — сказала она наконец. — Мне кажется, вам найдется здесь место. Пожалуйста, проходите — мы быстро приведем вас в порядок.

Она повернулась и направилась в Замок. Я, немного прибодрившись, последовал за ней. После невыносимо долгого рабства я вновь становился самим собой.

Зал утопал в мерцающем свете разнообразных масляных ламп. Здесь было сыро и прохладно; ничего подобного на Лилит я еще не встречал. Однако блаженная прохлада улетучилась, когда мы вошли в главный зал, — что-то наподобие внутреннего дворика, квадратного и очень большого — метров сорок в периметре. Пол его украшал диковинный орнамент из десятков тысяч разноцветных квадратных плиток. Архитектор Замка явно был мастером своего дела. Но самое удивительное — в центре зала возвышался настоящий водопад, не очень большой, зато действующий. Вода, вырываясь из незаметных отверстий в скальной стене, каскадом спадала в бассейн, который, однако, не переполнялся. Значит, существовала также система отвода воды. Я замер, пораженный прекрасным зрелищем, свидетельствующим о незаурядных способностях зодчего.

От спутницы не укрылась моя реакция.

— Великолепно? — дружелюбно сказала она. — Это действительно чудо, которое никогда не приедается. Воду отводят по нескольким акведукам в резервуары, где она накапливается и затем используется в хозяйственных целях. Излишки сбрасываются в подземный поток. — Женщина снова засмеялась. — Здесь у нас весьма уютно, мой дорогой, почти как на цивилизованных планетах. — Она жестом пригласила меня дальше, и я поспешил за ней.

Из главного зала шел длинный каменный коридор, напоминающий тоннель; периодически мы встречали людей, и я замечал любопытные взгляды. Но вопросов никто не задавал. Многие были одеты весьма скромно, зачастую в простые юбки, наподобие шотландских, и сандалии, или же в нечто, напоминающее длинные, сплетенные из травы набедренные повязки, поверх ко-

торых у многих спускались развевающиеся мантии разных цветов и покроя. На некоторых были необычного вида рубашки, штаны, тяжелые грубые ботинки, символизировавшие различное социальное положение.

Но несмотря на различия в одежде и рангах, все встреченные нами казались чистыми и аккуратными. Они и в самом деле производили впечатление людей цивилизованных, и я на их фоне казался неандертальцем, вломившимся в светское общество.

Наконец меня привели в довольно скромную комнату. Массивная деревянная дверь закрывалась изнутри. С точки зрения цивилизованного человека, комната была самая обычная, но мне она показалась настоящим раем. Примерно семь метров в длину и пять — в ширину; маленький стол с масляной лампой, встроенный шкаф. Но самое главное — кровать, настоящая кровать, с шелковыми простынями и очень мягкими подушками. Кажется, я целую вечность не спал в кровати.

Пол украшала шкура — вероятно, зверя нур. Этих огромных паукообразных тварей разводили на одной из ферм поместья Зейсс. Она придавала комнате какой-то своеобразный уют.

— Вы будете жить здесь до тех пор, пока не пройдете тестирование и не приступите к регулярным занятиям, — сказала провожатая. Она еще раз поглядела на меня, вновь страдальчески сморщив носик. — Но прежде вас необходимо хорошенько вымыть. О Господи! Неужели батраки никогда не моются?

— Моются, — заверил я, — но очень нерегулярно — работа не позволяет.

Она пожала плечами:

— Хорошо, Тремон, вы сейчас же отправитесь мыться. Я отведу вас, но дожидаться не буду — мне уже давно пора в банкетный зал. Не так часто у нас бывают приемы, да еще с такими приглашенными. Думаю, мне гораздо важнее находиться там, нежели с вами.

Я отнесся к ее словам спокойно, так как хорошо ее понимал. Несмотря на все великолепие, жизнь в Замке наверняка такая же скучная, как и все на этой планете, и светская жизнь, вероятно, единственная отдушина для тех, кто родился Извне и знал другую, более интересную.

Затем она отвела меня в баню — систему небольших бассейнов, наполненных подогретой водой.

Несколько молодых женщин в ранге зрителей уже поджидали нас. Я поступил в их распоряжение, и моя провожатая быстро удалилась. Это была одна из самых необычных банных процедур в моей жизни, впрочем, назвать ее неприятной у меня не получается язык. После долгих месяцев рабства оказаться в горячей ванне, да еще в компании таких красоток — верх наслаждения!

Ласковые руки тщательно смыли с меня всю грязь. Затем вытерли, привели в порядок ногти на руках и ногах да еще и подстригли, и побрили. Я испытал неожиданное, неизвестное ранее щемящее чувство, очевидно, связанное со стремительными переменами, — переходом от убожества к роскоши. От подобной метаморфозы я просто пришел в восторг, впервые по-настоящему расслабившись с того самого момента, когда неожиданно очнулся на борту тюремного корабля. Я провел в Замке не более двух часов, но батрацкое прошлое уже казалось мне далеким кошмаром.

Мои амазонки хранили ледяное молчание, умудряясь пресечь любые попытки завязать дружескую беседу. Их ненавязчивая скрытность выдавала настоящих профессионалов.

В конце концов я вернулся к себе в комнату. Запираться я не стал, посчитав это лишним. Рухнув на огромную и удивительно мягкую постель, я почти мгновенно погрузился в сон. Откуда-то из подсознания всплыло лицо Ти, внимательно и осуждающе глядевшей на меня. Больше я ничего не помню.

ГЛАВА 10

ДОКТОР ПОН И МАГИСТР АРТУР

Мне позволили выспаться вволю, и проснулся я довольно поздно. Я редко помню сны, а эта ночь вообще стала сплошным провалом. Впервые я спал так крепко, но проснулся словно по сигналу. Казалось, кто-то всю ночь следил за мной.

Во всяком случае, я открыл глаза только после того, как где-то прозвенел звонок и в дверь постучали.

— Открыто, — спросонья пробормотал я, тщетно стараясь прогнать сон.

Дверь открылась, и я увидел мальчика лет десяти-одиннадцати, не больше.

— Оставайтесь в постели, если хотите, — произнес он приятным тенорком. — Завтрак вам принесут сюда.

Я кивнул, и дверь закрылась. Подняться было выше моих сил. Нестерпимо болели все мышцы, а мозг казался полностью опустошенным. Все эти месяцы я страдал от бессонницы, и только теперь напряжение отпустило меня.

Я лежал пластом, пытаюсь обнаружить скрытый глазок. Это оказалось проще простого: Он должен находиться выше человеческого роста и, судя по всему, прямо напротив меня. Подробное изучение предполагаемой области позволило мне разглядеть маленькое, едва различимое отверстие в стене, за которым почти наверняка скрывался внимательный наблюдатель.

Вскоре принесли завтрак, по-спартански простой — несколько сухарей и вкусных пирожков, желе,

стакан сока, — хотя после ужасной еды, которой кормили нас в деревне, эти яства представлялись верхом кулинарного искусства. К жизни меня возродила кружка странного горячего напитка, напоминавшего кофе. Это оказался очень сильный стимулятор. Все без исключения было калорийным и вкусным.

Вскоре пришли слуги — явно в ранге зрителей — и унесли поднос. Подкрепившись, я почувствовал себя способным на все. Только сейчас, увидев, что столь сильные люди работают здесь лакеями и слугами, я осознал, чем на самом деле являлся Замок. В наших секретных службах боссом был генерал или адмирал, и он внушал трепетное уважение. А в Генштабе такие же генералы и адмиралы служили курьерами. А ведь они обладали гораздо меньшей силой, чем люди, которые меня здесь окружали.

Работа смотрителя по сравнению с тяжелым трудом основного населения Лилит казалась легкой и одновременно почетной, более цивилизованной и комфортной. Их молодость говорила сама за себя: подавляющее большинство родилось здесь. Я тут же вспомнил о Ти; она наверняка находилась неподалеку, в этом же Замке. Я обязательно должен разыскать ее и постараться помочь всем, чем смогу, — хотя это и непросто.

Теперь я был готов войти в здешнее общество, впрочем, мне не пришлось долго ждать. Мой гид и экзаменатор без стука вошел в комнату, и эта бесцеремонность свидетельствовала о высоком ранге. Кол Тремон был настоящим исполином среди людей, но этот ничуть не уступал мне в росте. Он был в отличие от меня одет в иссиня-черную рубаху и такого же цвета брюки. Сандалии у него тоже были черные, а пояс — золотой.

А еще он был аккуратно выбрит; на его лице выделялись только густые усы со свисающими концами. Грубые черты выдавали человека искушенного, много

пережившего. Из-под седых бровей пристально смотрели колючие глаза — столь волевого взгляда я еще не встречал! Пышная, немного кучерявая шевелюра была аккуратно подстрижена, однако седина выдавала его истинный возраст.

Я мгновенно понял, что он исключительно опасен. Он был из тех, чья свирепость действовала на людей как удав на кролика и приводила в состояние транса даже неукротимого Кронлона. Я встал и осторожно поклонился.

— Я магистр Артур, — представился он таким низким и трубным голосом, что многие вздрогнули бы, только заслышав его. Самое смешное, что сейчас он говорил тихо и приветливо. Не хотел бы я увидеть его в ярости и уж тем более попасть ему под горячую руку.

— Я начальник охраны, — продолжил он, оглядывая меня с ног до головы.

Я обнаружил, что не способен почувствовать формирование своего образа в его мозгу.

— Кол Тремон, — сообщил я, надеясь, что этого достаточно.

Он кивнул:

— Так это ты изжарил старину Кронлона? Ну ничего, в любом случае хорошо, что мы избавились от этой старой крысы. Я его никогда не любил, хотя признаю, что с работой он справлялся неплохо. Очень даже неплохо. Пошли сначала к медикам, а затем погоняем тебя на тестировании. Нормально себя чувствуешь?

Я кивнул, хоть еще не совсем проснулся:

— Вполне.

— Пойдем. — Он повернулся и быстро вышел из комнаты:

Я поспешил за ним, отметив про себя гордую поступь и осанку магистра, выдававшую в нем старого воюку. Он явно попал сюда Извне. Интересно, чем он там занимался?

Днем в Замке было гораздо оживленнее. Повсюду бродили люди; многие занимались уборкой. Подавляющее большинство, казалось, слонялось без дела. И все без исключения производили впечатление настолько чистых и ухоженных, что невольно натолкнули меня на странную мысль. Чтобы мои современники жили в подлинно цивилизованном мире, наши предки в Древней Греции должны были совершить промышленную революцию. Примитивность технологии не говорит о примитивности вообще.

Однако именно технология и поражала. Когда я впервые попал на Лилит, то и поверить не мог не только в существование столь сложных построек, но и даже самой обыкновенной одежды. Именно поэтому, размышляя я, и приходится спать в хижинах из дерева бунти и ходить нагишом. Теперь я осознал подоплеку могущества, которое наделяло людей энергией микроорганизмов Вардена. В условиях Лилит эта энергия стала главным фактором культуры и развития общества.

Она преобразовывала среду обитания в соответствии с потребностями — вот разгадка социального положения батраков, причина их абсолютной нищеты и вечного рабства. Специфические правила, управляющие микроорганизмами Вардена, передавали эту энергию в руки избранного меньшинства.

Люди, мимо которых проходил магистр Артур, испуганно косились на него, избегая встречаться с ним взглядом. Не было никаких сомнений: его панически боялись, боялись даже другие магистры.

Артур доставил меня в медпункт и приказал врачам позвать его, когда обследование закончится. Врачи держались подчеркнуто вежливо. И, когда магистр Артур наконец-то вышел, я почувствовал, как они облегченно вздохнули. Надо мной произвели все необходимые процедуры, какие только можно было провести без нормальных инструментов, хотя кое-какие

любопытные аналоги у них имелись. Для измерения кровяного давления врачи Лилит использовали особый сорт выющегося растения, напоминавшего виноградную лозу; при помощи маленького желтого листа, изменявшего свой цвет вплоть до красного, определяли мою температуру. Все данные записывались острой тростниковой палочкой на тонких листах.

Все без исключения сотрудники медпункта имели ранг смотрителя. Только после окончания обследования они пригласили начальника. Тот оказался низеньким толстячком средних лет, явно знакомым с благами цивилизации.

— Меня зовут доктор Пон. — Он взял исчерканные листы и быстро проглядел их.

— Похоже, вы абсолютно нормальны. Вы, видимо, знаете, что микроорганизмы Вардена бдительно следят за состоянием нашего здоровья. Искореняются практически все нарушения, кроме повреждений мозга, регенирируют даже конечности. В результате мы утратили иммунитет к вирусам, и это достаточно серьезная проблема. Итак, все формальности мы прошли. Никогда ведь не знаешь, в какой момент встретится нечто феноменальное. Кроме того, нас интересуют сравнительные характеристики людей, обладающих силой.

Я кивнул, вспомнив идефикс хозяина Тиля вывести людей, у которых способности будут передаваться по наследству. Чувствуется, доктор Пон тоже задействован в этой программе.

— А в прошлой жизни вы тоже были врачом? — дружески полюбопытствовал я.

Он усмехнулся:

— Извне? Разумеется. Но вы представить себе не можете, насколько это разные вещи. Все тамошние диагностические компьютеры, хирурги-автоматы бессильны против ряда неизлечимых болезней. Здесь же мне приходится лечить, пользуясь исключительно

местными методиками — в основном для снятия недомоганий и нервного переутомления. Кроме того, я занимаюсь научной деятельностью — изучаю микроорганизмы Вардена.

Вот это уже горячее.

— Ну и как, нашли что-нибудь интересное?

Он развел руками:

— Не так уж и много. Существует множество физиологических и биохимических факторов, но выделить их, исследовать воздействие — особенно в отношении людей, рожденных вне Лилит, — не представляется возможным. Наверное, с прежним моим оборудованием удалось бы чего-то добиться; или если бы у меня был доступ хотя бы к орбитальной базе Кригана... Здесь же приходится довольствоваться самыми грубыми методами, так что о сроках говорить не приходится.

Я удивленно поднял брови:

— Орбитальная база?

— Да, а вы что, не знали? Ее создали на Медузе несколько лет назад, поэтому в ней присутствуют сильно модифицированные микроорганизмы Вардена, у которых нет такого неприятия машин, как у местных. Большую часть времени Криган проводит там.

Это была архиважная информация. Хотя он и появляется на базе, когда ему вздумается, но это значительно упрощает задачу, поскольку спутник можно уничтожить практически в любой момент. Если бы я был Криганом, то свел бы свои визиты туда к минимуму, а еще лучше — отправил бы на базу своих помощников и превратил ее в командный и коммуникационный центр.

Похоже, я выудил из него нужную информацию, тем не менее я постарался расспросить его о сути проводимых экспериментов.

— Интересно, — как бы вскользь заметил я, — какково ваше мнение о биохимических факторах? Я при-

шел к выводу, что катализатором служат эмоции и сопровождающие их химические процессы в организме. Сила высвободилась во мне тогда, когда я чувствовал сильный гнев.

— Совершенно верно, — просиял доктор. — Да, эмоции действительно являются ключом к силе. Однако у каждого свой порог биохимических изменений, и пороги эти весьма различны. Кроме того, микроорганизмы Вардена очень чувствительны к образующимся продуктам. Биохимические процессы играют здесь первую скрипку — а также воля. Именно гнев дал вам силу, необходимую для убийства; но желание убить противника высвободило ее. Я склонен считать, что первоначальным импульсом к управлению микроорганизмами является так называемый инстинкт уничтожения. Все без исключения обладают такой силой в скрытом состоянии, но далеко не каждому хватает воли. Вот почему батраки остаются батраками.

— Вы говорили, что пытаетесь вызвать соответствующие процессы в тех, кто по тем или иным причинам не обладает силой, — напомнил я. — Ну и как, удается?

Он встал, явно польщенный моей заинтересованностью:

— Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Мы спустились в холл, заканчивавшийся большой камерой. Я остановился, потрясенный. Десятки плит расположились аккуратными рядами. Это были постели, и на каждой спала или находилась в коматозном состоянии девушка. В одной из них, лежащей прямо напротив, я с ужасом узнал мою Ти. С большим трудом я взял себя в руки, не желая раскрываться раньше времени. Еще слишком рано, заклинал я себя.

— Они живы? — спросил я, страшась ответа.

Пон кивнул:

— Конечно. Эти девушки — батрачки, демонстрировали мощные импульсные всплески силы, обычные

при половом созревании, но оказались неспособными управлять ею, или как минимум руководствоваться в своих поступках собственной волей. На первом году созревания в организмах девушек происходят очень сильные изменения, гораздо более значительные и радикальные, чем в организмах их сверстников-мальчиков. Зачастую именно эти мутации и приводят в действие феномен Вардена. Мы регулярно осматриваем всех девушек в поместье при вступлении в подростковый возраст. У этих созревание протекало исключительно бурно, как вы можете судить по их гипертрофированным телам.

— Мне кажется, вы приложили к этому руку, — брякнул я, но тут же, овладев собой, добавил: — Одна из них моя знакомая, и поэтому я интересуюсь.

Похоже, он несколько удивился, но к моим словам отнесся спокойно:

— О, нет. Их развитие вторично. Я полагаю, что во время этих фундаментальных перемен находящиеся в них микроорганизмы Вардена сбиваются с толку, получают неверные инструкции или неправильно реагируют на внешние стимулы. Разумеется, не все девушки переживают это — одна на сотню, в лучшем случае; кроме того, примерно один процент демонстрирует силу в сочетании с неправильным физическим развитием. Именно их мы и стараемся исследовать, хотя некоторая неопределенность в оценке силы заметно ограничивает наши возможности. Я могу умереть или пострадать при спонтанном выделении сильной энергии, и, хотя я добровольно и сознательно иду на риск, хозяин Тиль рисковать не намерен. Так что нам приходится отсылать их в деревни, пока сохраняется опасность. Кстати, какую вы знали?

Я указал на Ти.

— Вполне возможно, она поступила к нам недавно. Сейчас я ее обследую, окончательных результатов пока нет, но потенциал огромный. В моей практике

такое впервые. Ее феномен проявляется буквально во всем, и зачастую очень резко. Одно могу сказать: она изуродовала с полдюжины своих знакомых, в том числе родную мать.

Я удивленно потряс головой. Малышка Ти калечила людей? Невероятно! Я проводил с ней все ночи, и, если бы она показала себя во всей красе, бедному агенту Конфедерации пришлось бы туго.

— Что вы делаете с ними сейчас? — спросил я у доктора.

— Исследую, — ответил Пон. — Все магистры и люди высокого ранга видят силу, которой обладают другие. Ранг определяется в первую очередь точностью настройки ваших органов чувств, как вы уже могли заметить. Смотритель может управлять только всем организмом как таковым. Вам удалось убить Кронлона, но вы не смогли направленно высвободить энергию, чтобы, например, оторвать ему руку. Я гораздо точнее работаю со своей силой. То, что раньше я делал при помощи микроскопов и микрохирургических методик, теперь делаю голыми руками. Благодаря концентрации и своему опыту я отслеживаю путь белого кровяного тельца по всей кровеносной системе и управляю им, даже уничтожаю. Вы ведь чувствуете микроорганизмы Вардена во всех телах и предметах, да?

Я кивнул.

— Ну так вот, воображение способно выделить отдельные клетки в любом организме. Это по плечу любому магистру. Действительно, без моей медицинской подготовки они просто не поняли бы, что от них требуется, так что я нахожусь в Замке на особом положении. У магистров разные способности, это зависит от знаний, навыков и честолюбия. Будь у вас даже сила, как у Марека Кригана, все равно вам это ничего не даст, если вы не обладаете той же чувствительностью, тонкостью и артистичностью, чтобы реализовать

ее. Вот почему силу так часто используют в откровенно деструктивных, варварских целях. Для уничтожения требуются лишь желание и воля.

Я принял это к сведению и подумал, что множество врачей, оставшихся на цивилизованных планетах, могли бы столь же искренне позавидовать его силе, как он завидует их технологическим возможностям. Ни один, даже самый мощный, компьютер Извне не мог изучать организм столь надежным и одновременно щадящим способом, проникая взглядом в тело, словно рентгеном.

— Они совершенно неподвижны, — словно невзначай отметил я. — Наркотики?

Пон энергично покачал головой:

— Нет-нет, что вы! Все гораздо сложнее. Я временно блокирую определенные участки мозга. Они впадают в глубокую кому, и я могу исследовать их, тестировать — делать все необходимое. Кроме того, я слежу за выделением основных ферментов в количествах, достаточных для запуска механизма силы. Я изучаю их таким образом до тех пор, пока не смогу управлять ими; затем мы начинаем обучение по самым современным методикам. — Он указал на одну из крайних коек. — Например, вон та девушка, Кира, может теперь по моей команде разрушать даже камни.

Я нахмурился. Все это не внушало оптимизма. Особенно способности доктора Пона. За какое преступление столь талантливый врач угодил на Лилит? Может, проявился нездоровый интерес к молодым девушкам? Или же раньше, Извне, ставил эксперименты на людях? Прежде я о нем никогда не слышал. История человечества знавала немало людей, подобных доктору Пону, чья жажда сенсаций заставляла их напрочь забыть о нравственности. Или это внезапно ожившая тень древних преданий о создателе кро-

вожадного чудовища и вечной загадки — кто же из них настоящий монстр?

Этих девушек превратили в настоящих зомби, а возможно, и в живые станки для плотских утех. Я представил на секунду Ти рядом с ним...

— Очевидно, вы занимаетесь и селекцией?

Он кивнул:

— Разумеется. Мы исходим из того, что биохимия передается по наследству. Честно говоря, полагаю, что здесь действует множество факторов, но хозяина Тиля переубедить невозможно. Боюсь, его познания в биологии и медицине застыли на уровне идеи о самопроизвольном зарождении организмов, но что я могу поделать? Я работаю на него, а он талантливый и способный администратор. У нас взаимовыгодный союз. Что в этом дурного?

Что дурного, гневно подумал я. И в самом деле — что?

— Пора вызвать магистра Артура, — сказал доктор Пон, внезапно поворачиваясь и выходя из камеры. Я последовал за ним. — Мы и так задержались, а гневить магистра я бы не рискнул.

— Чем магистр Артур занимался раньше? Я имею в виду Извне?

— Из-за чего он сюда попал? — усмехнулся доктор. — Подробности я не знаю. По-видимому, он был шишкой военного командования Конфедерации. Наверное, генералом или адмиралом. Насколько я помню, он поджег атмосферу на какой-то планете. При этом погибло несколько миллиардов человек. Говорят, он стал козлом отпущения. Человек, однако, не из приятных.

Я задумался. Убил несколько миллиардов...

Порывшись в памяти, я вспомнил. Это был действительно он. А еще я навсегда запомнил, как доктор Пон это сказал. Гибель нескольких миллиардов людей не значила для него ничего. Люди были для него все равно что тараканы.

ГЛАВА 11

НА РАСПУТЬЕ

Вскоре появился магистр Артур. Суровости в нем, похоже, не прибавилось. Я уже начинал сомневаться в его принадлежности к роду человеческому.

Вооружившись подробной картой, мы отправились на прогулку по Замку. В плане он напоминал правильный полукруг. Коридоры расходились веером во все стороны вплоть до больших залов и комнат, из которых можно было попасть в опоясывающий Замок служебный ход. Вдоль каждого коридора располагались жилые комнаты, хранилища и другие подсобные помещения, в том числе и общественные бани. Коридоры четко отражали кастовость местного общества; большая их часть предназначалась для смотрителей, которые в основном работали в Замке. Два коридора по обе стороны от центрального предназначались для магистров; центральный, разумеется, вел во внутренние покои самого хозяина Тиля и членов его семьи.

На карте отсутствовали обязательные для Замка всевозможные тайные ходы, а также тоннели и залы, которые размещались выше или ниже основного уровня. Одно из таких помещений я обнаружил этой ночью. Ничего удивительного: в этой сложной иерархии без шпионажа не обойдешься.

Гордостью и любимой игрушкой магистра Артура за пределами Замка было большое сооружение у подножия холмов. Оно представляло собой частокол из толстых бревен с охраняемыми воротами и стороже-

выми башенками и напоминало небольшую крепость. Взгляд магистра Артура неожиданно смягчился.

— В традиционный осмотр это не входит, — сказал он, — но я все равно собираюсь их проведать, так что пойдем вместе.

Проведать он собирался, как выяснилось, огромных насекомых, которых я еще не видел. При виде приближающегося магистра обслуживающий персонал засуетился. Длинные шеренги зверей, заключенных в тесном загоне, производили неизгладимое впечатление.

Чудовища с ярко-зелеными блестящими спинами и белым подбрюшьем, которых все называли вук, замерли, как на параде. Трех-четыре метров в длину и не меньше шести — в ширину, с мощными суставчатыми ножками. Большие яйцевидные глаза будто светились изнутри, а вокруг извивались кнутаподобные хоботы, которые заканчивались разинутыми ртами, похожими на клыки, грязными и отталкивающими. Кожа казалась совершенно гладкой, но я представлял спрятанный под ней сверхпрочный скелет, который делал их отнюдь не такими воздушными, как казалось на первый взгляд.

Между первой и второй парой ног на спине у каждого зверя было приторочено седло с жесткой спинкой, к которой Х-образными ремнями пристегивались всадники. Сами всадники, в черных штанах и ботинках (среди них были и женщины), производили впечатление выносливых, крепких и очень дисциплинированных. У этого воинства имелось и оружие — от пик и боевых палиц до духовых ружей. Арсенал размещался таким образом, чтобы привязанные всадники могли применить его легко и быстро.

— Поразительно, — совершенно искренне сказал я. — Все это сильно напоминает тяжелую кавалерию. Я не думал, что она нужна здесь, на Лилит.

Магистр самодовольно усмехнулся:

— Да, мы в самом деле нуждаемся в тяжелой кавалерии. Тебе уже известно, что для продвижения в нашем обществе нужно кого-то убить, то есть оказаться сильнее противника. А теперь скажи-ка — если бы ты был сэром Тилем, то стал бы ежедневно, день за днем, принимать вызов тех, кто захочет помериться силой? Даже без каких бы то ни было оснований? Конечно же, нет. Точно так же и другие рыцари. А что для этого нужно? Правильно — множество лучников и вояк, но в основном это головная боль администраторов. Вероятно, сотни магистров заткнули бы за пояс многих рыцарей, если не самого герцога, но у них даже в мыслях нет испытывать судьбу. Некоторые, однако, хотят подняться выше. И тут они сталкиваются со мной. Я пресекаю подобные поползновения. Если один рыцарь хочет что-то получить от другого, он должен бросить ему вызов и устроить поединок. Но, поскольку бой закончится либо гибелью одного из них, либо вничью, толку от него мало. Поэтому мы воюем немного. Каждый, кто претендует на *это* поместье, может либо поторговаться, либо сразиться с *этим* войском.

Я кивнул. Мои представления о Лилит в очередной раз в корне изменились. Сначала я никак не мог уразуметь, зачем им еще и войны, но внезапно осознал, что это некое подобие предохранительного клапана. Постоянные стычки позволяют разрядиться потенциально опасной группе населения — психопатам, воякам-любителям, закоренелым убийцам. Если им доставляет удовольствие вышибать друг другу мозги, необходимо предоставить им такую возможность, не потревожив при этом сложную систему.

— Вуки, — сказал магистр, — могут так высоко подпрыгивать вместе с седоками, что любые фортификационные сооружения теряют смысл. Выше на холме, вон там, можно разглядеть похожие на соты отверстия, в которых живут летающие насекомые —

безили, мои, с позволения сказать, военно-воздушные силы. При правильном управлении они вместе с наземными войсками образуют фактически непобедимую армию. — Последняя фраза прозвучала искренне и убежденно. Магистр особенно выделил слова «при правильном управлении». Сомнений не оставалось — он был гениальным полководцем.

Я допускал, что это общество устроено весьма хитроумно. Обрюзгшие сибариты — рыцари — не хотят конфликтовать друг с другом. Отсутствие оперативных коммуникаций означает, что объединение больших территорий, поместий, под эгидой единого центра становится чрезвычайно трудным и к тому же бессмысленным. Любой желающий завладеть поместьем и стать новоиспеченным рыцарем, сначала должен захватить Замок и уничтожить его защитников, а это, как ни крути, подвиг. И индивидуальность претендента не имеет никакого значения — стрела или копье при метком попадании убьют кого угодно. Даже самого Марека Критана.

Я представил рыцарей, которые, сидя за круглым столом, держат пари, чья армия сильнее, чей полководец талантливее.

Завершив проверку, мы направились в Замок. Вдалеке, на полях, виднелись маленькие фигурки батраков. Только теперь я оценил все, что со мной произошло. Еще вчера я был одним из них, а теперь нас разделяла огромная социальная пропасть. Теперь что-то представлялось мне ложным, а что-то — более глубоким, так же, как природа взаимоотношений между высшими и низшими классами общества, но ухватить мысль не удавалось. Душой я оставался с ними, а не с людьми вроде Артура и Пона, но не был ровней даже самым тупым зрителям.

Мы вошли в зал, где столовались зрители, и неожиданно я понял, что голоден.

— Я оставлю тебя здесь, — сказал Артур. — Тебя ждет знакомство с Замком. Расслабься, поговори с людьми, изучи систему. А потом мы научим тебя, как обращаться со своей силой. — Он грозно взглянул мне в лицо. — И не слишком заносись, парень. Запомни, мы будем проверять не только твоё могущество, но и интеллект. Вспомни, куда попал Кронлон. — С этими словами он удалился.

Я заподозрил, что угодил в любимчики этого странного аристократа. Поглощая роскошную пищу, я не переставал размышлять над его словами, и внезапно мне открылся их смысл.

Они специально разыскивают тех, кто обладает силой, и развивают ее, чтобы привлечь человека на службу хозяину. Но предположим, что я проявил *выдающиеся* способности; есть ли у меня шанс выжить? Вряд ли. Однако и тупость выказывать нельзя — мгновенно вышвырнут на дно. Да, система и впрямь хитрая.

В последующие дни я знакомился с людьми, исследовал хитросплетения внутренних коридоров и однажды узнал то, что хотел. Оказывается, в ту ночь, когда я попал сюда, здесь был сам Марек Криган. Его не видел никто — даже те, кого положение обязывало присутствовать на приеме, не могли сказать, как же выглядит властитель. Я подозревал, что даже владелец Замка не знал, кто же из гостей — Криган, легендарные способности которого затуманивать мозги давно вошли в поговорки. И обеспечили ему абсолютную анонимность. Официальным почетным гостем считался герцог Козару, но тем не менее все знали, что Марек Криган — в Замке.

Где он сейчас? Я ревностно изучал всех, кто совершенно очевидно не был обитателем поместья Зейсс.

Периодически я посещал врачей, интересуясь судьбой девушек, особенно Ти. Я терялся в догадках. В прошлой жизни я четко отделял себя не только от сексуальных партнеров, но даже от друзей. Как только я осознал, кто я такой и в чем цель моей жизни, меня заботило только это.

Неужели твое тело, Кол Тремон, вынуждало меня помнить о Ти? Неужели я действительно утратил иммунитет к эмоциям, который отличал меня от остальных?

Многочисленные попытки встретиться с доктором Поном заканчивались безрезультатно — он был очень занят. На планете, где никто не болеет и травмы восстанавливаются сами собой, доктор почти все свое время посвящал научным исследованиям, о направленности которых я уже догадался. От его ассистентов я узнал, что доктор несет ответственность за чудовищ, составлявших вооруженные силы магистра Артура, за эксперименты по селекции людей и генетические манипуляции для увеличения силы воли. Результаты поражали.

Однажды я все-таки застал его. Похоже, доктор тоже обрадовался встрече. Я был одним из немногих, кто искренне интересовался его работой, но предельно осторожно — ведь доктор Пон не менее опасен, чем Артур, благодаря способности избирательно и точно применять силу.

Мы прошли в жуткую комнату, напоминавшую покойническую, в которой находились в коматозном состоянии двенадцать девушек. Ти по-прежнему была среди них.

— А вы их кормите? — спросил я. — Их ведь нужно периодически переворачивать, выполнять гигиенические процедуры... водить в ванную, наконец. Как вам это удастся?

Мой собеседник усмехнулся:

— Дело техники. Мы с ассистентами наведываемся сюда каждые четыре часа. Смотрите, как все просто. — Он подошел к ложу ближайшей девушки, бегло осмотрел ее и отошел немного назад.

— Кира, встань! — скорее попросил, чем приказал он.

Девушка, оставаясь по-прежнему без сознания, села на кровати. Ее глаза были закрыты, дыхание оставалось ровным и тихим.

— Открой глаза, Кира, — сказал он тихо, и она повиновалась. Огромные карие глаза совершенно ничего не выражали.

— Поднимись с кровати и встань рядом.

Девушка покорно, без единого лишнего движения выполнила новый приказ.

Я многое повидал на своем веку, не раз был на волосок от гибели, но от этого зрелища меня охватила дрожь.

— Машина, — сказал я. — Андроид.

Пон кивнул:

— Совершенно верно. Но андроид устроен столь же сложно, как и живой человек. Используя подобную методику, я разгадаю в один прекрасный день все тайны микроорганизмов Вардена. Я уже продвинулся гораздо дальше, чем предполагал вначале.

— Они осознают происходящее? — спросил я.

— Нет, конечно, — заверил он. — Это было бы слишком жестоко. В ходе многочисленных экспериментов я установил местонахождение того, что я называю ключевыми нейронными соединителями, хоть это сугубо непрофессиональный термин. Их разум погружен в глубокий сон, в то время как ответственный за функции организма участок мозга остается бодрствующим и им можно управлять дистанционно. Сейчас продемонстрирую. — Он пристально посмотрел на девушку. — Кира, повторяй за мной, в двух шагах от меня.

Девушка, как тень, покорно последовала за ним. Вскоре мы оказались в небольшой лаборатории, выдолбленной в твердом скальном грунте. Доктор Пон поставил девушку метрах в трех перед пустой гранитной стеной:

— Во время полового созревания Кира могла воздействовать на развитие растений — они росли прямо на глазах, а однажды умудрилась устроить маленькое землетрясение. Когда спонтанные проявления силы значительно ослабли, я забрал ее сюда и обнаружил с ее помощью множество химических стимуляторов для различных участков мозга. Вместе с ней мы можем творить чудеса — она управляет силой, а я — силой воли. — Доктор оглядел пустое помещение. — А вы чувствуете здесь микроорганизмы Вардена?

Я уже привык к странному ощущению присутствующей везде жизни, даже в совершенно неодушевленных предметах, и кивнул доктору Пону.

— Отлично. А теперь смотрите. Кира, вырежь куб со стороны пятьдесят сантиметров из противоположной стены на двухметровой высоте от пола. — Доктор отошел назад, и я последовал его примеру.

Пон сконцентрировался, мысленно управляя образованием необходимых стимуляторов...

— ...Давай, Кира!

Накопившаяся энергия высвободилась практически мгновенно. Не было ни грома, ни молний, ни грохота — никаких эффектных трюков. Просто внезапно...

...послышался щелчок, треск осыпающейся штукатурки, — и в стене появился куб со стороны примерно полметра; на полу появилась небольшая кучка мусора.

Доктор Пон подошел к стене, смахнул пыль и жестом подозвал меня. Я приблизился с некоторой опаской. Края ниши были аккуратными и ровными; если бы это не произошло на моих глазах, я ни за что не догадался бы, каким способом это сделано.

— Это лишний раз доказывает, что силой обладает каждый, — пояснил доктор. — И похоже, у женщин ее в среднем больше, чем у мужчин, — по разным причинам. Женщины сильнее мужчин, хоть их способности менее устойчивы и управляемы. У меня были девушки, способные — если их правильно стимулировать — превратить этот Замок в груды развалин.

— Вы опасный соперник герцога, доктор, — заметил я.

Он засмеялся, качая головой:

— Ну что вы! Мое могущество действительно огромно, но рыцарство меня не привлекает. Иначе моим экспериментам пришел бы конец. Я ничуть не рискую — все знают, что я не честолюбив. Наоборот, мне всячески помогают, так как сами заинтересованы. Например, магистр Артур очень заинтригован одной девушкой, которая, как нам кажется, способна парализовать — в буквальном смысле слова — целую армию, а возможно, и превратить ее в пыль, как вы Кронлона.

Беседуя, мы вернулись в «покойническую». Кира, как зомби, следовала за нами.

— Кто именно? — невзначай полюбопытствовал я.

— Вон та, — рассеянно ответил он, указав пальцем, как я и предполагал, на Ти.

Постепенно я стал неплохо разбираться в системе секретных ходов, пронизывающих Замок. Я, конечно, и не пытался проникнуть в переходы, ведущие к Тилу, — там наверняка было полно засад и ловушек. А вот остальные представляли для меня огромный интерес. В них можно было бы даже жить, если бы не риск попасть в руки тех, кто пользуется ими постоянно, — одни по долгу службы, другие просто для путешествий по подземельям. О них знали все, но все-раз никто не воспринимал.

Через неделю после моего появления в Замке начались регулярные занятия. Именно они привлекали меня больше всего. Моей наставницей оказалась Вэла Тайхе, сестра той самой пожилой дамы, которая пригласила меня в Замок, деловитая и очень исполнительная. Определенно они были близнецами.

— Ключом к овладению силой, как вам уже известно, являются химические стимуляторы, — сообщила она. — Чтобы вовремя запустить их, необходимо полностью подчинить себе разум и тело, а потом силой воли вызвать желаемый результат. В принципе овладеть энергией может каждый. Но на деле отнюдь не каждый — и слава Богу — обладает необходимой волей, разумом и способностью к сосредоточению.

— У доктора Пона несколько иное мнение, — сказал я. — Он считает, что вся суть — в правильной биостимуляции.

— Старый извращенец. — Вэла скривилась. — Он и раньше, там, был таким же шарлатаном. Садист, увлекающийся молоденькими девушками. Хозяин терпит его отчасти потому, что боится, но в основном из-за псевдонаучной чепухи, которую он несет, и всяческих посулов. То, что он вытворяет с бедняжками, просто кошмар. Из-за этого он и попал на Лилит. Но пока его аппетиты ограничиваются батрачками, он в полной безопасности.

«Пока его аппетиты ограничиваются батрачками...»

Я вспомнил, как сам осуждал жителей деревушки. Где-то был допущен изъясн, просчет в случайном предположении о природе большинства обитателей Лилит. На цивилизованных планетах все по-другому. Большая часть населения относилась к абсолютно новой породе людей, «человеку совершенному», совершенному телом и разумом, имеющему равные права на труд и на отдых. Там претворялись в жизнь идеалы утопистов. Неполющенные по каким-то признакам граждане Конфедерации высылались в приграничные области, занима-

лись дальней разведкой или же уничтожались мной и моими коллегами, или же...

Или ссылались на Ромб Вардена.

Если права Вэла, а доктор Пон ошибался, то можно на практике превратить эту кастовую тиранию в настоящий рай. Казалось, здесь уместна параллель с историей человечества. Выдающиеся личности всегда порабощали массу, безгранично накапливая богатство — пока массы не восставали против несправедливости и не свергали тирана. Грандиозный технологический рывок, совершенный человечеством, сделал тяжелый ручной труд достоянием учебников истории. Управление технологиями стало важным шагом. Здесь эквивалентом технологии промышленного производства является использование силы микроорганизмов Вардена. Если бы каждый житель Лилит владел силой, здесь не осталось бы места для доктора Пона. Я понимал, что этот вывод Вэла Тайхе сделала неожиданно, но теперь знал, чему обязан посвятить жизнь. Только...

Только для этого мне нужно стать властителем Лилит.

Я опять принялся за учебу.

Вначале мы изучали эзотерическую биологию, историю Ромба Вардена и многое другое. Кое с чем я уже был знаком, например с аутотренингом, — агентов готовили по аналогичным программам. Все казалось не особенно сложным, но главное ждало впереди. А в первые дни мне не хватало как раз главного — катализа необходимых стимуляторов. Я уже умел управлять функциями организма — сердцебиением, дыханием, мог подавлять боль. Некоторые трудности были связаны с новым телом, но их я одолел легко. Окружавшие меня люди не обладали выдающимися способностями, и я должен, обязан был превзойти их.

Я добился прогресса, и на четвертый день Вэла решила, что я достаточно подготовлен. Она вошла в мою комнату с маленькой тыквообразной жаровней и разожгла огонь. Из небольшого мешочка, закрепленного на поясе, Вэла вылила в жаровню прозрачную желтую жидкость. Когда жидкость закипела, странный аромат испарений придал моим мыслям прозрачность.

Вэла обернулась.

— Это наркотик, — сказала она, хотя никаких пояснений и не требовалось. — Экстракт из ядовитого растения удда, растущего в лесных дебрях. Самая первая научная экспедиция, осознав безвыходность своего положения, чтобы выжить, начала исследовать местную природу. Этот эликсир оказался наилучшим из обнаруженных ими биостимуляторов. Его регулярное применение — достаточно примерно двадцати сеансов — изменяет внутриклеточные процессы таким образом, что живущие в них микроорганизмы Вардена воспринимают это как сигнал регуляции гормональной деятельности организма. Выпей, желательно полностью. Если покажется слишком горячим, можешь немного остудить. Просто чем эликсир горячее, тем лучше он усваивается.

Молча кивнув, я поднял сосуд. Душа моя ликовала. Наконец-то я получил ключ к высшей силе, а значит, и к высшей власти! Жадными глотками я опорожнил дымящийся сосуд с обжигающей жидкостью — но этого я уже не замечал. Эликсир оказался горьким и на редкость противным, но это тоже не имело значения — я приготовился к худшему.

Мои внутренности горели, но никакого эффекта я не почувствовал и вопросительно поглядел на Вэлу:

— Если все дело в биохимии, то почему эта отравка действует не на каждого? Почему нельзя напоить ею батраков?

Вэла посмотрела на меня с интересом:

— На представителей низшего сословия она действует очень слабо, к тому же разрушающе. Мы знаем, что ты пытался достичь могущества при помощи одной силы воли, без стимуляторов. Случай с беднягой-смотрителем укрепил твою волю достаточно, чтобы пройти это испытание. Сейчас ты прошел еще одно — от этого яда умирают почти все. Лишь те, кто действительно обладает силой, остаются в живых.

Внезапно закашлявшись, я посмотрел на наставницу с удивлением:

— Вовремя сказали!

— Садь и расслабься, — не без затаенной радости предложила она. — Возьми себя в руки.

Яд уже начал действовать; перед глазами поплыли причудливые видения. Сначала закачались стены, затем сама Вэла и даже убранный ею пустой сосуд стали призрачными и искаженными. Меня трясло, как в лихорадке, пот лился ручьями.

Вэла прикоснулась к моему лицу, слегка повернула голову, взглядела в зрачки и, утвердительно кивнув, отошла.

— А теперь, — донесся из невообразимой дали ее голос, — проверим, на что ты способен.

Колеблющийся туман быстро улетучился, и все предметы предстали необычайно резко и выпукло.

Передо мной была не только комната и Вэла; я невероятно отчетливо видел вездесущие микроорганизмы Вардена. Только теперь я понял, как доктору Пону удалось проникнуть взором в клетку, а какому-нибудь физику — в молекулу. Вселенная лежала, как открытая книга — и в больших, и в малых своих проявлениях. Непередаваемое ощущение богоподобия. Это была не галлюцинация, вызванная наркотиком. Это была Реальность.

Отныне я видел микроорганизмы Вардена не только в других телах, но и в себе самом. Чрезвычайно маленькие живые существа стали моей неотъемлемой

частью. Я мог обратиться к ним и почувствовать их реакцию — удовлетворение и восхищение от моего внезапного просветления. И еще — бактерии являлись частью гораздо большего организма, связывающего воедино все на этой безумной планете.

— Теперь ты познал истинную силу, — вновь слышался тихий голос Вэлы, — и отныне можешь использовать ее, подчиняя своей воле и направляя соответственно своему желанию.

Я удивленно уставился на нее, словно увидел в первый раз. Когда Кронлон направил против меня всю свою мощь, вокруг него возникло слабое, едва различимое сияние. Сейчас похожий, но усиленный во сто крат ореол окружал Вэлу. Свечение имело явно не физическую природу, и обыкновенный человек ничего не заметил бы. Таким образом внутреннее напряжение микроорганизмов внутри Вэлы улавливалось моими, и информация передавалась в мой мозг.

Вэла — лучезарное, сверхъестественное существо — указала на маленькое плетеное кресло, стоявшее в углу. Я послушно сосредоточился на нем.

— Смотри не на него, — проинструктировала Вэла, — а сквозь. Установи с ним контакт.

Это оказалось проще простого. Я посмотрел и — о чудо! Внезапно я *познал* его, одним взглядом охватив всю внутреннюю структуру — до последней молекулы!

— Прикажи креслу разрушиться, но не убивай то, что живет в нем, — раздался новый приказ. — Освободи их, чтобы восстановилось прежнее.

На мгновение я задумался. Затем — так же внезапно — понял. Кресло было живым организмом, объединенным во внешнее подобие чьим-то приказом. Микроорганизмы Вардена вопреки всем законам соорудили эту немыслимую конструкцию, непрерывно поддерживая его форму. Геометрия не представляла для меня трудностей, гораздо сложнее оказалось

разрушить ее, сломать, позволить клеткам вернуться в исходное состояние.

Кресло разрушилось быстро, но при этом не распалось на части; элементы постоянно объединялись в новые, сменяющие друг друга комбинации. Внешне все выглядело очень странно: сначала кресло превратилось в пыль. Пыль вихрем закружилась в воздухе и образовала некую новую конструкцию.

Теперь передо мной стояло семь деревьев, с которых были срезаны сучья для изготовления кресла. Они росли прямо сквозь каменный пол комнаты.

— А сейчас, — торжественно произнесла Вэла, — восстанови кресло!

Меня охватил озноб. Предыдущую довольно сложную конструкцию разрушить действительно оказалось просто, но собрать заново — казалось непосильным.

«Дура проклятая», — ругнулся я в сердцах.

— Очередной урок, — спокойно сказала Вэла, — состоит в том, что сила без знания или способностей всегда деструктивна. Ты уже сейчас с легкостью разрушаешь предметы, но чтобы создать что-то новое, потребуется очень много учиться.

— Но как? — запальчиво крикнул я. — Как я научусь созиданию?

Вэла засмеялась:

— Ты мог бы сделать его физически, руками? Взять топор, срезать нужные сучья нужной длины, а затем связать их вместе, так чтобы получилось кресло?

Я задумался:

— Нет. Я же не плотник.

— Будь ты плотником, тебе бы это удалось, — последовал ответ. — Чтобы правильно использовать силу в специфических, требующих специальных знаний областях, необходимо запомнить и всегда держать в памяти образцы изделий — и соответствующая практика. Но на Лилит есть огромное преимущество — силы у нас хватает.

Вэла опять направилась к двери, вышла и несколько секунд спустя появилась снова, с точно таким же креслом. Она поставила его рядом с деревьями и отошла на несколько шагов.

— Смотри на образец. Слейся с ним воедино. Запомни его навсегда.

Я послушно подчинился. Когда я четко понял, что именно от меня требуется, дело сдвинулось с мертвой точки.

— А теперь восстанови прежнее кресло.

Я нахмурился. Вырвать стволы из скального грунта оказалось несложно, но дальше дело не пошло.

— А вообще-то это реально? — поинтересовался я.

— Да, если ты обладаешь достаточной силой. Любой наблюдатель разрушит его и даже сотворит что-нибудь очень простое. Как наблюдатель ты уже показал себя. Но наблюдатель, как простой батрак, должен самостоятельно создавать все, что ему понадобится, — или при помощи силы, или вручную. Магистр способен на большее. Усилием воли он может заставить многочисленные элементы образовать нужные конфигурации, превращая их в довольно сложные предметы. Так кто ты, Кол Тремон, магистр или нет?

Вэла нарочно поддразнивала меня. Я взялся за дело с новыми силами. Мы коснулись новой, еще не изученной мною темы; способен ли я на то, против чего меня предостерегал Артур? Удастся ли мне выполнить ее задание?

Бог с ними, сказал я себе. Предположим, мои возможности безграничны; не зря же компьютер выбрал именно меня среди других блестящих кандидатов? Если у меня есть потенциал, чтобы стать магистром или подняться выше, я хочу знать это. Я и так потерял немало времени.

Я вновь устался на кресло, буквально впитывая в себя его конструкцию. Затем вновь перевел взгляд на необычные трубчатые растения, растущие на месте

уничтоженного мною кресла, и стал мысленно переплетать и скреплять их, стараясь не утратить связь — точнее, контакт — с креслом-эталонном. Занятие оказалось чрезвычайно тонким, так как молекулярная структура кресел идентична и ее нельзя было нарушить.

Много раз я создавал проклятое кресло и каждый раз допускал какую-нибудь ошибку. Однажды даже чуть не разрушил второе кресло. Не знаю, сколько прошло времени... Неожиданно я добился успеха. Передо мной стояло два кресла, совершенно одинаковых, словно сошедших с конвейера. Пот лился с меня уже целыми водопадами, голова гудела от пульсирующих ударов. Однако мне удалось! Удалось!!! Выжатый как губка, я в изнеможении опустился на пол и принялся жадно глотать воздух. Вэла не скрывала своей радости:

— Ты и в самом деле силен, Кол Тремон, очень силен. Многие мои ученики выросли до магистра, но только четверым удалось выполнить это задание сразу. А подавляющее большинство навсегда осталось зрителями. Некоторые, вроде Кронлона, не могли даже просто разрушить кресло, не уничтожив его микроорганизмов. И только избранные смогли не только разрушать, но и созидать. Теперь их пятеро. Подобные задачи ты каждый раз будешь решать все легче. Однако не забывай: воссоздание объекта с натуры — самая простая задача, и обучение еще только начинается.

— А кто эти четверо? — прерывающимся шепотом спросил я.

Вэла загадочно повела плечами:

— Мой племянник — хозяин Тиль, доктор Пон, магистр Артур. А четвертый — Марек Криган.

— Как? Вы учили его?

Вэла кивнула:

— Очень давно, мне едва исполнилось шестнадцать, но я уже была здесь магистром. Я местный уни-

кум, Кол Тремон, — немногие уроженцы Лилит становятся магистрами.

Это, конечно, интересно, но больше всего меня занимал Криган. Вот почему он так часто навещается сюда и вот почему именно в этом Замке устраивали прием в его честь. Десятилетия назад Криган, как и я, появился на Лилит и попал в поместье Зейсс — работал на тех же полях, что и я, затем очутился в Замке, если только в те годы Замок уже существовал, где его обучила совсем юная Вэла. Многие приходили сюда в поисках удачи. Конечно, Конфедерация все это учла и для сведения счетов с Криганом послала его коллегу, столь же блестящего агента, каким некогда был Марек. Над этой цепочкой совпадений стоило основательно поразмыслить. У меня нет права на ошибку.

— Я надеюсь, вам не пришлось мучиться с этим креслом дважды.

Вэла неожиданно озорно улыбнулась и заговорщически подмигнула.

— Расскажите о Кригане, Вэла, — попросил я. — Какой он?

Она поднялась и пристально посмотрела на меня:

— Вы очень похожи, Кол Тремон, очень. — И не сказав больше ни слова, вышла из комнаты, оставив меня наедине с безумной головной болью — неизбежным последствием любого наркотика. Ничего не делаешь — за все приходится платить.

СПЛОШНЫЕ ОПАСНОСТИ

Спалось мне плохо — я боролся с головной болью, несколько раз просыпался, вслушиваясь в обволакивающую тишину. И каждый раз мне чудилось, будто кто-то входит в комнату, а однажды по меньшей мере один человек действительно стоял над моей кроватью, в задумчивости разглядывая меня. Таинственный, огромный силуэт неясно маячил во тьме, как привидение из детских ночных кошмаров.

Я проклинал себя последними словами за неожиданную для агента трусость, но дикий страх — точнее, не страх, а безотчетное беспокойство — не проходил. В конце концов я решился и открыл глаза, но, как и следовало ожидать, комната оказалась совершенно пустой.

Я собрался повернуться на другой бок и вновь попытаться заснуть, как вдруг послышались шаги. Я замер отчасти в ожидании, а отчасти — как ни стыдно в этом признаться — от острого приступа подросткового страха.

— Тремон! — раздался мягкий шепот. Голос, без сомнения, принадлежал женщине.

Сон как рукой сняло, и я быстро сел в кровати. Страх улетучился, и я ощутил всю необычность происходящего.

— Я здесь! — прошептал я.

Неясный силуэт, несмотря на темноту, быстро приблизился. Человек осторожно присел на краешек кровати. Хотя я не мог как следует рассмотреть его, это, конечно, была Вэла.

— Что случилось? — тихо спросил я.

— Тремон, спасайся, — сказала она. — Этой ночью тебя хотят убить. Сюда прибыли высокие персоны и сейчас совещаются по твоему поводу.

Я вспомнил завуалированную угрозу Артура. Логичное поведение не помогло, поэтому более разумное исчезнуть.

— Слушай меня внимательно, — продолжила она. — Я им этого не позволю, даже если их подозрения оправданны. Я не позволю твоему таланту угаснуть в зародыше.

Я насторожился.

— Какие подозрения, о чем ты? — переспросил я, приподнимаясь.

— Что ты не Кол Тремон, — ответила Вэла, — а наемник, подосланный Конфедерацией для убийства Марека Кригана.

— Что?! — Похоже, я переиграл. Адреналиновая реакция начисто вымела остатки головной боли и усталости.

— Тсс... Я даже не знаю, сколько у нас осталось времени, скорее всего несколько. Ты мне симпатичен, и я хочу дать тебе шанс, — сказала она и продолжила после короткой паузы: — Признайся, это правда?

Я обязан был ответить, но сейчас не время было кичиться своей честностью.

— Я не понимаю, о чем ты, — как можно искреннее произнес я. — Моя дактилоскопия, генетические коды — все занесено в картотеки. Ты же знаешь, что я просто не могу быть не кем иным, как Колом Тремоном, а Кол Тремон кто угодно, но только не стукач!

— Возможно, — неуверенно ответила она, — однако еще в дни моей молодости конфедераты умудрялись менять обличье, так что твои объяснения не слишком убедительны. Впрочем, меня это мало волнует. Тебе надо идти.

— Куда?

— Не знаю. Куда-нибудь подальше от поместья Зейсс. Лучше всего затеряться в лесах. Если выживешь и дождешься благоприятного случая, двигайся дальше на юг, в поместье Моаб, и разыщи тамошних магистров. У них некое подобие ордена из потомков первой исследовательской экспедиции. Только там да в чашобах ты будешь в безопасности. И только в Моаб ты продолжишь обучение, достигнешь подлинных вершин мастерства. Но это очень непросто. Ты можешь погибнуть, попасть в ловушки Артура и его подручных, но у тебя будет шанс. А здесь ты погибнешь еще до рассвета, поверь мне.

— Ну что ж, я пошел.

— Знаешь, как выбраться?

— Конечно, — ответил я. — Первым делом я изучил все входы и выходы.

— Держись подальше от других поместий, — предупредила Вэла. — Через несколько дней о тебе узнают все рыцари планеты.

Внезапно я схватил ее и крепко сжал в объятиях:

— Вэла, дорогая, я никогда этого не забуду.

Она мягко улыбнулась.

— Ты должен выжить, — ответила она. — Я на тебя надеюсь.

Я разжал объятия и тихо выскользнул в коридор, освещенный двумя тусклыми фонарями. Путь наружу я знал хорошо. В одном из неосвещенных тупиков я подождал, пока Вэла выйдет из моей комнаты. Вполне возможно, что ее услуга поистине бесценна, однако я привык не доверять никому.

Когда она скрылась из виду, я заскочил в комнату и соорудил из подушек некое подобие спящего человека. Затем нырнул в небольшое отверстие, которое вело в потайной коридор и далее, этажом выше в комнату — я очень хотел знать, что произойдет. В темноте лаз удалось найти не без труда, пригодились предва-

рительные исследования ходов — я знал, каким по счету будет нужный мне выход. Поместье Зейсс занимало огромную площадь, я должен попасть в нужное помещение сразу, на поиски вслепую уже нет времени. Во-первых, я хотел знать, придет ли кто-нибудь за мной — и если да, то кто. Если же тревога окажется ложной, я вернусь на рассвете в свою комнату, имея все основания навсегда обезвредить Вэлу.

Этим не шутят.

Судя по всему, только три или четыре человека во всей Конфедерации знали о моей миссии, и у каждого из моих полных двойников соответствующая информация должна быть стерта из памяти. Затем я вспомнил о проникновении вражеского агента и похищении данных из компьютеров Главного Командования Вооруженных Сил. Наверняка сведения исходили оттуда.

Однако это еще не значит, что им известны характер и цель моего задания. Возможно, подобной проверке подвергают всех вновь прибывших, которые проявили незаурядные способности. Сложилась именно та ситуация, когда агент должен навязать противнику свои правила игры.

Внезапно послышались шаги. Они остановились у двери, затем дверь осторожно открылась. «Трое», — заключил я. Двое вошли в комнату, третий караулил снаружи. Один из вошедших был Артур — я не мог ошибиться, другой — человек средних лет с совершенно заурядной внешностью жителя цивилизованных планет. Его одежда соответствовала рангу магистра; он держал фонарь, освещавший комнату жутковатым мерцающим светом.

— Сбежал! — недоверчиво прошептал незнакомец.

— Ч-т-то-о? — прогремел раскатистый бас Артура; он подскочил к кровати, в ярости разодрал пуховые подушки и гневно посмотрел вокруг. Такого я даже от него не ожидал.

— Его предупредили, и я знаю кто. Ну, я им покажу! Клянусь Господом!

— Ничего подобного, — возразил третий, которого я не видел, странным и неопределенным голосом, как у робота. — Он матерый агент, наверняка один из лучших в их нынешней команде. Я думаю, он понимает, что сегодня днем несколько переиграл. Мы обязаны найти его, Артур. Я поручаю это тебе. Отыщи его, пока он слаб, уязвим и не успел получить надлежащую подготовку, иначе он изжарит тебя одним взглядом и закусит твоим окорочком. Сейчас он еще беспомощен, но потенциально очень силен, возможно, даже сильнее меня, и способен причинить уйму неприятностей. Ты, Артур, найдешь его и убьешь — или в один прекрасный день он выследит и убьет всех нас.

Артур низко и подобострастно поклонился и произнес такое, от чего меня затрясло:

— Слушаюсь, мой господин Криган.

Я попытался разглядеть властителя, но он стоял в стороне.

Артур указал на другого человека:

— Поднимай войско. Сейчас он пересекает поля, чтобы еще до рассвета скрыться в чащобе. Мы должны перехватить его.

Они вышли, вдали затихали их шаги. Я сидел неподвижно. Артур, конечно, прав — преодолеть расстояние до ближайшего леса за оставшееся до рассвета время практически невозможно. Когда с первыми лучами батраки выйдут на поля, прятаться будет нигде. Нет, я намеревался провести здесь еще несколько часов, а затем еще сутки — в лабиринте тоннелей Замка. Конечно, мне все равно придется бежать, но только соответственно подготовившись. И тогда, когда это станет на руку мне, а не моим противникам.

* * *

Большую часть дня я прятался от посторонних, и это оказалось намного проще, чем я думал сначала. Меньше всего меня ожидали найти именно в Замке. Хорошему сыщику или агенту такая мысль не показалась бы дикой, но здешние обитатели всего-навсего старые милые мошенники, наивные аборигены и суровые военные ястребы вроде Артура. Не раз мне встречались люди, но, как я и предполагал, никто ничего не заметил. От меня требовалось не слишком афишировать свое присутствие и не сталкиваться с теми, кто знал меня в лицо. Я даже умудрился стащить еду, предназначенную зрителям, так что чувствовал я себя вполне уютно.

Но расслабляться не стоило. Если Криган где-то поблизости (а все говорило за то), он вполне способен заблокировать все возможные выходы. Вряд ли у них много сил — просто поставят у каждого выхода пару смотрителей, и все. Однако выбраться из Замка будет труднее, чем сходить на пикник. С каждым часом мои шансы таяли.

Перебрав множество вариантов, я решил уходить с наступлением темноты.

Прощай, поместье Зейсс, дерьмо твое и грязь твоя. Уверен: я сюда не вернусь.

И тут меня словно током дернуло. Ти! Она все еще здесь, в руках этого садиста.

Сам не знаю, как это случилось, только во второй половине дня я собрался в медицинский центр доктора Пона. Я хорошо знал, что в его маленьком «магазине ужасов» никто не работает подолгу, и после обеда он обычно пуст. Самое страшное — столкнуться с самим доктором Поном. Хоть я и обладал потенциалом магистра, встречаться с доктором в роли противника мне совсем не хотелось. Я решил отправиться

туда во время ужина, и мои ожидания оправдались: в отделеении не было ни души.

Пробравшись в ту самую комнату, я увидел двенадцать спящих красавиц. Я собирался нанести только прощальный визит, но теперь, увидев крошечное тельце Ти, я понял, что не могу оставить ее этому мучителю.

Я обвел темное помещение мрачным взглядом. В полумраке все это еще сильнее напоминало мертвецкую. Да они и на самом деле мертвецы, печально подумал я. Ходячие мертвецы. Древние суеверия и таинственные предания, казавшиеся кошмарным вымыслом, оживили свихнувшиеся ученые с Лилит. Я очень хотел забрать всех девушек и, не раздумывая, сделал бы это при первой же возможности. Что натворил один сумасшедший, наверняка могут исправить нормальные. К сожалению, это было выше моих сил.

Стараясь не думать об остальных, я аккуратно поднял Ти и, положив на плечо, отправился к облюбованному для побега тоннелю. Она казалась почти бесплотной, и если бы не слабое и почти неслышное дыхание, я подумал бы, что она мертва. Она скорее напоминала куклу, нежели человека. Теперь оставалось дожидаться темноты. Если хоть одна живая душа заметит, что в «морге» осталось только одиннадцать девушек, мои планы рухнут.

Но оставить ее здесь — уподобиться доктору Пону. Более того, она может остаться в таком состоянии навсегда. Нет, глупость это или не глупость, но что сделано — то сделано, и я обязан довести начатое до конца.

Впереди было поместье — и еще двое вооруженных зрителей Артура. Обладай кто-либо из них достаточной силой, он вызвал бы у меня такую боль, которая если не убьет, то по крайней мере парализует меня. Я должен избежать подобных случайностей, значит, охранников придется убрать. Мне требовалась

та же сила, которая в свое время помогла убить Кронлона, собрать кресло, но в данной ситуации она бы меня выдала. Передо мной стояла трудная задача — уничтожить обоих противников, пока они меня не заметили.

На моей стороне, разумеется, преимущество внезапности. Мои неприятели не владеют телепатией или сверхчувствительностью, позволяющими определять уровень силы у приближающегося. Понимание своего превосходства наверняка сделало их крайне самоуверенными.

И тут меня осенило: Ти! Если, конечно, мне удастся управлять ею столь же эффективно, как и доктору Пону. Я опустил ее на холодный камень тоннеля, убедившись, что выход довольно далеко.

— Ти, открой глаза, — тихо попросил я.

Ее веки слегка дрогнули, глаза широко открылись. Я с облегчением вздохнул. Все гораздо проще, чем я думал.

— Ти, встань и посмотри на меня.

Она подчинилась, и я почувствовал себя намного увереннее. Оставалось выяснить, какие команды она может выполнить.

— Ти, тихонько скажи мне: «Здравствуй».

— Здравствуй, — произнесла она совершенно безжизненно. Я вздохнул.

— Ти, сделай два шага вперед, остановись, повернись, подними правую руку и скажи: «Иди сюда».

После минутной паузы она воспроизвела все абсолютно точно. Я ощутил сладостную дрожь предвкушения. Юношеские грезы мужчины, решил я, хотя и граничащие с некрофилией.

Оставалось последнее — выяснить, поддается ли она внушению типа гипнотического и можно ли управлять ее реакцией.

Я отдал несколько незначительных распоряжений, а затем попросил, чтобы она не выполняла их до тех

пор, пока я не произнесу слово «побег». Как только я вымолвил это слово, Ти скрупулезно исполнила приказ. Затем я перечислил еще несколько второстепенных поручений, после чего вновь произнес волшебное слово. Ти тут же выполнила первоначальный приказ. Я был на седьмом небе.

В свое время я выбрал именно этот выход потому, что возле него стояла огромная скала. Все складывалось наилучшим образом, и я уже пришел к выводу, что идея взять с собой Ти была не лишена смысла.

— А теперь слушай внимательно, Ти, — сказал я. — Забудь все предыдущие инструкции. Когда я скажу: «капкан», ты сделаешь следующее...

На выходе из служебного коридора сгушалась тьма. Два охранника, молодой парень и женщина в летах, одетые в черные плащи и брюки, сидели у входа, осунувшиеся и измученные. Их смена уже заканчивалась, и они падали от усталости. На посту их удерживал только страх перед неожиданной проверкой магистра Артура.

Расслабленные позы часовых говорили о том, что они не ждут никакого подвоха. В этот момент в тоннеле послышались шаги. Охранники вскочили.

— Да это же девочка, — изумленно сказала женщина. Второй охранник коротко кивнул.

— Кто ты? Что здесь делаешь? — крикнул он в темноту.

Крошечная фигурка двинулась было вперед, но поскользнулась, упала и исчезла за большим скальным выступом.

— Что еще такое? — раздраженно проворчал парень. Его спутнику провести оказалось сложнее.

— Спокойно, — сказала она, — похоже, это ловушка. Ты же помнишь, кто-то предупредил его. Давай применим силу.

— Ты преувеличиваешь, — возразил охранник уже менее уверенно.

— Давай. Это ее задержит, — настаивала женщина.

— Я ничего не слышу, — забеспокоился парень. — Ты сможешь на нее настроиться?

— Конечно, — последовал ответ. — Вот и все, пошли.

Они осторожно приблизились, обойдя выступ; прямо перед ними на камнях лежала девушка, не подавая признаков жизни.

— Марл, что ты натворила? — прошептал охранник. — Она мертва.

Забыв об осторожности, они подошли к девушке, и, когда их головы оказались в нескольких дюймах друг от друга, я с пронзительным криком выскочил из укрытия и изо всех сил столкнул их лбами; охранники даже не поняли, что произошло.

Мне еще не доводилось применять этот прием, который мы упорно отработывали на андроидах во время тренировок, но, слава Богу, он сработал. «Внезапность, — удовлетворенно подумал я, — стремительность и кое-какое знание человеческой психики».

Парень был мертв; женщина еще дышала, истекая кровью. Я переломил ей шейный позвонок, а затем оттащил бездыханные тела в глубь тоннеля и хорошенько спрятал. Чем позже они спохватятся, тем лучше. К тому же таинственное исчезновение обоих стражников может спутать все планы преследователей.

Магистр Артур, помимо всего прочего, лично отвечает за безопасность Замка и должен задуматься, при каких обстоятельствах произошло убийство — при побеге из Замка или же при проникновении в него постороннего. Я неплохо представлял себе психологию его обитателей; они просто не поверят, что ничему не обученный бывший батрак убил двух тренированных зрителей.

Почему я не поступил так же с Кронлоном? Эта проклятая планета подорвала мою уверенность в собственных силах — только сейчас я вновь начал ощущать себя самим собой.

Быстро поставив на ноги Ти, я отправился вниз, в долину.

Наконец-то мне понадобилась вложенная в память карта местности. Нам предстояло затеряться в обширных девственных джунглях, горах и лесах.

Никакой опасности сейчас вроде бы не было. Батраки уже укладывались спать или занимались своими нехитрыми делами, и на полях не осталось ни единой живой души.

Поместье Зейсс раскинулось в небольшой долине, с трех сторон окруженной горами, а с четвертой находилось большое озеро с заболоченными берегами. Этот маршрут отпадал сразу — у меня не было ни малейшего желания с восходом оказаться у всех на виду. Да и кто знает, что за твари скрываются в глубине? Оставался только один путь — через горы, что было не менее рискованно. Голый, безоружный, вместе с зомбированной Ти, я стану легкой добычей для хорошо вооруженных солдат Артура.

Судя по карте, за ночь мне предстояло преодолеть шестисотметровый перевал и спуститься вниз, в густые первобытные джунгли. К сожалению, на карте указали практически все, кроме дорог. Их предстояло разыскивать самостоятельно.

Найти следы повозок оказалось делом нехитрым, хотя наезженной колеи не было. Но в конечном итоге мы должны были выйти на нее.

То и дело сверху доносился тяжелый, похожий на самолетный, гул пролетающих безилей. Я понимал, что в качестве разведчиков от них толку мало — чудовище слишком тяжелое и неповоротливое, чтобы

всадник смог что-либо разглядеть. Однако, если нас с Ти обнаружат и поднимут тревогу, вся авиация поместя в считанные секунды окажется над нами.

Если колея, на которую мы все-таки вышли, будет наезженной, переход через горы не сулит особых трудностей. Предназначенная для повозок дорога была широкая и удобная, с плавными поворотами. Я забеспокоился — на ней невозможно спрятаться.

Но выбора все равно не оставалось, и я, не теряя ни секунды, бросился бежать в гору, надеясь только на удачу. Ти сидела у меня на закорках, крепко-накрепко вцепившись мне в плечи.

Я одолел примерно четверть пути и несколько прибодрился, когда внизу послышались голоса. Я замер, но погоня — если я не ошибался — оставалась далеко позади и была пешей. Голоса звучали неразборчиво.

Решив, что самое лучшее в данной ситуации — как можно дальше оторваться от погони, я продолжил подъем и через несколько минут услышал другие звуки. Разговаривали две женщины — хотя снизу доносились только мужские голоса. Внезапно я понял тактический прием Артура. В условиях Лилит это — простое и эффективное решение. По охраняемой трассе навстречу друг другу движутся две группы, так что предполагаемый беглец рано или поздно окажется между молотом и наковальней.

Я попытался прикинуть, как далеко от нас та группа, что спускается с горы. Бесполезно. Оставалось одно: надеяться, что мы с Ти успеем скрыться в сгущавшемся на глазах тумане, который по ночам всегда окутывал вершины здешних гор. С наступлением ночи туман всегда опускался вниз. Я устремился к почти осязаемой серой стене, видневшейся уже в двух поворотах дороги.

Без Ти я был бы, конечно, гораздо проворнее, но ее присутствие меня поддерживало. Я твердо знал, что

найду способ вернуть ее к жизни. Теперь она не казалась невесомой, как пушинка. Я устал, и сорок два килограмма ощутимо давили мне на плечи.

До спасительного тумана оставался только один поворот, как вдруг женские голоса послышались ясно и отчетливо, и я уже различил призрачный желтоватый свет фонаря. Я осмотрелся в поисках укрытия, но слева от дороги поднималась отвесная скала, а справа была бездонная пропасть; по ее краю тянулся крошечный, едва заметный бордюр, страхующий поковки от неожиданностей.

Что делать? Укрыться можно было только в пропасти. Вот и проверим, чего стоит тело Кола Тремона.

Охранники, приближающиеся снизу, непосредственной опасности пока не представляли. Наступила ночь, а их фонари были не очень мощными.

Как можно осторожнее я перекинул тело через край обрыва и повис над пропастью, крепко вцепившись в предохранительный пояс дороги. Внезапно Ти показалась такой тяжелой, что я еле сдержал стон; однако сказались тренировки, да и за неделю спокойной жизни в Замке мышцы еще не ослабли. Одному Богу известно, сколько я так провисел.

Я вновь уповал на человеческие слабости: шатающиеся назад и вперед охранники наверняка быстро устанут и потеряют бдительность.

Две женщины, вынырнув из тумана, неторопливо спустились вниз. Одна подобрала камешек и лениво швырнула его в скалу. Я понял, что нас разделяет только один прямой участок дороги.

— Ну наконец-то, — с облегчением сказала она. — Я уж думала, этот проклятый туман никогда не кончится.

— Да, пусть теперь помокнут другие, — проворчала вторая. — Если мы прибавим шагу, то перед очередным подъемом сможем немного отдохнуть.

— Верно, — согласилась первая. — Мне эта гора уже осточертела. Я мечтаю только о еде, горячей ванне и кровати.

Они были уже очень близко, возле самого поворота. Не останавливайтесь, не останавливайтесь, мысленно умолял я. Однако закон Паркинсона сработал и здесь. Смотрительницы остановились буквально в трех-четырех метрах от меня; если бы они удосужились оглядеться по сторонам, они непременно заметили бы мои руки.

— Смотри! Вон они подходят! — внезапно сообщила одна, показывая пальцем на дорогу вниз. Я хорошо видел ее руку, и это не прибавило мне спокойствия.

— Может, подождем здесь?

Нет! Нет! Не надо! Не останавливайтесь! Если бы смотрители обладали телепатическими способностями, мои горячие мольбы наверняка привлекли бы их внимание.

— Ты хочешь остановиться? — задумчиво ответила другая. — Нет, лучше пойдем. Мало ли что?

Когда они скрылись за выступом скалы, я осторожно глянул вниз, на приближающихся мужчин. Их фонари виднелись всего в двух витках дороги, а спускающиеся женщины вот-вот появятся вновь, и не заметить меня, висящего прямо перед ними, будет невозможно. Надо быстрее подняться, но как можно тише.

Неимоверным усилием я перебросил сперва Ти, а затем и самого себя через уступ, упал на дорогу и затаился.

— Ты ничего не слышала? — донесся до меня голос.

— Слышала, — ответила другая. — Где-то впереди. Пошли помедленнее, и внимательно смотри по сторонам.

Но не слишком медленно, мысленно попросил я. Я должен был встать и продолжить путь до того, как приблизятся преследователи, но это оказалось выше моих сил. Спина и плечи невыносимо болели, руки

затекли. Я призвал на помощь всю свою волю и сделал несколько мысленных внушений, чтобы заглушить нечеловеческую боль и усталость. Управление болевыми центрами не вызывало проблем, но и не слишком помогло — мышцы полностью истощились. Я прикинул, сколько до вершины и одолею ли я подъем. Я уже не думал о патруле, который может там встретиться. Судя по звукам и приближающимся огням, надо было поторапливаться и я направился к спасительному туману.

Теперь двигаться пришлось гораздо медленнее, так как уже в трех шагах не видно было ни зги. Воздух стал вязким и влажным. Но все это мелочи по сравнению с главным — облако тумана превращалось в моего друга и союзника, первого и единственного, кому я доверял в этом безумном мире.

Смотрители, идущие по моему следу, меня особенно не беспокоили. Люди есть люди, и они обязательно останутся, перебросятся несколькими фразами. А я получу несколько лишних минут, чтобы оторваться от них. В тумане от их фонарей мало проку, так что им придется передвигаться так же неспешно, как и мне. Если больше я никого не повстречаю и успею до рассвета перевалить через хребет, мои шансы существенно возрастут.

Когда я достиг вершины, небо уже светлело, но это меня мало заботило. Теперь передо мной лежал совершенно дикий мир — мир, в котором мне предстояло раствориться. Я уже с ног валился от усталости, каждый шаг стоил невероятных усилий, но я заставлял себя двигаться. Если до того, как утро развеет ночной туман, я скроюсь под пологом леса, — мы спасены. Если по эту сторону перевала и есть патрули, то не такие опасные. Наверняка они тоже оповещены обо мне, но в условиях острой нехватки людей Артур

мог избрать только одну тактику — перекрыть все возможные выходы из поместья. Настоящее преследование начнется тогда, когда в Замке обнаружат пропажу охранников. Лишь тогда Артур выведет свое войско за пределы долины, но к тому времени я уже буду в безопасности.

Вернее, мне хотелось так думать.

Чтобы достичь нижней границы облачности, потребовалось около двух часов; пока мы шли в тумане, я промок до костей. Впервые на Лилит я почувствовал себя уютно; утренняя влага, легкий ветерок и небольшая высота подарили незабываемые ощущения. Уже практически рассвело, в любую минуту из-за гор появится здешнее солнце и развеет жаркими лучами остатки ночного тумана.

Наконец-то я выбрался из многомесячного плена поместья! До самого горизонта простирались пологие, заросшие густым лесом холмы; их темные сине-зеленые вершины тоже скрывал туман. В последние мгновения перед восходом мир покорял сверхъестественным спокойствием и тишиной; до раскидистых крон ближайших деревьев было рукой подать, и уверенность в успехе вновь придала мне силы.

Нести на себе Ти я уже не мог. Бережно поставив ее на землю, я приказал следовать за мной, не отставая. Покрытые утренней росой камни оказались очень скользкими, и мне не хотелось, подвергать ее риску.

Наконец взошло солнце, тотчас превратив все в парную. Я решил спрятаться в густой траве неподалеку от дороги; она надежно скрывала от любопытных глаз и в то же время не таила никакой естественной угрозы. Я приказал Ти бодрствовать и разбудить меня, если она почувствует какую-нибудь опасность. А сам улегся под раскидистым деревом и впервые за эти невыносимо тяжелые сутки расслабился. Несмотря на дикую усталость, я был доволен.

Я ушел! Я сделал это! Наконец-то я стал собой, свободным человеком и свободным агентом! Все во мне ликovalo.

И только в темных глубинах подсознания ерничал ворчливый внутренний голос: «Ну, сверхчеловек, чего же ты добился? Остался безоружный, нагой и беспомощный в странном и враждебном мире, обитатели которого стремятся тебя уничтожить; с тобой беспомощная девушка, о которой тебе придется заботиться, и ни единого друга и помощника. Великолепный ты наш, что ты теперь будешь делать?»

Ответ я знал и, не теряя времени, погрузился в глубокий сон.

ГЛАВА 13

НЕСКОЛЬКО ИНТЕРЕСНЫХ ВСТРЕЧ

Сколько я проспал, сказать трудно, но, когда я проснулся, день уже клонился к вечеру. Чувствовал я себя по-прежнему неважно. Все тело ныло, во всяком случае, те места, которые не онемели окончательно. Неровная каменистая почва тоже не способствовала полноценному отдыху. Но я мог действовать — только не штурмовать перевалы и не тащить на себе Ти.

Умереть с голоду при всем желании здесь было трудно. Варден не сильно погрешил против истины, описав Лилит как подобие рая. Все, что культивировалось на полях поместья, росло в девственном лесу, и хотя дикорастущие плоды оказались не столь вкусны и аппетитны, тем не менее они были калорийными.

Но для чего нам теперь питаться? Какова следующая задача? Главная психологическая проблема при побеге из тюрьмы в том, что все силы направлены на побег, и о дальнейшем мало кто задумывается. Так и здесь. Поместье Моаб находилось примерно в 4800 километрах к юго-юго-востоку. В любом случае это огромное расстояние, а когда абсолютно все против вас — путешествие равносильно переходу на другую планету.

Похоже, охота на меня была в полном разгаре. Через несколько минут вдалеке, вдоль дороги прonesлось два огромных черных силуэта. Гигантские кры-

ля удерживали в воздухе длинные извивающиеся тела чудовищ, похожих на огромных летающих червяков. Безили из военно-воздушных сил Артура, догадался я. Удивительно, как наездники могут управлять такими тварями. Да и летели они как-то странно, извиваясь по-змеиному, явно высматривая беглецов в густых зарослях.

Нам срочно требовался дальнейший план — и краткосрочный, и перспективный. Оставаться здесь, конечно, нельзя; во-первых, необходимо найти пищу, во-вторых, поместье Зейсс совсем близко. Чем больше расстояние между мной и Артуром, тем лучше.

Путешествие будет менее комфортным из-за необходимости соблюдать осторожность. На Лилит царили растения и насекомые, но совершенно отсутствовали млекопитающие и рептилии. О микробах беспокоиться не стоит; за исключением микроорганизмов Вардена всевозможные простейшие слишком чужды человеческому организму, чтобы представлять какую-то опасность. Зато местные перепончатокрылые эволюционировали в миллионы форм; планета буквально кишела ими. В поместье Зейсс мелких насекомых и паразитов каким-то образом обезвредили; зато теперь меня облепили мириады летающих, ползающих, прыгающих букашек. Уже через несколько минут я выделил с десяток самых распространенных видов; по Ти они ползали в еще большем количестве.

Мне удалось найти совсем немного съедобных плодов и ягод. Естественная пищевая цепочка планеты была ориентирована на насекомых, а не на людей. Любой более или менее созревший плод кишмя кишел всевозможными червяками, гусеницами и личинками. С водой тоже проблем не было: лес изобилдовал маленькими озерами, лужицами и ручейками.

Подкрепившись, я задумался над тем, что делать дальше. Попасть в поместье Моаб, помочь Ти и выскользнуть из лап Артура я просто не мог физически; мне срочно требовалась помощь друзей. Но кому я мог довериться? Ответ напрашивался сам собой.

Необходимо отыскать отца Бронца и обратиться к нему за помощью. Если старый проповедник откажет мне, размышлял я, то помочь Ти он согласится наверняка. Я хорошо помнил, как он был привязан к ней. Но где он сейчас? Я напряг память. Две недели назад, когда мы познакомились, он говорил, что собирается на юг. Отлично, значит, нам по пути. Он упомянул поместье Шемлон.

Перед моим мысленным взором возникла карта, и я легко отыскал Шемлон, расположенный примерно двадцатью километрами ниже. Внизу, на дороге или же рядом с ней.

С наступлением темноты мы отправились в путь, стараясь держаться подальше от дороги, но параллельно ей. Трасса оставалась свободной. За несколько часов до сумерек я заметил только несколько повозок и редких путников — почти всех в ранге магистра, — двигавшихся в обоих направлениях. Я не сомневался, что весть о моем побеге уже дошла до Шемлона; бежали весь день проявляли бешеную активность.

Путь предстоял длинный и опасный, но теперь я снова был в своей стихии.

До границы поместья Шемлон мы добирались несколько суток. Двигались по ночам, днем отсыпались. Единственной проблемой оставался поиск пропитания, но Лилит оказалась планетой щедрой и изобильной. Большой отряд прокормить удалось бы с трудом, но для двоих еды хватало.

Холмы постепенно сошли на нет, и теперь мы шли по абсолютно плоской равнине, большую часть которой покрывал тонкий слой воды. Вскоре я выяснил, что на таких полях выращивали расти — красноватое, напоминающее рис растение. Я пробовал его в Замке Зейсс. Теперь я знал, откуда оно туда поступало.

В поместье Шемлон была только одна деревня — причудливое нагромождение хижин из дерева бунти, опоясывающих гигантским кольцом огромный крашенный особняк — минимум восемьдесят комнат, объединенных в странную конструкцию из непрочных желто-коричневых панелей.

Я чувствовал себя не слишком уверенно. Прошло уже слишком много времени, и отец Бронц наверняка уехал из Шемлона. Пробраться в здешнюю деревню под видом обычного батрака мне было трудно; требовалось прибегнуть к крайним мерам. Целый день я изучал диспозицию, и в конце концов заметил батрака, работавшего на поле в отдалении от других. Кажется, он чинил ворота на оросительном канале, подававшем речную воду на поля.

Я дождался наступления сумерек. Батраки, закончив работу, собрались в деревню. Мой ремонтник, судя по всему, тоже намеревался отдохнуть. Я спокойно направился к нему.

— Привет, — дружелюбно сказал я. — Я только что прибыл, и похоже, меня приняли за простака, отправив к черту на рога; когда я вернулся, поле уже опустело.

Пожилой батрак с грубыми чертами лица посмотрел на меня, прищурившись, и усмехнулся.

— Да, это мне знакомо, — ответил он. — Подожди немного, я скоро закончу, и мы отправимся в деревню.

Я понимающе кивнул, начиная потихоньку ненавидеть себя.

Мы обменялись несколькими пустыми фразами, и я осторожно приступил к делу.

— Знаешь, Извне я был католиком. Я слышал, здесь есть странствующий проповедник. Это правда или меня опять обманули?

— Нет, на сей раз все верно, — подтвердил старик. — Он как раз недавно был у нас в деревне. Жаль, ты его не застал. Теперь он вернется только через несколько месяцев, когда мы соберем урожай.

Я удивленно посмотрел на него:

— А куда же он пошел?

— В другие поместья, — уверенно ответил батрак. — Скорее всего в поместье Мола, на запад. Человек он хороший, хоть я и не разделяю его веры.

— Когда он останавливался здесь? Когда уехал?

— Позавчера. Почему это тебя так интересует?

Я горько вздохнул:

— Потому что я — Кол Тремон.

Он потрясенно взглянул на меня, и я убил его — быстро и безболезненно.

Если верить карте, до поместья Мола отсюда около тридцати километров. На повозке, запряженной ак, которой пользовался отец Бронц, не больше двух суток; мне же предстояло продираться сквозь лесную чащобу — голодному, по колено в воде.

Убийство старика не давало мне покоя. Многих я уничтожил бы не задумываясь, особенно из высших кругов — Артура, Пона, Тиля и даже самого Марека Кригана. Я не испытывал никаких угрызений совести из-за Кронлона, но этот дружелюбный старик не выходил у меня из головы. Я искренне переживал, одновременно осознавая всю неизбежность происшедшего. Он все равно рассказал бы всем о странном человеке, которого встретил на поле. И о том, чем этот человек интересовался. Особенно если бы этого потребовал смотритель.

Меня еще долго преследовало его лицо, я все время видел его глаза, вновь и вновь вспоминал, как он посмотрел на меня в тот момент, когда я назвал себя. Судя по всему, старик понятия не имел о том, кто же такой Кол Тремон.

Еще двое суток мы продирались сквозь джунгли. Еще двое суток непрерывных укусов насекомых, гнилых фруктов, тухлой воды, страшных гроз с ливнями, от которых невозможно укрыться, вечной грязи, синяков и воспаленных ног. Зато теперь я мог любоваться здешним небом — ярко-синим; с сочными полосами красного и фиолетового, по которому плыли коричневатые облака. Иногда видны были звезды, вызывавшие у меня щемящее чувство. Отныне я вечный пленник Лилит. И никогда не поднимусь к звездам.

До поместья Мола оставалось три или четыре километра, когда я заметил небольшой лагерь, разбитый прямо на дороге. Это выглядело весьма необычно и подозрительно. Не по мою ли душу кордон?

На дороге горел костер, освещавший призрачным светом странную, но хорошо знакомую повозку. Я увидел зверя ак — огромное толстое существо с крошечной головой, повозка по сравнению с ним казалась игрушечной. Нет, это не авария, подумал я. Рядом с повозкой на земле кто-то спал. Судя по всему, магистр.

Укрыв Ти в лесу, я осторожно подкрался к биваку: мужчина спал мертвым сном. Внезапно во мне затеплилась надежда. Невероятно, твердил я себе. Он должен быть очень далеко отсюда, но тем не менее он лежал здесь.

Я нашел отца Бронца.

Не в силах сдерживаться, я неосторожно повернулся; раздался легкий шелест — просто невероятно,

чтобы его услышали, однако спящий приоткрыл глаза; поднял голову и удивленно повертел ею.

— Отец Бронц, — громко прошептал я, — это же я — Кол Тремон!

Священник усмехнулся, сел, громко зевнул и от души потянулся; затем протер кулаками глаза и недоуменно осмотрелся. Я осторожно вышел на свет. У меня не было особых оснований слепо доверять ему, но мне не оставалось ничего другого, кроме как отдать себя в его руки.

— Тремон! — ласково прорычал он, еще не совсем проснувшись. — Наконец-то! Я давно тебя жду!

ДИКАРИ И АМАЗОНКИ

Как пишут в романах, я потерял дар речи и ошарашенно смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова. Наконец я заговорил:

— Вы меня ждали?

— А для чего, по-твоему, я торчу в этом негостеприимном отеле под открытым небом? Присаживайся. У меня горячий чай.

Я подошел к нему, но внезапно остановился:

— Ти! Я забыл Ти!

Отец Бронц недоуменно посмотрел на меня.

— Ничего, у меня есть немного, — несколько сконфуженно произнес он.

— Да нет, я не про чай, а про Ти* — девушку!

Поняв, о чем идет речь, отец Бронц расхохотался:

— Отлично, отлично! Значит, ты и ее прихватил! Об этом ты должен рассказать подробнее.

Я решил сначала привести ее, а уж потом рассказать все отцу Бронцу. Так или иначе, отныне я не один, и если отец Бронц ведет свою игру, то явно в мою пользу.

Я принес Ти к костру. Старик тут же подошел к ней и внимательно осмотрел, с неподдельным сочувствием и интересом.

— Сволочи, — пробормотал он. — Гореть им в аду во веки веков. — Он закрыл глаза и положил руку ей на лоб.

— Можете чем-нибудь помочь? — спросил я. — Она сейчас всего лишь ходячий робот!

* Каламбур: Tea [ti:] — чай, Ti [ti:] — имя девушки.

Отец Бронц вздохнул и на мгновение задумался:

— Если бы я был врачом — да, конечно. Если бы я хоть немного разбирался в биологии — вполне возможно. Я вижу модифицированные участки мозга, но я просто не рискнул бы что-нибудь предпринимать. Можно сильно повредить мозг или убить ее. Нет, мы обязаны найти человека, который бы ей помог, другого выхода нет.

— Только не в поместье, — беспокойно произнес я. — Все, что они сделают, — отправят обратно к доктору Пону.

— Пожалуй, — раздумчиво согласился он. — Придется доставить вас в безопасное место, где ты получишь необходимую помощь, а Ти — квалифицированное лечение. Я чувствовал, что у нас возникнут проблемы с друзьями, союзниками и убежищем, но не подозревал всей их глубины.

Вздохнув, он направился к костру, снял с огня пустотелую тыкву с водой, высыпал в нее щепотку листьев из мешочка, прикрепленного к поясу. Я заметил, что таких мешочков у него несколько.

— Присаживайся, — пригласил отец Бронц. — Еще несколько минут, и чай будет готов. Давай поговорим.

Я послушался, чувствуя себя немного лучше. Я уже давно хотел расспросить отца Бронца о нем самом.

— Вы сказали, что предвидели необходимость искать убежище для меня, ожидали меня здесь, — сказал я. — Может, расскажете почему?

Мой собеседник улыбнулся:

— Сын мой, я уже давно вышел из Зейсса. Они собрали на званый вечер много знатных особ, в их число попал и я. Мы с герцогом старые друзья — мне выпала честь оказать ему некоторые услуги.

— Я хорошо помню ту ночь, — отозвался я. — Именно тогда я убил Кронлона и сдал экзамен на силу, если можно так выразиться. Однако я полагал, что к тому времени вы давно покинули поместье.

— Я так и собирался сделать. — Старик принялся аккуратно разливать чай в маленькие, искусно гравированные тыквки-чашечки. — Если бы не политика — она здесь правит бал. Из-за этого я прибыл в Шемлон чуть позже, чем предполагал; когда я собрался уезжать, прибыл гонец из Зейсса с известием о том, что ты был приговорен, бежал и теперь находишься в розыске. Ты действительно горячий, сынок.

Я кивнул.

— Как бы то ни было, — продолжал отец Бронц, — мне не пришлось долго думать, чтобы понять, что ты нуждаешься в защите и что помочь тебе, кроме меня, никому. Поэтому я щедро делился со всеми своими дальнейшими планами, стараясь по возможности облегчить тебе задачу. Я не хотел, чтобы ты встретился со мной в Шемлоне — эта огромная деревня не располагает к подобного рода встречам, — а отправился в поместье Мола. И на полпути остановился и разбил лагерь. Я решил стоять здесь до тех пор, пока кто-нибудь не начнет меня расспрашивать или же пока ты меня не найдешь. Однако я все равно собираюсь заехать в Мола — просто для отвода глаз, как ты понимаешь.

— Вы легко угадали мой маршрут. Странно, почему это не удалось Артуру?

— О, я вижу его насквозь, — рассмеялся отец Бронц. — За мной внимательно следили его летающие червяки, а мои хорошие знакомые при выезде из Шемлона сообщили твои приметы и предупредили, как нужно сообщить о твоём появлении. Я ведь один из них, сын мой! Для них я просто старый друг герцога, старый и очень близкий друг. Разве им могло прийти в голову, что ты станешь меня разыскивать. А уж чтобы я сам искал встречи с тобой — это выше их понимания. Они твердо уверены, что я при первой же возможности испепелю тебя взглядом.

— А вы меня не испепелите? — на всякий случай поинтересовался я, отхлебывая обжигающий напиток.

— Конечно, нет, — обиделся священник. — Стал бы я на тебя чай переводить? Нет, сын мой, я возрождаю для тебя древний обычай моей Церкви! «Убежище». Давным-давно, Церковь обладала неслыханным могуществом и властью, уже отделенной от сиюминутных, мирских нужд, ведь мы присягали на верность не королю, но Богу. Любой, кто подвергался гонениям, мог войти в собор и потребовать убежища, и Церковь обязана была защитить его от скорой расправы. И теперь ты просишь о защите — могу ли я, христианин, оттолкнуть тебя? Я принес этот обычай сюда. И кроме того, — добавил он, лукаво улыбнувшись, — я смертельно устал от здешней размеренной жизни.

Я рассмеялся и допил чай. Отец Бронц, увидев мою пустую чашечку, налил еще.

— А теперь, — продолжил он, усаживаясь, — посвяти меня в свои планы.

— Самое главное — вылечить Ти, — ответил я. — Кроме того, я хотел бы продолжить обучение. В поместье Зейсс мне сказали, что у меня потенциал магистра, и я хотел бы достичь этого уровня. А вообще-то я претендую на большее.

Он кивнул:

— Разумеется. И то, что первой ты упомянул Ти — как и то, что ты страшно осложнил себе жизнь, прихватив ее с собой, — на самом деле говорит в твою пользу. Но, предположим, я доставлю тебя в поместье Моаб и ты по-настоящему овладеешь силой. Станешь магистром, а может, даже и рыцарем. Что дальше?

— Хм... — Я задумался над столь откровенным вопросом. Действительно, что же дальше?

— Однажды я захвачу поместье Зейсс и стану его полноправным хозяином. А дальше... видно будет.

Отец Бронц хитро усмехнулся:

— Итак, тебя привлекает рыцарство, да? Ну что же, возможно, тебе это по плечу, Кол. Возможно, возможно... Ну да ладно, это еще не скоро. А какие наши ближайшие планы? Нужно помочь тебе и Ти, а затем каким-то образом доставить тебя в поместье Моаб.

Я прекрасно понимал, с какими трудностями это сопряжено. Мечтать, конечно, не грех, но пока что у костра сидел голый, перепачканный с ног до головы человек и попивал чай.

— Я двинусь в путь, как и обещал, — сказал отец Бронц, — и оставлю тебе кое-что, чтобы несколько дней ты провел с полным комфортом. Если уж ты преодолел все капканы и ловушки и добрался до меня, то затаиться на некоторое время для тебя пара пустяков.

— А потом? — Мне не хотелось выпускать ситуацию из-под контроля. В противном случае я вновь почувствовал бы себя беспомощным.

Странствующий священник усмехнулся:

— Из поместья я отправлю небольшое послание некой партии. Я назначу им встречу, и мы используем их возможности в наших целях.

— Некой партии? — искренне удивился я. — Вот уж не думал, что на Лилит в принципе возможна оппозиция!

— Это не совсем то, о чем ты подумал, — ответил священник. — Как бы тебе сказать... Видишь ли, они просто дикари.

ГЛАВА 15

РАЗГОВОР

Эти два дня показались мне самыми долгими за все время после побега. Я слонялся по окрестностям и проникся к старому проповеднику гораздо большим доверием, чем раньше. И не потому, что у меня появился выбор; если бы отец Бронц оказался провокатором, я бы уже давно любовался искаженным яростью лицом Артура. Теперь я больше беспокоился о судьбе самого священника.

С другой стороны, особых причин для беспокойства не было. На Лилит отец Бронц занимал если и не исключительное, то по крайней мере привилегированное положение. Он свободно передвигался по планете, делал что хотел и ни перед кем не отчитывался. Даже церковной иерархии над ним не было. Его хорошо знали во всех поместьях и всегда оказывали самый радушный прием. Даже отпетые негодяи и психопаты боялись поднять руку на друга самого герцога, так что в центрально-восточной области огромного континента ему была гарантирована полная безопасность. Впрочем, и отец Бронц ни для кого не представлял угрозы. Как и положено священнику, он искренне заботился о всех обездоленных. Его молитвы, обращенные к Всевышнему, на самом деле адресовались правящей верхушке, ведь любая официальная религия всегда апеллирует именно к земным правителям.

Бронц вернулся на вторые сутки, поздно вечером. Усталый, но довольный.

— Все отлично, — сообщил он, — только нам предстоит небольшое путешествие. До места встречи два дня пути. Надо спешить. Вокруг полно патрулей, да и они долго ждать не могут. Мы выходим.

— Что, прямо сейчас? — возмутился я. — Уже темно, да и на вас лица нет. У вас может не выдержать сердце, а потерять вас мне очень не хотелось бы. Особенно теперь.

Отец Бронц едва заметно улыбнулся.

— Да, прямо сейчас, — твердо сказал он. — Я припас немного соломы, так что мы надежно спрячем не только Ти, но и будущего рыцаря. Хотя, конечно, ты прав — я ужасно устал. Шутка ли — выполнить за два дня обязанности, на которые я отводил неделю, да еще и участвуя при этом в тамошней светской жизни! Нам просто необходимо выехать сейчас — я смогу немного поспать, пока ты будешь править.

Его слова меня не на шутку встревожили.

— Но ведь вы управляете этой зверюгой своей силой! Я так не умею!

— Ну, Шеба — замечательная жучиха! — небрежно бросил отец Бронц. — Ее даже подгонять не требуется; на протяжении примерно тридцати километров нам не встретится ни одной развилки, так что ты просто следи, чтобы она тащилась вдоль дороги, и все. А если нас остановит патруль, припустишь зверюгу что есть мочи — и тут же буди меня!

Править местным насекомым оказалось нетрудно. Шеба и правда была созданием послушным и выносливым. Но мне все равно дважды пришлось разбудить священника, в первый раз нечто темное и непонятное появилось из джунглей, во второй — беззвучно пролетело над нами. И тут ангельское терпение отца Бронца истощилось.

— Пора бы тебе повзрослеть, Тремон, — сказал он со вздохом. — Ведешь себя, как дитя. Неужели ты до сих пор боишься темноты? Мой тебе совет — прислу-

шивайся к насекомым. Пока ты их слышишь, все в порядке.

Я действительно чувствовал себя не в своей тарелке, управляя в крошечной тьме гигантским тараканом. Однако симфония огромных сверчков, цикад и других тварей не прерывалась ни на секунду, и я позволил себе слегка расслабиться.

Когда Бронц проснулся, мы сделали привал и приготовили чай.

— Проклятое место, — проворчал святой отец. — Никаких продуктов не напасешься, если нет магистра — все гниет за день. Я, например, предпочитаю питаться дарами полей и беречь силу на эти вот тыковки и на чай.

Я сразу понял намек и бодро направился в джунгли на поиски пропитания. Много я не принес, поскольку боялся удаляться от дороги, но собранного — нескольких дынь и одной-двух пригоршней ягод — оказалось вполне достаточно. Бронц своей силой законсервировал пищу. Но я почему-то подумал, что он профессионал совсем в другой области.

Отец Бронц выбрал маршрут, пролежавший вдали от перенаселенных поместий, и мы почти все время ехали по диким местам, хотя и там встречались порой случайные попутчики.

И тогда я, забравшись в повозку и накрывшись соломой, замирал, стараясь ничем не выдать своего присутствия, а отец Бронц вел душеспасительные беседы (иногда очень долгие). В основном нам попадались смотрители, перевозившие всевозможные грузы из поместья в поместье. И хоть мне было очень неспокойно, я почему-то не сомневался, что отец Бронц уничтожит их на месте, если мне будет грозить опасность. Но вот кого я действительно боялся, так это магистров. Еще вопрос, кто бы одержал победу. Вряд ли отец Бронц.

Один раз мы столкнулись с самым настоящим кордоном. Видимо, магистр Артур решил взяться за меня всерьез. К счастью, отец Бронц хорошо знал охранников, и нас пропустили без особых хлопот. Я не склонен был недооценивать Артура: если ему сообщат, что экипаж священника пропустили без обязательного досмотра, он бросит в погоню за нами всех оставшихся людей.

Однако все обошлось. Видно, судьба благоволила к нам. Большую часть времени дорога оставалась совершенно пустой, и мы с Бронцом могли свободно беседовать. У меня появилась прекрасная возможность выяснить многое из того, что меня интересовало.

— Похоже, тебе не очень-то нравится система, сложившаяся на Лилит, — заметил он однажды.

Я усмехнулся:

— Система всеобщего принуждения. Крошечный правящий класс из самых отпетых уголовников Конфедерации, обладающий к тому же неограниченным могуществом. Никогда не видел ничего более омерзительного.

— Ну и что ты собираешься с этим делать? — весело спросил он. — Какой общественный строй предложил бы властитель Тремон?

— Микроорганизмы Вардена усложняют дело, — уклончиво ответил я. — Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно... — Отец Бронц как-то странно посмотрел на меня. — Большинство людей, — неловко поправился я. — Те, кто обладает силой, как правило, и без того достаточно испорчены; их преемники должны обладать еще большей силой — и, естественно, пороками с ней сопряженными. А сюда и так отправляют королей преступного мира.

Отец Бронц улыбнулся.

— Итак, истинный рай заражен пороком, — заключил он, — и ныне здесь правят порождения тьмы

и исчадия ада, я правильно понял? То есть достаточно уничтожить гадину, и наступит новый золотой век?

— Не надо так упрощать. Вы же прекрасно понимаете, о чем я. Более прогрессивные властители способны создать лучшие условия для самых бесправных, избежав при этом как самого террора, так и его неременного следствия — разложения высших слоев общества.

— Да ну? — Он задумался. — Интересно, очень интересно. Лилит — планета непростая, и мне кажется, ты рассматриваешь ее слишком однобоко. Микроорганизмы Вардена не только и не столько источник силы и могущества. Это еще и основополагающий элемент биосферы, который оказывает определенное влияние абсолютно на все. Эти симбиоты — специфический продукт эволюции, не встречающийся больше нигде, лишь по странной случайности человек оказался здесь и научился использовать новые возможности.

— Вы о чем?

— Этот огромный организм можно рассматривать как развивающийся всепланетный регулятор. Как и почему он возник — вопрос не ко мне, но я думаю, что эта планета в далеком прошлом претерпела ужасную катастрофу. На Лилит нет ни рептилий, ни млекопитающих, ни кристаллических структур, а именно этими формами изобилуют остальные планеты Вардена. Здесь выжили только насекомые, которые обладают большей приспособляемостью и — как ни странно — гораздо меньшей изменчивостью. Но я считаю, что даже растения и насекомые подверглись очень мощным изменениям во время катаклизма, и для поддержания стабильности биосферы потребовался особый механизм. Вот в чем причина появления бактерий Вардена.

— Вы говорите о планете, как о живом существе, — заметил я.

Отец Бронц кивнул:

— Да, я думаю, что так оно и есть. Сам посудите: когда столетия назад человек вышел в космос, он ожидал встретить множество инопланетных цивилизаций. А что получилось? Миллионы безжизненных каменных глыб, газовых гигантов, осколков льда — и редко, крайне редко нечто такое, что после определенных усилий можно колонизировать. На планетах, пригодных для обитания, обязательно существовали местные формы жизни, по крайней мере простейшие. И все они, невзирая на биологические различия, образ мышления и негуманоидное поведение, все они были постижимы. Человечество никогда не сталкивалось с инопланетянами, которых невозможно понять в принципе, которые противоречили бы всем известным законам биологии и социологии. Никогда — до открытия Лилит и соседних планет.

Я осмотрелся. Яростно шумели деревья, в неправдоподобно синем небе ярко светило местное солнце.

— Не понимаю, куда вы клоните, — честно признался я. — Я не встречал планеты более похожей на Землю.

Он кивнул:

— Сходство чисто внешнее. Все здешние насекомые уникальны, но это действительно насекомые, их не спутаешь с другими живыми существами. Здешние деревья — самые настоящие деревья, и в них идут процессы фотосинтеза, благодаря которым здешним воздухом можно дышать. Но посудите сам — существование Ромба Вардена невозможно объяснить с помощью теории вероятности и математической статистики. Четыре очень похожие друг на друга планеты находятся на орбитах, позволяющих развиться жизни.

— Я уже слышал гипотезу, что планеты Вардена имеют искусственное происхождение. Но пока это не доказано.

— Это правда. — Отец Бронц вздохнул. — Но вспомни, я ведь только что говорил о постижимости внеземного разума. Я чувствую, что в огромной Вселенной слишком многое необъяснимо из-за нашего догматизма. То, с чем мы столкнулись здесь, действительно непостижимо. Это чужое. Мы просто не способны принять возможность самого существования чуждого нам разума. Но он ведь существует! Я убежден, что в споре между теорией и Вселенной всегда права Вселенная.

— Божественное провидение, да? — сказал я просто, чтобы что-то сказать.

Как ни странно, он не обиделся и даже улыбнулся:

— С тех пор, как я уверовал в то, что Господь, сотворивший Вселенную, присутствует везде и во всем, — с тех пор я убежден в этом. Да-да, Господь абсолютно логичен. И этот мир пребывает в гармонии со всей Вселенной — даже если он противоречит нашим представлениям. Впрочем, это к делу не относится. Я просто хотел объяснить, почему твои мечты о превращении Лилит в рай навсегда останутся лишь мечтами.

Я усмехнулся:

— Все равно я не отступлю, святой отец. Что же еще остается?

Он махнул рукой:

— Кто знает? Можно обсуждать это с пользой, а можно — впустую. Не знаю почему, но мне кажется, что тебе предопределено стать властителем. Возможно, ты погибнешь, так и не достигнув цели, но если все-таки достигнешь, хотел бы я знать, что тогда?

— Властитель Тремон! — Я засмеялся. — Да в Конфедерации все поумирают от хохота!

— Ты такой же Тремон, как я — Марек Криган, — резко сказал он. — Довольно врать, тебе все равно никто не поверит. И я в первую очередь.

Я похолодел:

— Это вы о чем?

— Знаешь, почему за тобой охотятся? Не знаешь. Так вот, за тобой охотятся потому, что агентура Кригана в Конфедерации сообщила, что ты агент спецслужб, направленный сюда специально, чтобы убить Кригана. И мы оба знаем, что это правда. Ты слишком благороден и воспитан для настоящего Тремона, у которого была одна радость — делать отбивные из тех, кто попадет под руку. Я сразу все понял, еще во время нашего первого разговора. Не тянешь ты на пирата — слишком уж манеры хорошие. Кто же ты на самом деле?

Да, пожалуй, притворяться бессмысленно. Все равно и Криган, и Артур знали правду.

— Какая разница, кто я? Все равно я уже совсем другой человек, отныне и во веки веков я — Кол Тремон; с тех пор как я оказался в его шкуре, мы с ним успели сродниться. Это трудно представить.

Он кивнул:

— Ну что же, Кол так Кол. Но ты правда агент?

— Профессиональный, — честно признался я. — Но не такой, как вы думаете. Ведь работа на Лилит имеет свою специфику. Я должен буду остаться здесь до конца дней. Зачем мне убивать Кригана? Разве только, чтобы самому сделаться властителем? Нет, у меня другая цель.

— Знаешь, мне даже трудно представить, что в Конфедерации уже освоили процесс транспортировки личности.

— Неужели вы знали об этих исследованиях? — поразился я.

— А как же? Разве я не говорил тебе, что был очень влиятельным лицом? Ведь в подобных экспериментах принимали участие и католики, которых интересовали определенные теологические проблемы, например, — бессмертие души. Откровенно говоря, не только я, но и вся Церковь наша Святая относилась

к этому весьма скептически. Помнишь мои слова о теории и Вселенной?

Если честно, его слова меня несколько насторожили. Уж кто-кто, а я слишком хорошо знал, насколько засекречены все эти исследования. Но как бы то ни было, отец Бронц — мой единственный союзник. Выходит, я вынужден ему поверить.

— Итак, ты утверждаешь, что не намерен убивать Кригана, — продолжил отец Бронц. — Что тогда? Какие интересы Конфедерации оказались затронуты, если она решила пожертвовать лучшим агентом? И почему ты добровольно пошел на это?

Что поделаешь? Пришлось рассказать ему о пришельцах, об утечке информации из Генштаба, — все, как на духу.

Когда я закончил, отец Бронц тяжело вздохнул:

— М-д-да, значит... враждебные пришельцы? Которые используют Четырех Властителей в своих целях... Да, поразительно умные твари, сразу поняли, что к чему.

Неужели даже отец Бронц, занимающий здесь столь высокое положение, совсем ничего не знает о пришельцах.

— Так вы ничего не знаете?

— Ну... Какие-то слухи до меня, естественно, доходили, — ответил он, — но я им не верю, частично из-за самого Кригана. Он разительно отличается от остальных. Он прибыл сюда по своей воле, всю свою жизнь честно прослужив Конфедерации. Жажда мести, которая движет другими, ему совершенно не присуща.

У меня внутри все оборвалось. Просчитались. Здесь мне делать нечего. Бронц прав — если кто и связан с пришельцами, то уж никак не Криган. Предателем оказался другой властитель. Хотя... как знать?

— Возможно, это и так, — согласился я. — Но почему человек, сделавший блестящую карьеру, отпра-

ляется сюда по доброй воле? Он что, не знал, что это — навсегда? Его, видимо, не проинформировали...

Бронц задумался:

— Хм... Значит, ты все-таки считаешь, что главная фигура здесь Криган? Н-да, пожалуй, это не исключено. Но, допустим, что человек вроде тебя полностью разочаровался в своей работе, разочаровался в системе, которой служил верой и правдой. Допустим, при выполнении очередного задания ему пришлось столкнуться с инопланетянами. Это проливает свет на многое, к примеру, как им удалось узнать так много о нас, как они использовали планеты Вардена в своих целях. Криган мог оказаться самой подходящей кандидатурой, но для этого требовалось время. Попав на Лилит, он начал восхождение. Возможно, не без помощи пришельцев. Затем, достигнув высочайшего могущества, он приступил к реализации их планов.

— Я тоже так думал, — ответил я. — Но если так, значит, инопланетяне находятся среди нас уже довольно давно. И проявляют завидное терпение.

— Может быть, и так, — задумчиво произнес Бронц. — И вы обнаружили их? И много они успели узнать, пока не произошла первая осечка? Возможно, их тактика и впрямь весьма эффективна.

— Да, но Криган, — продолжил я. — Криган. Хотя он и много меня старше, все равно мы с ним коллеги. Наша жизнь протекала в рамках одной системы, мы выполняли одинаковую работу, и я никак не могу понять, что же так изменило его отношение к Конфедерации, если он задумал ее уничтожить и посвятил этому всю жизнь.

— Действительно, странно, — согласился отец Бронц. — Я давно уже ломаю над этим голову. В устройстве Конфедерации я вижу очень много порочного. Возможно, вы несколько недооцениваете Кригана. Я бы сказал, что он крайний идеалист и руководствуется исключительно идеалистическими соображе-

ниями. Он мог бы вложить в подобный проект всю душу, причем не корысти ради, а в соответствии со своими принципами.

— Да вы с ума сошли! — воскликнул я. — Идеалист в первую очередь займется исправлением общественного строя на самой Лилит — немного улучшит положение батраков, собьет спесь с верхушки.

Отец Бронц засмеялся:

— А ты, оказывается, совсем еще глупый. Присмотрись повнимательнее к Лилит и вспомни мои слова. Социальный строй определяют не индивидуальные особенности власть имущих. Он обусловлен сопротивлением биосферы поселившимся здесь людям. Симбиоты защищают местную экосистему от нежелательных воздействий, поддерживая ее в состоянии устойчивого равновесия. И инопланетяне здесь — именно мы. Вот так-то, сын мой. Да, мы обладаем могуществом, но весьма ограниченным. Мы не в состоянии изменить облик планеты, наш удел — приспособиться к исторически сложившимся условиям. Эти микроорганизмы просто не позволят нам предпринять что-либо масштабное. Ну, подумай, ведь сюда попало уже больше тринадцати миллионов человек — и что изменилось?

Я никак не мог понять, к чему он клонит, и так прямо и сказал.

— Все очень просто, — ответил священник. — У тебя, Кол, в корне неверный подход. Здесь не Земля. Это на Земле история человечества определяется развитием техники. И именно на Земле история человечества — история непрерывной борьбы с окружающей средой, в которой победил человек. Но здесь и только здесь, на Лилит, он не смог эту борьбу даже объявить. Ничего не поделаешь, на Лилит победила природа. Одно героическое сражение, правда, имело место, только вот беда — проиграли его мы. Можно, конечно, выстроить Замок и заставить здешних тара-

канов выступать в роли скакунов, но это такие мелочи, которые в мгновение ока исчезнут без следа, если их не поддерживать ежечасно. Вот видишь, сын мой, Лилит сама всем распоряжается при помощи этих бактерий — а если точнее — единого всепланетного организма. Мы можем подстраиваться, искать компромиссы, но хозяева здесь не мы. А ведь нужно как-то прокормить тринадцать миллионов человек и обеспечить им кров. Мы же способны только на косметические изменения. И в этих условиях кому-то неизбежно приходится производить продукты питания и перевозить их, разводить гигантских насекомых и содержать их. Хозяйство должно развиваться: если мы бросим тринадцать миллионов несчастных на произвол судьбы, им — чтобы выжить — все равно придется засеять дынные грядки. Начнется борьба всех против всех, и выживут все равно сильнейшие. Теперь-то ты понял, сын мой? Никого не радует тяжкий физический труд. *Но предложи что-нибудь другое.* В сложившейся ситуации мы просто вынуждены использовать мышечную энергию человека.

Я как-то даже растерялся:

— Вы правда думаете, что по-другому невозможно?

— Отчего же? Существует много альтернативных путей развития, но все они гораздо хуже. И ты мне поверь, Криган тоже не в восторге от этой системы — слишком уж она похожа на ненавистную ему Конфедерацию, но ничего лучшего никто пока не придумал.

— Вы считаете, что здешний террор сильно напоминает Конфедерацию? — возмутился я.

Отец Бронц фыркнул:

— Этого только слепой не заметит. Ты посмотри на так называемые цивилизованные планеты. Да ведь на них люди превратились в одинаковых, безликих, псевдоразумных существ. Выглядят одинаково, говорят одно и то же, едят одно и то же; работа, отдых, игры, одежда — все у всех одинаковое. Да они рабы

почище наших батраков. Граждане Конфедерации даже мыслят одинаково. Но при этом все счастливы. Пользуются всеми благами цивилизации и вполне искренни. Они крайне изнежены и их хваленая свобода — золотая клетка. Разница только в том, что наши батраки прекрасно понимают свое рабское положение, принимая логику и справедливость подобной системы. Граждане Конфедерации настолько запрограммированы на одно и то же, что никогда не решатся взглянуть правде в глаза.

— Если это и рабство, то очень комфортабельное. — Других аргументов у меня не нашлось.

— Да, конечно. Как у канарейки. Ты, наверное, никогда не слышал о таких маленьких певчих птичках, на цивилизованных планетах нет места домашним животным. Эти птички вырастают в клетках, хозяева регулярно их кормят и ухаживают за ними. Они и не подозревают о существовании другой жизни, ибо убеждены в неизменности сложившегося порядка вещей и ни в чем ином — кроме воды и пищи — не нуждаются. Они весело щебечут, скрашивая одиночество приграничных космических скитальцев, и не только не пытаются покинуть клетку, но даже не представляют ничего подобного.

— Но это ведь животные, — обиделся я. — Вроде Шебы.

— Да, они всего лишь птицы, но до чего ж похожи на людей с цивилизованных планет! Милые, ласковые и беззаботные. Живут в одинаковых квартирах, одинаково обставленных, одинаковых до мелочей. Видят каждый день одно и то же, носят одну и ту же одежду из одинаковых материалов и работают только для того, чтобы система функционировала. После трудов праведных возвращаются в свои одинаковые домики, погружаются в свои развлечения — тоже одинаковые! — и так везде; никаких новых мыслей, идей, чувств... Наркотики скраши-

вают им свободное время. Их культура заимствована из прошлого, ибо ни на что оригинальное они не способны. Они настолько стереотипны, что не способны ни на любовь, ни на творчество, ни на стремления; всякий раз, когда навязывается абсолютное равенство, люди стремятся к минимуму, а как показывает история, этот уровень может быть очень низким.

— Но мы же развиваемся, — защищался я. — Постоянно прорабатываем новые идеи, усовершенствования...

— Да, — согласился отец Бронц. — Но ты же видишь, сын мой, что новые идеи возникают отнюдь не на сытых цивилизованных планетах; магистры с тех планет, тамошние смотрители и рыцари, герцоги и властители понимают, что конец прогресса будет равносителен концу их владычества. И для того чтобы прогресс не останавливался, существуют Окраина с ее суровыми обитателями, селекция и искусственное разведение гениев. Это элита, работающая в расположенных Извне Замках; там они тоже есть, не сомневайся!

— Но зато у нас нет кастовости, — парировал я.

Священник расхохотался:

— Кастовости нет! А ты-то кто? А Марек Криган? Кто же в конце концов я? Ты что, и вправду думаешь, что я был преступником, а, Тремон? Я обращал души цивилизованных рабов к свету, открывал им путь к вере, надежде, к любви... Я давал им нечто давно забытое — и именно это угрожало режиму! В результате меня удалили от паствы. Да так, чтобы не вернулся. Пока я был на Окраине и пестовал сырых и убогих — система была довольна. Но как только я начал проповедовать на цивилизованных планетах — я сразу же стал социально опасен. Если бы меня не сослали, могло случиться непоправимое — рабы Конфедерации очнулись бы от своей комфортабельной, нарко-

тического спячки и осознали, что они не просто канарейки, а люди — как я, как ты, как весь правящий класс. И меня прихлопнули, как муху.

— Да, значит, вы должны восторгаться общественным устройством Лилит, — заметил я.

Он пожал плечами:

— Здесь это необходимо — пока кто-то обладает большими способностями, чем другие, и может отвечать за свою работу. Но для чего, ты мне скажи, нужно рабство там? Человек должен быть хозяином своей судьбы, а он превратился в невольника технократов. А сам-то ты разве к этому не причастен? Пойми, сын мой, время выполнять приказы для тебя прошло. Теперь ты должен сам отвечать за свои поступки и делать выбор. Трудно с непривычки, верно? Здесь, на Лилит, человек хоть и поработен телом, но зато свободен душой. Он волен думать, любить, танцевать — делать что хочет и как хочет. Разум на свободе, а тело в кандалах — такое уже бывало. Там, откуда мы пришли, закабалены не только наши тела — это еще полбеды — закабалены наши души. Отныне ты свободен. Больше никто не посягнет на твой разум, сын мой. Пользуйся им впредь для решения собственных проблем.

Я чувствовал, что это предел. Мысли отца Бронца подрывали мою веру в культуру, в человечество и в самого себя. Если все это правда, тогда чему же я посвятил жизнь?

Если он прав, то в Конфедерации я был...

Кронлоном.

Неужели это правда? Я просто не мог поверить. А если так, не отправится ли Марек Криган собственной персоной на розыски своего врага и не ждет ли нас встреча в самое ближайшее время?

«Расскажи мне о Кригане, Вэла. Какой он?» — «Вы очень похожи, Кол Тремон. Очень...»

СУМИКО О'ХИГГИНС И СЕМЬ ВЕДЬМ

На второй день, уже после захода солнца, мы добрались до назначенного места. Мне захотелось хоть что-нибудь выпытать у святого отца.

— Кто они, эти дикари? — спросил я. — И чем они могут помочь нам?

— Видишь ли, Кол, дикари в нашей области, как и везде, где мне приходилось с ними встречаться, совсем не дикари; разве что в сравнении с обитателями поместий. Это самые обыкновенные люди, по каким-то причинам оказавшиеся неудобными. Некоторые обладают силой, но не научилась управлять ею, некоторые не обладают, но твердо решили не батрачить, остальные — всевозможные ренегаты и политические преступники вроде тебя, ну и, конечно, их дети. Я привел тебя к ним потому, что они обладают реальной силой. Хотя, надо сказать, здесь царит анархия.

— Помнится, вы говорили, что без жесткой иерархии на Лилит выжить нельзя, — решил я хоть как-то поквитаться.

— Не совсем так. — Он не смутился. — В больших масштабах, конечно. Да и маленьким отрядам без дисциплины не выжить. Однако они *уверены*, что их порядки — это анархия. Ну что ж, пусть себе так думают, если им это нравится. Совсем маленькие группки — всего в несколько человек — в принципе могут выжить, но их ждет общая судьба дикарей —

смерть в юном возрасте, причём почти всегда насильственная. Нет, у них четкая организация и свои руководители, обладающие реальной властью. Однако все это, если можно так выразиться, э-э-э... несколько расходится с нормами. Они не канонизированы.

При последних словах отец Бронц осенил себя крестным знамением, что было для него крайне необычно. Я наблюдал это всего несколько раз — перед и после преодоления контрольных постов на дорогах.

— Они что, очень опасны?

Он кивнул:

— Очень. Ты, наверное, думаешь, что это простая неприязнь к соперникам...

— Конкурирующая Церковь?

Отец Бронц снова кивнул:

— В каком-то смысле — да. Они, дорогой мой, наши противники, то есть мои противники, и ты даже представить себе не можешь, насколько тяжело мне просить о помощи именно их. Понимаешь, они ведьмы и поклоняются сатане.

Я не сдержал улыбки:

— Ведьмы? В наше-то время?

— Ведьмы, — серьезно повторил он. — И я не понимаю, что тут смешного. Взгляни на Лилит по-другому. Это же настоящий потерянный рай! Симбиоты, теория вероятностей, матстатистика... Это все — привычные слова, которые вроде бы все объясняют. Но на самом-то деле они не объясняют ровным счетом ничего. И тогда приходит новое слово, более верное: магия. Представители элиты, избранные, обладающие силой и властью, это маги, колдуны, волшебники. Вспомни собственный опыт с сотворением кресла. Что это? Использование неких законов природы? А может, просто чары, заклинание? Ты знаешь, что движет этим миром, я знаю, но большинство людей разве

понимает хоть что-нибудь? А без такого знания — ну чем не мир колдунов и заклинаний?

Я наконец понял, что он хотел сказать, впрочем, уверенности мне это не прибавило.

— Неужели мы попали в руки людей, которые верят во всю эту чушь?

— Да. И теперь будь предельно осторожен. Они согласились помочь нам именно потому, что им предоставилась возможность ткнуть доброго католика лицом в грязь во славу сатаны. Но в сатану они верят исступленно и твоего веселья, мягко говоря, не поймут. Так что отныне следи за каждым своим словом — силы испепелить тебя на месте у них хватит, не сомневайся.

Мне приказали заткнуться, и я заткнулся. А что было делать? На самом деле меня несколько не волновала их вера — просто они остались моей единственной надеждой.

Рандеву с сатанистами приближалось.

Они появились внезапно. В один прекрасный момент, когда мы сидели в повозке, ожидая приближения грозового облака — а грозы на Лилит очень часты и яростны, хотя и мимолетны, — нас окружили. Я мгновенно вскочил и принял боевую стойку, но отец Бронц сохранял спокойствие, и я расслабился.

Их было человек десять, и все — женщины, и все — абсолютно разные. Коротко остриженные, с грубой и обветренной кожей, они напоминали простолудинок. Они были в бриджах из плотных, порядком истрепанных листьев, скрепленных лианами. У каждой имелось оружие — каменный топор или нож, а у двоих — луки и стрелы с кремниевыми наконечниками.

Среди них сразу выделялась одна — высокая и статная. Ее длинные шелковистые черные волосы

свободно ниспадали, закрывая ягодицы. Не приходилось сомневаться, кто здесь вождь. От нее исходила мощнейшая, почти осязаемая воля и уверенность.

— Хорошо, отец Бронц! — сказала она низким грудным голосом. — Значит, это тот самый беглец, которому нужна помощь. — Она смотрела на меня, как экспериментатор на порядком надоевшего кролика. Кажется, мой вид и запах вызвали у нее отвращение. Закончив осмотр, ведьма повернулась к священнику.

— Вы говорили о какой-то девушке. Очередные поповские байки?

— Не дури, Сумико, — предупредил Бронц. — Ты меня знаешь. Девушка в повозке.

Легкий кивок — и три женщины, вытащив из ворока соломы спящую Ти, бережно опустили ее на землю.

— Сукины дети, — прошипела Сумико и склонилась над Ти.

Она подробно расспросила Бронца о случившемся, простерла над ее головой руки и сосредоточилась. Затем поднялась, повернулась к нам и обвела обоих тяжелым взглядом.

— Какой подлец это сделал? — прорычала она.

— Пон из Зейсса, — устало ответил Бронц. — Ты уже все слышала; теперь увидела собственными глазами.

Она опустила голову:

— Клянусь, когда-нибудь я поймаю этого червяка и медленно, очень медленно нашинкую.

— Вы способны помочь ей? — вставил я, несколько раздосадованный безразличием к своей персоне.

Сумико покачала головой:

— Вывести ее из комы я могу. Вот только... Боюсь, нужен врач, причем врач, который хорошо знаком с этой процедурой. Иначе могут образоваться тромбы. Хоть Пон и слабее меня, но очень умен и обожает

всевозможные трюки. — Она развела руками и медленно пошла вперед.

Женщины осторожно положили Ти в повозку, а одна молча запрыгнула на козлы. Наша кавалькада двинулась за королевой ведьм — другого определения я не нашел. Мы углубились в девственный лес.

Шагавший рядом отец Бронц повернулся ко мне.

— Вот ты и познакомился с ней, — тихо сказал он. — Сумико О'Хиггинс, верховная ведьма.

— Она ужасна, — ответил я.

— Что есть то есть, — согласился Бронц. — Но она очень сильна. Если кто и может помочь вам с Ти, так это она.

— Не думаю, что произвел на нее благоприятное впечатление. Похоже, она не очень-то мне обрадовалась.

Священник усмехнулся:

— Сумико на дух не переносит мужчин. Но не беспокойся — это вопрос времени.

Я не разделял его уверенности.

— А она захочет помогать? — спросил я. — Помоему, она непредсказуема.

— Не беспокойся, — повторил он, — ты в полной безопасности. У сатанистов существует свой кодекс чести, и они строго блюдут его. Вдобавок, они ненавидят поместья больше, чем кто бы то ни было, а ты беглец, да еще какой беглец. Одно это сыграет на руку.

— Надеюсь, — с сомнением сказал я. — А кто она такая? По рангу не ниже магистра.

— Возможно, и выше. Однако она не прошла необходимого курса обучения. Если бы она захотела, то могла бы побороться за место властителя, да только это не в ее вкусе.

Не помню, сколько часов мы шли — на Лилит я быстро потерял чувство времени, — но наконец прибыли в лагерь свободных сатанистов, окруженный со

всех сторон девственными джунглями. Здесь стояли настоящие избы из толстых бревен, крытые соломенными матами. Тринадцать таких «домов» образовали большой круг, в центре которого виднелось небольшое кострище, накрытое чем-то возвышение и небольшой каменный могильник. Несмотря на темноту, жизнь в деревне кипела. Я обнаружил, что население лагеря — человек шестьдесят или даже больше — составляют только женщины. Отсутствие мужчин лишь усилило мои опасения.

Наша повозка уже стояла здесь. Женщины, не обращая на нас никакого внимания, занимались своими делами при тусклом свете костра и факелов, пропитанных маслом неизвестного мне растения. Я перехватил лишь два-три любопытных взгляда: нас не ждали, но нашему появлению не удивились. Подавляющее большинство женщин не носило ни одежды, ни украшений, хотя, очевидно, имели как минимум ранг смотрителя.

Длинноволосая начальница выкрикнула несколько имен, и во все концы поселка полетели приказы. Мы с Бронцем решили не мешать и, встав в сторонке, наблюдали за происходящим.

С возвышения возле костра убрали покрытие, и взорам открылась большая каменная плита — нечто среднее между купелью и лабораторным столом доктора Пона, на которой были выгравированы какие-то символы. В ярких сполохах пламени мы увидели на плите Ти. Двенадцать женщин окружили ее, почти скрыв от нас.

Я повернулся к отцу Бронцу:

— Что за чертовщина?

— Вот именно, — вздохнул священник. — Они пытаются вернуть Ти к жизни, но, будучи сатанистами, обставили это как соответствующий обряд. Мне невероятно больно смотреть на все это, но ведьмы способны оказать ей помощь, а я... я, увы, нет.

Сатанизм ли, католицизм ли — какая разница? Настоящим чудом казались уцелевшие до наших дней первобытные суеверия. Если для концентрации энергии им необходима помощь какого-нибудь Мумбо-Юмбо, ради Бога, лишь бы это спасло мою Ти.

Женщины тихонько запели. Слов разобрать я не мог; а если они действительно пели что-то членораздельное, то на непонятном мне языке.

Песнь длилась довольно долго, и я уже порядком утомился, но стоило мне привалиться к ближайшему дереву, как из домика вышла Сумико О'Хиггине. Черная длинная мантия и плащ совершенно преобразили ее. Перевернутый крест, висевший на ремешке из лианы, не оставлял сомнений в характере предстоящей церемонии.

Она приблизилась к кругу, и огонь, почти угасший, внезапно вспыхнул с необычайной силой. Странно, ведь местные микроорганизмы гибнут при высокой температуре. Значит, дело не в них?

Сумико присоединилась к поющим. Ее глаза были закрыты, руки воздеты к небу. Она впала в транс. Вскоре песнь стихла; только доносящееся издалека гудение насекомых нарушало тишину. Казалось, все затаили дыхание.

— О сатана, князь тьмы, к тебе зываем! — внезапно выкрикнула Сумико.

— Тьма, сгустись! — эхом отозвались остальные.

— О великий, вечный враг тоталитаризма Церкви и государства, услышь молитвы наши!

— Услышь молитвы наши, — повторили остальные.

Повелительница ведьм открыла глаза и медленно опустила руки на безжизненное лицо Ти.

— Дай нам силу исцелить ее, — взмолилась она и вновь закрыла глаза, не убирая рук с лица девушки.

Непонятно, действительно ли она впала в мистический транс, или же все это дешевый трюк. Меня

одолевали сомнения, но отступить было поздно. Я бросил взгляд на отца Бронца: священник неотрывно смотрел на странную церемонию, в глазах его была печаль.

Все замерло. Я понимал, что сейчас О'Хиггинс со своими помощниками тщательно изучают мозг Ти и вносят необходимые изменения.

Внезапно королева ведьм отпрянула, вновь воздев руки.

— О сатана, князь тьмы, владыка мира, благодарю тебя! — воскликнула она, и хор голосов вторил ей. Из костра вырвался ослепительно яркий всполох, и все исчезло. Опустилась непроглядная тьма. Несмотря на жару, меня колотил озноб. Нетрудно понять, как подобные зрелища притягивают неискушенных.

— Из света — во тьму, и во тьме обретем истину, — нараспев продекларировала Сумико. Тринадцать женщин стояли, пошатываясь, словно после непосильной физической работы.

О'Хиггинс вновь подошла к Ти и положила руки ей на лоб; спустя какое-то время она подозвала своих помощниц и приказала перенести девушку в хижину. Затем повернулась и направилась к нам.

— Да, Бронц, это задача.

— Ты сделала все? — спросил священник.

— Все, что могла, — сказала Сумико, — но этот подлец действительно слишком умен и хитер. Скоро все будет в порядке, и даже лучше, чем раньше, но мне еще придется повозиться. Она обретет невиданную силу и свернет горы, хотя физически очень слаба. Ей необходимы регулярные упражнения и очень хорошее питание. Я боюсь, что не исключен рецидив.

— Вы хотите сказать, — спросил я, — что такое может повториться?

Сумико кивнула:

— Не забывай, как работает система. Микроорганизмы Вардена поддерживают естественное состояние того организма, в котором обитают, или того, что сотворил доктор Пон. Микроорганизмы постараются вернуть ее в коматозное состояние, считая естественным именно его. Я обошла некоторые нервные блоки, задействовав резервные участки мозга, но бактерии станут всячески противиться моему вмешательству. Нам необходим нейрохирург, к тому же не менее сильный, чем доктор Пон.

— А долго она будет в нормальном состоянии? — спросил я.

Сумико замялась:

— Несколько дней, возможно, недель. Это медленный процесс, и трудно ответить точно.

— Тогда какого дьявола вы все это устроили? — в отчаянии воскликнул я. — Где мы за неделю найдем врача?

Сумико О'Хиггинс удивилась не на шутку:

— Тебя что, правда волнует эта девчушка?

— Волнует, волнует, — пришел на помощь отец Бронц. — Он выкрал ее из поместья Зейсс, что невероятно осложнило его положение. Все это время он тащил ее на себе, кормил, мыл...

Сумико посмотрела на меня с большей благосклонностью. Я даже уловил в этом взгляде что-то человеческое.

— Если она дорога тебе, — медленно проговорила она, — тогда еще не все потеряно. Есть место, где ей помогут. Но оно страшно далеко.

— Поместье Моаб, — догадался отец Бронц. — Я так и думал. Но, Сумико, до него четыре тысячи километров! Как добраться туда раньше, чем за год? Туда даже одному пробираться полгода, а ведь Тремону еще предстоит скрываться! Объясни мне, ради Бога.

На губах Сумико О'Хиггинс заиграла поистине дьявольская улыбка.

— Ради Бога действительно трудно, — с издевкой заметила она. — Но ответ прост — мы полетим. Безиль способен преодолеть за ночь четыреста километров, так что мы доберемся суток за десять, отдыхая в светлое время. Это гораздо реальнее, верно?

— Безили! — насмешливо пробормотал отец Бронц. — Их еще надо отловить, а потом приручить. Сколько на это уйдет времени?

— Не знаю, — сказала она. — Я просто подумала, что, если нам нужны безили, мы позаимствуем их в поместье Зейсс.

— Что?! — У меня волосы встали дыбом.

— Вас все равно выследили. Но это уже не имеет значения. На рассвете здесь будут войска. Они дорого заплатят за свою глупость.

Отец Бронц с отсутствующим видом склонил голову, будто к чему-то прислушиваясь.

— Сколько их? — спросил он наконец.

— Двадцать—тридцать, не больше, — ответила Сумико, — все на безилях. Возможно, они и кинутся за подмогой, но в любом случае подкрепление получат небольшое: им нельзя оголять Замок, чтобы не вводить в искушение окрестных рыцарей.

Бронц кивнул:

— В таком случае нам предстоит сражение с пятьюдесятью противниками. Отлично. С ними, конечно, Артур и... если не ошибаюсь, еще два магистра?

Сумико молча кивнула.

— Да подождите! — взорвался я. — Не забывайте, за кем они охотятся! Вы не одолеете такие силы!

Королева ведьм брезгливо покачала головой:

— Ну чего ты боишься? Спрячься где-нибудь и выпись хорошенько, чтобы успокоить нервишки!

— Но... но ведь у них хорошо обученные солдаты, все по меньшей мере смотрители, даже маги-

стры! — в отчаянии сказал я. — На что вы рассчитываете?

— Не беспокойся, — снисходительно ответила она. — Мы с отцом Бронцем справились бы и не с такими! Не забывай — силы света объединились с силами тьмы! У нас временное перемирие. Эх ты, атеист сопливый!

Отец Бронц похлопал меня по плечу.

— Она знает, что говорит, Кол.

И я поверил ему.

Конечно, мне было не до сна. Отовсюду на меня смотрели глаза Артура.

ГЛАВА 17

ВЕРУЮ В ВЕДЬМ — ВЕРУЮ, ВЕРУЮ

Той ночью я так и не сомкнул глаз. Впрочем, как и все остальные.

Лучшее, что я мог сделать, — это время от времени приглядывать за Ти; когда я зашел к ней в третий или четвертый раз, она уже не только дышала ровно и глубоко, но даже слабо стонала и переворачивалась. Один ее вздох сполна окупал все мучения — если удастся пережить завтрашний день.

Я мало что знал о ведьмах и прочей нечисти, но, наблюдая за жительницами поселка, сделал кое-какие выводы. Тринадцать — несчастливое число для христиан, весьма устраивало сатанистов. В шабаше, то есть, простите, в целительстве, участвовали тринадцать женщин. Вокруг костра стояли тринадцать больших хижин. Обитателей было намного больше; и хотя мне не удалось подсчитать точно, держу пари, оно было кратным тринадцати.

Ведьма, естественно, женщина. Впрочем, верно и обратное. В сказках наряду с ведьмами иногда присутствовал и мужчина — колдун. Колдуны были, как правило, слабее ведьм и характером обладали вздорным. Я вспомнил, что католическая церковь не признает за женщиной быть священнослужителем. Так вот почему они стали сатанистками! Доктор Пон как-то раз сказал, что у женщин гораздо чаще встречается врожденная сила; интересно, каковы же тогда высшие эшелоны власти Лилит?

Сколько рыцарей-женщин — половина? Большинство? С одной стороны, рыцарем Зейсса был Тиль, но моим обучением занималась Вэла, которая раньше пестовала Артура и Марека Кригана. Я вспомнил, что видел в Замке Зейсс множество женщин, в том числе и высокого ранга; первый встретившийся мне на Лилит магистр оказался женщиной. Добрую половину армии магистра Артура тоже составляли женщины.

Что из этого следует? Возможно, не только извращенность вынуждала доктора Пона проводить свои опыты исключительно на девушках.

В нашу эпоху ведьмы казались анахронизмом. А что, если подойти к этому явлению с научной точки зрения? Сумико обладала невероятной силой — отец Бронц сравнил ее с самим Марексом Криганом. Я хорошо знал, что сила микроорганизмов Вардена чудовищно возрастает на мощном эмоциональном фоне. И самый мощный стимулятор — ненависть. Сумико О'Хиггинс искренне ненавидела Зейсса, не говоря уже о докторе Поне.

А остальные... Внешне они напоминают батрачек, но так ли это? Мне не хватало какого-то важного звена — иначе приходилось допускать, что сатана, князь тьмы, на самом деле господствует здесь. Что-то таилось в этом поселении, и это что-то защищало его настолько надежно, что Сумико О'Хиггинс не побоялась забрать всех девушек-смотрительниц на встречу с нами, бросив деревушку как бы на произвол судьбы.

Рассвет близился. Осталось недолго. О'Хиггинс и отец Бронц скоротали ночь в хижине, также не сомкнув глаз, перебирая варианты завтрашней стычки. Наверняка там присутствовал кто-то еще — хотя бы для того, чтобы число совещающихся было нечетным. Наконец священник вышел из лачужки и направился ко мне:

— Хреново выглядишь.

— На себя посмотрите, — огрызнулся я. — Неужели вы думали, что я смогу заснуть?

Отец Бронц утомленно опустил ся рядом.

— Без чашки чая я не жилец, — пробормотал он. — А ведь она действительно кое-чего доби лась. Не знаю, что из этого выйдет, но если она права — это почти революционное открытие.

— Расскажите, — попросил я, — о чем вы говорили?

— Помнишь нашу беседу о биоценозе Лилит? Так вот, похоже, Сумико научилась нарушать это равновесие. По крайней мере до некоторых пределов.

— А что это значит?

— Видишь этих девушек? — Отец Бронц неопределенно мотнул головой. — Представь, они еще не знают мужчин, хотя назвать их девственницами я бы поостерегся. В период полового созревания они продемонстрировали огромную силу, а затем утратили эту способность.

— Только не уверяйте меня, что О'Хиггинс тоже девочка, — попросил я.

Отец Бронц усмехнулся:

— Трудно сказать. Но если она и переспала с мужчиной, уверен — исключительно по необходимости. Как знать, возможно, в древних легендах о девственницах, обладавших невероятными магическими способностями, и впрямь что-то есть. Так или иначе, Сумико за эту идею ухватилась. Похоже, она безумна, но душой ее не назовешь. Извне она слыла прекрасным биохимиком, вряд ли ее утверждения голословны. Как бы то ни было, на Лилит она недолго пробыла в батраках. Такая вот горячая кровь. Она разгневалась до такой степени, что не просто обратила в прах своего смотрителя, но и вышла из поместья, искрясь, как бенгальский огонь, калеча или убивая каждого, у кого хватало смелости к ней приблизиться.

— Без биостимуляторов? — поразился я.

Отец Бронц покачал головой:

— Да. Она оставалась в джунглях, пока не разобралась, в чем дело. О'Хитгинс занималась не только биохимией — она еще и специалист по ботанике. Потребовались месяцы, но все-таки она обнаружила необходимые стимуляторы и научилась выделять их. Как ей это удалось — без приборов, без лаборатории, даже без сотрудников, — не знает никто. Только сила воли и уверенность в себе. Понимаешь, Кол, я не знаю, чего именно она достигла, но результат налицо. Она отобрала всех этих женщин, когда они были еще очень молоды, из-за врожденного дара, а также, очевидно, из-за определенной сексуальной ориентации. Очень быстро в каждой из них она пробудила дремавшие способности. А столь экзотический культ ей потребовался, чтобы управлять ими. — Отец Бронц тяжело вздохнул. — Боюсь, старину Артура поджидает немало сюрпризов.

Ну что ж, значит, еще не все потеряно.

В своей среде девушки вряд ли предавались столь изысканному разврату, как лесбиянство, — в послужном списке Ти, к примеру, эта склонность напрочь отсутствовала. Но ежели О'Хитгинс и впрямь научилась восстанавливать скрытые способности — на Лилит это произведет эффект разорвавшейся бомбы.

— Отец Бронц, сколько здесь ведьм? — неожиданно выпалил я.

Он уже засыпал, но, очнувшись, удивленно приоткрыл глаза:

— Тринадцать на тринадцать. Неужели не догадался?

Итак, сто шестьдесят девять девушек, тщательно отобранных по критериям, известным лишь одной О'Хитгинс.

— Нет, это не сатанинский культ, — задумчиво сказал я. — Это зародыш будущей армии, способной совершить на планете революцию.

— Ага, значит, понял? — пробормотал сквозь сон отец Бронц.

На практике, конечно, все выглядело не столь безоблачно. Я отнюдь не считал, что мир по-хиггинсовски будет хоть немного привлекательнее, чем мир по-кригановски. Трудно сказать, из-за чего сюда сослали Сумико, но она явно получила по заслугам.

На рассвете ведьмы устроили торжественный обряд, посвященный уходу любимой царицы-ночи и наступлению проклятого дня. Они просили у сатаны помощи в битве. Над огнем висел огромный котел с булькающим варевом.

Женщины, одна за другой, подходили к котлу и, бормоча магические заговоры, черпали горячую волшебную жидкость и пили ее жадными глотками. Мне показалось, что это не к добру, но отец Бронц поспешил меня успокоить:

— Сумико просила ни во что не вмешиваться. Не забывай, мы здесь гости. Просто стой и смотри и ни в коем случае не лезь в гущу сражения. Там будут копы и дротики, стрелы с отравленными наконечниками, духовые ружья, луки и даже арбалеты. Твое дело — не высовываться, пока все не закончится. Если погибнешь, все жертвы окажутся напрасными.

Я выслушал его не без возмущения, но с такой логикой не поспоришь. Я заглянул в хижину к Ти. Она уже проснулась. Зевнула, перевернулась на спину и открыла глаза.

— Привет, — еле слышно сказала она.

— Привет. — Я не мог сдержать улыбки. — Знаешь, где ты находишься?

Она тихо застонала и попыталась присесть.

— Кажется, да, — сказала она. — Все было как в кошмарном сне. Я все слышала и видела, но ничего

не чувствовала. — Помедлив секунду, она взглянула на меня озадаченно и серьезно. — Но ведь это было наяву, правда, Кол? Этот страшный доктор, ужасная комната, ты, отец Бронц, ведьмы... Они взаправдашние ведьмы?

Я кивнул:

— Похоже на то. Во всяком случае, они в этом уверены.

Она посмотрела на меня с выражением, какого я ни разу не видел у нее прежде.

— Ты ничего не испугался и забрал меня с собой, — прошептала она срывающимся голосом. — Кол! Обними меня! Пожалуйста! Крепче!

Она порывисто обхватила меня и принялась иступленно целовать. Вскоре она откинулась в изнеможений, и я увидел в ее глазах слезы.

— Я люблю тебя, Кол. — Она вновь протянула руки.

— Я тоже тебя люблю, Ти, — пробормотал я, вновь сжимая ее в объятиях, и вдруг с удивлением понял, что это чистая правда.

Деревушка казалась вымершей. Я видел только затухающий костер и большой котел, висящий над ним. Тишину нарушал лишь неумолчный стрекот цикад.

И вдруг все звуки смолкли, словно ручку радиоприемника закрутили до отказа.

Это было настолько жутко и сверхъестественно, что поначалу я подумал, уж не оглох ли. Казалось, даже слабый ветерок и тот стих.

И столь же внезапно тишину разорвали леденящие душу крики, и резкий порыв ветра пригнул деревья к земле. Сделать я все равно ничего не мог; оставалось только смотреть на происходящее через дверной проем. Ти, несмотря на слабость, наблюдала вместе со мной.

В ста метрах над деревушкой летели безили. Заднего обзора у меня не было, но, судя по всему, они нас окружили. Они летели плавно и бесшумно. Один безиль, покинув строй, спланировал к центру поселка и замер почти над самым котлом с таинственным зельем. Сначала я следил лишь за грациозными движениями огромного насекомого, но затем мое внимание привлек всадник.

— Артур! — услышал я прерывистый шепот Ти.

Это действительно был Артур; от него исходило просто осязаемое излучение.

— Ведьмы! — пророкотал он. — Я желаю говорить с вашей повелительницей! У нас нет нужды драться с вами сегодня!

Раздался громкий хлопок, и внезапно, словно из ниоткуда, перед ним возникла Сумико О'Хиггинс. В новом парадном костюме, с распущенными волосами, она гордо смотрела ему в глаза.

— Говори, воин! Говори и уходи прочь! Здесь тебе делать нечего и прав у тебя нет.

Артур криво усмехнулся, хотя от меня не укрылось, что неожиданное появление Сумико и ее дерзость серьезно его озадачили.

— Прав? У кого больше прав, тот и прав, и ты это хорошо знаешь. Ваша колония существует только благодаря попустительству великого герцога и еще потому, что ты иногда помогаешь нам. Но это не значит, что я буду либеральничать. Сам Марек Криган приказал поймать и доставить к нему Кола Тремона — беглеца, который скрывается у вас! Выдай его нам, и мы уйдем по-хорошему. И все останется, как прежде.

— Кола Тремона? А может, еще и девушку? — с угрозой в голосе сказала королева ведьм, и мне показалось, что она не прочь заключить с ним сделку.

Артур расхохотался:

— Девчонку оставь себе. Мы даже поможем привести ее в чувство. Я должен поймать Тремона, и я его поймаю.

— Не нравится мне твой тон, вояка! — ответила О'Хиггинс. — Ты настолько привык к раболепию, что стал неосмотрителен; высокомерие сыграет с тобой злую шутку. Мы живем здесь не потому, что герцог Кобе смотрит на это сквозь пальцы. А Марек Криган — властитель только для вас; наш властитель — сатана, князь тьмы, повелитель ада, и никто другой!!!

— Ну же, ведьмочки! Давайте! — услышал я жаркий шепот Ти.

Артур пожал плечами:

— Если я правильно понял, вы не собираетесь добровольно выдать беглеца?

— Твоя судьба, Артур, мне безразлична, — ответила Сумико, — но я хочу предупредить тебя. Если атакуете нас — будете разбиты наголову.

Некоторое время Артур сверлил ее взглядом. Затем незаметно прищипил безиля и взмыл вверх, встав в строй неподвижно застывшей над деревушкой летающей кавалерии. Сумико О'Хиггинс не шелохнулась. И хотя ее смелость не могла не вызвать восхищения, сначала я воспринял все как глупую браваду.

Неожиданно и столь же необъяснимо появились остальные ведьмы, взяв поселок в плотное кольцо. Все они были безоружные.

Артур махнул рукой, и по два безиля с двух сторон от него резко спикировали вниз. На седлах перед всадниками были закреплены устрашающего вида арбалеты — нечто вроде артиллерийских установок. Они ударили одновременно. Стрелы стремительно понеслись к застывшей посреди поляны черной фигуре.

Крик застыл у меня в горле. Королева ведьм простерла руки, и стрелы опустились на траву, к ее

ногам. Каждая третья женщина из окружения повернулась лицом к костру, и О'Хиггинс сделала еще один небрежный жест в направлении летающих всадников.

Дальнейшее превзошло все мои ожидания. Хотя наездников удерживали крепкие и надежные ремни, они выскочили из седел, будто выдернутые чьей-то невидимой рукой, и рухнули на землю со скоростью, которую невозможно объяснить только притяжением. Теперь рядом с Сумико лежали четыре бездыханных тела.

Раздался гневный окрик Артура, и с неба пролился смертоносный дождь — стрелы, копья, дротики...

Но ничто не попало в цель.

Сумико вновь взмахнула руками, изобразив в воздухе какой-то магический символ. Послышался пронзительный вопль безилей, и несколько камней упали вниз вместе со своими всадниками.

У Артура еще был шанс спастись, но он приказал войскам перегруппироваться для новой атаки. Он избрал очевидную тактику — сначала разрушить оцепление.

— Атаковать круг! — услышал я его рев. — Уничтожить всех!

Сумико прокричала какую-то команду, и женщины одновременно повернулись к ней, устремив напряженные взоры в точку, поверх ее головы. Я удивился и даже слегка обеспокоился. Артур — тоже.

— Сатана, князь мира сего! — торжественно произнесла Сумико. Похоже, она опять впала в транс. — Ниспошли могущество свое слугам своим, дабы посрамились неверующие в тебя!

Войны Артура заняли круговую оборону, охватив снаружи кольцо ведьм, и подготовились к новому штурму. Сумико О'Хиггинс еще что-то прокричала и, открыв глаза, замерла в гипнотическом оцепенении.

Широко раскинув руки, словно сжимая оружие против безилей, она начала поворачиваться в разные стороны, пронзая взглядом зависшее над деревней войско. И то, во что упирался ее взор, мгновенно исчезало в клубах дыма и вспышках странного, неестественного огня, который мне довелось однажды видеть. Именно в таком огне сгорел Кронлон. Юные ведьмы остекленелыми глазами смотрели на свою повелительницу.

— Они используют ее как транслятор! — прошептал я, наконец-то раскусив тактику ведьм. — Они передают свой страх и ненависть О'Хитинс!

Враг осыпал защитниц потоком стрел. Несколько женщин упали навзничь, но остальные не обратили на это никакого внимания. Казалось, они даже не замечали, что их становится меньше. Концентрация их воли была абсолютной.

Один за другим солдаты Артура то вылетали из седел, то превращались в пар прямо в воздухе. Артур бежал, приказав уцелевшим бойцам уходить. Только три-четыре минуты шла битва, но шеренги нападавших поределели наполовину.

— Ну что ж, ведьмы! — прокричал Артур. — Сила — это и есть право, и на сей раз ваша взяла! Но как только весть о сражении разнесется по планете, мы соберем такое войско, какого здесь еще не видели! Празднуйте, празднуйте победу! Но не забывайте мои слова!

Вскоре исчезли последние нападавшие.

Руки королевы ведьм опустились, изобразив в воздухе еще один магический знак, а губы беззвучно прошептали заклинание. Женщины зашатались, сбросив чудовищное напряжение, некоторые повалились на землю.

О'Хитинс словно очнулась:

— Помочь раненым! Срочно представить сводки!

Она величаво направилась к хижине, в которой сидели мы с Ти.

— С ума сойти! — прошептала Ти. — Такого я и представить себе не могла. — Внезапно она прыснула. — Воображаю, какое лицо было у Артура! Батраки поместья Зейсс многое бы отдали, чтобы увидеть, как его отделали!

— Не спеши его хоронить, — сказал я. — Сегодня он проиграл, но до конца войны еще далеко. Он столкнулся с неизвестным оружием, но это не значит, что он сломлен. Когда он вернется со своим супервойском, так легко его уже не проведешь. Либо они уничтожат эту великую мощь, либо навсегда потеряют сон и покой.

Появившийся из соседней хижины отец Бронц выглядел изумленным и потрясенным. Вместе с Сумико О'Хиггинс они подошли к нам.

— Сколько ты достал? — быстро спросила Сумико.

— Шестерых, — ответил тот. — Остальные были уничтожены. Этого хватит?

— Едва ли, — огрызнулась ведьма. — Но ничего не поделаешь.

— Я не виноват, — возразил Бронц. — Ты сама прикончила оставшихся.

— О чем вы, черт побери? — не выдержал я. — И где вы были во время сражения?

— Собирал трофеи, — засмеялся священник. — Нам ведь нужны безили? Сумико выбрасывала всадников из седел, а я перехватывал червяков и вот, как видишь, добыл шестерых.

О'Хиггинс кивнула:

— Ради этого мы и устроили весь спектакль. И только ради этого я позволила Артуру появиться здесь. Но надеялась я хотя бы на десяток.

— Ты бы и получила десяток, если б не была их почем зря, — огрызнулся отец Бронц. — Но зрелище получилось потрясающее! Сумико, я тебя недооцени-

вал. Еще час назад я и представить себе не мог, что такое возможно. Аккумуляция и передача энергии Вардена на расстоянии! Фантастика!

Сумике пожала плечами:

— Никаким законам это не противоречит. Микроорганизмам Вардена все равно, что клетки человеческого тела, что клетки дерева, что, например, молекулы меди. Что касается людей или животных — их симбиоты поддерживают в стабильном состоянии только при помощи генетического кода. Если мы способны управлять симбиотами, значит, способны приказывать им модифицировать этот код, то есть перепрограммировать его. В принципе это очень похоже на компьютер — какую программу запустишь, ту и выполнит. Конечно, при условии, что ты знаком с основами программирования.

— Не скромничай, — искренне ответил Бронц. — Это эпохальное открытие. Оно равносильно промышленной революции!

И он не преувеличивал.

Сумике издала звук, похожий на сдавленный смешок.

— Возможно, возможно, — ответила она. — Если только я захочу его обнародовать.

Перспективы поражали. Открытие О'Хиггинс сводило на нет аргументы отца Бронца о невозможности социальных преобразований на Лилит.

— Оно полностью уничтожит кастовость на планете! — воодушевился я. — Батраки смогут пользоваться силой Вардена и стать собственниками!

Ведьма фыркнула:

— Ты считаешь, они будут работать лучше? Не исключено, что еще хуже.

Но ее цинизм меня мало беспокоил. И вообще сейчас было не до дискуссий.

— Он ведь вернется, — напомнил я. — Соберет огромную армию и вернется. Что вы будете делать?

— Ничего, голубчик, — ответила Сумико. — Ты удивлен? Уж поверь мне, деревню обнаружить невозможно, если я того не желаю. Конечно, они вернутся. Еще с парой рыцарей; может, притащат и старика герцога. Они будут сутками кружить здесь, но все равно ничего не увидят. Они приземлятся у кострища и все равно ничего не увидят. А иначе как бы мы выжили?

Бронц в восхищении покачал головой:

— Ну, Сумико, это уже совершеннейшая фантастика!

Ведьма захохотала и ущипнула его за щеку:

— Хороший ты парень, Брончи, я просто не могу перед тобой устоять. А ты — ты просто поверь мне и все.

— Но как? — допытывался он. — Признайся, как тебе это удалось?

Она улыбнулась:

— Так и быть. Не забывай, что микроорганизмы Вардена находятся в каждой молекуле каждой клетки тела. В том числе и в клетках мозга. Я ведь не открыла ничего нового, Брончи! Я только повозилась немного с маленькой тварью и научилась с ней общаться!

— Отец Бронц! — внезапно подала голос Ти.

Священник, резко повернувшись, посмотрел ей прямо в глаза. Ти обняла его, и он с радостной улыбкой ответил ей тем же.

— Ладно, ладно, — тихо сказал он. — Наконец-то маленькая Ти снова с нами!

— Значит, — сказала Сумико, — пора в путь. Сейчас я уточню потери. Отдохните немного — нам пока ничего не грозит. Предстоит долгий ночной перелет, и всем нам не мешает хорошенько отдохнуть.

— Всем нам? — удивился священник.

Она кивнула: —

— Я давно собиралась выяснить, что знают эти старые дураки из поместья Моаб такого, чего не знала бы я. Наш секрет раскрыт, и мне нужна подготовка. Кроме того, я буду наблюдать за Ти.

Я посмотрел на отца Бронца:

— Надеюсь, вы отправитесь с нами. Я не уверен, что выдержу десять ночей с ведьмами без вашей защиты.

Он кивнул:

— Конечно. В любом случае я хотел составить вам компанию. Я давно не был в Моабе и сгораю от любопытства. Они изучили микроорганизмы Вардена, как никто другой, если не считать Сумико. Но там живут не какие-нибудь книжные черви. Многое изменилось за это время.

ГЛАВА 18

ПОМЕСТЬЕ МОАБ

Летать верхом на безилях было невыносимо. Безобразные насекомые нестерпимо смердели. Даже при легком нажатии из-под блестящей кожицы выделялась отвратительная сукровица, не говоря уж о разрывающих барабанные перепонки звуках, доносившихся из недр огромного тела. Опытных наездников среди нас не было; нас бешено бросало из стороны в сторону, как на родео. Со стороны полет безиля казался плавным и величавым. Но только со стороны.

Впрочем, трофейные насекомые были отлично вышколены, и неловкость всадников их не смущала. Ухода они практически не требовали, пропитание находили самостоятельно, поедая все, что не могло съесть их. Как и любому крупному животному, им требовалось часто подкрепляться, и постоянные остановки сильно задерживали нас. Чтобы поддерживать нужный темп, им требовалось съедать за сутки такое количество пищи, которое превосходило их массу в три раза.

Километр за километром мы приближались к заветной цели, хотя вдоволь налюбоваться пейзажами Лилит мне не удалось. Чтобы не налететь в темноте на скалу и не нарваться на свидетелей, мы направились прямо на восток, к побережью и летели вдоль него, возвращаясь в джунгли только для коротких ночных остановок и дневного привала.

По всему океану, насколько хватало глаз, многочисленными пятнами раскинулись необитаемые острова; но на них прокормить наших безилей было не-

возможно, так что приходилось рисковать и возвращаться на привалы на материк.

Сумико не взяла с собой даже ближайших помощниц — нам и так пришлось сидеть по двое на одноместных безилях; к одному накрепко привязали нас с Ти, О'Хитинс и Бронц получили персональные летательные аппараты, а на остальных трех летели парочками колдуньи. Управление воздушным флотом взяли на себя отец Бронц и О'Хитинс.

Светлое время суток мы проводили на земле — отдыхали, отпускали зверей пастись, готовились к ночному перелету. Ведьмы не обращали на нас никакого внимания, а отец Бронц безуспешно пытался разгадать открытие Сумико.

Признаюсь, у меня не сложилось определенного мнения о королеве ведьм. Ее талант, безусловно, граничил с гениальностью; она умела четко сформулировать задачу, кажущуюся неразрешимой, а потом блестяще справиться с ней. Сумико использовала свой гений для создания необычной, но очень эффективной армии; правда, трудно сказать, зачем. В беседах о флоре и фауне Лилит, о микроорганизмах Вардена, в сугубо научных спорах она выступала настоящим экспертом, оставаясь при этом беспристрастной, как университетский профессор. Но как только ее увлечение сатанизмом начинало казаться вам надуманным и корыстным, она тут же затевала дискуссию и вела ее с неподдельным жаром и искренностью. Мы с Ти каждый раз сходились в одном — либо Сумико великая актриса, либо религиозная фанатичка.

Я попробовал расспросить о ней у отца Бронца, но и он знал немногим больше нашего. О'Хитинс выросла в семье ученых — специалистов по проблемам преобразования биосфер планет, и, как мы уже догадались, в некотором роде являлась плодом экспериментов по генной инженерии. Установка на сверхче-

ловека, способного работать в тяжелейших условиях окраинных планет, реализовалась в нечто уникальное.

Интересно, как запрограммировали психику растущего существа, номер 77-А, в лаборатории любимых папочки и мамочки? За какое преступление она угодила на Лилит, не знал никто, но что угодила заслужено — это факт. В Сумико жила стойкая ненависть к Конфедерации, и жажда мести не оставляла ее ни на миг. Она вообще на дух не переносила любую официальную структуру, будь то иерархия на Лилит, или Конфедерация. Для Сумико было все едино.

Тем временем наши отношения с Ти развивались, и я испытывал чувства, дотоле мне неизвестные. Иногда это тревожило — моя профессия требовала абсолютной ясности сознания и полного самообладания. Эмоции агенту противопоказаны — они лишь повышают уязвимость.

Но, как ни странно, рядом с Ти мне было особенно хорошо; я вновь становился ребенком. Казалось, что прежде меня всю жизнь что-то мучило, и только теперь боль утихла. Я чувствовал себя раскрепощенным и нужным — счастливым. Мы были неразлучны даже во время перелетов. Отныне Ти принадлежала мне и только мне, придавая моей жизни новый смысл. И меня больше не путала мысль о том, что на Лилит мне суждено остаться до конца дней.

Путь в поместье Моаб занял у нас одиннадцать дней, но наконец мы прилетели.

Поместье раскинулось на огромном острове в большой и широкой тропической бухте. Рядом проходил экватор, и здесь царила невыносимая жара. Но, посмотрев вниз, я понял, почему первые поселенцы выбрали именно это место.

Ученые, высадившиеся на Лилит, не имели ни малейшего представления о том, что их ждет на поверх-

ности. Для базового лагеря искали место с максимальной богатой флорой и фауной и с минимальным риском для экспедиции. Таким условиям идеально удовлетворял огромный остров Моаб. От материка он был надежно защищен широким заливом и крутыми скалистыми берегами.

Время мало изменило его облик. Разве что кое-где в глаза бросались клочки ухоженных полей да стройные ряды фруктовых деревьев. Посреди острова возвышалась отвесная скала. Из скального грунта примитивными методами выстроили огромную крепость — главное поселение потомков первопроходцев. По сравнению с ней Замок Зейсс казался детской игрушкой. Несмотря на свои размеры, крепость казалась уютной и, судя по всему, комфортабельной. Архитектурные изыски, столь любимые Тилем, здесь напрочь отсутствовали. Это было современное, подчеркнуто функциональное сооружение строгих форм и очертаний. Отец Бронц рассказал нам, что оно предназначено для несколько иных целей, нежели остальные замки на Лилит. Здесь по-прежнему занимались наукой, завещанной первыми учеными. Кастовость отсутствовала, но обособленность наложила на обитателей свой отпечаток. Теперь тысячи людей занимались научными изысканиями во имя своеобразной религии, напоминающей верования первобытного человека. За долгие годы изучения Лилит они стали не просто одушевлять планету (к такому мнению склонялся отец Бронц), а пришли к выводу, что это — огромное живое существо, наделенное разумом, нечто вроде спящего Бога, который в любой момент может проснуться.

Иными словами, здесь возник еще один уникальный культ, связанный с особыми природными условиями.

Мы приземлились на ровной площадке у самой вершины скалы, и к нам тут же поспешили служащие. Сперва я даже подумал, что они решили напасть на

нас. Почти у всех было стандартное телосложение, а глаза светились чем-то особенным, уже позабытым мной. Одежды на них практически не было. Все казались молодыми, но для местных батраков вели себя слишком свободно и раскованно. Не теряя ни минуты, они принялись осматривать наших безилей.

Отец Бронц, единственный, кому доводилось бывать здесь, повел всех за собой. На площадку выходило несколько лестниц; по одной из них мы и спустились.

— Не очень-то нас жалуют, — заметил я, кивнув на местных конюхов. — Похоже, здесь мы не только никому не опасны, даже не интересны. Как будто они заранее знали, что мы прилетим.

— Может, и знали, — улыбнулся он. — Не забывай, обитатели Моаба изучили этот безумный мир лучше многих. Их предки были первыми колонистами, теми, кто открыли микроорганизмы Вардена, изобрели разнообразнейшие лекарства, наркотики и яды, которые мы используем и поныне. Они открыли и усовершенствовали все применяемые нами методики, — он взглянул в сторону Сумико О'Хигтинс. — Им сам черт не брат, и они прекрасно понимают это. Они даже тебя не боятся, дорогая.

О'Хигтинс как-то странно посмотрела на него, но смолчала. Я по-прежнему относился к ней с недоверием.

У подножия длинной винтовой лестницы нас встретила женщина в развевающемся белоснежном балахоне. Она выглядела не очень старой, но ее волосы были седыми под цвет туники; в глазах отражалась небесная синь. Некоторая бледность выдавала кабинетного работника. Она казалась столь же необычной, как и все вокруг. Именно такими я представлял себе ангелов.

— Рада приветствовать вас и ваших друзей, отец Бронц, — произнесла она мягко и мелодично.

Бронц отвесил легкий поклон.

— Я тронут, моя госпожа; что вы меня не забыли, — несколько официально ответил он. — Смее ли я представить своих спутников?

Женщина повернулась и посмотрела на нас — ее взгляд не выражал ни снисходительности, ни простого любопытства.

— Я уже всех знаю. Я директор Кому. Сейчас я провожу вас в ваши комнаты. Затем вы познакомитесь с Институтом, а завтра мы займемся делами.

Я перевел взгляд на Ти:

— Госпожа Кому, благодарю вас за гостеприимство, — с почтением сказал я, — но этой девушке требуется срочная медицинская помощь.

Директор подошла к Ти:

— Да, я вижу. Не беспокойтесь, скоро она будет совершенно здорова. А теперь, пожалуйста, следуйте за мной.

Изнутри крепость производила даже большее впечатление, чем снаружи. Стены и потолок покрывали панели из полупрозрачного материала, напоминающего слюду. Сквозь них струился мягкий свет. Разумеется, не электрический, однако и не тусклый, мерцающий свет масляных ламп. Я уже собирался задать вопрос, как меня легонько толкнула О'Хиттинс:

— Здорово, да? Как ты думаешь, что это?

— Ничего особенного, — непринужденно ответила директор. — Источник света — фотофорный состав, выделяемый из местных самосветящихся организмов. Источник энергии не прост, но аналогичен используемому этими же насекомыми — водяной поток, приводящий к механическому трению. Кто сказал, что на Лилит такое невозможно, а?

Вопрос прозвучал риторически; в очередной раз мои представления о Лилит полетели в тартарары. Разумеется, природные законы Лилит не запрещали пользоваться источниками механической энергии.

Просто мало было людей, способных заставить микроорганизмы Вардена превратить дерево в водяное колесо.

Отведенные нам апартаменты оказались выше всяческих похвал — роскошные, светлые, с деревянной резной мебелью. На огромной кровати лежал матрас из материала, который мне уже доводилось видеть на Лилит. Общие ванны были точно такими же, как и в Замке Зейсс. Горячая, пенящаяся вода не только омывала, но и успокаивала. Уже через несколько минут я почувствовал себя словно заново рожденным. Ти впервые увидела ванну, раньше ей приходилось мыться только в грязных лужах или в реке. Она ужасно устала, и мне пришлось на руках унести ее в комнату. Она заявила, что кровать для нее слишком мягка, растянулась на полу и тут же заснула. Я переложил ее на шелковистые простыни и улегся рядом. Нечеловеческое напряжение последних двух недель наконец оставило меня.

ГЛАВА 19

ПОСВЯЩЕННЫЕ ИЗ ПОМЕСТЬЯ МОАБ

Вечером мы отправились на экскурсию по Институту. С нами не было только Ти — она очень устала, к тому же сказывались последствия деятельности доктора Пона.

Сотрудники Института производили впечатление веселых, дружелюбных, воспитанных и счастливых людей. Нам показывали лаборатории, в которых исследовались местные растения и животные, разрабатывались новые примитивные орудия труда, в том числе деревянные микроскопы с потрясающей оптикой. К моему удивлению, здесь встречались даже металлические предметы, явно промышленного происхождения. Сначала это меня поразило, но потом я вспомнил, что властители способны консервировать небольшие предметы из чужеродного для Лилит материала.

Кухня Моаба поражала изысканностью. Я не узнал ни единого блюда — разве что дыни. Как мне объяснили, нас потчевали специально выращиваемыми местными насекомыми и всевозможными гарнирами из культивируемых на острове овощей и фруктов. Выбор напитков был выше всех похвал; мы пили либо настоящее вино и пиво, либо качественные суррогаты.

Только здесь, в Институте, неограниченные возможности Лилит реализовывались в полной мере.

Комфорт, культура, приятная и необременительная работа — похоже, сбывались самые смелые мечты. Планета могла быть не только крошечным адом, но и подлинным раем — так почему бы не сделать ее такой?

Утром Ти отвели в медотдел Института, оборудованный гораздо лучше, чем у доктора Пона. Правда, для простейших измерений использовались те же методики. Женщина-врач, Телар, казавшаяся ровесницей Ти, положила ее на удобный, но грубо сработанный стол, взгляделась в жизненно важные органы, а затем привычно коснулась лба пациентки и прикрыла глаза. Прошло от силы тридцать секунд, когда она, кивнув, открыла глаза и радостно улыбнулась.

Ти, зная только одно средство — «лежи спокойно», выглядела несколько озадаченной.

— Когда же вы начнете? — испуганно спросила она.

— А я уже закончила, — вновь улыбнулась Телар.

Я был озадачен не меньше, чем Ти:

— Правда?

— Правда, — подтвердила Телар. — Позвольте осмотреть вас. Просто для профилактики.

— Спасибо, не надо. У меня все в порядке, — ответил я, вспомнив о маленькой штуковине, имплантированной в мозг. Другой бы врач этого не заметил, но от Телар ничего не скроешь.

Честно говоря, я уже давно забыл о передатчике. Даже не знаю, почему в этот момент не воспользовался прекрасной возможностью удалить его и стать по-настоящему свободным — и человеком, и агентом. Возможно, я просто не был готов оборвать последнюю ниточку, связывающую меня с прошлым. Всего несколько секунд — и я лишусь прежней жизни и целей, которым я ее посвятил. Но пока я

на это не отважился. Если бы моя информация поступала непосредственно в штаб, я бы, наверное, не задумывался; но она направлялась к моему «alter ego», находящемуся очень далеко отсюда. Моему сиамскому близнецу.

Нет, еще не время.

Вскоре мы приступили к регулярным занятиям. Было решено, что мы с Ти пройдем столько материала, сколько сможем переварить, разумеется, порознь. На общих занятиях нам читали только вводные лекции, а этот курс я уже прошел и с любопытством ждал, какие успехи сделает Ти.

Исследования, проводимые в Институте под знаком религиозного ритуала, несколько беспокоили меня. Однако за некоторыми исключениями и обычая изредка молиться сотрудники не проявляли религиозного фанатизма. Никто не пытался обратить нас в свою веру, никто не занимался пропагандой. Их вера интересовала меня не больше, чем доктрины Бронца или О'Хиггинс, и я был искренне благодарен за проявленный такт.

Наших попутчиц-ведьм я больше ни разу не видел. Через две недели после начала занятий я узнал, что ведьмы отправились восвояси. Отец Бронц сказал, что хочет воспользоваться прекрасными возможностями лабораторий и огромной библиотекой Института, чтобы провести давно задуманные эксперименты. Я не сомневался, что он одержим желанием раскрыть секрет О'Хиггинс.

Я учился играючи, хотя и понимал, что это потребует очень много времени. К тому же на примере Ти я хорошо усвоил, что обладание силой — далеко не все. Невозможно свободно пользоваться ею без специальных знаний.

Но даже сейчас я умел многое. Создание предметов по имеющимся аналогам давалось легко, пока это

касалось неодушевленных объектов. О'Хиггинс объединяла микроорганизмы Вардена в своеобразный природный компьютер, который можно было произвольно программировать — нечто подобное делал и я. Разве что речь шла не о маленьких компьютерах, а об огромной всепланетной компьютерной сети.

— Вызови в воображении микроорганизмы Вардена, — объяснял наставник, — как клетки Матери-Лилит. Клетки твоего тела, например, содержат спирали ДНК, в которых хранится наследственная информация. Определенный участок этого кода содержит описание данной конкретной клетки, ее поведения и взаимодействия с остальными клетками организма. Клетки Вардена, как мы называем эти бактерии, в каком-то смысле очень напоминают клетки человеческого организма. Они содержат чрезвычайно сложную программу развития всей планеты и данной клетки Вардена. Фактически управление клетками состоит в том, что мы пичкаем их ложной информацией и подчиняем своей воле. Поскольку любое наше требование относится к локальному объему, бесконечно малому в сравнении с планетой как таковой, и поскольку мы концентрируем силу воли именно на этом объеме — мы достигаем желаемого. Разумеется, в бесконечно малых масштабах.

— Бесконечно малых? — недоверчиво переспросил я, подумав о роскошно обставленном Институте.

— Да, — кивнул инструктор. — Вообрази массу планеты и количество молекул в ней; в каждой молекуле находится колония клеток Вардена; по сравнению с этим грандиозным организмом любое наше вмешательство будет бесконечно малым нарушением общей структуры, чем-то вроде крошечной доброкачественной опухоли.

С этим я предпочел не спорить.

Чем больше я тренировался, тем легче добивался желаемого эффекта. Хотя меня слегка передернуло,

когда я узнал, что шелковистая ткань производится из слюны особых червяков-шелкопрядов, прежнее чистоплюйство было решительно отброшено, и я взялся за изготовление своей одежды. Выжечь открытую полость в скале по форме собственного тела оказалось очень просто: нужно было лишь приказать молекулам скального вещества разрушить связи друг с другом. К сожалению, и тут все упиралось в определенные способности и навыки, и я понял, что инженера, модельера или архитектора из меня не получится. Я выяснил также, что именно произошло с Кронлоном. Мой поступок квалифицировали в Институте как хулиганство — поток эмоций, направленных на него, перегрузил входные цепи и привел к короткому замыканию. Аналогия с электрической сетью оказалась весьма уместной.

Обучение военным премудростям велось с подчеркнуто оборонительным уклоном, однако на занятиях рассматривались практически все тактические приемы, которые я уже знал. В воинском искусстве Лилит основным считалось знание особо уязвимых точек нервной системы — как в боевых искусствах Востока. Суть была в том, чтобы, управляя собственными клетками Вардена, наносить удары противнику. Здесь требовалось не только обладать большой силой и крепкой нервной системой, но и уметь концентрироваться на нескольких точках одновременно.

Я выучил столько, сколько смог, и искренне радовался окончанию изматывающих занятий. Но я усвоил главное — только постоянные упражнения позволяют достичь вершин мастерства. На выпускном экзамене мне принесли два маленьких металлических прута, сделанных на Медузе. В них тоже находились микроорганизмы Вардена, однако предметы попали на Лилит Извне и повлиять непосредственно на них я не мог. На них со всех сторон набросились клетки

Вардена, стремясь превратить их в пыль. Прямо как антитела в крови человека, атакующие вирус.

На помощь рассчитывать не приходилось. Я попытался защитить предметы, направив клеткам Вардена сообщение, которое предохранило бы прутик от ураганной коррозии. Но мои усилия пропали даром: я не видел эти микроорганизмы.

Через два дня металл рассыпался.

Я был подавлен и огорчен. Столько преодолеть — и не сделать последнего, решающего шага! Итак, самое большое, на что я могу претендовать, — ранг герцога. Марек Криган оставался недостижимым.

Ти всячески поддерживала меня. Но ей самой, несмотря на все усилия, подняться выше уровня смотрителя так и не удалось. Она могла преуспеть лишь при помощи зелий ведьмы О'Хиггинс. Но даже в этом случае она могла только разрушать, причем разрушать в ограниченных масштабах.

Это, кстати, меня несколько встревожило. Она и без того была чересчур впечатлительна, и неожиданные выплески ее энергии доставили бы мне немало проблем. Слава Богу, я вызывал у нее только положительные эмоции.

Я помог сотворить ей кое-что из одежды и тем самым окончательно порвать с миром батраков. А однажды она помогла мне. Это касалось моего неудачного опыта с металлическими прутиками.

— Слушай, — сказала Ти, — дело в том, что клетки Вардена, существующие во всем, содержащемся в воздухе, тут же бросаются пожирать эту металлическость? Правда?

— Да, — мрачно согласился я, — а остановить это невозможно потому, что в «металличности» — как ты изволила выразиться — нет ничего, чему можно было бы отдать приказ. Этим материалом невозможно управлять.

— А почему бы не отдать приказ тем, кто его атакует?

Я уже приготовился возразить, но что-то заставило меня призадуматься. Конечно, ко всем микроорганизмам, находящимся в воздухе, обратиться невозможно, но... Но если покрыть металл тончайшим слоем местного вещества, а потом приказать его клеткам Вардена не воспринимать металл как нечто инородное и оберегать его от контакта с другими клетками, то...

Конечно, на практике все оказался несравненно сложнее, но тем не менее ответ имелся. Правильный.

Сотрудники Института выглядели весьма довольными, я — тем более. Это был высший пилотаж. Да, спецслужбы Конфедерации не ошиблись. Пока я не обманул их ожиданий.

Правда, выяснилось, что, кроме меня и Марека Кригана, на планете насчитывается человек сорок, обладающих такими же способностями. Криган же не просто обладал огромной силой — у него была воля и жажда власти. В конечном счете здесь тоже все упиралось в талант. И вот однажды инструктор задала мне главный вопрос:

— Теперь, попав в круг избранных, на что ты употребишь свою силу?

Да, я обладал силой на пределе человеческих возможностей, и мне не страшна ни эта планета, ни ее феодалы-правители. Меня ожидало прекрасное будущее — любимая женщина, удобная, безопасная и спокойная жизнь.

Это — в теории. А на практике Ти умела только одно — ухаживать за детишками. А что мог делать я? Профессионально убивать людей? Раскрывать сложнейшие экономические преступления? Но на этой планете экономикой и не пахло. Как ни крути, я видел только один выход — сделаться кем-то вроде Артура. Однако перспектива стать гладиатором, сражающим-

ся с противником исключительно для забавы своего хозяина, меня не привлекала. Обеспечивать его безопасностью еще куда ни шло, но нейтрализовывать агрессивность уголовников, слоняющихся по Лилит, — спасибо.

В свое время Марек Криган столкнулся с такой же проблемой. Он сделал выбор и достиг вершины. Значит, смогу и я. Единственное его преимущество — опыт, и мне необходимо пройти тот же путь. Я уже стал магистром, следующая ступенька — рыцарь, затем — герцог, а уж тогда мы встретимся один на один.

Только теперь я начал понимать Марека Кригана. Ему вовсе не хотелось подчинять себе всю планету, но у него не оставалось выхода. Ничего другого он не умел. Я вспомнил Кронлона: «Ни у кого из нас нет выбора».

Прошло три месяца, и внезапно я понял, что больше учиться нечему. Следующий шаг зависел только от меня. Да, я поднялся невероятно высоко, но задание так и не выполнил. Я ничего не узнал о пришельцах и не смог напасть на след Кригана. Чтобы приблизиться к заветной цели, требовалось звание рыцаря. А чтобы получить звание рыцаря — армия и несколько искушенных советников.

Впрочем, один помощник у меня уже есть — отец Бронц.

Заглянув к священнику, я нашел его посвежевшим и отдохнувшим. Мы обменялись рукопожатием, а потом крепко, от души, обнялись. Хотя во время моего обучения он подчеркнуто держался в стороне, я знал — отец Бронц ревностно следит за моими успехами.

— Итак, теперь ты настоящий магистр, да еще с задатками настоящего властителя! — Он расхохотался. — Когда заберешься на самый верх, не забудь про старого священника!

Я улыбнулся:

— На самый верх путь неблизкий. Когда я смогу бросить вызов Мареку Кригану, он станет глубоким старцем, а возможно, его уже и не будет. Но это все дело далекого будущего. Сейчас мне нужно сделать первый шаг, а для этого требуется помощь.

— Итак, рыцарство лишило тебя покоя, — холодно сказал он. — Я это предвидел. Но ведь обычная стезя не для тебя. Ты не пойдешь к какому-нибудь рыцарю помощником в магистры — кому нужен такой конкурент?

— Да, — согласился я. — Я хочу завоевать титул. Вызову противника на бой, разобью его и займу поместье.

— Неплохо, — поощрил Бронц. — И как же ты собираешься разгромить целую армию, чтобы с триумфом вступить в понравившийся тебе замок?

— Об этом я уже подумал. На наших глазах слабый и невооруженный отряд Сумико О'Хитгинс разбил армию, превосходно подготовленную и вооруженную. Думаю, что с их помощью я решу подобную задачу.

— Возможно. — Отец Бронц задумался. — Но ведь Сумико никогда на это не пойдет. Чтобы она помогла мужчине стать властителем? Ты же ее знаешь.

— Да, я наблюдал за ней. И мне показалось, что ей так и хочется с кем-нибудь сцепиться. Она и сопровождала-то нас сюда только для того, чтобы усовершенствовать свои боевые навыки. Думаю, она не преминет использовать их на практике.

— Конечно, такое придется ей по вкусу. Но она не станет надрываться для тебя, мой мальчик. Помни мое слово.

— Даже если предложить ей помериться силой с поместьем Зейсс?

Отец Бронц замолчал, переваривая услышанное:

— Не хочешь для начала выбрать что-нибудь попроще? Зейсс — одно из самых сильных поместий,

столь крупное, что в нем соорудили посадочную площадку для орбитальных челноков. Кроме того, тебе придется столкнуться со всей мощью армии Артура, причем на ее территории. Надеюсь, ты помнишь тамошний рельеф?

— Конечно, — заверил я. — Но все-таки это будет поместье Зейсс. Я думаю, возможность поквитаться с доктором Поном покажется Сумико весьма соблазнительной, верно? Кроме того, их поселок находится неподалеку от поместья, так что с транспортировкой проблем не будет.

Священник усиленно обдумывал сказанное.

— В принципе она клонуть может, — согласился он наконец. — Но ты уверен, что сумеешь управлять ею? Если она победит, неужели ты думаешь, что она отдаст поместье тебе?

— Не знаю. Я даже не знаю, смогу ли победить Тиля — я его в глаза не видел. Но мне кажется, рискнуть стоит.

— Наверное, тебе это по силам, — тихо сказал он. — Хотя кто знает... Ладно, разговор с Сумико я беру на себя. Посмотрим, согласится ли она хотя бы выслушать такое предложение. Кроме того, я поговорю с герцогом Кисорном; вероятно, он тебя поддержит.

— А как насчет Марека Кригана? Неужели он останется в стороне? Ведь он отдал приказ поймать меня?

— На этот счет не беспокойся, — уверенно сказал отец Бронц. — Марек вмешиваться не станет. Он посмотрит, на что ты способен, чтобы оценить реальную угрозу. Если мы привлечем на свою сторону Сумико, если вы победите Тиля и если затем ты разобьешь ее, только тогда ты станешь опасен для властителя Кригана. Уверен ли ты, что действительно хочешь во все это ввязаться? Здесь очень

много если, а начав, ты уже никогда не сможешь остановиться.

— Неужели вы и вправду думали, что я засяду здесь, почитывая книжки, занимаясь семьей, а про долг забуду?

— Этого я не говорил. — Интонация отца Бронца не оставляла никаких сомнений.

— Я просто не могу, — на всякий случай пояснил я. — Я не в силах избрать другой путь.

— Посмотрим. — Отец Бронц тяжело вздохнул. — Что от меня зависит — я сделаю. Остальное — в руках Господних.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Все собрались так быстро, что я даже заподозрил неладное.

Деревушка ведьм несколько не изменилась, но теперь я уже ощущал специфичность окружающей ее среды. Я чувствовал слабое, почти неуловимое головокружение, но не мог понять причину. Отец Бронц сказал, что в первый наш визит ощущал то же самое: это связано с маскировкой, благодаря которой Сумико О'Хиггинс сделала место своего обитания невидимым.

— Они постоянно сменяют друг друга, — объяснил он. — Одна, в ранге магистра, и двенадцать обычных ведьм, напившись снадобья Сумико, обретают необычайную силу. Деревню невозможно разглядеть даже с орбиты: она отлично скрыта, а особенности рельефа и атмосферы довершают дело. Не зря Сумико так долго искала место.

О'Хиггинс считала, что Артур не вернется, и оказалась права. А ведь ни камуфляжа, ни телепатии и в помине не было. Просто тринадцать охранниц приказывали микроорганизмам Вардена не замечать поселение: самый обыкновенный, хотя и непреодолимый, ментальный барьер.

Отец Бронц признался, что О'Хиггинс пришла от моей идеи в полный восторг. Поместье Зейсс казалось ей особенно подходящим не только из-за возможности поквитаться с доктором Поном — в предыдущем сражении Артур убил двух ее ведьм, и теперь она жаждала мести.

Сумико восстановила необходимую — краткую тринадцать — численность своего отряда, но проблем оставалось еще множество. Борьба с армией Зейсса отнюдь не простое дело. Тактические приемы, детально разработанные Сумико, больше подходили для оборонительного, нежели для наступательного боя. Например, «техника крута» или методика «гипноза». Отряд Сумико мог нанести огромный урон войску, однако разбить его наголову не мог. В близком бою ведьмы были не способны противостоять выпколенным магистрам и зрителям Артура. Сильная сторона ведьм — железная дисциплина и коллективное взаимодействие. Теперь об этом узнал и Артур; возможно, будь у Сумико тысячная армия, она стала бы поистине непобедимой. Но ведьм насчитывалось всего сто шестьдесят девять.

И вновь на выручку пришел отец Бронц. Сам Макиавелли позавидовал бы его умению организовывать, казалось бы, невозможные политические коалиции. На последней встрече, кроме священника и ведьм Сумико, присутствовали три незнакомые мне женщины, в пестрых одеяниях необычного покроя. Их телосложение было весьма характерным для цивилизованных миров, и только взгляд, манеры и речь выдавали обладательниц большой силы. Судя по всему, ранг магистра они переросли давно.

Когда мы усадились за импровизированный стол и попробовали местное легкое вино, отец Бронц представил сначала Сумико, затем меня; после этого он повернулся к таинственным незнакомкам.

— Знакомьтесь, хозяйка Ройниваль из поместья Лакк, — почтительно произнес он, с легким поклоном указав на самую богато одетую женщину, — ее помощница леди Тона и глава охраны леди Кизил.

Нечего и говорить, что они преследовали только собственные интересы, но меня это не беспокоило. Во время совещания я украдкой разглядывал жен-

щин — в первую очередь потому, что мне не доводилось воочию видеть рыцаря. Если не считать легкой меховой пелерины, столь непривычной на Лилит, и небольшого драгоценного камня, вставленного в головной обруч, хозяйка Ройниваль ничуть не походила на сверхчеловека. Только микроорганизмы Вардена светились в ней немного ярче. Я вызвал в воображении карту: крохотное поместье Лакк находилось в нескольких километрах к западу от Зейсса — их разделяли труднопроходимые болота.

— Перейдем к делу, — резко, не терпящим возражений тоном, сказала Ройниваль. — Мы собираемся захватить поместье Зейсс. У ведьм свои причины участвовать в этом, молодой человек строит далеко идущие планы — его тоже можно понять. Я хочу получить территорию в четыре квадратных километра, на которой находятся плантации вайи. Это мои земли, Тиль и Артур захватили их девять лет назад. В результате у меня остался только остров Лакк, на котором всего лишь несколько плантаций дынь и небольшое пастбище для снарков; даже самих себя прокормить нам удастся с большим трудом. Девять лет назад я стала вассалом Тиля и теперь жажду мести. Однако нам не по силам напасть на него в одиночку. Теперь у меня появился шанс вернуть свои земли, а с ними — экономическую и политическую независимость.

О'Хиггинс смотрела на хозяйку Ройниваль с искренней, необычной теплотой. Я еще раз восхитился политическим талантом отца Бронца — найти женщину-рыцаря, к тому же ненавидящую Зейсс! Превосходная мысль.

Даже слишком превосходная. Что-то тут не так. Слишком уж все гладко. У меня возникло неприятное ощущение, что священник затеял двойную игру.

С тех самых пор, как я, сбежав из поместья Зейсс, отыскал отца Бронца, он с головой окунулся в мои дела. И нынешний Кол Тремон был явным плодом

трудов отца Бронца. Так какую же дьявольскую игру он затеял?

Я постарался вспомнить все и привести мысли в порядок. Итак, все, с кем я говорил, проявили редкое единодушие в отношении отца Бронца — странствующий магистр, служитель Церкви, не только сославшей его на Лилит, но и лишившей сана. Сколько он находится здесь, не помнил никто. Теперь его заботливость показалась мне навязчивой. С какой это стати священник покровительствует невесте кому, пренебрегая своими прямыми обязанностями? Кстати, насчет прямых обязанностей — что-то я ни разу не видел, как он их исполняет.

С другой стороны, если он заодно с хозяином Тилем и властителем Криганом, какой смысл ломать комедию, все больше и больше запутывая ситуацию? Ведь ему ничего не стоило схватить меня и передать в руки Марека Кригана? Если же под личиной миссионера — друга обездоленных — скрывается обладатель высокого ранга, то тогда зачем он помог мне добраться до поместья Моаб, получить хорошую подготовку и тем самым взрастить конкурента?

А если он на самом деле тот, за кого себя выдает, каковы мотивы его поступков? Верный защитник бесчеловечного социального строя Лилит, он одновременно руками непримиримых врагов того же строя, ведьм Сумико О'Хитгинс, помог приобрести неслыханное могущество человеку, который этот строй ненавидит и наверняка будет с ним бороться?

Я внимательно посмотрел на окружающих: они оживленно обсуждали предстоящую кампанию. За нитью разговора я почти не следил, хотя все затевалось исключительно ради меня. Пожалуй, среди них я был самым неопытным бойцом, хотя амбиции имел колоссальные. Здесь присутствовала Сумико, психопатка с неограниченными потенциальными возмож-

ностями. Ройниваль, доказавшая свои способности на деле и теперь горевшая жаждой мести. И Бронц...

Размышляя о нем, я постоянно вспоминал Макиавелли. Насколько я знал, этот древнейший — и известнейший! — политик никогда не был настоящим правителем, а всего лишь советником. Но таким, который реально управлял всем, в то время как его сюзерен вызывал всеобщую ненависть и делал за него самую грязную работу. Неужели мне уготована подобная роль? Или это в какой-то мере относится и к Сумико, и к Ройниваль? Может, отец Бронц вынашивал идею подмять под себя чужими руками весь регион, и претворял этот план с дьявольским упорством и нечеловеческой проникательностью? Или он хотел подчинить себе всю планету? Что в таком случае должен сделать с ним Марек Криган? Все, на что способен властитель, — это уничтожать честолюбивых претендентов; что он мог сделать с никому не известным советником, плетущим в тишине свои интриги?

Да, задумано великолепно. На грани гениального. Я твердо решил, что если выйду победителем и получу рыцарское звание, то пешкой в его руках не буду.

Военный совет закончился на мажорной ноте. План действий выглядел чертовски привлекательно — на бумаге. Теперь нам выпала счастливая возможность проверить собственные теории на своей шкуре.

Вернувшись в хижину, я с удивлением обнаружил, что Ти исчезла. Я терялся в догадках.

Когда она вернулась, слегка уставшая и заметно взволнованная, стояла уже непроглядная тьма.

— Что случилось? — с беспокойством спросил я. — Где ты была?

— Шпионила. — Она вздохнула и рухнула на подстилку, заменявшую нам постель.

— Что-что?

— Да, шпионила, — повторила она. — Не нравятся мне эти женщины. Какие-то они... скользкие. — Она пристально посмотрела мне в глаза. — Как прошел совет? Когда битва?

— Через три дня, на рассвете.

Ти никак не успокаивалась.

— Знаешь, Кол, эта О'Хиггинс, может быть, и неплохая, но она сумасшедшая. Я незаметно подобралась к одной группе, явно подозрительной. Слышно было плохо, но я все разобрала.

— Что тебя так беспокоило? — нахмурился я.

Ти придвинулась ко мне.

— Кол, они не собираются вставать на твою сторону, — жарко прошептала она. — Когда войска Артура будут разбиты, они убьют вас с отцом Бронцем, а затем передадут той леди-рыцарю земли, на которые она претендует. А сами займут поместье Зейсс. Они говорили о начале какой-то пурификации. Что это такое, Кол?

Я объяснил ей, но теперь ее беспокойство передавалось и мне. Ти кивнула:

— Я так и поняла. Действительно, они говорили об очистке Лилит. Они собираются истребить всех мужчин в Зейссе и превратить Замок в крепость ведьм.

У меня все словно оборвалось. Я гнал эти мысли, но, похоже, худшие подозрения подтверждались.

— Ничего страшного, — соврал я. — Мы с отцом Бронцем не позволим застать нас врасплох. Да им и не удастся.

Ти помотала головой:

— Будь осторожнее. Они знают, что делают. Они одержимые, но отнюдь не сумасшедшие. Они утверждают, что О'Хиггинс уже сейчас обладает большей силой, нежели властитель Криган, а выпив своего волшебного зелья — они называют его «Эликсир са-

таны», — становится вообще непобедимой. Они говорят, Сумико уже сейчас законсервировала две лазерные пушки — или что-то в этом духе, — которые попали на Лилит Извне.

— Лазерные пушки... Лазерные? — внезапно осенило меня. Плохая новость.

— Да, — кивнула Ти. — Кол, что же нам теперь делать?

В этот момент я сделал только одно: крепко обнял маленькую Ти. Но в оставшиеся дни мне предстоял серьезный разговор с отцом Бронцем.

Выслушав меня, священник нахмурился:

— Так ты говоришь, у нее есть лазерные пистолеты? Хм, тогда она и правда так же сильна, как и Криган. Это усложняет задачу.

Мы подальше отошли от деревни, чтобы нас не подслушали.

— Теперь она явно победит, — сказал я. — На такой планете, как Лилит, даже маленькая шестизарядная пукалка сделает вас королем. Простой батрак убьет самого властителя, используя лишь фактор внезапности. А уж профессиональных убийц здесь хватает.

Бронц, кажется, разделял мои опасения:

— У нас слишком мало времени, чтобы изменить план кампании. К тому же О'Хиггинс нам это просто не позволит. Однако... однако похоже, у нас еще есть неисчерпанные возможности. — Его глаза внезапно вспыхнули, словно у призрака, и легкая усмешка тронула губы. — Знаешь, я предполагал нечто подобное. Более того, я это запланировал.

Своими словами он добился обратного эффекта: вместо того чтобы рассеять мои подозрения, он заронил в мою душу новые сомнения.

— Да кто же вы в конце концов, отец Бронц? В какие игры вы играете?

Он тяжело вздохнул:

— Кол, ты совершенно не веришь мне, но попробуй быть немного логичнее. Я мог бы убить тебя тысячу раз, особенно в начале нашего знакомства, когда ты был еще слаб и абсолютно беспомощен. Но я ведь этого не сделал? Нет. И теперь положишься на меня: в любом случае я помогу вам с Ти. Такой ответ тебя устраивает?

Я кивнул, но сомнения меня не оставили.

— Ну хорошо, тогда доверься мне до тех пор, пока не закончится битва, — продолжил он. — Ни на шаг не отходи от О'Хиггинс и не бойся ее. После схватки ты все узнаешь и, надеюсь, поймешь. Это пойдет тебе на пользу.

— На чьей вы стороне, отец Бронц? — спросил я подозрительно. — Откройте хотя бы это.

— На своей, Кол, — улыбнулся он. — Очень здорово, что наши интересы не пересекаются, а, наоборот, полностью совпадают. Даю тебе слово, клянусь наконец: я не причиню тебе вреда.

— Что ж, придется поверить, — вздохнул я, — ничего другого не остается.

Священник ласково улыбнулся и потрепал меня по плечу:

— Пошли, сын мой. Постарайся успокоить свою малышку. Еще немного, даст Бог, и ты узнаешь все. Надеюсь, мне даже объяснять ничего не придется. Просто помни, что я люблю и тебя, и твою Ти. Когда-нибудь ты станешь властителем Лилит, помняи мое слово.

Я пристально посмотрел на него.

ГЛАВА 21

БИТВА ЗА ЗЕЙСС

Старое рыцарское правило гласит: принц не воюет с простолподинами. Он вступает в поединок только с тем, кто хотя бы может сравниться с ним в благородстве. Мое участие в начале битвы сводилось к простому наблюдению за событиями. Лишь когда армии скажут свое слово на поле брани, я войду в Замок через главные ворота и гордо прошествую по центральному коридору. Я очень хотел находиться на своем присутствии на поле боя. Многих в Конфедерации, изнеженных всеобщим комфортом, сама мысль об участии в поединке могла бы повергнуть в трепет — меня же всегда привлекали рыцарские турниры. Но теперь я обладал высоким рангом, навсегда отделившим меня от обыкновенных солдат — и даже от собственного прошлого. И сейчас воины пойдут сражаться за мое будущее.

Вместе с Ти мы прошли по той же самой, уходящей в облака дороге, по которой совсем недавно — а кажется, прошла целая жизнь! — я выносил из Замка ее безжизненное тело. Сейчас мы возвращались по собственной воле и под защитой обретенной мощи. Я был в одеянии магистра, а Ти — зрителя. Наши одежды были одного покроя и одинакового цвета, что говорило каждому — отныне мы муж и жена.

Вскоре мы вышли из облаков, скрывавших перевал, и перед нами предстал Замок, освещенный яркими лучами восходящего солнца. От этого зрелища захватило дух даже у меня, не слишком склонного к

сентиментам. Картина была величественная и торжественная, словно древняя легенда.

— О Господи! — прошептала Ти, крепко вцепившись мне в руку. — Смотри, вон там я родилась. — Она указала на нашу старую деревню. — Там хватало мерзостей, но ведь там прошло мое детство. Ты понимаешь меня, Кол?

Я кивнул, хотя у меня эта деревушка вызвала отнюдь не бластные воспоминания. Да и моим представлениям о красоте она не отвечала. Я родился в совершенно ином, не похожем на этот, мире. С малолетства меня окружали величественные сооружения причудливых, но максимально удобных форм, и раньше я не мыслил себе архитектуры без пластмасс. Однако время не прошло даром, и теперь переживания Ти были мне гораздо ближе, чем моя прежняя жизнь и доктринерская философия. Рывком притянув Ти к себе, я крепко обнял ее.

— Представляешь, все это может стать нашим! — прошептал я, почувствовав, что именно в этот судьбоносный момент окончательно сбросил старую личину и стал тем, кем буду отныне.

Мы уселись на валун. Ти захватила с собой большую корзину из здешнего аналога ивовых прутьев. Порывшись, она извлекла на свет божий котелок, сделанный из высохшей тыквы, и парочку таких же миниатюрных чашечек, кремь, несколько листьев дерева квар, которые горели жарко, но медленно, и немного чайных листьев. Выпавшая роса стекала ручейками по камням, так что с водой проблем не было. Из корзинки появились пироги и кусок сырообразного, но съедобного вещества из какого-то местного насекомого. Меньше всего мне хотелось бы знать, какого.

Мысль устроить пикник именно сейчас показалась абсурдной, и я криво усмехнулся.

Незадолго до рассвета по этой дороге прошел передовой отряд ведьм, так что неожиданностей мы не боялись, во всяком случае, до конца сражения. Поле боя, от болот до самого Замка, лежало перед нами, как на ладони. Жаль, что отсюда все казалось слишком миниатюрным. Я бы не отказался подойти поближе.

Ти сунула руку в корзину и вытащила две изогнутые деревянные трубки. Я удивленно взглянул на странный предмет, потом взял его в руки. Как ни странно, моя первая догадка подтвердилась — это действительно были маленькие подзорные трубы.

— Где ты это раздобыла? — удивился я.

Ти довольно ухмыльнулась:

— Я знакома со зрителями из поместья Лакк. Один из них — личный пилот леди Тоны. Я давно их присмотрела. Нам, наверное, пригодится?

Я был потрясен. У меня выработалась дурная привычка постоянно недооценивать Ти, а затем мучиться угрызениями совести. Я пытался держать ее на расстоянии, но это оказывалось невозможным — я даже заподозрил, что она сознательно вырабатывает в себе уязвимость ребенка, которая в конечном итоге дает ей преимущество.

Приставив трубку к глазу, я принялся изучать растоптанную внизу театр военных действий.

— Похоже, сейчас начнется.

— Уже началось, — ответила Ти. — Посмотри на Артурову крепость. Видишь?

Я навел трубу на размытое пятнышко:

— Ничего не вижу... Хотя нет... Вижу, вижу!

Они уже выстроились в правильном боевом порядке — гигантские прыгающие звери вук. Огромные, пузатые, они сливались с зеленью долины. За ними стояли плотные ряды пехотинцев, застывших в безупречных колоннах.

Наведя подзорную трубу наверх, на базу боевых безилей, я заметил, что червяки приготовились к бою

и с нетерпением ждут сигнала. Одно оставалось непонятным — где же сам Артур?

Затем я взглянул на Замок. Ворота заперты, над высокими башнями развеваются флаги. Мне показалось, что я вижу застывшие на башнях одинокие фигурки. На поля, естественно, не вышло ни одного батрака. Они спрятались в горах, ожидая исхода битвы.

Перед защитниками Замка замерла изогнутая шеренга. Проникшие ночью в поместье ведьмы уже заняли боевую позицию.

Теперь невозможно скрыть от противника ни одного маневра. Правда, это уже и не нужно. Стоявшие в первых рядах ведьмы могли поддерживать друг друга. И хотя Артуру ничего не стоило смять их, обрушившись всей мощью, он предпочитал не открывать свой тыл для войск из поместья Лакк. Насколько я понял замысел противника, он собрался уничтожить группку ведьм, отрезанную от основных сил нападающих, еще до того, как сразится с лаккцами. Судя по перемещениям его отрядов, он намеревался встретить захватчиков у кромки болота, ограничивающего поле боя. Его силы должны были атаковать противника с воздуха, постепенно вытесняя из ненадежной трясины на маленький клочок земли.

В ожидании команды перед частоколом скопились резервные части защитников Замка, примерно половина или чуть больше всех имевшихся сил. Они должны усилить самые опасные направления, а также, если понадобится, сразиться с отрядами ведьм. Разумная тактика: понятно, почему Артур пользуется в Зейссе таким уважением.

Однако теперь, с наступлением рассвета, каждую из семи дорог, ведущих в поместье, блокировали группы из тринадцати ведьм в каждой. К тому же эти семьдесят восемь колдуний могли передавать друг другу силу Вардена, что чрезвычайно увеличивало их мощь. С точки зрения обычных военных действий защита

Зейсса была организована безупречно. Но в основе тактического замысла лежала идея борьбы с пытающимся захватить плацдарм противником, а если бы противник все же захватил плацдарм, защитники Замка тут же оказались бы в ловушке, зажатые со всех сторон горами.

— Смотри, безили! — возбужденно прошептала Ти.

Чтобы увидеть их огромные туши, поднимающиеся из своего убежища в горах, никакой оптики не требовалось. Сидящие в специальных боевых седлах всадники вооружились деревянными копьями с заостренными наконечниками. Я взглянул в противоположную сторону, но там стояла стена густого тумана. Из этой серой стены выплыла длинная цепочка безилей. В отличие от Артуровых, с красноватыми подбрюшьями, эти были снизу раскрашены в желтый цвет — цвет поместья Лакк.

Они медленно приближались, постепенно заслоняя весь обзор.

Безили поместья Зейсс подлетели к болоту и внезапно остановились. Одна треть направилась на левый фланг, другая — на правый, центральная колонна ринулась вперед с невообразимой скоростью. Сотни черных, извивающихся тел вступили в борьбу. Их всадники пытались проткнуть длинными копьями брюхо вражеского безиля. Невероятно: битва разворачивалась во всех трех измерениях, под всевозможными углами. Подвижность безилей казалась просто поразительной.

Когда авангард воздушных сил Зейсса уже вступил в бой, я заметил на болоте какое-то движение. Из тумана появились странные прыгающие существа — снарки, покрытые густым мехом твари о двенадцати ногах, которых разводили на Лилит из-за меха и вкусного мяса. Они жили в заболоченной местности и свободно передвигались, не утопая в тине. Питались они преимущественно растительной пищей и для челове-

ка никакой опасности не представляли. А следовательно, прямого военного значения не имели — однако лучшего транспорта для пехоты не придумаешь. В поместье Лакк их выращивали главным образом для этой цели.

По команде Артура вуки огромными прыжками бросились в драку, стараясь приземляться после каждого прыжка прямо на спину хрупкого снарка. Если бы и на этот раз снарки перевозили пехотинцев, лучшей тактики и желать нечего. Но теперь все было иначе.

Снарки внезапно остановились, а гордые и властные вуки ни с того ни с сего завертелись волчком и попадали на спины, утратив координацию движений.

На сей раз снарков оседлали не солдаты, а ведьмы, накачанные «Эликсиром сатаны». Они сконцентрировали свою силу на главной ведьме, и она одним взмахом руки превратила грозное и непобедимое оружие в гору барахтающегося мяса. Артур отреагировал мгновенно. Определив источник, уничтожающий его тяжелую кавалерию, он бросил на оголенный участок резервы, растянув цепь вдоль фронта.

С неба на землю с пронзительными криками падали безили, кровавая резня была в самом разгаре. Какой-то вук изловчился и ударил снарка. Огромное паукообразное мгновенно скукожилось, словно воздушный шарик, из которого выпустили воздух. Во что превратилась его всадница, оставалось только догадываться. Силы Сумико О'Хиггинс иссякали. С нашего наблюдательного пункта нападающие казались ничтожной горсткой по сравнению с наседающим противником. По нашим расчетам, на одного снарка приходилось как минимум четыре-пять вуков. Жуткое зрелище, на Земле таких плясок смерти не устраивали, наверное, уже несколько столетий.

Маневр вуков сильно подорвал мощь ведьм, но большинство уже успело добраться до суши и перегруппироваться. Отряд хоть и поредел, но оставался мощнейшей боевой единицей.

Неожиданно перед строем ведьм вспыхнула огромная огненная стена, на мгновение скрывшая их от глаз. В бой вступила тяжелая артиллерия Лилит — энергия микроорганизмов.

После секундного замешательства ведьмы вновь перестроились. Вихрь словно плутом прошелся вдоль огня, уничтожая его, хотя кое-где еще полыхала трава. Теперь ведьмы образовали широкий полукруг и начали атаку. Их было не меньше пятидесяти. Когда-то Сумико грозилась сровнять Замок с землей, и сейчас настало время выполнить угрозу.

Теперь под огнем оказались защитники поместья. Необычайно тонкая и ослепительно яркая огненная стена поднялась по другую сторону только что созданного ведьмами вихря. А затем стала надвигаться на позиции обороняющихся широкой дугой, заставляя отступать, оставляя за собой большие черные дыры в тех местах, где находились вырытые в землю ловушки для нападающих.

Я направил трубу на частокол, возле которого по-прежнему ждали резервы Артура.

— Они проиграют, — встревоженно сказал я скорее самому себе, чем Ти, — если немедленно не привлекут резервы. Ведь плацдарм уже захвачен. В чем же дело? Чего они ждут?

Ти молчала, а я не мог оторваться от странного зрелища.

У кромки болота на захваченный ведьмами и защищенный огненной стеной плацдарм уже высаживались прибывшие на снарах солдаты из Лакка. Резервы по-прежнему стояли. Я покачал головой.

— Они не могут быть настолько безграмотны. Почему же они медлят?

Послышался изумленный вопль Ти.

— Смотри! — прошептала она. — Безили... они больше не сражаются!

Я быстро перевел взгляд. Уцелевшие безили — их оставалось не больше сорока примерно из сотни — отошли друг от друга, не покидая, однако, поля битвы.

— Они... они образуют единый фронт! — в изумлении пробормотал я. — Что за чертовщина?

И тут мы услышали чудовищной силы взрыв, многократно повторенный эхом. От неожиданности я даже не понял, что произошло.

Прямо перед шеренгой ведьм поднимался огромный столб дыма. Я увидел, что высадившиеся в тылу ведьм солдаты атакуют именно их! Внезапно в бой двинулись резервные части. В воздухе появились новые безили, а на земле вуки начали разворачиваться в новом боевом порядке, но уже с другой целью.

— Посмотри, они атакуют ведьм! — ошеломленно вскричал я.

Мое внимание приковал плацдарм, где разыгрывался последний акт кровавой драмы. Теперь в ловушке оказались ведьмы, зажатые между стеной огня, за которой находились защитники Замка, и напавшими с тыла воинами Лакса.

В панике ведьмы погасили огонь пыльным вихрем и побежали в сторону Зейсса. Безили двух поместий нападали на них сверху, расстраивая ряды и добивая поодиночке. Яркие вспышки отмечали ведьм, уничтоженных энергией Вардена.

Резервы приступили к методичному истреблению ведьм. Теперь на каждую группу из тринадцати ведьм приходилось по два десятка безилей, с десятков вуков и множество хорошо вооруженных солдат. Ведьмы отступали.

Я отложил подзорную трубу и взглянул на Ти. Она сконфуженно обернулась.

— Лаккцы атакуют ведьм, — виновато пробормотала она. — Противники объединились. Кол, что творится? Неужели мы попали в ловушку?

Я медленно покачал головой:

— Нет, дорогая. Все гораздо хуже. Черт побери!!! — Я с силой впечатал кулак в ладонь. — Как же я не догадался? Хотя бы за несколько дней?

— Но ведь потом они схватят нас?

Я печально посмотрел на Ти и крепко сжал ее руку:

— Милая моя, я сомневаюсь, помнит ли там, внизу, кто-нибудь о нас. С тех пор как началась битва, о нас и думать забыли. — Я высвободил руку и вновь изо всех сил ударил по ней кулаком. — Проклятие! Столько пройти, столько вынести — и остаться пешкой в чужих руках!!!

Ти непонимающе уставилась на меня:

— Что...

Я вздохнул:

— Пошли. Прогуляемся в Замок. И ни о чем не беспокойся. Мы с тобой никому не нужны.

Ти послушно встала, и мы медленно побрели вниз.

ГЛАВА 22

ПЕРВЫЙ ВЛАСТИТЕЛЬ РОМБА

Долину затопили реки крови. Ведьм вырезали основательно, со знанием дела. Такого отвратительного зрелища я еще не видывал.

Дорога до Замка заняла у нас от силы два часа, но за это время все уже было кончено. И желтые, и красные бежали методично осматривали поле битвы, помогая раненым, разбирая останки огромных чудовищ. Им предстояло много работы.

Как я и ожидал, отец Бронц и множество других незнакомых людей сидели в плетеных стульях прямо у ворот Замка, отдыхая после трудного дня. Перед ними стояли яства и напитки. Я увидел Вэлу, ее сестру Долу, хозяйку Ройниваль и ее помощниц — Тону и Кизил, и еще — магистра Артура. Облик остальных выдавал их принадлежность к поместью Зейсс. Одного — невысокого, тщедушного человечка, лысого и высохшего, одетого в роскошную, богато украшенную белую тунику и тяжелые ботинки, увенчивала тиара с огромной голубой геммой, очень похожей на ту, которую носила хозяйка Ройниваль. Другой незнакомец, в одежде которого преобладали золотые тона, расслабленно отдыхал рядом с ним. Он казался несколько старше, и его пышная борода была аккуратно подстрижена по стандартам цивилизованных планет. Возраст не мешал ему оставаться в превосходной физической форме.

Отец Бронц уже давно нас заметил.

— Кол! Ти! Идите сюда! — дружелюбно крикнул он, и мы послушно приблизились. Священник казал-

ся совсем измученным и очень постаревшим. Мне показалось, что это утро состарило его лет на десять. Однако он упруго поднялся с кресла, радушно пожал мне руку и поцеловал Ти в лоб. Только после этого он повернулся и обвел жестом остальных.

— Некоторых ты наверняка знаешь, — начал он, — но я отнюдь не уверен, что ты уже знаком с хозяином Хонлоном Тилем.

Худощавый старик приветливо кивнул мне, и я внимательно посмотрел на него. Так вот он какой, рыцарь поместья Зейсс. В нем ярко светились клетки Вардена, гораздо сильнее, чем в Артуре.

— Господин в золотом — великий герцог Кобе, — продолжил отец Бронц, и сосед хозяина Тиля так же любезно наклонил голову. Затем священник представил остальных, все они относились к правящей прослойке поместья Зейсс. Только после церемонии знакомства он опять обратился ко мне.

— Надеюсь, теперь ты все понял?

— Конечно, — ответил я. — Хотя, признаюсь, не слишком приятно, когда тебя используют подобным образом. Я чувствовал себя как ребенок, которому посулили на день рождения новую игрушку, а потом забыли поздравить, не говоря уже о подарке.

Бронц рассмеялся:

— Брось! Все не так плохо!

— Может, кто-нибудь, — сердито перебила нас Ти, — объяснит мне, что здесь, собственно, происходит?

Я посмотрел на нее, собрался с духом и, наконец, решился:

— Ти, позволь представить тебе Марека Кригана, властителя Лилит, первого властителя Ромба.

Ее обморок, когда отец Бронц учтиво поклонился на мои слова, красноречиво свидетельствовал: столько информации сразу ей не воспринять.

Подробные объяснения мы получили позднее, после того как приняли ванну, сменили одежду и присоединились к роскошному пиру в главном зале Замка. Ти еще не совсем оправилась, но, узнав столь много нового и неожиданного, она постигла азы происходящего и теперь была вне себя от ярости.

Я жаждал услышать всю историю из первых уст.

— Начнем с самого главного, — приступил к рассказу Марек Криган. — Действительно, у нас было множество проблем. Лилит, как я уже говорил, весьма жестко организованная экосистема, в которой нет места нам, людям. Ее структура очень хрупкая, и вряд ли способна поддерживать стабильное существование больших популяций без регулирующего воздействия Варденовского механизма защиты. Конечно, батраки не могут наслаждаться роскошной и беззаботной жизнью, но кто на Лилит может себе позволить это, кроме правящего класса? Пока все мечтают стать королями, они не могут ими стать — король без подданных не король. Цивилизованные планеты в этом отношении ничем не отличаются от нашей — разве что там, благодаря широкому использованию техники, поддерживается гораздо более высокий жизненный уровень.

— Мне претит такое отношение к цивилизованным планетам, — перебил я.

Марек удивленно вскинул брови:

— Да? А ты родился с этим обличем?

— Но вы же знаете...

— Ну да, разумеется. Процесс Мертон? Потенциальное бессмертие для всех и каждого? Но разве это получают все? Нет, конечно! Уже сейчас Конфедерация перенаселена и должна расширять свои внешние границы. Для освоения новых планет до стадии самообеспечения требуются десятилетия.

Пойми, Кол, ни одна популяция не в состоянии выжить, если ее особи не будут умирать. Да и процесс Мертон отнюдь не панацея, пока для него требуются новые тела. А ведь он потребует массового тиражирования человеческих копий — многих триллионов. Но это же нелепо. Их придется выращивать и поддерживать существование биомеханическими способами до тех пор, пока в них не возникнет необходимость. Но кто действительно будет использовать его на всю катушку, так это правящий класс Конфедерации. Представители цивилизованной элиты уже сейчас полностью защищены от всех случайностей. Они буквально свихнулись на геронтологии, а когда все же приходит конец, тогда при помощи процесса Мертон они изготавливают свою очередную копию, и так до бесконечности. Человек в обществе Конфедерации рассматривается только во множественном числе, не зря же они усреднены буквально до мелочей. И только элита имеет право на индивидуальность и потребляет все самое лучшее, последние достижения науки и техники. Сам видишь, там ничуть не лучше.

— Допустим, вы правы, — согласился я, — но стать лидером может каждый, кто к этому стремится.

Марек расхохотался:

— Да ну? Ты всерьез считаешь, что сам себя сделал? Благодаря силе воли, образованию и призванию? Тебя, парень, просто вывели, как бройлера в инкубаторе. Сконструировали, а потом произвели промышленным способом, как любой предмет, в котором возникла нужда. Точно так же, как и меня в свое время.

— Но вы же ушли от них, именно поэтому вы здесь. Он добродушно пожал плечами:

— Проблема этой системы в том, что андроиды, вроде нас с тобой, должны обладать выдающимся интеллектом и другими качествами, чтобы хорошо де-

лать свое дело. Естественно, мы постепенно становимся мудрее и, естественно, нас просто необходимо уничтожать, чтобы мы не превратились в реальную угрозу режиму. В таких случаях нас повышают по службе и вводят в узкий круг избранных — если сочтут достойными — или просто посылают новичка-сотрудника пристрелить ветерана. Тебя приглашают в клинику Службы безопасности якобы для обычного обследования, а вместо этого стирают память, после чего ты превращаешься в ходячее растение, способное только на самую тупую работу — пялиться на экран компьютера, например. Мне открылось это в последний момент — можешь представить себе мои ощущения, — и я добровольно выбрал этот ад.

— Лилит, — сказал я. — Кстати, а почему именно Лилит?

Гости дружно рассмеялись.

— Не хочу вдаваться в подробности, — ответил Марек, — по крайней мере до тех пор, пока у тебя в голове сидит этот чертов органический передатчик и пока ты окончательно не решил, с кем ты.

— Пришельцы, — пробормотал я, чувствуя, что лишился своего последнего секрета. Он знал обо всем, даже о передатчике.

Марек Криган пожал плечами:

— Ты должен понимать, что любая цивилизация способна проникнуть в святая святых Генштаба, если она освоила процесс Мертон. И доложить о результатах мне — как специалисту по Конфедерации. Я знаю, что на Лилит они, эти лучшие умы Конфедерации, полный ноль, именно потому, что я управляю ею. Так что с их стороны было логично послать сюда кого-нибудь, чья прежняя жизнь и род деятельности максимально напоминали мою собственную.

Я промолчал. Невыносимо было осознавать, что Марек Криган слишком ценил меня и мои способности.

— В общем, как ни крути, о твоём прибытии мы знали, — продолжил властитель Лилит, — и, сам будучи человеком спецслужб, я понимал, что любой агент, направленный сюда, станет точной копией меня самого, и ситуация, в которой он окажется, будет предельно — насколько это возможно — моделировать ту, в которой в свое время оказался я. Для убийства одного агента они всегда посылают другого. Это значило только одно — тебя выкинут как можно ближе к поместью Зейсс. Поэтому я отправился туда. Я рассчитал правильно: ты появился в Зейссе. Я решил проверить тебя на прочность и приказал как следует помучить. Я прекрасно понимал, что ты впал в депрессию, и тебе требовалась хорошая встряска. Такой подъемной силой явилась Ти.

Ее передернуло. Оказаться среди батраков для нее было таким кошмаром, что она старалась не вспоминать об этом.

— Итак, — продолжил Криган, — я постарался внушить тебе, что являюсь единственным человеком на Лилит, свободным во всех отношениях, и наметнул — как можно прозрачнее, — куда именно направляюсь. После чего вернулся в Замок и приказал доктору Пону забрать Ти. Я считал, что если ты действуешь по моему образу и подобию, то такая пощечина неизбежно вызовет у тебя взрыв энергии. К тому времени ты уже вполне созрел для этого.

— А если бы так не случилось?

Марек Криган усмехнулся:

— Значит, ты не прошел бы испытания и остался работать на плантациях до конца дней. Но этого не могло не случиться. Когда Дола сообщила о твоём прибытии, мы немедленно спланировали твою дальнейшую разработку. Сначала постарались выставить перед тобой доктора Пона в наихудшем свете и продемонстрировать полнейшую безвыходность ситуации, в которой оказалась Ти. Мы не только познако-

мили тебя с магистром Артуром, но и показали всю его армию — как ты понимаешь, не в его правилах персонально заниматься новичками. Конечно, мы проверили твои способности и дали вкусить силу Вардена, не подпуская к ней всерьез. Затем Вэла разыграла превосходный полночный спектакль — меня тогда уже в Замке не было, я отправился на юг и поджидал тебя там.

— Но я слышал голос...

— Герцог Кобе использовал тростниковую трубочку, — пояснил он. Герцог виновато кивнул головой. — Главное, что для тебя я не мог быть Криганом ни по каким параметрам. После этого я посетил несколько соседних поместий и постарался, чтобы ты об этом узнал. Я надеялся, что с помощью вложенной в тебя информации ты найдешь дорогу. Я ведь был единственным, к кому ты мог обратиться за помощью.

— Это один из вариантов, — сказал я, уязвленный его замечанием. — Я мог скрываться в лесах.

— Я никогда не давал тебе никаких шансов, — возразил Криган. — Когда ты по каким-либо причинам не мог что-то сделать, я всегда исправлял ситуацию. Кроме того, я полагался на Ти.

Ти метнула на него такой взгляд, что, имея она мою силу Вардена, окрестности давно превратились бы в пепел.

— Не забывай, — добавил Криган, — что я правлю здесь уже сорок лет, и все мы перед этим проходим подобное испытание, служим своим хозяевам, пока не приобретем необходимый опыт. Имена и лица, конечно же, меняются, но хозяин всегда остается хозяином. Это строго ранжированное и стабильное общество работает как часы. В итоге я тебя раскусил. Я смотрел твоими глазами, предугадывал твои поступки и принимал соответствующие меры.

— А почему вы решили, что я заберу с собой Ти?

Криган усмехнулся:

— Все очень просто. Во-первых, твоя реакция на исчезновение Ти оказалась столь сильной, что привести в действие дремавшую под спудом силу Вардена и открыть тебе доступ в Замок оказалось элементарно. Значит, Ти была тебе небезразлична. Кроме того, доктор Пон послужил дополнительным стимулом. А чтобы ты — вопреки ожиданиям — не повел себя излишне прагматично, Вэла подмешала в напиток каких-то снадобий, усиливших твои эмоции. Мне нужно было, чтобы ты забрал ее с собой. Она была главным козырем. Только благодаря Ти мне удалось добраться до Сумико О'Хиттинс.

— Вы убили Сумико? — спросил я.

Он кивнул:

— Это была одна из моих главных целей. Ты должен понимать, какую угрозу она представляла. Подобные психопатки появляются раз в столетие, и слава Богу. Таких чудовищ необходимо уничтожать беспощадно. Она несла в себе генетический код, разработанный в Институте биологической стабильности, который определял будущий облик цивилизованных планет. И не просто облик — ты же знаешь, как много на самом деле зависит от генетического кода. Именно такими должны стать потомки Конфедераций.

— Вы же сами говорили, что цивилизованные планеты нуждаются в обновлении, — напомнил я.

— В обновлении — да. Но ведь не в монстрах же. Монстрах в самом прямом смысле. Они могли и обязаны были стереть ее с лица земли. А вместо этого ее просто сослали сюда в соответствии с теорией, что патологические отклонения предполагают столь же необычные способности. Уж в этом ей не откажешь!

— Я почувствовал, куда она клонила, — согласился я. — Благодаря Ти.

— Ты даже половины не знаешь, — сказал Криган. — И не представляешь, сколь находчив и изобретателен был ее свихнувшийся ум. «Индпошив» мутации в живых организмах! Ментальная генная инженерия! А чего стоили ее милые сафические пристрастия? В своей деревне они практиковали человеческие жертвоприношения. Камень, на котором лежала Ти, предназначался как раз для этого, по его бороздкам стекала кровь, которую они пили. Пойми, Кол, она больная женщина. Больная, но гениальная, употребившая, правда, свою гениальность во зло. Мы давно пытались остановить ее, но не могли даже обнаружить ее лагерь.

— А во время предпринятой Артуром атаки вы убедились, что она неуязвима?

Командующий войсками поместья Зейсс только сокрушенно кивнул.

— Да, — подтвердил Криган. — На самом деле она не открыла ничего принципиально нового, что не было бы до нее открыто в Институте. Но самому Институту необходимость сохранять все от распада причиняла немало хлопот. Благодаря тебе, а особенно Ти, я попал в ее деревню и убедил Сумико отправиться в Моаб вместе с нами. Там провели — незаметно для нее — всестороннее исследование ее потенциальных возможностей, хотя и она не без пользы поработала в библиотеке. Правда, ей достались только жалкие крохи той информации, которую она жаждала получить. Мы много говорили с ней, в том числе и о ее истинных способностях. По ее надменности чувствовалось, что она обладает большим потенциалом, и нам не оставалось ничего другого, как выбросить главный козырь — предложить испробовать ее реальную силу в реальном бою. Она не устояла. Таким образом, нам требовалось спровоцировать ситуацию, в которой Сумико придется показать свое убежище, не

подозревая, что сражаться предстоит не только с войском Зейсса, но и кое с кем еще.

— Да, — подтвердила хозяйка Ройниваль. — Это далось нам дорогой ценой. Нам пришлось драться друг с другом до тех пор, пока все ведьмы не высадились на захваченном плацдарме. Трудное оказалось дельце, что и говорить! Но как бы то ни было, мы позволили войскам Зейсса атаковать нас и при этом уничтожить как можно больше ведьм, чтобы подорвать ее силы. Однако мы не смогли их одолеть, даже когда набросились на них все вместе. Пока Сумико была жива, они были неуязвимы.

— Криган, удовлетворите праздное любопытство, — попросил я, — как вам удалось убить ее?

— У меня было несколько вариантов, — ответил он. — На крайний случай у нас благодаря Институту имелось много стимулирующего зелья для того, чтобы выставить на поединок меня, герцога, двух рыцарей и магистров сорок, не меньше. Но до этого не дошло, и слава Богу. Идею мне подал ты.

— Я?

— Да, — кивнул он. — В свое время ты дал мне знать о ее лазерном пистолете. Я решил, что для перестраховки она возьмет его с собой и непременно им воспользуется. А как тебе известно, предохранять чувствительный металл от распада способен только властитель. Представляешь, какая у нее была силища!

— Но что же вы... — начал было я, но Марек Криган меня перебил.

— Ну давай же, Кол! Шевели мозгами! Поставь себя на мое место: ты знаешь, что Сумико вооружена лазерным пистолетом — что ты сделаешь? Учитывая ее ум, хитрость, силу воли и умение сосредотачиваться.

У меня даже рот приоткрылся от изумления, когда я все понял.

— Вы сконцентрировали свою мощь на пистолете и уничтожили защитную оболочку из клеток Вардена.

Марек усмехнулся и кивнул:

— Ну да. Они разрушили блок питания, и от перегрузки пистолет взорвался. А она носила его на ремне. Ты не поверишь, я покрылся кровавым потом в ожидании результата. Я начал уничтожать пистолет всего за несколько минут до того, как мы перешли к объединенной атаке ведьм. Но, хвала Всевышнему, он взорвался! После этого добить оставшихся ведьм не составило труда.

— Рискованная затея, — заметил я. — Блок питания мог взорваться когда угодно. А ваша объединенная атака, как вы сами говорили, могла провалиться.

— Я предусмотрел и третий вариант, — признался он. — Микроорганизмы Вардена действуют, конечно, быстро, но не до такой степени, как нам хотелось. Если бы мы проиграли, с моей орбитальной станции выпустили бы нуль-ракету — прямо в Зейсс. Она бы разнесла все на атомы, в том числе и нас с тобой, но главное — всех ведьм. Теперь ты понимаешь, насколько серьезно я относился к Сумико?

Да, это действительно расставило все точки над «i».

— А для чего понадобился отец Бронц? — спросил я. — Вы не могли просто так выдумать столь колоритную личность.

— О, я уже десять лет как отец Бронц, — признался Марек Криган. — Это самый простой способ незаметно бывать там, где потребуется. Теперь мне придется придумать что-нибудь новенькое. — Он печально вздохнул. — А жаль. Отца Бронца превзойти невозможно. Меня никто не рассекретил бы, даже напорись я здесь на настоящего священника.

Я решил задать самый главный вопрос, который мучил меня все это время.

— Что будет со мной?

— У тебя все будет великолепно, — заверил он. — Некоторое время послужишь в Зейссе магистром, наберешься опыта, а потом либо заменишь хозяина, либо подыщешь слабого рыцаря и захватишь его поместье. Когда-нибудь ты наверняка станешь герцогом, а может быть, и властителем, помани мое слово. Мой путь к вершине занял семнадцать лет.

— Я побью ваш рекорд, — парировал я, надеясь, что это не останется только шуткой.

Он тяжело взглянул на меня:

— Тебе это по плечу.

Застолье прервалось, когда Криган сказал, что дождается челнока, который должен завтра приземлиться в поместье.

— Ничего не поделаешь — дела, — извинился он. — У Четырех Властителей свои проблемы.

К моему удивлению, ко мне подошел сам хозяин Тиль.

— Оставайтесь у нас, — искренне предложил он. — Я уже старик, Тремон. Вы можете захватить поместье прямо сейчас. Но здесь много очень сильных магистров, и вас неизбежно победит кто-то более опытный. Например, Ройниваль, которая давно хочет сменить свое болото на наш Зейсс. Однако через несколько лет, освоив необходимую технику и полностью реализовавшись, вы вступите в рыцарство при всеобщем одобрении, безо всякого труда. Вы прекрасно подготовлены. Артур отличный солдат, но совершенно бездарный администратор. Другие также по тем или иным причинам не годятся на главный пост. Сейчас это недоступно даже для вас, но вы мне симпатичны.

Я пообещал обдумать это предложение, но ответ уже знал. Я останусь. Замок Зейсс открывал мне прямой путь наверх, к тому же я не мог покинуть Ти. У нее со многими здесь были свои счеты; тем не менее это ее родина.

А потом я пошел к доктору Пону. Мои чувства к старому подлецу остались неизменными, но я хорошо понимал, что он первым встанет на сторону Тремона, когда тот придет к власти. Кроме того, я нуждался в его помощи.

Мы договорились, что после отъезда Кригана Пон сделает легкую операцию, конечно, при помощи клеток Вардена. Да, мой двойник и коллега — на самом деле я — с треском провалил задание. Меня обвели вокруг пальца, как ребенка. Я ничего не узнал ни о пришельцах, ни о властителе Мареке Кригане, черт бы его побрал. Он так и остался властителем Лилит и первым властителем Ромба. Прощай, Конфедерация! Когда я стану властителем, может, и разберусь с этими пришельцами. Но, что бы ни случилось, ты получишь от меня исчерпывающую информацию.

Кол Тремон уходит в отставку.

ГЛАВА 23

ОДНО НЕЗАВЕРШЕННОЕ ДЕЛЬЦЕ

Воздух был горячий и влажный. Только что прошла гроза, и облака висели непривычно низко. Но орбитальный челнок прибыл строго по расписанию — за самим Марексом Криганом.

Почти всю ночь я успокаивал Ти.

— Я ненавижу его, — повторяла она.

Человек, отдавший ее в руки доктора Пона, вызывал у нее такое же отвращение, как и Сумико О'Хиггинс. Марекс Криган казался ей животным. Изнасилуй он ее на самом деле, Ти ненавидела бы его гораздо меньше. Он надругался над ней как над личностью, и требовалось немало времени, чтобы это хоть немного изгладилось у нее из памяти.

Теперь она уже была ученой. Она стояла рядом со мной, когда, пробив низкую облачность, челнок сел на площадку к западу от Замка. Включились сложнейшие системы очистки, хотя с самим Криганом на борту необходимость в них отпадала.

Криган по-прежнему носил старую сутану священника, но я знал, что ее может сменить любое одеяние. Я мог вообще не узнать его при следующей встрече, но что-то подсказывало мне, что я опознаю его в любом обличье. «Однажды, Криган, — сказал я себе, — мы встретимся не для того, чтобы мило поболтать».

Герцог Кобе остался позади, хотя челноком обычно пользовался именно он. Я размышлял, не допустит

ли Марек Криган еще одну ошибку, узнав, что передатчик прекратит действовать только сегодня днем. Находящиеся на орбите войска Конфедерации вполне могли сбить его крохотный кораблик. Хотя нет, быстро сообразил я. Инициатива наказуема. Они пальцем не шевельнут без непосредственного приказа с Земли. Вот почему им без нас не обойтись. А когда сообщение дойдет до Земли и придет приказ на уничтожение, Криган сто раз спрячется заново.

Кроме того, у него полно влиятельных друзей, которые не позволят, чтобы с ним так просто расправились.

Он помахал рукой, улыбнулся и вошел внутрь. Люк моментально захлопнулся. Послышалось легкое жужжание двигателей, аппарат оторвался от земли и начал медленно подниматься.

— Кол, — позвала стоявшая за мной Ти.

— Да, дорогая? — Я обернулся. И в этот момент у меня в голове словно что-то взорвалось. Клетки Вардена вспыхнули во мне нестерпимым огнем, и поток спонтанной энергии обрушился на Ти. Но она не загорелась и не превратилась в кучку пепла, а, подняв голову, устремила взгляд на медленно набравший высоту челнок.

Послышались дребезжание и прерывистый стук. С кораблем творилось что-то неладное.

Внезапно раздался взрыв, облака озарила яркая вспышка, и груда металлических обломков, беспорядочно кувыркаясь, рухнула в высокую траву. Прокатился оглушающий грохот, и появилось свечение, на которое невозможно было смотреть. Ти отвернулась, и я почувствовал, как моя голова внезапно освободилась от чудовищных тисков.

Оглохший и ошеломленный, я взглянул на место катастрофы. На земле догорала куча искореженных железок, которые еще минуту назад были кораблем. Теперь все кончено. Когда обломки остынут, клетки

Вардена бросятся в атаку, и дожди смоют остатки пепла.

Все еще ничего не понимая, я повернулся к Ти:

— Чт...Чттт...Что ты натворила?!

Она насмешливо улыбнулась:

— Помнишь... деревня ведьм... несколько дней назад?..

Я кивнул...

— Я стащила немного их зелья. А сегодня утром выпила все, прямо перед тем как мы отправились сюда. Здорово, правда? Я хотела удивить и порадовать тебя и еще использовать твою энергию, пока ты не смог вмешаться. И смотри-ка, все получилось.

— Но... Но как???

— Вчера вечером, после ужина, я немного побеседовала с герцогом Кобе и с хозяином Тилем, — ответила Ти. — И вопросы-то у меня были пустяковые. Вроде того: как держится челнок в воздухе? Герцог Кобе любезно все объяснил. Нарисовал картинку... что-то, что он назвал геоскопом... или еще как-то, не помню. Я поинтересовалась, есть ли точно такое же устройство на этом корабле, и он сказал что есть, но не такое; и пояснил, какое и где именно. А потом, используя твою энергию, я проделала с этой штукой то же самое, что Криган с пистолетом Сумико. Только мгновенно.

— Но... Но ведь он мог находиться в вакуумной камере! — возразил я. — Тогда все было бы зря.

— Она сделала гораздо больше, молодой человек, — слышалось сзади. Я резко обернулся и увидел герцога Кобе, он казался скорее задумчивым, нежели разгневанным. — У вас действительно бездна энергии, а она ненавидела старика Кригана как никто и никогда. Я предчувствовал такой финал, но она превзошла все мои ожидания.

— Что еще...

Герцог покачал головой:

— Гироскоп тут ни при чем. Ти умудрилась продырявить защитный слой клеток Вардена вокруг внешней обшивки — и как раз рядом с энергоустановкой!

— О Господи! — Я в изнеможении опустился на траву.

— Как видишь, даже Сумико не подозревала, на что способна сила и воля властителя, — заключил великий герцог.

Мне показалось, что он чересчур спокойно отнесся к гибели Марека Кригана, и я сказал об этом.

— К сожалению, для Лилит это типично, — философски заметил он. — Я тянул всю административную работу на планете, да к тому же постоянно лебезил перед ним. Нет, сынок, я не любил Кригана.

— Теперь властитель — Кол!!! — восторженно закричала Ти. Я по-прежнему чувствовал, как она контролирует мою волю, но на всякий случай блокировал ее.

Кобе отрицательно покачал головой:

— Нет. Марека Кригана убила ты. Я не уверен, что он накопил столько ненависти к Мареку. Место властителя вакантно, пока не появится тот, кто заявит свои права и подтвердит их. На это уйдет как минимум несколько недель. А пока его обязанности буду исполнять я. — Он вздохнул. — Проклятие. Придется мне отправиться на эту Конференцию.

Глаза Ти загорелись бешенством, но теперь я снова контролировал свою силу. Через несколько часов действие стимулятора кончится. Да, за ней нужен глаз да глаз.

— Послушай, а у тебя не осталось больше этого напитка, а? — ласково спросил я.

Ти явно не хотела отвечать.

— Можно соврать? — наконец спросила она, глядя мне прямо в глаза.

ЭПИЛОГ

Человек медленно встал с кресла, плохо понимая, кто он и где находится, снял с головы обруч с датчиками и потер виски. Казалось, головная боль убьет его.

Некоторое время он смотрел на панель управления, словно не веря в реальность происходящего. Он действительно был здесь, на патрульном корабле, в своей лаборатории, а не на Лилит, где только что прожил целую жизнь.

Вскоре он пришел в себя.

— Компьютер? — сказал он.

— Слушаю вас.

— Вы получили данные. Каковы результаты предварительного анализа?

— Во-первых, подтверждена связь между пришельцами и властителями Ромба, — ответил компьютер. — Получен ряд фактов, которые только умножают вопросы. Для окончательных выводов информации недостаточно, но у нас есть другие доклады. Хочу добавить также, сэр, что Марек Криган знал только об одной вашей копии — Коле Тремоне, так что к появлению остальных они не готовы.

— Возможно, — раздраженно ответил мужчина. — Ты сказал о каком-то докладе?

— Да, сэр. С Цербера. Из-за особенностей тамошних клеток Вардена установить непосредственный

ментальный контакт невозможно. Но при помощи особой команды, о которой агент не подозревает, мы заставляли его сбрасывать информацию; потом он об этом забывал. На Цербере, сэр, существует технологическая среда, так что трудностей это не представляло. По-видимому, у нас полный отчет. Желаете его получить?

— Да... Нет!!! — с раздражением выкрикнул мужчина. — Дай мне немного отдохнуть, ладно?

— Если вы устали и у вас болит голова, я могу выдать результаты на терминале номер два.

— Хорошо, хорошо. Только не сейчас.

Он не мог признаться компьютеру, что головная боль и бешеная усталость лишь цветочки. То, что беспокоило его, находилось гораздо глубже — в самом сердце.

Кол Тремон, размышлял он, действительно ли он — это я? Могу ли я быть таким же? Почему твои поступки, Кол Тремон, кажутся мне столь необычными? Или ты и правда совсем другой?

Признания Марека Кригана насчет Конфедерации тоже волновали его, но меньше. Они звучали настолько кощунственно, что он отказывался верить и отнестся к рассказу как к изящному софизму, не более.

Конечно, сказал он себе, это все заблуждение. Тело Кола Тремона, его гормоны, его эмоции... Они не могли не изменить его. До неузнаваемости.

Несмотря на страх, который он испытывал при мысли еще об одном сеансе, он стремился к нему. Он хотел знать. Действительно ли Кол Тремон его плохая копия или это он сам?

Неужели во всех четырех зеркалах он увидит чужие, незнакомые лица?

Он опять откинулся на спинку кресла. Наконец, собравшись с духом, вздохнул:

— Хорошо. Приступай к демонстрации отчета с Цербера.

— Подтверждаю, — быстро откликнулся компьютер. — Демонстрация запущена. Если вы в состоянии, сэр, установите контактный обруч.

Мужчина еще раз обреченно вздохнул, взял со стола ажурную корону, надел на голову и устроился поудобнее в кресле, удивляясь тому, как дрожат его руки.

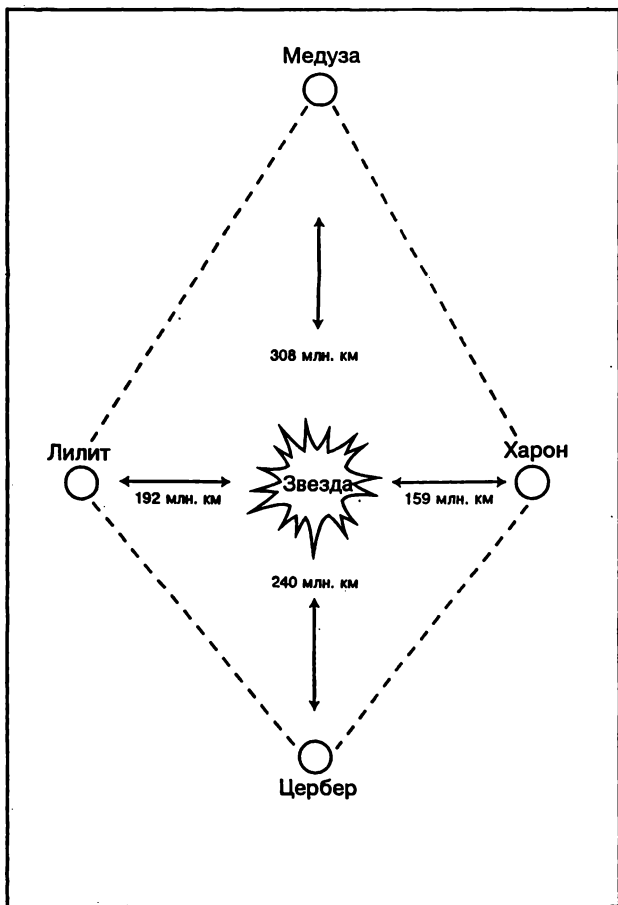
Цербер: **ВОЛК В ОВЧАРНЕ**

**Cerberus:
A Wolf in the Fold
1982**

**Перевод с английского
С.А.Смирнова
под редакцией М.Б.Черненко**

Ричарду Виттеру, еще одной
невоспетой живой легенде. Ему
сообщество фантастов обязано
очень многим.

Ромб Вардена

Пролог

ВСЕ СНАЧАЛА

Мы знали, что страху нет места в упорядоченном сообществе цивилизованных миров, что существует закон, что бояться больше нечего. И тот, кто знает истинную цену удовольствиям, может позволить себе если не все, то почти все.

Курорт Тоновых — стандартный уголок в этом стандартизованном мире: золотые пляжи, роскошные отели, утопающие в экзотической растительности и предлагающие развлечения на любой вкус — начиная с рыбной ловли и азартных игр и кончая самыми изысканными наслаждениями нового — машинного общества. Развлечения занимали важное место в жизни Конфедерации, где труд был полностью компьютеризован, и люди работали только потому, что руководство сдерживало рост технологий, чтобы хоть чем-то их занять.

Конечно, генная и социальная инженерия достигли небывалых высот. Люди перестали походить друг на друга и это толкало их на самые экстравагантные поступки. Но они оставались физически безупречными. Мужчины — стройные, мускулистые, элегантные, женщины — изящные и обаятельные. И те, и другие — высокие, около 180 сантиметров, с одинаковой, бронзового оттенка, кожей. Прежние расовые и этнические различия исчезли; всеобщей семьей стало Государство, могущественная Конфедерация, управляющая семью тысячами шестьюстами сорока двумя мирами — более трети Млечного Пути.

Миры эти здорово смахивали друг на друга. Воспроизведение потомства отошло в область преданий: дети рождались в лабораториях и росли в специальных группах, где их неустанно воспитывали. Нужные Конфедерации наклонности легко программировались, и ребенок становился ученым, художником или военным. В цивилизованных мирах требовался средний интеллект, и только для особых работ — гении. А неординарные личности — зачем? Они ведь могли помешать сложившемуся порядку вещей.

Благодаря успехам медицины каждый оставался молодым до самой смерти, которая приходила легко и безболезненно в возрасте около ста лет. Разумеется, иногда возникали отклонения. Если их обнаруживали слишком поздно, специальная группа «убийц» выслеживала «заблудших овец» и убирала их...

Были и другие миры, отдаленные окраины, где все оставалось в первозданном виде.

Конфедерация знала, что цивилизованные сообщества подвержены потере творческого потенциала и застою, приводящим к вырождению. И поэтому в качестве превентивной меры горстке людей разрешалось существовать вне Конфедерации. Открывать и завоевывать новые миры, вести первобытный образ жизни. Рожденные старым проверенным способом, люди на окраинах сильно отличались друг от друга. Конфедерация не желала облегчать их участь: трудности, лишения, жестокая конкуренция и агрессивность — все это способствовало так называемому прогрессу — предохранительному клапану для человечества.

Так было уже девять веков — до тех пор, пока специалисты-психоаналитики не предупредили о грозящей опасности...

Джуна Риа 137, декоратор ничего не знала об этом. Типичный образчик жителя цивилизованных миров, «живой робот», помогающий людям изменить инте-

рьер своего жилища. Джуна и не помышляла о другом занятии. На курорте Тоновах она просто проводила свой недельный отпуск. Вскоре ей предстояло самое ответственное задание — перепланировать Детский семейный центр на Куро. Там меняли профиль — с выращивания инженеров на выращивание ботаников, нехватка которых, по прогнозам Конфедерации, возникнет примерно через двадцать лет.

Джуна поплавала в золотистом прибое и расслабленно прилегла на песок. Почувствовав наконец себя отдохнувшей и посвежевшей, она направилась к себе в роскошный гостиничный номер, чтобы принять душ и перекусить. Она быстро умылась и по телефону заказала еду — пиршество для гурманов, как ей показалось. А в ожидании ужина сочиняла варианты платьев на стилизаторе, содержащем в памяти более трех миллионов деталей одежды. Как и большинство отдыхающих, Джуна обходилась днем без одежды. Но тут ей хотелось блеснуть в чем-то потрясающем и неожиданном. Она любила быть в центре внимания, а внешность ведь у всех была тривиально прекрасной...

Завершив проект наряда — на основе облегającego платья изумрудного цвета, — она набрала код, заказ появится в окне доставки через полчаса.

В дверь позвонили, Джуна разрешила войти. Человек в белом вошел, неся накрытый золотой поднос: по старинному обычаю курорты обслуживали люди — это придавало дополнительный оттенок роскоши.

Не обратив никакого внимания на ее наготу, служитель нажал какие-то кнопки по бокам подноса. С коротким писком выпали тонкие прочные ножки и поднос превратился в удобный обеденный стол. Увидев деликатесы, Джуна заулыбалась. Лучшие отели держали вместо автоматов настоящих поваров и предлагали натуральные продукты, а не синтетику. Она отведала первое блюдо и одобрительно кивнула. Официант поклонился и вышел.

Когда полчаса спустя он вернулся с большой тележкой для белья, Джуна без чувств лежала на диване. Он поднял безвольное тело, опустил в тележку и накрыл простынями. Заметив включенный стилизатор, отменил заказ и нажал кнопки уборки помещения. Легко вытолкнул тележку в широкий коридор и направился к служебному выходу.

Джуна медленно приходила в себя. Она помнила только как, смакуя великолепное кушанье, неожиданно ощутила страшную усталость и головокружение. И вот теперь она оказалась...

Где?

На неудобной койке в маленькой, отделанной пластиком комнате, стены и потолок которой светились. Стена замирцала, и сквозь нее вошел человек. Увидев его грубую примитивную одежду, длинные выющиеся локоны и неухоженную бороду, Джуна решила, что он не принадлежит к цивилизованным мирам. Но что же в конце концов произошло?

Джуна попыталась встать, но незнакомец отрицательно покачал головой.

— Расслабьтесь, — сказал он низким, грубым голосом. — Вы — Джуна Риа 137, декоратор?

Она кивнула, удивляясь все больше.

— Хорошо, значит, вы подходите.

— Подхожу для чего? — поинтересовалась она, чувствуя себя значительно лучше. — Кто вы? И где я?

— Меня зовут Харл Боген, вам это ничего не говорит. Сейчас вы на космической станции в Ромбе Вардена.

Она села и наморщила лоб:

— Ромб Вардена? Что-то вроде исправительной колонии или резервации?

Он усмехнулся:

— Можно и так. Во всяком случае, теперь вы знаете, откуда я.

Она непонимающе уставилась на него:

— Как я сюда попала?

— Мы вас похитили, — холодно сказал он. — Представляете, как удобно иметь агента среди обслуживающего персонала курорта? Ведь рано или поздно каждый отправляется отдохнуть. Мы подмешали вам снотворного в пищу, и наш связной переместил вас в космический корабль. Вы здесь почти сутки.

Она засмеялась:

— Это какой-то аттракцион, да? Вряд ли такое бывает в действительности.

Он радостно улыбнулся:

— Еще как бывает. Мы просто стараемся держать все в тайне. Но если Конфедерация что-нибудь и пронюхает, никто не проболтается. Им невыгодно сеять панику.

— Почему же?

— Хороший вопрос. Давайте рассмотрим его. Видите ли, планеты Ромба — отличная тюрьма. Потому что, попав туда, вы получаете что-то вроде вируса, с которым можете жить, но только на этих планетах. Если вы покинете Ромб, вы умрете. Эти микроорганизмы изменяют необратимо и нас самих. Теперь представляете себе последствия ссылки? Здесь, на четырех планетах, живут человеконенавистники, уже не вполне люди в привычном смысле слова... Теперь предположим, что некая чужая раса, обнаружив цивилизацию людей, приходит к выводу, что вместе им никогда не ужиться. Но люди еще не знают, что окружены Чужаками. Вы следите за моей мыслью?

Она кивнула, все еще пытаясь вспомнить, не заказывала ли подобную развлекательную программу. Впрочем, какая разница?

— Итак, Чужакам нужно узнать о человечестве как можно больше, прежде чем их обнаружат. Они слиш-

ком не похожи на людей, чтобы действовать напрямую, а завербовать агентов из людей не удастся — Конфедерация слишком хорошо организована. Что же они предпринимают? Они узнают о Ромбе Вардена, вступают с нами в контакт и нанимают нас для грязной работы. Нас ждет щедрое вознаграждение. Возможно, избавление от микроорганизмов Вардена. Улавливаете?

— Чуть собачья! — бросила Джуна. — При чем здесь я? И зачем вам декоратор? Почему не генерал или сотрудник безопасности?

— Таких мы, конечно, тоже забираем. Но ведь мы не можем покидать планеты. Пока не можем. А наши друзья обладают замечательной технологией. Сейчас вы увидите одного их робота. Потрясающе похож на человека. Кстати, официант, который вас похитил, тоже был робот. Просто копия человека, когда-то занимавшего эту должность.

— Роботы, — фыркнула она, — никого не одурачат. Многие в них хорошо разбираются!

Боген снова усмехнулся:

— Разумеется, если бы их просто запрограммировали. Но все гораздо сложнее. В их маленьком коварном мозге записано каждое воспоминание, каждая черта характера, все привычки, хорошие и дурные, все мысли, которые когда-либо посещали вас. Они станут вами, но будут подчиняться нашим приказам. К тому же они думают и считают в тысячи раз быстрее, чем вы или я.

Теперь она почувствовала себя не в своей тарелке. И не потому, что происходящее было правдоподобно. Ее угнетала будничность этой фантастической беседы. Слишком ужасно, чтобы в это поверить!

— Значит, вы подменяете людей роботами, — выговорила она. — Почему же все-таки декоратор?

— А потому, что вашей следующей работой будет фабрика детей, если не ошибаюсь. Теперь предполо-

жим, нам удастся внести небольшое дополнение в программу во время перепланировки...:

Она содрогнулась. Это уже чересчур, даже для спектакля.

Дверь опять замерцала, и вошла женщина из цивилизованного мира, явно знакомая, хотя чем-то напоминающая зомби.

Боген кивнул вошедшей и снова повернулся к Джуне:

— Узнаете?

Она замерла, испугавшись уже по-настоящему.

— Это... это я? — выдохнула она.

Копия рывком подняла оригинал на ноги. Железной хваткой сжала руки Джунь и крепко схватила за талию. Пожалуй, слишком болезненно для розыгрыша. Она не заказывала ничего подобного!

— Мы, цербериане, — тихо сказал Боген, — можем, как видите, изменять и сознание.

Он сидел, откинувшись на спинку кресла, перед приборной панелью в тесном отсеке космического корабля. Нечто вроде шлема на его голове соединилось проводами со стоявшей вокруг аппаратурой. Он выглядел усталым и озабоченным.

— Стоп!

Большой компьютер на мгновение запнулся:

— Что-нибудь не так?

Человек выпрямился:

— Мне нужно передохнуть. Сейчас от меня мало проку. Я хочу прогуляться, поговорить с людьми, может быть, даже поспать. Тогда я буду в форме. С Конфедерацией ничего не случится, если я прервусь часов на десять или двенадцать.

— Воля ваша, — ответил компьютер. — Но я считаю, что за это время мы могли бы получить нужную информацию.

— Возможно, — вздохнул человек, снимая шлем. — Почти год мы ничего не делаем. Еще несколько часов ничего не решат. Скорее всего нам придется заняться всеми четырьмя, и к тому же никто не знает, когда откликнутся еще двое.

— Логично, — согласился компьютер. — И все же я думаю, что ваша нерешительность вызвана и другими причинами.

— Вот как? И что же это за причина?

— Информация с Лилит. Датчики выдали ваше волнение.

Человек вздохнул:

— Ты прав. Черт, все это действительно было со мной, я помню. И с кем-то другим, кого я почти не знал, когда он посылал сообщение. Сильно сбивает с толку, когда обнаруживаешь, что так мало знаешь себя.

— Но работу надо продолжать, — заметил компьютер. — Вы оттягиваете отчет о Цербере, потому что боитесь его. Это неправильная ситуация.

— Я разберусь! — отрезал человек. — Дай только срок.

— Ваше дело. Конец связи.

Человек побрел в жилые помещения. Нужно что-то успокаивающее, решил он. Лекарства не хочу. Может, стаканчик чего-нибудь в баре патрульного корабля. Или два. Или больше. И люди...

Сообщение с Цербера ожидалось вторым, и агент в корабле нервничал. Он не боялся за исход операции. Только сейчас он понял, чего боится по-настоящему: самого себя.

Он снова подошел к креслу. Медленно, неловко устроился и поправил на голове датчики. Компьютер начал считывать информацию.

Некоторое время он плавал в тумане полугипнотического забытья, но потихоньку в мозгу начали

формироваться расплывчатые образы, постепенно приобретая определенность, ясность, заполняя его мысли. Наркопрепараты и маленькие нейронные зонды сделали свое дело: его собственное «я» куда-то исчезло, отодвинулось на второй план, и возникло нечто новое.

— Агент к докладу готов, — сообщил компьютер, посылая команду в глубины его сознания, ставшего теперь не только его собственным. *

Передаваемая с поверхности информация, проходя через управляющий компьютер, преобразовывалась, сортировалась и систематизировалась, превращаясь в связный рассказ.

Включились записывающие устройства.

Человек в кресле откашлялся. Ему потребовалось больше трех часов, чтобы невнятные междометия превратились в осмысленную речь. Компьютер терпеливо ждал, пока человеческий мозг переварит невообразимые массивы информации.

Наконец он заговорил.

ГЛАВА 1

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

После беседы с Крегом я несколько дней приводил в порядок свои дела — что оказалось непросто, — а потом меня направили в клинику Службы безопасности. Мне доводилось бывать здесь и раньше, но я никогда не подозревал об истинной цели своих посещений. Обычно здесь программировали агентов перед очередной операцией и восстанавливали сознание после ее завершения. Наша деятельность зачастую выглядела не совсем легальной, экстралегальной — я предпочитаю называть ее именно «экстралегальной», а не просто «нелегальной», что, по-моему, подразумевает откровенно уголовные намерения. Многие наши операции еще не рассекречены, и, чтобы предотвратить любую утечку информации, мозг агента подвергается информационной чистке.

Кому-то такая жизнь, при которой не знаешь, где ты был вчера, может показаться весьма странной, но есть у нее свои преимущества. Все потенциальные враги — и политики, и военные — знают о чистке памяти, и потому вам не о чем беспокоиться. Никому и в голову не придет поквитаться с вами за прежние дела — вы уже ничего не знаете о них. Неизбежные неудобства с лихвой компенсируются обеспеченным существованием, практически неограниченными финансовыми возможностями и полным комфортом. Мне не возбранялось жить в самых роскошных отелях, питаться в лучших ресторанах, позволять себе любые развлечения и мелкие шалости, — я чувствовал себя просто великолепно и по-

стоянно находился в прекрасной форме. Я наслаждался каждым мгновением жизни и, исключая регулярные занятия по переподготовке — месячные или полуторамесячные курсы, слегка напоминавшие курсы общей военной подготовки, только более грязные и жестокие, — вел жизнь богатого повесы, практически не сталкиваясь с житейскими проблемами. Собственно, цель регулярных занятий как раз и состояла в том, чтобы проверить, не размягчились ли ваши мозги от этой сытой и слегка бестолковой жизни, не ослабла ли воля. Вживленные датчики непрерывно контролировали самочувствие и определяли, когда именно необходимо хорошенько встряхнуться.

Меня зачастую удивляла крайне изощренная встроенная система наблюдения за здоровьем. Казалось, целый штаб Службы безопасности неусыпно следит за ходом моих дебошей, готовый немедленно предупредить меня о грозящей опасности; со временем, однако, я научился игнорировать их.

Жизнь агента была прекрасной и беззаботной. Да и не только агента. Обитателей наиболее цивилизованных планет тоже снабжали подобными датчиками, хотя вряд ли столь же сложными и хитроумными.

Правда, когда приходила пора отправляться на очередное задание, требовался весь опыт предыдущих операций. Простое уничтожение накопленной информации без ее хранения и осмысления было бы крайне непрактично; даже самый хороший агент становится еще лучше, избегая повторения собственных ошибок.

Так что в первую очередь вас помещали в клинику, где хранилась информация, стертая в свое время из вашего мозга. Информацию благополучно возвращали на место, и вы вновь были готовы к исполнению долга.

После такой операции я всегда поднимался из кресла потрясенный. Но сейчас процесс затронет более глубокий уровень. Когда я выйду из клиники, я буду знать не только все, что когда-либо делал в своей жизни, я узнаю многое и о других людях, об их сознании, теле, узнаю так много, что смогу запросто стать любым из «них».

Что же будут любить «они», четыре моих «альтер эго»? Совершенно различные физически, они, вполне возможно, выходцы одного из миров, пока еще не цивилизованного, жители которого не успели подвергнуться стандартизации во имя полного равенства. Нет, эти люди наверняка родом с самой Окраины: торговцы, шахтеры или пираты, без которых распространение цивилизации оказалось бы невозможным; именно они обладают индивидуальностью, самоуверенностью, творческим началом — тем, без чего не выдюжить в сложнейших ситуациях. Идиоты-правители могли бы уже давно уничтожить всех, кто хоть чем-то отличается от обычных стандартов. К счастью, в своем идиотизме они зашли так далеко, что давно уже утратили необходимую для подобной расправы волю и энергию.

Вот потому-то они и основали резервацию на Ромбе Вардена. Многие первопроходцы были настолько яркими личностями, что стали угрожать безопасности Конфедерации. Проблема состояла в том, что индивидум, способный разрушить общественные устои, должен обладать настолько мощным интеллектом, насколько это вообще возможно в человеческом обществе, а стало быть, и бороться с ним практически некому. Ромб оказался очень удобной ловушкой. Люди творческие сохраняли там все свои способности. А Конфедерация постоянно черпала из этого неиссякаемого источника новые идеи.

Да и тамошним уголовникам грех было бы жаловаться на судьбу. Ссылка заменяла смертную казнь.

...Проклятые зонды причиняли нестерпимую боль. Обычно вслед за легким покалыванием приходил сон, а через несколько минут вы возвращались к реальности, вновь осознавая себя. Но сейчас покалывание превратилось в невыносимую боль, обручем сдавившую череп. Казалось, у меня перехватили управление собственным мозгом. Словно гигантская рука стиснула его изо всех сил, периодически ослабляя хватку. Я потерял сознание.

Очнувшись, я застонал. Боль исчезла, но память о боли осталась. Несколько минут я пролежал неподвижно, пытаюсь понять, кто я и где нахожусь, затем, собравшись с силами, поднялся и сел.

Воспоминания на миг отступили и вновь захлестнули меня. Интересно, прошли мои дубли какую-либо подготовку или нет? Ведь их память по завершении операции очистить уже не удастся. А потом я внезапно осознал, что, получив мою ментальную информацию в полном объеме, они просто-напросто погибли бы. Да и вообще, в Ромбе Вардена сгинуло гораздо больше секретов.

Вокруг что-то изменилось: такого со мной еще не бывало. Оглядев небольшую комнату, я внезапно понял причину тревоги.

Это не клиника Службы безопасности! Я сидел на узкой койке в небольшой тесной каюте. Рядом с койкой виднелась миниатюрная раковина, стандартный пищепоп. В стене напротив — встроенный туалет. И все? Или есть еще что-то?

Я огляделся внимательнее. Ну конечно, полный визуальный контроль. Дверь закрылась так плотно, что щель практически невозможно обнаружить. О том, чтобы открыть ее изнутри, нечего и мечтать. Теперь понятно, где я.

Тюремная камера.

Но, что еще хуже, я ощутил слабую вибрацию, порождаемую отнюдь не единственным источником. Само по себе это не столь уж неприятно, но я-то прекрасно знал ее происхождение. Я находился на борту космического корабля.

Я встал, испытал легкое, мгновенное головокружение, и оглядел себя. О Боже! Женщина! Типичная женщина Конфедерации, чтоб я сдох!

— Я теперь не я! — крутилось в голове. — Я один из моих заменителей!!!

Вновь усевшись на койку, я еле разобрался в сложившейся ситуации. Ведь я знал, кто я такой на самом деле, помнил каждое мгновение своей жизни...

Первоначальный шок сменился гневом — гневом и бессилием. Отныне я всего лишь копия, марионетка в руках того, кто управляет каждым моим шагом, каждой моей мыслью. Я возненавидел его, возненавидел с нечеловеческой страстью, в которой не было ничего рационального. Сейчас этот гад сидит где-то в тепле и безопасности, наблюдает за каждым моим шагом, а когда все закончится, вернется к сытой и беззаботной жизни, а я...

Они хотят забросить меня на одну из планет Ромба Вардена, захлопнуть в ловушке, как какого-нибудь преступника, заключенного отныне и во веки веков, безо всякой надежды на избавление. А что потом? Когда я выполню задачу? Внезапно меня осенило. Я ведь знаком с подобными вещами! За мной будут постоянно следить и тут же ликвидируют, стоит только сболтнуть лишнее. Вообще меня уберут в любом случае.

Здесь дала о себе знать моя подготовка; мысли постепенно освобождались от сумбура и ужаса. Я сосредоточился на том, что мне известно.

Контроль? Конечно. Да еще какой. Я вспомнил слова Крега о какой-то органической линии дистан-

ционной связи. Ну как тебе это нравится, сукин сын? Словил кайф?

Я вновь попытался справиться с эмоциями. Все это ровным счетом ничего не значит, сказал я себе. Во-первых, я знаю, что *он*, то есть «я», да и вообще все люди полагали, что я проклятый сукин сын, которого следует пустить в расход.

Чертовски трудно осознать, что ты совсем не тот, кем себя ощущаешь, а всего лишь непонятное существо неестественного происхождения. Что-то вроде кентавра. Столь же трудно принять и то, что прошлая жизнь ушла навсегда. Не будет больше благоустроенных планет, казино и смазливеньких шлюшек. И денег, которым ты так привык сорить, тоже больше не будет. Но и сейчас, пребывая в прострации от открывающихся перспектив, я уже приспособился к сложившейся ситуации. Именно поэтому они и отбирали таких ребят, как я. Мы обладаем редкой способностью адаптироваться практически ко всему и везде.

Хотя тело и не было моим, я все равно оставался самим собой. Индивидуум — это память, разум, воля и характер человека, а отнюдь не тело. Самая обыкновенная линька, маскировка, сказал я себе, только на редкость совершенная.

Вплоть до того момента, как я поднялся с кресла в клинике Службы безопасности, я действительно был кем-то другим. Значительная часть моих воспоминаний и навыков исчезла безвозвратно. Прежний «я» в промежутках между заданиями был искусственным «мною». Он, этот ничтожный хлыщ, не обладавший даже постоянным существованием, всего лишь эрзац. Подлинный «я», запечатанный, как джинн в бутылке, в памяти мощных компьютеров, выпускался на волю только тогда, когда возникала необходимость. На свободе я представлял собой реальную уг-

розу властям Конфедерации, как и те, с кем мне приходилось бороться.

А я слыл хорошим агентом. Лучшим, как сказал Крег. Вот почему я теперь здесь, в этом теле, в этой камере, на борту этого корабля. Мои мысли не будут стерилизованы, и я выживу, если выполню задание. Чувство ненависти к другому «я», находящемуся где-то рядом, внезапно прошло. Когда все закончится, его мозги опять хорошенько прочистят, выкинув из них все значимые воспоминания, а возможно, просто убьют, если кто-то из моих «коллег» или я сам разужнаю слишком много. В лучшем случае он вернется к своей пустой, полурастительной жизни.

Я... я останусь здесь... Я буду жить... И это будет уже реальное «я», даже более реальное, чем он, мой прототип.

Хотя я знал достаточно, чтобы не питать никаких иллюзий. Убить меня им ничего не стоит. Достаточно только не выполнить приказ. И прямо с автоматического спутника, не ведая сомнений. Я слишком хорошо это понимал. Но ведь я совершенно беззащитен лишь до тех пор, пока не овладею ситуацией и своим новым домом, теперь уже постоянным. Мне известны в мельчайших подробностях их методы работы, их образ мышления. Я выполняю свою грязную работенку, и они знают это, но только тогда, когда представится подходящая возможность. И я смогу их обставить даже в такой, казалось бы, полностью контролируемой ими ситуации. Вот почему они в первую очередь прибегают к услугам таких, как я: чтобы распознать всех, кто распоряжается своей судьбой, кто достаточно силен, чтобы избежать полного им подчинения.

Но если я обведу их вокруг пальца, нового супер-агента специально, чтобы меня обезвредить, куда не пошлют — чтобы избежать ситуации с моим предше-

ственником. По всей видимости, то же самое поручат кому-нибудь еще.

Видимо, мое руководство ни минуты не сомневалось — у меня нет выхода, придется выполнять. И не стоит меня опасаться до тех пор, пока я работаю на них. А там видно будет.

Головоломка разрешима, и цели достижимы. Я предвкушал победу, достаточно легкую, если не вдаваться в подробности — надо лишь бросить вызов судьбе или противнику и ощутить свое интеллектуальное и физическое превосходство. Во-первых, следует оценить степень опасности, исходящей от пришельцев. Как таковая, она меня больше не интересовала — отныне я пленник Ромба. Если пришельцы выйдут из предстоящей схватки со щитом, Ромб Вардена выживет — как их союзник в войне с Конфедерацией. Если они проиграют (в моем положении это мало что изменит) — теперяшняя ситуация продлится неопределенно долго. Отсюда следует, что проблема пришельцев сугубо интеллектуальная, решение ее представляет чисто спортивный интерес. И поэтому она казалась мне столь привлекательной.

Другая задача — выследить властителя и при первой же возможности убить его — на деле может оказаться гораздо сложнее. Ведь предстоит работать в совершенно незнакомой обстановке и, кроме того, наверняка потребуются союзники. Если мне удастся свалить властителя, это значительно увеличит мое могущество и упрочит репутацию. Если же ситуация сложится не в мою пользу, это сразу решит все проблемы. Правда, я никогда не допускал даже мысли о поражении, что всегда способствовало достижению цели. Организация и осуществление убийства — это всегда борьба не на жизнь, а на смерть. И если постоянно думать о том, что проиграешь, ты обречен.

Неожиданно мне пришло в голову, что разница между мной и властителем лишь в том, что я работаю

во имя закона, а он (или она) — вопреки ему. Но, конечно же, это не так. Здесь, на планете, именно он — живое воплощение закона, а я — нарушитель. Замечательно. На редкость симметричная ситуация.

Одно плохо: я изначально оказываюсь в очень невыгодном положении. Необходимо было всю информацию по данному делу вложить непосредственно в мой мозг заранее, еще до того, как отправить в дальний путь. Но на этот раз обычной процедурой почему-то пренебрегли. Вероятно, из-за того, что мне предстояло выполнить четыре совершенно различных задания, и дополнительные сведения существенно затрудняли процесс передачи информации в мозг исполнителя; наверное, их добавят позднее. Но такой процедуры врагу не пожелаешь. Я с раздражением подумал, что тому, кто планировал операцию, не мешало бы над этим поразмыслить.

Но сначала надо выяснить не «кто», а «как». Примерно через час после моего пробуждения в камере раздался негромкий звонок. Я встал и подошел к пишпорту. Из него мгновенно появился горячий поднос и пластмассовые приборы. Стандартные столовые приборы для тюрем.

Омерзительная пища, да я и не надеялся на лучшее. Но обогащенный витаминами сок оказался вполне приличным. Я взял еще, оставив себе чистый легкий стакан на случай, если захочется воды. Все остальное затолкнул обратно в порт, и оно моментально испарилось. Панель захлопнулась.

Централизованному контролю не поддавалось только функционирование органов жизнедеятельности; примерно через полчаса после первого приема тюремной баланды они дали о себе знать. На противоположной стене камеры размещалась панель с надписью «туалет» и маленькое вытяжное кольцо. Самая обычная конструкция. Я потянул за кольцо, панель опустилась, открыв то, что положено, — небольшой

зонд с тонкими, как бумага, стенками и жесткий трубопровод. Я уселся прямо на трубопровод, прислонившись к панели, глубоко вдохнув и одновременно расслабившись.

Все произошло в момент контакта тела с поверхностью сантехнического устройства — и не спрашивайте меня, как именно — я в инженерных вопросах мало что смыслю. Это было столь же малопривлекательно, как и программирование, но позволило им общаться со мной и даже посылать мне визуальные образы, которые воспринимал только я.

— Надеюсь, первый шок уже прошел, — раздался голос командора Крега непосредственно у меня в голове. Особенно потрясло то, что даже мои тюремщики ничего не слышали и, очевидно, понятия не имели, кто я такой.

— Доводим до вашего сведения, что это простейший способ, так как процесс передачи информации крайне затруднен. О, вам не о чем беспокоиться — так будет постоянно. Вы, конечно, помните, что процесс Мертон очень расточителен. Выживает только один пациент из тридцати. Ну и первой выжила эта дама. Зато она не вызовет никаких подозрений у местных властей, а на Цербере — да-да, вы, сударыня, летите на Цербер! Так вот, там давно освоили процесс Мертона и меняют тела, как перчатки. Так что если захотите, сможете снова стать мужчиной. А теперь надо спешить. Мы вынуждены приступить к работе немедленно, поскольку, к моему глубокому сожалению, стоящая перед вами задача гораздо сложнее, чем у ваших коллег.

Я почувствовал радостное возбуждение. Вызов, вызов...

— Как вы уже знаете, ваша цель — Цербер. — Настоящий сумасшедший дом. Это третья планета Вардена, там есть времена года и климатические пояса. От тропиков на экваторе до полярных шапок. Но это

водный мир — там нет суши. Однако жизнь там кипит. Уровень океана повышался, должно быть, очень медленно, и растения старались как бы держать голову над водой. Так что больше половины акватории покрыто растительностью, есть экземпляры обхватом в десятки километров — необходимая опора, поскольку они вздымаются со дна морского. Города и поселки строят поверх этих деревьев...

Острая боль в спине, волна тошноты и головокружения — в моей памяти появилась карта Цербера. Затем лавиной хлынули сведения. Протяженность экватора около 40 000 километров, гравитация 1,02 от нормальной. Летняя температура — в приятных пределах от 26 до 27 по Цельсию. Весной и осенью в средних широтах 12—13 градусов; прохладно, но вполне терпимо.

В сутках 23,65 стандартных часа — сбоя в моих биоритмах быть не должно. Вполне сносные жизненные условия — если, конечно, вы не страдаете водобоязнью.

На Цербере развита промышленность — мне не терпелось увидеть фабрики на верхушках деревьев, — но нет тяжелых металлов и доступных строительных материалов. Полезные ископаемые поступают с Медузы в обмен на готовую продукцию. Конфедерация внимательно следит за производством на Цербере и держит его в допотопном состоянии. Мне это на руку, поскольку означает, что устройств, в которых я бы не разобрался, там не будет. Ну а микроорганизм Вардена — тут ничего не попишешь, им пропитано все вплоть до песчинок.

— Властителя Цербера зовут Вагант Лару, — продолжал Крег. — Он был видным политическим деятелем в Конфедерации лет тридцать назад, пока не зазнался и не забыл о священной присяге. Учитывая прежние заслуги, ему предоставили выбор — смерть

или ссылка на Ромб. Он предпочел последнее. У него мания величия — он верит в свое божественное происхождение, но — держите ухо востро! Совершенно аморален и абсолютно безжалостен. При любой утечке сведений о вас, он все узнает. Помните, ни одна спецслужба не совершенна...

Я кивнул. Несмотря на патриотическую речь Крега, вряд ли найдутся в Конфедерации крупные политики, безразличные к скандалам или шантажу, а этот парень настоящий дока.

— Вполне возможно, вам не удастся обнаружить Лару, — предупредил Крег. — Подробности вам объяснят при инструктаже, а сейчас поверьте, что тела меняют на Цербере так же просто, как одежду. Даже увидев Лару и пожав ему руку, вы не можете быть стопроцентно уверены, что это действительно он. А спустя несколько дней, часов или даже минут, вероятность этого станет еще меньше.

По правде говоря, это меня мало беспокоило. Если существует диктаторское правление, значит, есть кто-то, кому отдаются приказы и от кого ждут их исполнения. Диктатор должен любить пышные церемонии и демонстрации своего могущества...

— По последним данным, на Цербере проживает приблизительно 18 700 000 человек, — продолжал Крег. — Немного, конечно, но там очень высокая рождаемость. После прихода Лару к власти население удваивается примерно каждые двадцать лет. При постоянном избытке молодых тел можно стать бессмертным. Видимо, Лару каким-то образом управляет этим процессом — своим главным политическим рычагом. Стало быть, если его не убьют, Лару сможет править вечно...

Мысль о бессмертии показалась мне заманчивой. А сколько отпущено тебе, мой оригинал? Пожалуй, я знаю ответ.

Так ли ужасно мое задание на самом деле? Лекция Крега закончилась, я просто встал и услышал шум воды — послание стерто.

Парни из Службы безопасности знают свое дело, сказал я себе. Насчет моей новой оболочки меня тоже проинформировали. Квин Занг, сорока одного года, техник грузового корабля и опытная контрабандистка. Технологическая мошенница — это как нельзя лучше подходило к моему опыту.

Я мог проследить всю ее жизнь и карьеру. Рождена и выращена для своей работы, никаких отклонений от проторенной дорожки, predetermined для миллионов с колыбели. Зацепиться не за что.

И все же она воровала. Квалифицированно, методично и успешно, используя компьютеры и сбывая груз на границе перекупщикам. Попалась по чистой случайности при ревизии, проведенной спецслужбой.

Она не ощущала ни вины, ни раскаяния в своем «преступлении против цивилизации» и, по-видимому, не представляла, как можно распорядиться крупными суммами. О чем она мечтала? Любовь? О ее пристрастиях и сердечных делах я не получил никакой информации. Возможно, фрейдистские комплексы всему виной...

У нее было стандартное тело, заурядная внешность. Маловероятно, чтобы кто-либо на Цербере узнал ее. Это меня вполне устраивало. Меньше всего мне хотелось столкнуться там, внизу, с кем-нибудь из ее прежних дружков — для этого у меня не было нужных воспоминаний.

ГЛАВА 2

ПО ЭТАПУ

За ходом времени я мог следить только по регулярности подачи пищи, но, несомненно, путешествие слишком затянулось. Никто не собирался попусту тратить деньги, доставляя заключенных в Ромб с большей скоростью.

Наконец наш корабль причалил к базовой станции, дрейфующей в доброй трети светового года от системы Вардена. Я понял это лишь по прекращению вибрации, сопровождавшей меня на протяжении всего полета. Тюремщики действовали обычно: как я и предполагал, они ожидали, когда соберется достаточно большая партия приговоренных с самых разных концов Галактики, чтобы забросить на планеты всех сразу. Я по-прежнему пытался анализировать имеющуюся информацию, зачастую вспоминая, что нахожусь не очень далеко от своего прежнего тела. Я бы искренне удивился, если бы он периодически не наблюдал за мной — просто из праздного любопытства. За мной и еще тремя коллегами, тремя его копиями.

У меня хватало времени обдумать ситуацию в Ромбе Вардена и причины, по которым он превратился в столь совершенную тюрьму. Разумеется, я прекрасно понимал, что в мире нет ничего совершенного, а тем более тюрем. Хотя для Ромба Вардена такое определение подходило как нельзя лучше. Как только меня высадят на Лилит и я вдохну местный воздух, мельчайшие микроорганизмы проникнут во все клетки моего тела, поселятся там и станут кон-

тролировать весь организм. Ими движет только одно — воля к жизни; отныне их существование будет связано с моим. Их гибель повлечет за собой мою, и наоборот.

Следовательно, им нужно нечто вроде контрольной субстанции, присутствующей только в системе Вардена. Что это за субстанция — не знает никто экспериментально, но она существует и существует только здесь, на Ромбе Вардена. Вряд ли эта субстанция находится в воздухе — ведь между планетами Ромба курсируют челночные корабли, и в них можно дышать очищенным воздухом без всяких последствий. Нет ее и в пище; подобная гипотеза уже неоднократно проверялась. Один из бывших обитателей системы Вардена превосходно чувствует себя в комфортабельных условиях и в полной изоляции от внешнего мира в лаборатории космической станции. Но стоит кораблю удалиться от Ромба, и он погибнет. Микроорганизмы модифицируют клетки человека, превращая их в свою среду обитания. Отныне они управляют делением клеток и биохимическими процессами, и гибель микроорганизмов приведет к бесконтрольному развитию клеток. Человек погибнет в страшных — хорошо хоть недолгих — мучениях. Разрушение микроорганизмов начинается с расстояния примерно в четверть светового года. Именно этим и определялся выбор орбиты базового корабля. Природа всех четырех планет совершенно различна. Микроорганизмы приспосабливались к местным биосферам, однако их зависимость от светила изменялась в зависимости от расстояния, видимо, поэтому образовывавшиеся симбиоты имели существенные отличия. На развитие микроорганизмов сильно влияет то, какую из четырех планет Ромба вы посетите в первую очередь.

Создается впечатление, что все микроорганизмы поддерживают своего рода телепатическую связь,

что, впрочем, никто пока не смог объяснить. Естественно, они не разумны; по крайней мере поведение их всегда предсказуемо. Изменения в жизнедеятельности колонии одного организма-носителя каким-то образом влияют на другие. При помощи сознательного импульса можно управлять колонией вашего организма и таким образом стать доминирующим элементом этого кентавра. Славная и простая, но справедливая система; если бы кто-нибудь еще и пролил свет на все это.

О Цербере я знал очень мало. Я недобрым словом помянул начальство, не позаботившееся о моем предварительном программировании: на изучение местных условий потребуется время, и, судя по всему, немалое.

Примерно через полтора дня после нашего прибытия на базовый корабль пол неожиданно накрепко и резкие беспорядочные толчки отшвырнули меня на койку. Но я не растерялся. Ясно, что тюремщики уже собирали подходящую партию ссыльных и готовятся зашвырнуть нас на поверхность. Сразу же всколыхнулось множество разнообразных эмоций: с одной стороны, я отчаянно хотел выбраться из опостылевшего бокса, в котором царила нескончаемая, неизбывная скука. С другой стороны, отсюда мне только одна дорога — в тюремную камеру попросторнее и попривлекательнее, камеру размером с планету.

Толчки и удары вскоре повторились, но очень быстро прекратились, и после короткой неожиданной паузы послышался непрерывный гул — гораздо громче, чем раньше. Либо мы находились на очень маленьком судне, либо камера граничила с маршевыми двигателями. Затем еще четыре томительных дня — еда подавалась двадцать раз — и мы добрались до места назначения. Долго, конечно, но для субсветового транспорта, скорее всего переоборудованного и

полностью автоматизированного грузовика, вполне сносно. Наконец гибкая вибрация прекратилась, я понял, что мы на орбите Цербера. И снова некая двойственность — безысходность и одновременно бесовское веселье.

Неизвестно откуда послышался резкий дребезжащий голос:

— Заключенные, внимание! Мы на орбите планеты Цербер в системе Вардена.

Для меня в этой информации не содержалось ничего нового; хотя, возможно, для других арестантов это поразительное откровение. Понятно, что их положение во сто крат хуже. Я уже имел представление о Цербере, даже о властителе Лару. Им придется узнавать все с нуля и причем на собственной шкуре. Непонятно, почему их не просвещают, хотя бы в общих чертах. Видимо, подробности местной жизни известны только избранным.

— Сейчас двери камер откроются, — продолжил голос, — и вам следует выйти наружу. Ровно через тридцать секунд они закроются и начнется вакуумная стерилизация боксов, так что медлить не советую.

«Хорошенькое дельце, — подумал я. — Вряд ли кто-либо из арестантов замешкается».

— Сразу после выхода в коридор вы должны останавиться и ждать, пока двери камер не закроются. Каждый, кто попытается сдвинуться с места, будет мгновенно расщеплен на атомы. Никаких разговоров. Каждый, кто нарушит тишину или ослушается приказа, будет немедленно уничтожен. Дальнейшие инструкции вы получите в коридоре. Приготовиться... Пошли!

Дверь скользнула в сторону, и я, не теряя времени, нырнул в образовавшуюся щель. Маленькая белая пластинка с метками для ступеней показывала, где именно надо встать. Как ни противно, пришлось под-

чиниться. Для абсолютно голого и беспомощного человека на борту корабля, управляемого только компьютером, скромность — наиболее эффективная линия поведения.

Осторожно оглядевшись, я лишь убедился в собственной правоте. Мы находились в длинном, закрытом с торцов коридоре, по обе стороны которого тянулись дверцы камер. Арестантов было человек десять—пятнадцать, не больше. Сливки общества, упрямо подумал я. Дюжина мужчин и женщин — примерно половина на половину — голых, грязных и избитых. Искося поглядывая на лица, я пытался понять: почему именно их отправили в столь долгое путешествие? Почему не применили к ним стандартную процедуру принудительной психокоррекции? Чем они так поразили психиатров? Что заставило сохранить им и жизнь, и личность одновременно? Сами они, очевидно, не имели об этом ни малейшего понятия. А кто, интересно, имел?

Двери камер с треском захлопнулись. Я прислушался, не раздастся ли сдавленный крик какого-нибудь задержавшегося в камере арестанта, но слезливой сцены не последовало. Выяснить, предпочёл ли кто-нибудь смерть, теперь уже невозможно.

— По моей команде, — из динамиков сверху слышался тот же голос, — вы повернете направо и медленно, соблюдая дистанцию, направитесь вперед, в челнок, который доставит вас на поверхность. Занимать места с головы салона, все кресла. Пристегнуться немедленно.

Послышался чей-то ропот, и тут же тонкие лазерные лучи с шипением ударили в пол перед строем, но никого не задели. Всё стихло.

— А сейчас — напрааа-во!

Мы немедленно повиновались.

— Вперед, шагом марш!

Мы осторожно, в полном молчании двинулись вперед. Металлический пол коридора отдавал холодом. Здесь вообще царила жуткая стужа, как в хорошем морозильнике.

Челнок оказался на удивление удобным и современным, хотя жесткие сиденья явно не рассчитаны на голые задницы. Я добрался до свободного кресла в четвертом ряду и сразу же пристегнулся. Я оказался прав: среди арестантов было восемь мужчин и шесть женщин.

Люк автоматически закрылся, перегрузка вдавила нас в кресла, и челнок покинул базовый корабль, унося приговоренных навстречу судьбе.

Для тюремного транспорта корабль подозрительно хорош, отметил я про себя. Очевидно, один из тех аппаратов, которые регулярно курсируют между планетами Ромба Вардена.

Над головой щелкнул громкоговоритель, и раздался приятный мужской голос.

— Добро пожаловать на Цербер, — произнес он очень искренним тоном. — Цербер — конечный пункт путешествия и ваш новый дом. Отныне вы граждане Ромба Вардена. Власть Конфедерации закончилась, как только вы ступили на борт этого челночного корабля. Планетами Ромба управляет Совет Системы, наш суверенитет полностью признается Конфедерацией. В каждом из четырех миров нашей Системы есть свой властитель и независимое правительство.

Голос на минуту умолк, но никто, как ни странно, не обсуждал услышанного, не радовался, не ворчал, вообще никак не реагировал. Слишком резким был переход от плохого к хорошему.

— Ваше прошлое теперь не имеет значения, — донеслось из динамиков. — Вы начинаете новую жизнь с чистым досье, и только ваши деяния на Цербере будут учитываться.

Весьма щедро, подумал я. Контраст между этим и механическим ужасом, в котором недавно находился, был разительным.

— Приземляемся, — сообщил громкоговорятель, и я почувствовал торможение, услышал вой стабилизаторов. — Мы будем признательны, если вы быстро освободите корабль, поскольку нам необходимо провести техобслуживание и вернуть его. Вас встретит представитель правительства и доставит туда, где вы получите одежду, питание и инструктора. Пожалуйста, не перечьте этому человеку, избегайте неприятностей.

ГЛАВА 3

АДАПТАЦИЯ И РАЗМЕЩЕНИЕ

В небольшом помещении нас встретили двое мужчин и женщина, напоминавшие форменной одеждой и ботинками солдат. Правда, вскоре мы узнали, что это не так. Нам выдали халаты и сандалии; потом имена сверили со списком и вывели к ожидавшему автобусу. Халат совершенно не грел.

Автобус поднялся в воздух, и мы впервые увидели нашу новую родину. Картина открылась пугающая — справа сверкал океан, а слева тянулась «береговая линия», за которой не было земли! Заросли краснокоричневых и оранжевых деревьев с огромными листьями всевозможных форм возвышались прямо над водой. Прямо-таки сюрреалистическое зрелище — гигантские, покрытые наростами деревья, и они же — жилые и деловые здания.

Наша провожатая улыбнулась, взяв микрофон, и начала «экскурсию».

— Милости просим на Цербер. Меня зовут Керар, а моих товарищей — Монаш и Силка. Вы находитесь над городком Мадель, природные условия не позволяют возводить большие города. Как вы видите, на Цербере вообще нет земли. Биологи утверждают, что на Земле люди когда-то жили на деревьях. А мы вернулись к образу жизни наших предков по необходимости.

Я не мог оторвать взгляда от мрачной древесной «земли», чем-то напоминающей этажерку.

— Вы видите разнообразные деревья, — продолжала Керар. — На Цербере более пяти тысяч видов

деревьев-исполинов, причем только в Маделе их около восьмидесяти. Некоторые пустотелы от природы, хотя кора почти везде достигает восьмиметровой толщины. Они выдерживают огромные нагрузки, потому что под водой они еще мощнее, и миллионы лет поддерживают друг друга. Опытные ботаники здесь на особом счету — они отвечают за то, сколько и каких ветвей можно срезать для строительства, а также за архитектурные решения. Ошибки могут дорого обойтись. Гибель одного центрального дерева снижает прочность десятков и даже сотен других.

Я понял, к чему она клонила, — не связывайтесь с деревьями. Интересно, сколько первопроходцев приложили к этому руку и какой ущерб нанесли?

Океан пестрел судами; попадались и прогулочные лодки. А в глубине фантазмагорических джунглей я увидел величественное строение — сияющее многоэтажное здание на одном из срезанных «пней».

— Прямо по курсу правительственный центр городка, — проинформировал гид. — Мы и направляемся туда.

Нас провели на десятый этаж. Там нас ждал горячий завтрак. По правде говоря, я не понял, что это были за блюда, но после многодневной баланды пища показалась великолепной. Мы сидели, наслаждаясь сытостью. Вскоре появился расторопный невысокий мужчина и снял с нас мерки. Час спустя он вернулся со свертками нижнего белья, толстых пуловеров, рабочих брюк, толстых носков и полуботинок. Кроме того, нам выдали пояса и полные наборы туалетных принадлежностей и косметики. Нас провели в душевые, потом мы облачились в новую чистую одежду. Меня не смутило столь скромное одеяние и моя короткая стрижка — по-тюремному. Кстати, у Керар тоже была короткая прическа.

Мы снова почувствовали себя людьми, и хозяева, видимо, решили, что мы готовы для полного инструктора.

— На Цербере, как и на других планетах Ромба, микроорганизм населяет каждую молекулу твердого вещества. Мы обнаруживали его в древесине, поднятой с километровых глубин океана, и у существ, обитающих в воздухе. Как и на Лилит, церберийский микроорганизм не воспринимает ничего чуждого своей природе. Доставьте сюда, например, предмет, изготовленный в Конфедерации, и он перестанет работать и развалится на куски. К счастью, на Цербере не имеет значения, какой разновидностью микроорганизма Вардена инфицирован предмет, поэтому мы можем импортировать сырье, готовую продукцию и продукты питания с наших братских миров и экспортировать наши товары к ним — за исключением Лилит.

— Теперь о положительных сторонах здешней жизни. Прежде всего микроорганизм поддерживает вас в превосходном состоянии: освобождает организм от инфекции, поэтому никто не болеет; очищает кровеносные сосуды и управляет восстановлением клеток, так что вам не грозит рак, сердечные приступы, параличи, вообще ничего. Даже наркотики и алкоголь по большей части выводятся раньше, чем успевают навредить. Исключение составляют некоторые местные вещества — из системы Вардена, но они очень редки и запрещены. В худшем случае вы немного располнеете и почувствуете легкое недомогание. И, конечно, бактерия не в силах бороться с процессом старения, хотя и поддерживает вас в прекрасной форме значительно дольше, чем в обычных условиях.

Заманчивое преимущество, подумал я. Однако теперь невозможно будет напиться допьяна или принять какой-нибудь стимулятор. Это чистый мир.

Керар посмотрела на нас и слегка улыбнулась, сделав паузу, прежде чем выложить последний козырь.

— Вам повезло, что вас отправили на Цербер. Сюда посылают самых лучших. Не убийц и не насильников — по очень понятной причине. Видите ли, только здесь, на Цербере, существует потенциальная возможность жить вечно.

Вот он, этот заключительный аккорд! Остается узнать, каким образом...

Когда слушатели притихли, она продолжала:

— В отличие от Лилит все микроорганизмы Вардена здесь постоянно взаимодействуют друг с другом. Чем ближе вы к кому-нибудь или чему-либо, тем сильнее этот контакт. Когда мы бодрствуем, наше сознание контролирует «квартирантов», и проблем не возникает. Но если вы устали, задремали, уснули, потеряли сознание, ваши микроорганизмы связываются с находящимися поблизости. — Она немного помолчала, осторожно подбирая слова. — Я поясню на примере, но механизма этого процесса мы до сих пор не знаем. Предположим, я усну сейчас и вы тоже уснете. Наши бактерии как-то связываются с находящимися в аналогичном состоянии. Эта связь сильнее всего, когда нам не снятся сны. Если мой и ваш периоды совпадут, наши микроорганизмы начнут обмен информацией. И попутно настроят молекулы коры вашего головного мозга в соответствие, в резонанс с моими, а мои — с вашими. И все это за несколько минут. Поскольку память сохраняется химическим путем, а восстанавливается электрическим, это означает полный обмен информацией. Вы проснетесь с моими воспоминаниями, а я с вашими. Мы как бы поменяемся телами.

— Тогда почему же не обменивается вся информация? — спросил сидевший слева от меня бородатый молодой человек. — Ведь получается гормональный дисбаланс, различия в дыхании и кровяном давлении.

нии — достаточно неподходящих режимов, чтобы чувствовать себя очень плохо.

— Хороший вопрос, — отозвалась ведущая. — Мы знаем только, что этого не происходит. Может быть, организмы Вардена обмениваются информацией сами с собой и с другими организмами вне их физической сущности. Он учится. Мы ни в чем не уверены. Может быть, человек — промежуточное звено этой уникальной формы жизни в атмосфере Цербера. Мы не знаем. И вряд ли когда-нибудь узнаем. Но так есть и, наверное, будет.

— Вы когда-нибудь менялись телами? — поинтересовался еще один скептик.

Она улыбнулась:

— И не раз. В отличие от вас я местная. Эта способность приходит с половой зрелостью — своеобразный обряд посвящения. Наша молодежь частенько этим балуется, потому что в этом возрасте люди более эмоциональны, и контролировать себя труднее. Кроме того, какой подросток удержится от эксперимента? Юношам интересно почувствовать себя девушками, и наоборот. Я часто думаю, каково это, с рождения быть прикованным к одному телу и полу. Я, например, родилась мужчиной, но к шестнадцати годам, побывав в трех мужских и двух женских телах, все же остановилась на женском. Я разыскала женщину, которая лучше чувствовала себя в мужском обличье, мы переспали, и все уладилось. Однако не думайте, что тела мы меняем так же часто, как одежду. Отнюдь!

У меня давно крутился один вопрос, и я решил спросить:

— Вы сказали, что обмен сознаниями происходит во сне, — заметил я. — Что произойдет, если разбудить человека в это время?

— Если обмен начался, его, как правило, не останавливать — вы будете в коматозном состоянии, даже

если начнется пожар, — ответила она. — Но бывают исключения. Правда, это случается только с людьми Извне, вроде вас. Подчеркиваю: сбои происходят в одном случае на миллион. Если вы пробудитесь в самом начале процесса, то у вас останется смутное воспоминание о другой жизни. А обычно оно угасает. А если это случится в более поздней фазе, у вас возникнет своего рода шизофрения. Но это тоже пройдет, и доминантная информация возобладает. А вот если процесс пройдет наполовину, то в каждом из двух тел возникнут две личности. В коре головного мозга достаточно свободного места, и новая информация постепенно займет неиспользованные участки. Получится либо полностью раздвоенная личность — два сознания в одном теле, либо обе личности объединятся в одну. И учтите — это произойдет с обоими телами! Не волнуйтесь, таких случаев не насчитывается и двух десятков. Очень трудно и опасно, так что желающих нет.

Я кивнул. Что ж, пока все складывается неплохо.

А она уже отвечала женщине, сидевшей сзади.

— Что происходит, — спросила та, — когда обмен проделали с кем-то, чья квалификация социально значима? Например, если ваш доктор получит сознание дворника?

— С этой проблемой давно справились, — ответила Керар. — Ведь слабые сигналы нашего мозга, управляющие памятью, уникальны для каждого индивидуума. У нас есть чувствительные устройства, способные считать и записать эту электрическую «подпись». Перед тем как вы уйдете отсюда, мы снимем «отпечатки» ваших сигналов и занесем в их главный компьютер планеты. Их всегда можно списать отсюда снова. Благодаря этому, например, здесь нет денег. Вам переводят энные суммы непосредственно на ваш компьютерный счет. Каждый раз, когда вы делаете покупку, ваш «отпечаток» сверяют

с удостоверением личности. Как видите, практически невозможно выдать себя за другого, поскольку считается преступлением задержать сообщение о смене тела, если она произошла, более чем на восемь часов. Хотя, по утверждению Конфедерации, наше общество создано преступниками, — добавила она, помолчав, — Цербер — самая свободная от преступности планета.

Я заметил, что эта фраза обеспокоила некоторых из присутствующих, впрочем, и меня тоже. Видимо, это самое тоталитарное общество из когда-либо существовавших. И не потому, что преступления невозможны. В системе почти нет брешей, а неизбежный смертный приговор за что-нибудь здесь еще страшнее, поскольку существует возможность жить вечно.

Где же старики? — недоумевал я. А если их нет, откуда берутся новые тела?

После обеда с каждым из нас поговорили и понемногу испытали; некоторые тесты были мне знакомы. Поскольку они знали о Квин Зант не больше моего, я фантазировал без зазрения совести. Но вот испытание личности было гораздо труднее. Я много месяцев учился обходить подобные вещи и преподносить нужную мне версию и почти не сомневался, что это мне удалось.

Потом с нас сделали голографические снимки, сняли отпечатки пальцев и рисунки сетчатки и, наконец, подсоединили к большой машине, приемная часть которой выглядела как шлем пилота-испытателя. Это и было устройство для записи «отпечатков» личности. Результаты измерений мелькали на экране компьютера.

Аппарат не вызывал никаких ощущений, и было невозможно догадаться, как он работал, а меня это весьма интересовало. Пока мне не удастся обмануть

или испортить эту систему, власти легко проследят всю мою жизнь вплоть до мелочей.

Вечером принесли койки. Видимо, нам предстояло пробыть здесь несколько дней, пока микроорганизмы Вардена не «акклиматизируются» в нас, а наши инструкторы не решат, что с нами делать. Нам также снабдили книгами по основам планетной организации. Сухое, но интересное чтение, содержащее массу подробностей о социальном и экономическом устройстве.

Каждый из сотен городков имел свою администрацию, глава которой становился Председателем местного совета корпораций и частных акционерных компаний. Система функционирует довольно просто: компании одного типа, например сталелитейные, объединяются в синдикат, возглавляемый правительственным специалистом. Выясняются потребности государственного и частного секторов, и каждой компании выделяется доля заказа, гарантирующая занятость и доход, предел которого также устанавливаются синдикатом и правительственным уполномоченным — нечто вроде министра тяжелой промышленности. Корпорация, которая заметно повысит свою производительность и таким образом увеличит прибыль, получит в следующем квартале большую долю заказов.

Тем не менее эта командная экономика поощряла прогресс, а независимые предприниматели существовали только в розничной торговле. Все оптовые цены фиксировались государством, а поскольку деньги не переходили из рук в руки и даже простейшие закупки делались через электронные системы, не существовало ни секретных банковских счетов, ни тайных накоплений, ни даже крупного бартера.

...Мило и аккуратно. Неудивительно, что преступлений так мало.

С точки зрения индивида, человек был вольнонаемным. Но, поскольку всем заправляло государство, не стоило ссориться с синдикатом, чтобы не оказаться без работы. Тем более что безработный через три месяца считался преступником.

Все сведения о человеке записывались в программируемый микрокристалл и автоматически исправлялись при обмене телами. Соккрытие обмена каралось заключением в плохое тело и пожизненной ссылкой на «общественные работы» под лучи прекрасного Момрата.

Когда я на следующий день поинтересовался у хозяев, каким образом это делается, мне ответили, что некоторые люди путем полной концентрации и напряжения воли блокируют микроорганизмы Вардена от необходимого для обмена контакта. Эти люди, называемые судьями, состоят на государственной службе; их задача — привести приговор в исполнение. Вот такие Высшие судьи совместными усилиями и проводят насильственный обмен...

Вот в чем все дело! Старые, изношенные тела имелись всегда, а значит, можно наградить «своего» человека новым молодым телом, а правонарушителя сослать на газовый гигант.

Здесь нет физического насилия, сказали мне. Только технологические преступления. Это лучше.

На четвертый день наши раздражение и усталость достигли предела. Нам уже все успели рассказать, и стало ясно, что держат нас здесь по причинам, которые нам не открывают. Для меня это становилось просто опасным, потому что некоторые мои «попутчики» уже вступили в интимные отношения, и меня постоянно домогались сразу двое. У меня не было никакого желания заниматься любовью, во всяком слу-

чае, в этом теле, и ситуация становилась щекотливой. Я хотел как можно скорее попасть в новый мир.

Я хотел блеснуть способностями в математике и вычислительной технике — это не только соответствовало моей легенде, но и давало шансы для продвижения по службе и выяснения обстановки. И я хорошо знал допотопные компьютеры, которые были здесь в ходу.

Когда четвертый день подошел к концу, стало ясно, чего мы ждали. Видно, нас не хотели выпускать, пока мы не испытаем на своей шкуре всех прелестей жизни в мире Вардена. Личный опыт, как выразились наши «опекающие».

Я понял! Все койки стояли рядом. Акклиматизация, вешали нам, требует трех-четырёх дней. Значит, они ждут утра, и мы проснемся в других телах!

Передо мной возникла дилемма. Если ради обретения свободы придется поменяться, я бы предпочел мужскую внешность, но, увы, я спал («спала...») по соседству с женщиной, вдалеке от мужчин. И хватит ли у меня опыта и смелости, чтобы рискнуть? Надо было решиться.

Я тщательно выбрал мужчину подходящего возраста и физического состояния. Мой кандидат, Хал Браска, застенчивый, мягкий человек; он не приставал ко мне. «Дома», в нашей бывшей жизни, он промышлял тем, что с помощью компьютеров утаивал небольшие суммы из бюджета планеты и переводил их в банки на дальних рубежах. Он даже гордился этим и не стеснялся рассказывать о своем достижении. И, разумеется, его накопления привлекли внимание полиции безопасности. Страстью Браска были машины, а не искусство замечать следы; деньги как таковые оставляли его равнодушным. Он действовал как бы для развлечения. «Я ведь никому не приносил вреда, — объяснял он, — обманывая Конфедерацию».

Мне понравился Браска, но этой ночью дальше рук и прикосновений дело у нас не зашло. Оставалось надеяться, что, став женщиной, он откроет для себя новые возможности...

Мы спали почти рядом, моя койка стояла у стены. Я уснул с надеждой, что все произойдет удачно и быстро.

ПРЕРЫВАНИЕ ПЕРЕДАЧИ ДАННЫХ. ПОСКОЛЬКУ ОБЪЕКТ ПОКИНУЛ ПРЕЖНЕЕ ТЕЛО, СВЯЗЬ ЧЕРЕЗ ОРГАНИЧЕСКИЙ ПЕРЕДАТЧИК НАРУШЕНА. ПОСЛЕДУЮЩИЕ ДОКЛАДЫ СЧИТЫВАЕМ С ПРИМЕНЕНИЕМ ГЛУБОКИХ ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫХ ГИПНОТИЧЕСКИХ КОМАНД. МЕСТНЫЕ АГЕНТЫ В НАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ. ОБЪЕКТУ НЕИЗВЕСТНО, ЧТО ОН ДЕЙСТВУЕТ ПО ПРИНУЖДЕНИЮ, И О СЧИТЫВАНИИ.

ГЛАВА 4

УСТРОЙСТВО НА НОВОМ МЕСТЕ

За исключением четверых все мы поменялись телами в эту ночь... Мне повезло — я снова стал молодым мужчиной стандарта Конфедерации, а Браска отнесся к обмену без удовольствия. Нас быстро разделили, дабы уменьшить потрясение, заверив, что опытные психологи помогут тем, кому это потребуется.

Они снова нас исследовали, чтобы определить, не испытывает ли кто-нибудь глубокий стресс, скрывая это. Я прошел пробу с легкостью и был в восторге — моя первая тщательно спланированная операция удалась.

Еще я обнаружил, что двое самых противных мужчин обменялись телами с женщинами. Этакая лирическая справедливость; пусть испытают на собственной шкуре, какими мерзавцами бывают мужчины, глядишь, когда-нибудь и станут скромнее.

Каждому дали небольшое удостоверение личности. Объяснили, что оно действует в любом считывающем устройстве, в магазинах, даже при отпирании дверей — только сначала надо набрать номер Бюро Местонахождения Личности и сообщить номер щели.

Имя и компьютерный код Браски просто стерли с маленького кристалла и заменили на мои. На аппарате, читающем характеристики мозга, убедились, что все работает, как надо. И я наконец получил назначение.

— Компьютерная корпорация Тукера в Медламе нуждается в программистах, — сообщили мне. — Ваша квалификация их устраивает. Государство вы-

деляет вам кредит в двести денежных единиц. Этого хватит, чтобы добраться до места и обустроиться. Это хорошая компания и хорошее место, если вам по нравятся тропики.

Получив краткие напутствия и практические советы, я отбыл.

Поездка была долгой, с многочисленными остановками; несколько раз я буквально заставлял себя не задремать, чтобы не случилось беды, если заснет еще кто-нибудь. К счастью, челнок был оборудован устройством для доставки пищи и напитков — имитаций, включая церберрианские варианты кофе и чая. Я воспользовался этим и хорошо закусил.

Мы прибыли в конце дня, и я тут же взял автоматическое такси до Тукера, надеясь, что еще не слишком поздно.

Место, несомненно, было впечатляющим. Остекленные окна тянулись по поверхностям вздымавшихся ввысь деревьев и между ними, образуя сказочное сооружение, — офис богатейшей компании Тукер.

Контора уже закрылась, но ночные дежурные любезно рекомендовали мне гостиницу для ночлега. ОТЕЛЬ, занимавший огромный ствол, оказался просто роскошным. Прежде всего я набрал номер Центрального Банка, чтобы выяснить свое финансовое положение, и с облегчением узнал, что у меня еще есть 168, 72 единицы.

Единственным необычным предметом в номере был выключатель у изголовья с надписью «Включите перед сном». Я попробовал и увидел, как тонкий, но очень прочный пластик с какими-то металлическими нитями внутри, выдвигается от пола до потолка, изолируя кровать.

Ясно — экран гарантирует спокойный сон без неожиданных обменов. Мне стало интересно, на каком расстоянии возможен обмен во сне, и я решил выяснить это. Портье, узнав, что я новичок, объяснил, что

в отеле почти никто не пользуется экраном, здесь безопасно, хотя в отдельных случаях обмены происходили на расстоянии до двадцати метров. Я подумал, что клаустрофобия должна быть довольно частой трудностью на Цербере...

От комнатных телемониторов было мало толку — репертуар состоял из скверных программ цивилизованных миров многолетней давности и нескольких ужасных, непрофессиональных местных передач. Я все же взял распечатку местной газеты и просмотрел ее. Она смахивала на пустой провинциальный еженедельник. Необычным для меня разделом была только колонка под шапкой «Обмены». Единственный способ узнать, кто на самом деле твои друзья, подумал я.

Но самым интересным оказался раздел объявлений. Очевидно, здесь процветало производство бытовых товаров, и между ними разрешалась конкуренция. Конечно, в цивилизованных мирах такого уже нет... Впервые за время моих путешествий на дальние рубежи мне это почему-то понравилось.

Судя по объявлениям, Тукер был крупным предпринимателем, но встречались приглашения и других фирм. Независимые коммерсанты зазывали на неполный рабочий день на менее выгодных условиях. Значит, понял я, отделения Тукера работают круглосуточно.

К моему удивлению, упоминались церкви — множество мировых конфессий. Некоторые носили весьма экстравагантные названия. Также предлагалось обучение без отрыва от производства и прочее.

Я заглянул в телефонный справочник, но нигде не оказалось списка начальных школ, объявлений по уходу за детьми и прочих услуг для детей и родителей. Видимо, я еще многого не знаю об этой новой культуре.

Зато обнаружил — Медлам ведь находится в субтропиках — несколько курортов и туристических агентств, специализирующихся на заказной охоте — на каких-то борков.

Интересно, что нигде не упоминался Вагант Лару. Властитель Цербера явно держался в тени.

Рано утром я рассчитался с отелем и отправился в отдел кадров Тукера. Меня уже ждали и быстро оформили на работу. Рабочая неделя составляла тридцать восемь часов при жалованье 2,75 единицы в час, оплата могла расти по мере продвижения. Определенно я захотел сделать карьеру! Мне также сообщили, что я являюсь Личностью Класа I, то есть обладаю особыми познаниями. Класс I исполнял свои профессиональные обязанности независимо от пола. Класс II занимался своей работой вне зависимости от того, кто находился внутри тела. Существовал также Класс III — неквалифицированные рабочие, которые могли менять профессии по согласованию с работодателем, что-то вроде аварийного клапана.

Я поинтересовался, что произойдет при обмене сознаниями между лицами I и II Классов, и мне прямо ответили, что решение в этом случае принимает правительство, которое обычно привлекает судей для насильственного обратного обмена.

— Послушайте моего совета, — сказал начальник отдела кадров, — обменивайтесь только в Класе. Это проще и не вызовет проблем.

— Сомневаюсь, что буду меняться в ближайшем будущем, — заверил я его. — Если только не по своей воле.

Он кивнул:

— Будьте настороже, и вас никогда не застанут врасплох. А когда состаритесь и захотите начать все сначала — что ж, все в ваших руках. Добейтесь, чтобы они решили давать вам новое тело каждые тридцать лет. Это самое лучшее.

Я вежливо кивнул:

— Спасибо. Я запомню.

Разумеется, я не собирался застревать здесь надолго. Но мне ведь требовалось время, чтобы изучить этот мир. Терпение — одна из важнейших добродетелей, если нужно всерьез вмешаться в течение жизни.

В течение следующих четырех месяцев мне пришлось заниматься многими делами, но, по правде говоря, в основном скучной рутинной. Корпорация предоставила мне оплачиваемое жилье — комфортабельную квартиру с просторной кухней, кондиционером и другими удобствами в верхней части дерева. Скорость, с которой я помогал конструкторам усовершенствовать новые схемы, привела к тому, что мне стали поручать все более сложные и интересные задания.

Я предусмотрительно позволял начальникам приписывать себе мои заслуги, сохраняя между тем доказательства, кто вкалывал на самом деле. Они оказывались «в долгу», я становился незаменимым для тех, кто стоял выше. Конечно, это были «детские игрушки», поскольку техника на Цербере отставала на добрых десять, если не двадцать, лет. Самообучающиеся компьютеры были здесь запрещены, и в этом-то состояла истинная причина отставания Ромба Вардена — очень предусмотрительный ход со стороны Конфедерации.

Я завел друзей и быстро стал функционером, а кроме того, участвовал во всех мыслимых спортивных состязаниях. И, как правило, преуспевал, хотя никогда не мог достичь результатов «моего» прежнего тела.

Охоту на борков я, однако, пока отложил. Борки оказались чудовищными, свирепыми существами, населяющими океан. Они, казалось, состояли из одних зубов, иногда достигали таких размеров, что могли заглатывать лодки. Иногда они атаковали суда без вся-

кой видимой причины, а временами даже пытались схватить низко летящие челноки. Одним словом, и этот «вид спорта» не вызывал у меня энтузиазма. Океан кишел и другими существами, начиная с одноклеточных белковых организмов, образующих на поверхности плавучие ковры, и кончая животными, представляющими мясо, кожу и другое сырье.

Крылатые существа со странными именами — гики и гопы — «ведали» перекрестным опылением здешних зарослей. Кроме них, водились чудовищные крылатые хищники — циклопические существа с толстым бочкообразным брюхом, трехметровой шеей и гигантскими крыльями. В основном эти создания питались падалью и большую часть жизни проводили в воздухе.

А люди менялись телами редко, хотя несколько раз я случайно встречал кого-то «нового», который на поверку оказывался кем-то «старым». И все же в гостиных и на приемах говорили только об обменах, это слово витало в воздухе. Вам постоянно напоминали об этом, где бы вы ни были и независимо от того, какие отношения связывали вас с другими. Однако несколько тем старались обходить. Одна из них — дети, другая — возраст. Люди, которые выглядели старше сорока, встречались на Цербере редко и обычно казались нервными и подавленными.

Обмен телами покончил с сексуальными стереотипами даже в большей степени, чем в цивилизованных мирах. Когда пол так легко изменить, нелепо стремиться к «партнеру», к тому же все женщины были, по-видимому, стерилизованы. Это весьма меня заинтересовало — ведь в Конфедерации размножение тоже происходило в биоцентрах, но здесь было что-то совсем странное. Иногда я видел беременную женщину, и меня неудержимо влекло к ней.

* * *

Я стал заходить в маленький магазинчик, торговавший развлекательной электроникой и, похоже, имевший какую-то связь с внешним миром. Здесь можно было встретить таких же ссыльных, как и я, пришедших вспомнить прошлое.

Там я и повстречал однажды ее: маленькую молодую женщину, рассматривавшую новинки. Наверняка ей еще не было двадцати. Длинные красно-коричневые волосы свободно охватывала яркая лента.

Я бы и не заметил, что она беременна, если бы не Отах, владелец магазина. Я, как обычно, беседовал с ним о новых поступлениях, когда увидел ее:

— Г-мм. Симпатичная. Никогда не видел ее здесь раньше.

— Держись от нее подальше, — мрачно предупредил Отах. — Она ждет ребенка.

Я нахмурился:

— Впервые слышу здесь об этом. Я уже задумался — откуда же берутся местные жители. Так в чем же запрет?

— Беременность. Ты что, не понимаешь? Это не состояние, а занятие людей Класа II.

Наконец до меня дошло.

— Это работа? Она зарабатывает на жизнь, рожая детей?

Он кивнул:

— На Акебе их целая колония. Среди них есть такие, которые с удовольствием занимаются этим, но большинство пойдет на все, лишь бы поменяться с кем-нибудь. Эта участь пожизненная. Так что лучше держаться от них подальше!

Я усмехнулся:

— Что же они делают? Похищают души?

Он остоленел:

— Не говори так. Некоторые ни перед чем не остановятся.

Я улыбнулся его словам, но задумался. Искусственное размножение вполне доступно при существующих на планете технологиях, если, конечно, государство готово на крупные вложения. Вместо этого они используют молодых женщин, специально отобранных генетически, и платят им за роды?

Мне казалось, что за исключением самих родов главная проблема, очевидно, — скука. Или смертельная усталость от возни с детьми.

Я никогда не думал, что материнство таит в себе нечто страшное. В некоторых мирах на границах это обыденное занятие исстари. Я захотел вникнуть в эту головоломку — сейчас мне выпала такая возможность.

Я не подошел к ней в магазине, а незаметно пошел следом, когда она вышла на улицу. Насмотревшись на витрины, она направилась в придорожное кафе и села за столик во дворе, наслаждаясь солнцем и ветерком. Как бы случайно, я остановился напротив.

— Привет! — сказал я. — Вы только что были у Отаха.

Она улыбнулась и кивнула:

— Да, я тоже вас там заметила. — Она махнула рукой. — Не хотите присоединиться?

— С удовольствием, — ответил я и сел. — Квин Занг, — представился я.

— Санда Тайн, — сообщила она. — Вы из цивилизованных миров, да? Извне?

Я кивнул:

— Как вы догадались? По моей внешности?

— Нет, акцент. У нас, в Доме Акеба, есть пара девушек Извне. Их всегда узнаешь.

— Я и не знал, что говорю с акцентом, — честно признался я и подумал, что это может помешать моим дальнейшим планам. Нужно как следует заняться

этим делом. — Знаете, Отах советовал мне держаться от вас подальше. Словно вы прокаженная...

Она рассмеялась; милый, мелодичный смех приятно сочетался с ее низким голосом.

— Я знаю, — сказала она и еще сильнее понизила голос: — Держись от нее подальше. Она делает детей!

Я засмеялся — пародия получилась точной.

— Именно так. Может быть, я наивен, но что в этом ужасного? Если бы кто-то не занимался этим раньше, нас бы здесь не было.

Она вздохнула, и, похоже, веселость ее улетучилась.

— Не сказать, что это плохо, но и хорошего мало. У нас действительно почти неограниченный счет и живем мы припеваючи. Дом Акеба похож на первоклассный отель, но когда-то все это надоедает. Некоторых забирают туда маленькими девочками, но большинство соглашается, когда приходит время. В четырнадцать лет они ставят девочку перед выбором: стерилизация или материнство, и дурочки вроде меня выбирают последнее. Поначалу все это доставляет большое удовольствие, но после нескольких родов ужасно выматывает. Ведь я почти все время не в форме, ограничена в еде, напитках и даже в поступках. Сплошные запреты. Отсюда нельзя уйти, как с любой другой работы. Застреваешь навсегда, и, когда видишь своих сверстниц, чего-то добившихся в жизни, кажется, что твоя жизнь прожита напрасно.

— Вы довольно откровенны с незнакомым человеком, — заметил я.

Она пожала плечами:

— Почему бы и нет?

Я не нашелся, что ответить:

— Отчего же существует табу на разговоры о детях?

Она посмотрела с удивлением:

— Вы здесь совсем недавно, да? Черт побери, подумайте сами. Вы когда-нибудь видели здесь стариков?

— Нет. Я полагаю, они доживают свой век где-нибудь на рудниках.

Она кивнула:

— Правильно. А откуда берутся новые тела? Многие — от нас. Большую часть детей забирают сразу после года — душераздирающее зрелище — и отправляют в государственные детские центры. Рожаем их, нянчим — и забываем. Некоторые привыкают, а кто-то заболевает или просто больше не может... Однако же выбора нет, и мы обречены заниматься этим, пока не запретят доктора. Тогда, если женщина хорошо исполняла свои обязанности, она получает новое молодое тело и свой кусок пирога.

Признаюсь, это нравилось мне все меньше и меньше. Я начал понимать, почему захват власти Лару сопровождался всплеском рождаемости.

— Но вы, конечно, можете вырваться. Маленькая операция...

Она иронично усмехнулась:

— Конечно. Но только навсегда забыть о новом теле! Я ведь ничего не умею делать, я смогу заниматься только самым грязным физическим трудом, чтобы прокормиться, да и то, если мне позволят. Скорее всего работу я не найду, меня причислят к тунеядцам и отправят на рудники. Или просто прикончат...

Дополнительная информация для моего досье, но тема становилась все неприятнее и неприятнее.

— Мне показалось, что у вас неплохо подвешен язык.

Она пожала плечами:

— Самообразование — от скуки. Мне же всего двадцать, а я родила четверых и через шесть месяцев будет пятый, и я уже готова лезть на стенку. Мне еще лет пятнадцать—двадцать заниматься этим, чтобы меня выпустили. И знаете, что они могут сделать? Дадут тело пятнадцатилетней девочки и опять заставят рожать!

Я понял, что они уже продали свои души Ваганту Лару. И в этот солнечный день Цербер предстал передо мной в ином свете. Вспомнились вампиры — мертвецы, которые пили кровь живых, чтобы стать бессмертными.

— Не понимаю, почему здесь не развивают искусственное размножение, — сказал я. — Они могли бы по-прежнему контролировать тела и, значит, всех людей.

— Не могут, — объяснила она. — Микроорганизм Вардена уничтожит зародыши в «колбе» на ранних стадиях. Естественный путь — единственный в мирах Вардена.

Высокая плата, подумал я. Но должно же быть другое, более гуманное решение проблемы. Я по-новому взглянул на Санду Тайн. Я искренне сочувствовал Санде и ее подругам по несчастью.

А ведь обмен телами сначала показался мне привлекательным...

Теперь я понял, что на самом деле это болезнь общества. Отвратительная эпидемия, которая охватила все население планеты и поддерживается тоталитарной системой.

Да, я осознал ситуацию. А значит, участь Ваганта Лару решена. На то время, которое потребуется для настоящей социальной революции на Цербере, я стану его властителем.

ГЛАВА 5

НАМЕК НА ПЛАН

Следующие несколько недель я продолжал встречаться с Сандой, которой не только сочувствовал, но и искренне симпатизировал. Ей, похоже, льстило общество человека, прибывшего оттуда, где ей никогда не побывать, который обращался с ней, как с личностью, а не как с изгоем. Я же становился все беспокойнее и нетерпеливее.

Пора было начинать действовать, но благоприятного случая все не выпадало.

Моя конечная цель была ясна: обнаружить и убить Ваганта Лару и захватить политическую власть, чтобы перекроить этот мир. То, что моя цель совпадала с интересами Конфедерации, было только плюсом. Я ведь понимал, что они каким-то образом следят за мной. Возможно, с помощью здешних агентов-ссыльных.

Работа у Тукера убедила меня, что технологии Цербера здорово отстали от аналогичных в Конфедерации.

К сожалению, я все еще был на низшей ступени в технической иерархии и до меня не доходили сведения о чем-либо секретном. Значит, требовалось предпринять кое-какие шаги, прежде чем думать о Лару. И прежде всего — познакомиться с кем-то «наверху», кто снабжал бы меня информацией, был бы моим покровителем. Кроме того, требовались большие деньги, и дело не в том, чтобы не обворовывать банки — при здешних порядках и моих знаниях это было проще простого. Проблему представляло хране-

ние денег. В полностью электронной финансовой системе сразу возник бы слишком заметный счет. Значит, чтобы замаскировать добычу, необходима крупная операция с большими затратами.

Наконец, кроме денег и влияния, мне нужен был кто-нибудь из свиты Лару. Но это последняя проблема, а я ведь зависел еще от первых двух.

В один из выходных дней я отправился в Акебу, надеясь отвлечься от мрачных мыслей. Я хотел увидеться с Сандой, которой не полагалось часто появляться на людях.

Дом Акеба — это огромный комплекс с полным самообеспечением. С бассейном, кортами и всевозможными развлечениями. Внутри посторонним входить запрещалось, но Санда оставила записку у привратника — она внизу, у воды. Я спустился туда.

Санда сразу заметила меня и помахала рукой:

— Квин! Иди сюда! Я хочу познакомить тебя с Дилан Коль!

Мы поднялись на корабль, похоже — боевой. С толстой броней, убирающимися подводными крыльями и грозно выглядевшей пушкой.

Дилан Коль — загорелая мускулистая женщина, в темных очках, шортах и теннисных туфлях. Попыкивая толстой сигарой, она возилась с электронной панелью у оружейной башенки. При нашем приближении она положила инструменты и повернулась.

— Стало быть, вы Квин, — произнесла она низким грубым голосом, протягивая руку. — Наслышана о вас.

Я пожал ее руку. Дьявольски сильна.

— А вы Дилан Коль, о которой я до сих не слышал ни единого слова.

Она рассмеялась.

— Дилан — редкая птица, — добавила Санда. — Она единственная из всех моих знакомых избавилась от материнства.

Я поднял брови:

— Неужели? Я слышал, что это было невозможно.

— Не было, а есть, — уточнила Дилан. — Я смощенничала, но ни разу не пожалела о содеянном. Я обрела свободу с помощью наркотиков. Это вытяжки из варденских растений, особенно с Лилит, которые действуют очень долго. Они находятся под строгим контролем, но мне удалось достать. Не буду вдаваться в подробности: выменяла у портового рабочего.

Мы с Сандой уселись на корме. Дилан принесла какие-то напитки и фрукты и тоже растянулась на складном шезлонге. Я отхлебнул — сладковато, но неплохо.

Решительные грубоватые манеры Дилан резко контрастировали с поведением Санды; представить ее в роли профессиональной матери было невозможно.

— С детства любила смотреть, как приходят и уходят корабли, быть среди людей, которые каждый день выходят в море, — начала она. — Верно, это у меня в крови. И хоть любовников у меня было до черта, я всегда была обручена с морем. Моряки делились со мной секретами, и один из них наконец рискнул и тайно вывез меня. Я освободилась. Если очень хочешь — обязательно добьешься своего, я повторяю это Санде, когда она хандрит.

Я улыбнулся. Мне начинала нравиться эта женщина.

— Стало быть, это ваш корабль?

Она кивнула:

— До последней заклепки. Вырвавшись из Дома Акеба, я решила обезопасить себя и стала выходить в море. Когда появлялись свободные места, я записывалась в команду. На такой работе часто возникают вакансии: в мире, где все пытаются жить вечно, не-

легко стать капитаном — нужно продержаться в живых долго. Или вы будете командовать кораблем, или пойдете на корм боркам.

— Значит, вы капитан?

Она кивнула:

— Говорят, я стала им гораздо быстрее других. За четыре года. Я единственная уцелевшая из команды, из шести человек. Они были слишком неповоротливыми...

Да, лихая женщина.

— Когда-нибудь охотились на борков? — спросила она меня.

Я покачал головой:

— Нет. Не стремлюсь после того, как увидел картинки.

— Там все по-другому, — с энтузиазмом возразила она. — Носитесь по морю, скорость тридцать — сорок узлов. А убивать их не жалко — они кровожадны и абсолютно бесполезны. А я спасаю жизнь морякам — а это надо уметь! За те семь месяцев, что я капитан, я не потеряла ни одного человека. Вот совсем недавно мы были у острова Лару и...

— Что?! — воскликнул я, чуть не подскочив на месте. — Где?

Она замолчала, слегка раздраженная тем, что ее перебили.

— Остров Лару, а что? Примерно в ста сорока километрах к югу отсюда.

— Вы имеете в виду Ваганта Лару?

— А что, есть еще один?

Теперь меня даже очень заинтересовали борки!

Я осторожно перевел разговор на рассказ об охоте, а ей, несомненно, нравилось рассказывать о себе. Санда сидела с горящими глазами — Дилан Коль явно была ее идеалом.

Я мысленно просмотрел карту Цербера — ничего с надписью «Остров Лару»!

Но к юго-востоку от Акебы — рощи поднимающихся из воды гигантских деревьев, примерно в тридцати километрах от «материка».

Теперь я смотрел на Дилан другими глазами и время от времени выуживал у нее дополнительные сведения об острове Лару. Таинственный властитель Цербера любил власть, а не шумиху вокруг своей персоны. Его остров не был ни местом пребывания правительства, ни его личной резиденцией, но он появлялся там часто, при любой возможности. Было известно, что это место — идеальный курорт. Остров охраняли с воздуха и с моря все существующие системы слежения. Это была действительно практически неприступная крепость, которую мог создать только властитель Ромба, Хозяин всех Хозяев, Председатель Совета Синдикатов...

Как и все абсолютные диктаторы, Вагант Лару безумно боялся покушения — поскольку сам пришел к власти, осторожно и незаметно устраняя других.

Да, но я не хотел ждать двадцать или тридцать лет. И не только потому, что у меня не хватало терпения. Мне было ясно, что долгое восхождение к верхам не может пройти гладко. Значит, надо найти случай!

И он представился даже раньше, чем я мог ожидать. Турган Сагал, управляющий заводами Тукера, постоянно был рядом, с сотрудниками, проверяя нас и общаясь с нами. Он был очень популярным и демократичным руководителем. Хотя его нынешнему телу едва можно было дать тридцать, говорили, что ему уже почти сто лет.

Однажды он ворвался в мой отдел, чтобы сообщить, что не сможет играть с нами в кордбол в этот вечер.

— Что случилось? — спросил я с искренним удивлением.

— Все очень скверно! — мрачно ответил он. — Мы только что получили нормы на следующий квартал. Они непомерны. И у меня забирают лучших людей для каких-то важных работ «наверху». Это Хамгирт хочет навредить мне — я ведь отвечаю за план головой. А вы, верно, думали, что руководителей эта грязь не касается, да?

Я улыбнулся в ответ:

— Нет. Я очень хорошо знаю систему. Я не сразу попал сюда.

Он кивнул:

— Да. Это верно — вы Извне. Может быть, поэтому с вами легче общаться.

— Смотреть на все сквозь пальцы проще, чем потом лечиться у психиатра, — пошутил я, но мой мозг уже заработал. Вот оно, начало цепочки!

— Скажите, мистер Сагал, — медленно произнес я, тщательно подбирая слова. — А как пойдут дела в следующем квартале, если Хамгирт не будет президентом компании?

Он помолчал и с удивлением посмотрел на меня:

— Что вы предлагаете? Убить его? Знаете, чертовски сложно...

Я усмехнулся в душе. Хамгирт — довольно мелкая сошка в масштабе планеты. Но еще не время раскрываться. Слишком многие усмотрели бы угрозу для себя.

— Ну, зачем же, — ответил я. — Я предлагаю подставить его.

Сагал насмешливо фыркнул:

— Занг, вам пришлось бы обвинить его в некомпетентности, многочисленных ошибках в руководстве или преступных намерениях против государства. Я ненавижу этого сукиного сына, но не думаю, что он замешан в подобных делах.

— И напрасно! Не сомневаюсь, что здесь и раньше не брезговали подробными методами. Я изучал био-

графии руководителей: мир науки и техники управляется технологическими преступниками, мистер Сагал! Даже Лару пробыл на Цербере намного меньше вас, и смотрите, куда взлетел.

Сагал задумался и с легкой тревогой посмотрел на меня:

— А с чего вам стараться? Ради меня? Никогда не поверю.

— Нет, ради себя. Как отразится на вашей карьере, если мой план удастся? Кем вы станете?

— Наверно, старшим вице-президентом, — ответил он.

— А меня не интересует повышение, — заявил я. — На самом деле я хочу сменить направление. Для вас это будет безопасно. Вы знаете Хроясэйл?

Я застал Сагала врасплох.

— Да, это одно из наших отделений. Выращивает скрит в открытом море. Мы добываем из него химические вещества для производства изоляторов. И что же?

— Я хочу попасть туда, — объяснил я. — Там ведь даже нет директора. Уполномоченный компании навещается три-четыре раза в год, и все.

— Конечно. Такому мелкому отделению не нужен директор.

— Думаю, что нужен — и нужен именно я. Вы, как управляющий, могли бы постараться, но я предпочитаю, чтобы указание исходило, скажем, от старшего вице-президента.

— Какого дьявола?

— Личные причины. Считайте, что это синекура.

Он задумался:

— Предположим — всего лишь предположим, — что вам удастся повернуть это дельце, а я выбью для вас эту должность. После этого мне придется постоянно оглядываться на вас...

— Нет, — ответил я как можно искреннее, — вы мне не конкурент. Я отношусь к другому типу людей, и вы мне импонируете, мистер Сагал. Но пути у каждого свои. Что вы теряете? Я собираюсь рискнуть, а не вы. Только вы знаете об этом, но никто из нас никогда не сможет использовать эту информацию против другого — погорели бы оба. Если же мне улыбнется удача, мы оба будем в выигрыше. Ну, как?

— Я поверю, когда увижу конечный результат, — заметил он скептически.

Я усмехнулся.

— Если вы подкинете мне несколько крох важной информации, успех почти гарантирован. И я попытаюсь извлечь из него максимум выгоды для нас обоих, сэр, — заверил я.

ГЛАВА 6

ПОДГОТОВКА

Санда Тайн, Дилан Коль, Турган Сагал и даже толстый Отах, хозяин магазина. Особенно он. Все фигуры на местах.

В первую очередь я отправился в магазин и приобрел кучу электронных планшетов для рисования. Мне требовалось изобразить уйму схем и планов, и я не хотел оставлять следов.

Операция хорошо спланирована и должна принести результат, но те, наверху, над Хамгиртом, могут почуять, что где-то завелась крыса, если у них есть нюх на такие дела. Они бы искали зачинщика. А Хамгирта уволили не потому, что сочли бы виновным, а за то, что позволил обвести себя вокруг пальца.

Дилан сумела же воспользоваться аналогичной брешью в системе, когда избавлялась от материнства. У меня не было доступа к наркотикам, да они и не были мне нужны.

Мой план основан на парадоксе. Даже докопавшись до сути, они бы отвергли это как полный абсурд.

Несмотря на то, что Сагал снабдил меня информацией о ночных сменах в некоторых отделениях Тукера, о кодах и основных типах компьютеров, поставляемых городским властям, мне пришлось заняться осторожной вербовкой. Ибо то, что предстояло сделать за очень короткое время, было слишком обширным и сложным для одного человека. К тому времени я уже поверил в Дилан и не сомневался в ее способности действовать тихо и добросовестно. Но Санда на

восьмом месяце беременности стала малоподвижной, а жизнь в ее монастыре была мне неподвластна. Конечно, я брал и Санду в расчет, веря Дилан на слово, что она умеет хранить тайны. Только в одном мы с ней расходились: я не мог понять, как можно подниматься с рассветом...

Мы договорились с ней встретиться в небольшом клубе, в городе, чтобы наверняка избежать Санды. Мы уже встречались так — просто по-дружески, но это свидание должно было стать иным. Ведь Дилан была к тому же очень привлекательной женщиной, особенно когда переодевалась для вечернего выхода в город.

Мы заказали ужин, съели его и отправились в кабаре; там слегка выпили и потанцевали. А потом отправились к ней домой.

В благоприятный, как мне показалось, момент, когда мы лежали расслабившись, я наконец затронул суть дела. Вообще-то она сама подготовила почву для разговора.

— Похоже, ты чем-то сильно взволнован, — заметила она. — Что-то случилось? Или дело во мне?

— Нет, все в порядке, — заверил я. — Но ты права, Дилан. Кажется, пришло время открыться. Надеюсь, я в тебе не обманываюсь.

Она села и выжидающе посмотрела на меня.

— Дилан, мы близко узнали друг друга. Думаю, мы даже дополняем друг друга. И все же, что ты знаешь обо мне?

— Тебя зовут Квин Занг, ты работаешь программистом у Тукера, прибыл Извне, — ответила она. — Много путешествовал. Друзья говорят, что твое имя — женское в цивилизованных мирах. Что с того? Ты хочешь сказать, что когда-то был женщиной?

— Да, я попал сюда в женском облике, — начал я свою рискованную игру. — Но родился мужчиной.

— Я думала, только церберяне способны на это.

— Это другой процесс. В основном механический. Но я не был ни преступником, ни экспедитором.

Она устала на меня, изумленная, но не напуганная.

— Ну? Кто же ты тогда и чем занимался?

— Я убивал людей по заданию Конфедерации, — объяснил я. — Выслеживал их, находил и убивал.

Она только вздохнула и спросила:

— Тебя послали сюда с той же целью?

Я кивнул:

— Но он это заслужил. Если я провалю задание, меня попытаются ликвидировать, дело не в этом. Я уверен, что им это не удастся, но цель у нас одна.

— Кто он? — спросила Дилан.

— Вагант Лару.

Она присвистнула:

— Ничего себе! Теперь понятно, почему тебя так заинтересовал остров.

— Я сделаю это, Дилан. Пусть немало воды утечет, прежде чем мне это удастся, но это неотвратимо. Неуязвимых людей нет.

— А какова причина?

— Похоже, Лару и другие властители Ромба связались с какими-то Чужаками, чтобы помочь им завоевать Конфедерацию. Я не питаю особой любви к Конфедерации, но судьба человечества мне небезразлична.

— Чужаки? Какие они?

— Нам известно только то, что они настолько не похожи на людей, что не могут самостоятельно осуществить свои замыслы. Потому-то и наняли здешних властителей. Они, наверное, рассчитывают оказаться в стане победителей, но мы не знаем логики Чужаков! После падения Конфедерации они запросто могут расправиться и с нами. И единственный способ хотя бы свернуть с этого пути — уничтожить четырех властителей Ромба. Борьба за власть спутает карты и по-

может выиграть время. А новые правители, конечно, сотрудничать с Чужаками станут. Я выследил Лару и хочу прикончить его во что бы то ни стало. Вспомни хотя бы о материнстве...

— Я не совсем поняла последнюю фразу, но с остальным согласна, — произнесла она. — Не думаю, чтобы кто-нибудь заставил людей вроде меня помогать этим Чужакам. Я их представляю себе как коварных, умных борков.

— Вероятно, они могут быть гораздо симпатичнее — это не имеет значения. Я не доверяю цивилизации, способной путешествовать в космосе и такой хитроумной, чтобы подкупить Четырех Властителей.

Она немного помолчала, потом раскурила сигару — на эти сигары она тратила большую часть своих доходов. Утонув в клубах дыма, она мягко спросила:

— Квин, почему ты открылся мне?

— Во-первых, потому, что мне нужны серьезные осведомители. Дилан, кто владелец вашего судна?

— Конечно, Хроясэйл.

— А кто директор Хроясэйла?

— Никто. Я тебе говорила.

Я кивнул:

— Предположим, я стану директором. Установлю оплату, достану новое оборудование — самое лучшее...

— Что за чушь?

— Предположим, что мы управляем Хроясэйлом, ты и я. Ты не просто капитан, кого может отпихнуть любой бюрократ, а настоящий хозяин. Интересно?

— Продолжай.

— Вот для этого мне и нужна ты. Ты и еще один помощник. Нам нужна будет храбрость, но я в тебе уверен. Ты готова?

— Я ничего не поняла.

— Объясняю: я хочу дискредитировать и свалить президента компании Тукера. Тогда некоторые пер-

соны продвинутся по службе — заметь, благодаря мне. Они и дадут мне Хроясэйл, банковский счет и необходимую информацию. Поняла?

— А ты справишься?

Я улыбнулся:

— Запросто. Если они не меняли систему пожарной сигнализации в городке за последние три года.

— Что?!

Я остался у Дилан завтракать, и мы обсудили другую проблему.

— Пока ты не найдешь еще одного надежного сообщника, нам все равно нужна Санда, — объяснил я. — Она умная и храбрая. Но умеет ли она держать язык за зубами? Я не могу проникнуть в Дом Акеба, чтобы узнать, как она себя ведет вдали от нас. А ты когда-то была там. Твое мнение?

— Она подходит, — согласилась Дилан. — И очень увлечена тобой. Но, думаю, не устоит перед соблазном и проговорится.

— А если ей пообещать, что позже ей помогут избавиться от материнства, этого «производства детей»? Сейчас нужны ее банковский счет и анонимность. А когда дело будет сделано, я освобожу ее.

— Не знаю. Нелегко выбирать между посулами и тем, что уже имеешь...

— Думаю, я это улажу, — заверил я. — Вопрос в другом: если ей придется вернуться в собственное тело, не разболтает ли она назло?

— Трудно сказать, — честно призналась Дилан. — Но чуть подсказывает, что нет. Она в тебя втюрилась. По этой же причине, черт возьми, помогаю тебе я. Квин, тебя привлекает во мне только это? Я простая пешка в игре?

Я сжал ее руку.

— Нет, — мягко возразил я. — Ты для меня гораздо больше. И Санда тоже.

Она улыбнулась:

— Хотелось бы верить. Люди доверяют тебе безоглядно. Поверяют свои тайны, не зная почему. Женщины влюбляются в тебя — почему? Интересно, а сам-то ты знаешь?

— Для настоящего и будущего на Цербере, — честно ответил я, — это не имеет значения. Здесь теперь мой дом. Здесь все по-другому, да и я изменился. Только что я доверил тебе свою жизнь, разве ты не понимаешь?

— Пожалуй, — признала она, заканчивая завтрак.

По совету Дилан я решил сначала поговорить наедине с Сандой, дав ей возможность потом обсудить все с подругой.

— Мы с Дилан хотим провернуть одно рискованное дело, — сообщил я ей. — Короче говоря, у меня появился шанс стать руководителем Хроясэйла.

Это заинтересовало и обрадовало ее. Я видел, что ее охватили романтические мечты. Вот как поступают люди из «реального мира»; матерям из Дома Акеба такое и не снилось...

— Сейчас, — осторожно продолжил я, — я должен тебя кое о чем предупредить. Это не игрушки. При малейшем подозрении нас с Дилан убьют. Ни с кем, кроме нас двоих, об этом говорить нельзя, и никакого намека на то, что у тебя появились секреты, иначе ты нас погубишь. Ты можешь помочь, но только в том случае, если ты в себе уверена. Поняла?

Она кивнула:

— Ты боишься, что я не умею хранить тайны?

— Вы с Дилан рассказывали мне об этом гареме. Вы тут постоянно сплетничаете и тотчас замечаете,

если кто-то ведет себя необычно. Скажи положи руку на сердце, ты не проговоришься?

— Думаю, нет, — ответила она.

— Не думай, а знай! Или ты абсолютно уверена, или мы найдем другого.

— Я уверена. Я не смогу сделать ничего, что навредит тебе или Дилан.

— Хорошо. Ты училась на санитарных курсах?

— Мы там учились. Хотя Дилан знает больше меня. Она была там дольше.

— Мне нужно сразу кое-что выяснить. Первое: тебя когда-нибудь гипнотизировали?

— Конечно. К этому всегда прибегают при родах — от анестезии проку мало. И когда кто-то решает, каким телом тебя наградить, с этим не так-то легко смириться.

— Ладно, — произнес я. — Дилан говорила мне, что здесь иногда меняются телами, чтобы побыть вне Дома. Это верно?

— Да. Мы все иногда прибегали к этому.

— Прекрасно. У тебя есть кто-нибудь, с кем бы ты могла поменяться на целые сутки?

Она на секунду задумалась:

— Да. Наверное, Марга, хотя я буду обязана ей. И когда это надо?

— Через две недели. В ночь с пятницы на субботу. И, возможно, с субботы на воскресенье.

— Я договарюсь.

— Хорошо. Обсуди все с Дилан. Следующую неделю я буду улаживать дела, а в выходные проведу кое-какие опыты, чтобы нащупать лазейки в системе безопасности. Теперь еще кое-что. — Я выудил из кармана два листка бумаги и протянул ей. Она с удивлением посмотрела на них.

— Что это?

— Помнишь Отаха?

— Да.

— Он делает множество запрещенных вещей — не только для развлечений, — пояснил я. — Если я приду к нему с заказом, у него возникнут подозрения. Надо, чтобы ты или кто-то другой, не вдаваясь в подробности, попросил Отаха изготовить детали по чертежам. Скажешь, что их затребовала пожарная инспекция в Доме Акеба, что они должны в точности соответствовать чертежам. Если будет выпрашивать, веди себя безразлично, но настаивай, чтобы заказ был выполнен точно.

Она крутила схемы перед глазами:

— Изобразить безразличие нетрудно, но что это?

— Схемы памяти компьютера. Надо получить их не позднее, чем через неделю. Поняла?

Она кивнула:

— Он это сделает?

— У него могут быть готовые.

— Сколько я должна заплатить?

— Ты сказала, что у тебя почти неограниченный кредит. Только поэтому я позволил тебе так часто угощать меня обедом. Цена будет высокой, потому что сделка криминальная. Единиц двести—триста за штуку.

Она присвистнула.

— Дорого?

— Не в том дело. Столько я никогда не тратила...

— Это отразится на твоём счете?

— Нет. У нас их нет. Это еще одна уловка, чтобы держать нас на привязи. Это счет Дома.

Я кивнул, притянул ее к себе и поцеловал. Никогда не думал, что беременная женщина так притягательна. Иначе этот дикий, безумный, абсурдный заговор мог не состояться...

— Расскажите о нураформе, — попросил я, когда мы собрались на корабле в пятницу вечером.

— Это здешнее анестезирующее средство, — объяснила Дилан. — Один-два вдоха, и сознание угасает, словно свеча, минут на двадцать. Но с помощью нураформа нельзя меняться телами, поэтому его разрешили применять — серьезные операции, производственные травмы, сильные боли. Но все контролируется и разрешено только врачам и медицинскому персоналу!

— Пустяки, — ответил я. — В аптеке компании есть немного. Я могу его выкрасть.

— Зачем лишние сложности? — спросила Дилан, вынимая из кармана магнитный ключ. — У нас всегда есть небольшой запас на корабле.

Я расцеловал ее на радостях.

— Ну и что хорошего в нураформе? — спросила Санда. — Меняться нельзя, а если кого-нибудь вывести из строя, он об этом узнает.

— Нет, если он уснет, — возразил я. — Ладно, пошли дальше. Как насчет схем?

— Заказ принят, — сообщила Санда. — Хотя пришлось хорошенько поторговаться, поизворачиваться. Я одалживала тело у Марги, так что надо ее чем-нибудь отблагодарить.

— Придумай, как, а уж я расстарюсь, — заверил я. — Когда ты получишь схемы?

— Во вторник, он обещал. Я могу поручить это посыльному, потому что все уже оплачено.

— Отлично. Во вторник вечером я сам за ними заеду. Пока все идет хорошо. Горы сворачиваешь, выполняешь эту грязную работу для начальства...

— Все-таки ты сумасшедший, а план безумный, — сказала Дилан, покачивая головой.

— Ты думаешь, там, «наверху», им было легче проворачивать подобное? Каждый сильный мира сего получил свое место под солнцем в результате безумных интриг в удачный момент. Разумеется, недели через две следователи докопаются до сути, вы-

числят механизм махинации. Они найдут верное решение, но наш план настолько невероятен, что они ничему не поверят, и дело остановится. Все гениальное — просто, так что на самом деле наш риск сведется к минимуму. Не беспокойтесь об этом — занимайтесь своими делами.

— Я так и делаю, — мрачно отрезалась Дилан.

— Слушайте, давайте порепетируем. Представьте себе, если дело выгорит, у тебя, Дилан, будет собственный корабль! А тебя, Санда, мы освободим из гарема, да так, что комар носа не подточит. Если ты потерпишь и не полезешь на рожон, через несколько лет мы вдвоем будем править этим проклятым миром!

В это они не верили, но верили мне, спасибо и на том.

— Теперь посмотрим, что получится с гипнозом, — предложил я.

Санда с легкостью согласилась. Дилан некоторое время сопротивлялась, и я хорошо понимал ее. Она обрела себя в долгой и упорной борьбе, а гипноз — это угроза ее личности.

Санде светило романтическое будущее, и она ничего при этом не теряла — если только нас не застукают на месте преступления. Дилан же ставит на карту свою работу — и только ради меня?

...Я прекрасно владел этими деликатными процедурами, но тут все оказалось гораздо сложнее: я был в каюте один с двумя привлекательными женщинами, находившимися в глубоком гипнозе. Так что мне еще пришлось подавлять и свое собственное возбуждение... Похоже, обе наконец уснули в креслах, и я занялся Дилан.

— Дилан, сейчас ты слышишь только меня. Выполняй мои приказы! Ты понимаешь?

— Да, — донесся издали сонный голос.

— Отвечай правдиво, Дилан.

— Хорошо.
— Сможешь ли ты когда-нибудь предать меня или мое дело?

- Не думаю.
- Дилан, почему ты идешь на это?
- Так хочешь ты.
- Зачем рисковать ради меня?
- Я...
- Да?
- Мне кажется, я тебя люблю.

Любовь. Потрясающее слово. Сколько раз я проносил его, но никогда не понимал до конца. А здесь, на Цербере, где любовь просто абстракция?

- Ты действительно любишь меня?
- Да.
- Сильнее, чем саму себя?
- Да.
- Ты доверяешь мне свое тело и свою жизнь?
- Да.
- И я могу доверить тебе мое тело и мою жизнь?
- Да.

Я повернулся к Санде и повторил процедуру.

- Ты сможешь предать нас или нашу миссию?
- Нет, — заверила она меня. — Никогда.
- Ты говорила кому-нибудь в Доме о нашем деле?
- Нет.
- Кто-нибудь замечал твою озабоченность? Спрашивал о чем-нибудь?
- Один-два раза.
- И что ты сказала?
- Я сказала, что мы любим друг друга.
- Они поверили тебе и отстали?
- Они завидовали, — ответила она, — и спрашивали о тебе.
- И что ты сказала?
- Я сказала, что ты попал сюда Извне и работаешь у Тукера.

— А еще?

Следующая фраза меня смутила. Фантазии этой молодой скучающей женщины звучали красочно и не слишком правдоподобно: мне отводилась в них роль Бога, ни больше ни меньше. Что ж, так даже лучше — они заведомо сочтут все это вымыслом, а ее возбуждение объяснят нашими свиданиями.

Санда — одновременно и проще, и сложнее, чем Дилан или другой обыкновенный человек. Она искренне любила Дилан, но поклонялась мне.

Когда я был зеленым агентом-выпускником, меня поражало, как легко можно манипулировать людьми, как податливы их эмоции и воля, если нужные слова произносятся в нужное время, если нажимаются нужные кнопки. Вот и сейчас две женщины любят меня и согласны рисковать головой, и кто знает, чем еще, ради меня. И, глядя на них, я испытывал нечто неведомое раньше — волнение, заботы, настоящее влечение и уважение. Может быть, я тоже способен любить?

Но сначала дело. Затаив дыхание, я приступил к следующему этапу, от которого зависела наша судьба.

Они открыли глаза и встали, глядя на меня. Я велел им повернуться лицом друг к другу.

— Прислушайтесь к себе, — приказал я. — Почувствуйте микробы Вардена, которые связывают вас, общаются через ваш мозг. Думайте только об этом, сосредоточьтесь, слушайте, как они циркулируют. Ощущаете?

— Да, — ответили они одновременно.

— Дилан, ты хочешь оказаться в теле Санды. Ты хочешь этого больше всего на свете. Это прекрасное, идеальное тело, о котором ты всегда мечтала. Вплыви в него, Дилан. Стань Сандой. А ты, Санда, не сопро-

тивляйся. Ты хочешь поменяться телом с Дилан. И тогда вы сядете на места...

Очевидно, когда оба участника обмена проинструментированы под гипнозом, процедура идет быстрее, чем в «естественных» условиях. По крайней мере так сообщили компьютеры, но предупредили, что потребуется еще десять минут для завершения обмена. На самом деле нужно трое суток для полной «установки». Но мне пока достаточно только обмена сознанием...

Не прошло и десяти минут, как женщины зашевелились и сели по местам. Дилан стала Сандой, а Санда — Дилан.

Я подошел к новой Дилан:

— Дилан, ты меня слышишь?

— Да.

— Скоро я тебя разбужу, но ты по-прежнему будешь в гипнотическом сне. Ты в точности выполнишь следующее...

Хоть я и специалист по самогипнозу, но было бы весьма рискованно полагаться только на себя. Поэтому, когда Дилан проснулась, я позволил ей погрузить меня в гипнотическое состояние, и процесс повторился: я перешел в прежнее тело Дилан, а Санда — в мое. Потом все мы «проснулись», по-прежнему под гипнозом, и сравнили свои ощущения, реакции и прочее. Похоже, даже за короткое время можно добиться хорошего контроля над сознанием.

Мы вернулись в свои тела, Дилан разгипнотизировала меня, а я вывел из гипноза их обеих с кое-какими установками на день-два для подкрепления.

Весь день мы работали, пока каждый не выучил свою роль. Санде разрешили переночевать на корабле; нам доставили из города роскошный обед, и мы с удовольствием предались еде.

— Удивительно, — заметила Дилан. — Такое впечатление, что у тебя уже все составляющие нашего плана. Что же появилось раньше — детали или план?

Я рассмеялся:

— Конечно, детали. Самое главное — закрутить все в подходящий момент. До сих пор все идет гладко, но если я где-то ошибся и что-то не сработает — что ж, воспользуюсь другим планом. Намного труднее исполнение, ведь ничего не знаешь наверняка, пока не попробуешь. Как сегодня.

На эту ночь было назначено еще одно испытание, и его успех зависел больше всего от меня. Эти двое должны были просто спать, заэкранировавшись друг от друга. Моя задача была потруднее. Компьютеры заверили, что она логична, но гарантий, увы, не существовало.

Я расположился, пребывая в глубоком гипнотическом трансе, в одной комнате с Дилан. Я не был экранирован, но сидел в пяти метрах от ее постели и прислушивался к моим собственным микроорганизмам. Жуткое ощущение: я слышал, как они «переговариваются», как над нами словно повисла невидимая энергетическая сеть, связывающая все едино все окружающее.

В этом состоянии я отрешился от всего, кроме спящей Дилан, от которой исходили крошечные всплески энергии. Я чувствовал почти физический контакт: мозг соединялся с мозгом, руки с руками, сердце с сердцем. В этот момент я необыкновенно ясно представил, как ощущали себя на Лилит те, кто мог командовать и связываться по этой сети. Оставалось только гадать, как возник микроорганизм Вардена и почему он был в мирах, не слишком отличавшихся от тех, которые завоевал человек. Для чего ты создан? Что ты и кто ты?

Сон Дилан перешел из легкой, заполненной видениями, фазы к другой, которая повторяется не-

сколько раз за ночь, — устойчивой, глубокой, лишенной сновидений. Микробы Вардена словно сияли, общаясь, передавая невидимые поля энергии, — ее моим и мои ей. И в первый раз я сознательно поменялся с ней. Странно, конечно, но насколько не страшно. С каким-то мрачным удовольствием мое естество напряглось — и поплыло в ее тело. А ее естество — в мое.

Я возродился в теле Дилан Коль в решительном настроении. Взял со стола небольшой баллончик и подкрался к своему прежнему телу, беспокойно спящему в кресле. И прямо перед носом осторожно нажал на кнопку, выпуская слабую струйку газа.

Тело слегка обмякло, дыхание стало глубоким, хотя немного затрудненным.

Я встряхнул его:

— Дилан, просыпайся! — Я затряс сильнее. — Проснись, Дилан! — Я почти кричал, но безрезультатно. Я включил секундомер и попытался передвинуть спящее тело. Не получилось. Я толкал его снова. Только на четвертый или пятый раз «он» тихо застонал и пошевелился. Я остановил секундомер. Двадцать четыре минуты. Вполне достаточно.

Еще примерно минуту спустя мне удалось разбудить Дилан. «Он» некоторое время тряс головой и тер глаза, пытаясь прийти в себя, потом вздохнул и посмотрел на меня:

— Значит, получилось.

Я кивнул:

— Ничего не болит?

— Я чувствую себя разбитой, — ответила Дилан.

— Теперь твоя очередь, — приказал я.

...Я не стал подвергать Санду действию нураформа — не было необходимости да и не хотелось, чтобы она рисковала в своем положении. Возрождение в ее теле повергло меня в некий шок, поскольку я отчетливо ощутил беременность. По сравнению с этим мои

впечатления после пробуждения на борту корабля в теле Квин Занг померкли. Тело Санды вызывало во мне совершенно непередаваемые эмоции!

Но зато моя «теория заговора» подтвердилась полностью. Интересно, почему никто раньше не додумался до этого? Хотя, как знать... Мне пришлось повозиться, чтобы отправить теперь Санду в мое тело, разбудить ее и окончательно поверить в своих сообщниц.

Она впервые очутилась в мужском теле и, как ни странно, не спала и владела собой. Она наслаждалась возможностью исследовать себя. Я чувствовал, что обладание моим телом, тренированным, в отличной физической форме, только усиливает ее удовольствие.

— Можно немного побыть в нем? — попросила она. — Мне так легко!

Я с досадой покачал головой:

— Нет. За неделю ты должна научиться обмену сама, а сейчас уж близится рассвет.

— Ну, пожалуйста! Только один день. Ты не представляешь, как это важно для меня!

— Отчего же, — посочувствовал я. — Крепись, Санда. Мы повторим это завтра, если тебе позволят остаться здесь еще на одну ночь. У нас мало времени и много дел.

Она надулась. Забавно было наблюдать проявление характера Санды в моем теле, впрочем, мне всегда нравилось следить за поменявшимися парочками. Мы рано осознаем свой пол и личность, и даже в мире, где возможен обмен сознаниями, это сохраняется — у людей с ярко выраженной сексуальной ориентацией, какими были мы все трое. Это меня беспокоило. Санда упорно гнула свое.

Я резко спросил:

— А если от тебя будут зависеть наши жизни?

Она сразу пришла в себя и ответила немного извиняющимся тоном:

— Прости. Я буду слушаться.

— Знаю, — мягко сказал я и произнес магическое слово: — Гипнограф.

Слава Богу, что существует постгипнотическое внушение. Я скрестил пальцы, лег и попытался уснуть. Я боялся застрять в этом теле и никак не засыпал. Наконец самовнушение помогло мне.

Поздним солнечным утром удрученная Санда, снова став собой, разбудила меня.

Еще один день проверки всех деталей и еще одна ночь опытов. Если Отах сдержал свое слово, мы будем готовы уже к следующей пятнице.

ГЛАВА 7

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Днем во вторник мне на работу позвонила Санда и сообщила, что заказ только что доставлен в Дом Акеба. Вечером я отправился туда.

Мы встретились у ворот и пошли по аллее к морю. Корабли Хроясэйла были уже пришвартованы, но я не стал беспокоить Дилан. У каждого свои дела.

— У меня в голове не укладывается вся эта подпольщина! — заявила Санда. — Ничего у тебя не выйдет со всеми этими схемами и компьютерами! И вообще, Отах мог сунуть нам какие-нибудь стандартные детали!

— За такие штуки он бы недолго продержался на своем месте, — возразил я.

— А зачем этих деталей так много?

Я улыбнулся:

— Авария должна выглядеть естественно. Это стандартные схемы старой системы, но с небольшими изменениями. Они реагируют на различные нагрузки. Нас не устроит, если что-то один раз откажет — они придут и устранят неисправность. Нужна цепная реакция поломок.

— Разве это не вызовет подозрений?

— Ты не разбираешься в технике. Часто за одной поломкой следует другая. Наоборот, чем больше неисправностей они обнаружат, тем больше будут винить устаревшую систему. Поверь мне — это моя специальность.

Она обняла меня:

— Я верю тебе, Квин. Просто все так невероятно! Я бы никогда не выдумала такого.

— Да, — ответил я. — Именно поэтому люди вроде меня — ловкачи и мошенники — достигают многого. Обыкновенный человек не обладает тем складом ума, который толкает на подобные авантюры.

— Они могут научиться.

— Конечно, — согласился я. — В Конфедерации уже созданы отряды специалистов, чтобы ловить таких...

— Звучит интригующе. Но кто-нибудь уже наверняка разработал защиту.

Я рассмеялся:

— Ее изобретают каждый год или два с незапамятных времен. И она действует — пока не появится очередной гениальный возмутитель спокойствия.

Даже ты, Вагант Лару, уязвим, — думал я, глядя на океан. — Ни одна крепость не может быть неприступной, в любой системе безопасности найдется слабое место. Я иду за тобой, Вагант Лару. День за днем, шаг за шагом. И даже твои друзья-Чужаки не спасут тебя от нас.

Что бы я ни ворковал Санде, сам я ни на грош не доверял ни одному подпольному торговцу. В среду я проверил схемы в лаборатории. Схемы прошли проверку отлично. Люди Отаха хорошо потрудились, теперь пришел мой черед блеснуть.

В тот же вечер я проверил флаер компании, это тоже не вызывало подозрений, поскольку на следующий день я должен был лететь на Комору на совещание — обычная рутина. Необычным было лишь то, что в этот вечер я переоделся в форму ремонтника Тукера и, употребив некоторую ловкость рук, завладел стандартным набором инструментов.

Первую остановку я сделал у жилого комплекса в восьми километрах от главного завода. Служебное удостоверение позволило мне легко проникнуть на территорию — они даже не обратили внимания на имя, только сличили лицо со снимком, — и вскоре я был в кабинете коменданта.

— Проверка главной системы оповещения города, — сообщил я. — У нас постоянные аварии на линии. Мы не можем заранее предсказать, когда эта штуковина выйдет из строя, но мне велели посмотреть.

— Действуйте, — беззаботно произнесла она. — Это на четвертом уровне, чуть выше поверхности воды.

Я кивнул, поблагодарил ее и добавил:

— Может, когда-нибудь заменят эту рухлядь.

— Ха! — воскликнула она. — Раньше сгорит муниципалитет или особняки затопит!

Я спустился на служебном лифте и быстро отыскал главную линию, от которой отходили провода пожарной сигнализации к каждому этажу и к каждой комнате. Неустраимой бедой системы, как я уже знал, было то, что все постройки находились в деревьях. Основная часть растения была под водой, а вершины, как правило, пустотелые, соки их почти не питали, а солнечные лучи сушили.

И независимо от того, насколько инертными были материалы, применявшиеся в строительстве, кора легко воспламенялась.

Поэтому компьютеризованная система пожарной сигнализации следила за малейшим повышением температуры на открытой поверхности дерева. Другим реальным средством спасения были желоба, по которым отовсюду можно было съехать в воду.

Я не собирался ничего поджигать. Я проверил линию в нужных мне точках и заменил миниатюрные схемы своими, не забывая для пущей достоверности слегка испачкать их. Любой, кто к ним сунулся, уви-

дел бы жуткую грязь в этом месте и не удивился бы неисправности.

Мне не раз доводилось обрабатывать подобным образом гораздо более сложные и технически совершенные системы безопасности. И меня ни разу не обнаружили — даже когда подозревали диверсию.

На установку всех схем ушло меньше получаса, но я проследовал обычным маршрутом обслуживания, изображенным на стене в мастерских. Любой проверяющий убедился бы, что вызов был заказан и зарегистрирован. Я сам подложил бланк заказа и убедился, что он остался на месте — не ушел в отдел назначений.

Я убежден, что современный человек беззащитен перед любым компетентным инженером. Мы зависим от компьютеров при любой покупке, мы полагаемся на них в вопросах учета, безопасности, даже жизнеобеспечения. Мы настолько доверяем и принимаем их как должное, что большинство людей охотно пойдет на поводу у вычислительной машины.

Я сделал около тридцати остановок в различных точках этой системы, добрался до пожарной части, избавился от остатков своего незаконного снаряжения и вернулся на завод. Передевшись в обычную одежду, положил на место инструменты и бросил спецовку в люк прачечной компании.

Потом я отправился домой.

На следующий день я слетал на совещание, вернулся в полдень и рано ушел с работы в отдел ремонта, где просмотрел заявки на обслуживание.

Две схемы уже вышли из строя в жилом «дереве» в восьми километрах от завода. Одна приблизительно в полдень, другая совсем недавно. Ремонтники были на вызове.

Я улыбнулся и поехал обедать.

К пятнице произошло уже семь поломок и еще один сигнал из другого места. Это делало мое вреди-

тельство не столь очевидным. Хотя вряд ли следователь или специалист Тукера поверит, что кому-то пришлось в голову такое развлечение.

В четверг я работал допоздна, отчасти наверстывая упущенное, отчасти из-за того, что в то время у всех был один удлинённый день в неделю — нам действительно не хватало людей. Возможно, что-то готовилось. И я был не прочь об этом узнать.

Поздно вечером, разминая ноги, я столкнулся с группой ночных дежурных. Уборка в основном была автоматизирована, но правила требовали присутствия людей. Я смотрел на проходивших мимо мужчин и женщин, опытных специалистов, и видел, как они устали.

В пятницу компьютер системы пожарной безопасности окончательно разладился. Ложные сигналы поступали отовсюду. Половину ремонтников Тукера бросили на обнаружение и устранение неисправностей. Они справились только к вечеру...

Измерения показали, что система действительно в ужасном состоянии. Почти все, что случилось в пятницу, не имело ко мне отношения. Видимо, мои схемы спровоцировали отказ элементов с настоящими дефектами. Я надеялся на такое везение, но планы на этом не строил. Так или иначе система нуждалась в срочной замене.

В этот день мне удалось рано закруглиться благодаря сверхурочной работе накануне. Не было и четырех часов, когда я оказался у главного входа, чтобы отправиться на экскурсию для важных персон. Как правило, таковых и в помине не было; многие приглашали друзей, и компания это поощряла — для улучшения отношений с персоналом.

Дилан взяла выходной по болезни, хорошо выспалась и прекрасно выглядела. С ней стояла невысокая, стройная красotka с оливковой кожей, черными как

смоль волосами и такими жгучими глазами, каких я никогда не встречал. Я даже остановился и удивленно покачал головой. Наверное, я никогда не привыкну ко всем этим метаморфозам.

— Санда? — нерешительно вымолвил я.

Она улыбнулась и кивнула:

— Ты даже не представляешь, на что себя обрек. Тебе придется напоить, накормить и перелюбить половину Дома Акеба.

Я кивнул:

— Это меня не пугает! — Взглянул на обеих и ощутил их внутреннюю тревогу, которую они пытались скрыть. Я прижал их к себе и прошептал: — Не волнуйтесь. Все хорошо!

Нас ждала проверка: только уполномоченным сотрудникам разрешался доступ в некоторые зоны. Поскольку я заказал экскурсию заранее, и она носила обзорный характер, войти не составило труда. Обычно вы вставали перед дверью, надевали шлем с датчиками и вставляли удостоверение в щелку панели. Если все в порядке, дверь открывалась, пропуская вас — точно так, как в шлюзе.

Если бы четыре с лишним тысячи сотрудников Тукера проделывали это ежедневно, они бы целый день «шли на работу». Поэтому сложная процедура выполнялась только в запретных зонах — второе слабое место системы.

Мы стояли снаружи одной такой зоны, и я играл роль гида.

— Эта зона управляет местной банковской системой, — сообщил я. — Одиннадцать мелких городских банков хранят здесь свою информацию и переводят деньги и активы. Просто банковская связь с главным компьютером. Машины запоминают, откуда приходят и куда уходят деньги и перебрасывают суммы с одних счетов на другие с помощью несложных кодированных команд. Эти коды довольно просты — любой, кто

добрался бы до одной из регистрирующих машин, стал бы миллионером.

— Почему же их не усовершенствуют? — поинтересовалась Санда.

— Поскольку все учитывается в главном компьютере, любое подозрительное увеличение счета или несколько крупных вложений насторожит руководство центрального банка и вызовет расследование.

На самом деле мы уже обсуждали все это раньше, но вокруг были люди, и нужно было продолжать экскурсию.

Вопрос, на первый взгляд невинный, указывал на еще одно уязвимое место. Чертовски сложно, практически невозможно ни для кого, кроме лучших в галактике компьютерщиков с неограниченными программными ресурсами, укрыться с любыми суммами, украденными на Цербере.

В конце длинного зала, неподалеку от банковского центра, было несколько комнат для совещаний. Я выбрал свободную и открыл. Обычное помещение для деловых встреч — попиптр, круглый стол из полированного дерева, пять удобных кресел. Комната запиралась изнутри — для секретности, но снаружи запоров не было.

Мы вошли, закрылись, и в считанные минуты я загипнотизировал своих помощниц. Как ни странно, Санда поддавалась труднее — она была слишком возбуждена.

Дилан принесла две маленькие ампулы с нураформом, и я дал одну Санде — она ведь была сегодня в «чужом» теле, ее беременность осталась в другой женщине — той, с которой она поменялась. Ее, загипнотизированную, я заставил повторить всю процедуру, все, что она должна была проделать. Потом я еще раз предупредил ее, внушил ей спокойствие и хладнокровие.

Мы с Дилан оставили ее в помещении и поднялись на два уровня выше, туда, где находилась бухгалтерия компании — также запретная зона. К этому времени почти все уже ушли, и это существенно облегчало нашу задачу.

Начальство накануне выходных ушло рано. Я привел Дилан в кабинет Сагала, повторил с ней ее задание и ушел. На главном уровне я достал из кармана все три наши удостоверения и по очереди опустил их в щелку, как если бы уходили три человека. Сам же, чтобы не привлекать внимания, воспользовался запасным выходом. Третье удостоверение было, конечно, моим, а документы женщин мне понадобились только для того, чтобы появилась запись: мы втроем покинули здание.

Мое возбуждение росло, пришлось прибегнуть к самогипнозу, чтобы успокоиться. В конце концов мне тоже предстояла работенка не из легких.

Нужно было где-то подкрепиться.

ИСПОЛНЕНИЕ

Я не только хорошо пообедал — я провел время в компании двух очаровательных дам, ни одна из которых не была похожа ни на Дилан, ни на Санду. Но это не имело значения. Если бы меня заподозрили и просмотрели записи, алиби было бы мне обеспечено. Любой посетитель вспомнил бы, что я обедал здесь с двумя красотками.

Однако светская беседа давалась мне с трудом. Я знал, что происходило в этот момент у Тукера и что произойдет вскоре. Несмотря на мои бодрые заверения сообщницам, затея была чертовски опасным и абсолютно ненадежным делом.

Сидя теперь здесь, я представлял сотни причин, из-за которых все могло пойти наперекосяк, и чем больше я думал об этом, тем сильнее убеждался, что какая-нибудь да возникнет. И Дилан, и Санда постоянно твердили о нереальности идеи, а я убеждал, очаровывал, гипнотизировал их, чтобы отогнать возражения.

К сожалению, правы были они. Но маятник уже запущен, остановить его невозможно. Впрочем, в любом случае я бы этого не сделал.

Крег назвал меня лучшим. А как я этого добился? Безумно рискуя, совершая невозможное и уходя от расплаты. Одно плохо — удача когда-нибудь отвернется от меня. Может быть, в эту ночь? Да, предстояло чертовски сложное дело.

Одна из женщин вывела меня из задумчивости.

— Что? Простите, я, кажется, задремал — переутомился.

— Бедняжка! Ничего, я просто сказала, что Мурал из бухгалтерии вступил в один из клубов — обмен телами. Конечно, мы с Джора меняемся часто, потому что очень хорошо дополняем друг друга. Но сомневаюсь, что я смогла бы перевоплощаться каждый день, не имея возможности этим управлять. Не понимаю, что толкает людей на такое.

— В основном скука, — заметил я. — Или изощренные фантазии. Я слышал, в этих клубах постоянно устраивают оргии.

— Ну и ну! Кто бы мог подумать такое о Мурал!

...Ночные дежурные на административных этажах уже приступили к работе. Все зевают и ворчат — хотят спать, впереди выходные. Смотритель роботов-уборщиков появляется редко, а когда дежурный входит в одну из запретных зон, он может даже прилечь — никто его не уличит.

— Вы слишком заработались, — посочувствовала дама.

Я кивнул.

— Иногда работаем две смены, — сообщил я. — Из-за срочного дела мне придется работать и завтра.

— Бедняга! Ничего, скоро мы подбросим вас домой.

...Чуть позже одиннадцати дежурный достиг конца банковской зоны. Скоро можно будет вздремнуть. Дежурный подошел к дверям, включил сканирующее устройство, выждал минуту-другую и вставил удостоверение в щель. Потом достал особую карточку и повторил процедуру — это чтобы система пропустила роботов-уборщиков. Нажав все нужные кнопки программы — что делать машинам, а что нет, — он раз-

вернул большое кресло так, чтобы оно скрывало его от любопытных взглядов, и собрался вздремнуть.

Санда выждала, пока он устроится, и выкатила свое кресло в коридор, поближе к двери. Отсюда она видела большую часть помещения, но фигура уже погрузившегося в сон дежурного утаивалась с трудом. Она сосредоточилась, насколько позволял гипноз, и почуствовала, как микробы Вардена в ее мозгу вышли на связь. До спящего было больше десяти метров. Это мешало фокусировке. Но наконец у нее получилось. Сначала слабо, а потом все настойчивее ее силовые поля достигали, соприкасались и связывались с микроорганизмами спящего человека.

Мой мозг — это твой мозг, мои руки — это твои руки, мое сердце — это твое сердце...

Двадцатью минутами позже и несколькими этажами выше другая усталая дежурная вошла в управляемую зону. Особая карточка выделяла роботам-уборщикам семьдесят секунд на вход в помещение. Поскольку все этажи, кроме тех, где находились дежурные, были опечатаны, этот интервал никогда не настораживал спецслужбу.

— Ну вот мы и дома, Квин! Спасибо за прекрасный вечер. Жаль только, что вы так устали и работаете завтра. Мы бы могли продолжить.

Я посмотрел на них, а потом на часы:

— Не так уж сильно я устал.

Санда находилась в теле дежурного. Мягко гудели полотеры. Точно зная, куда смотреть, Санда встала и увидела прежнее, свое, тело, все еще спавшее в кресле за дверью. Начинаясь самая опасная и самостоятельная часть операции. Ведь был риск, что спящий проснется... Она отыскала в кармане

пропуск роботов-уборщиков, подошла к двери и вставила его в щелку. Дверь скользнула в сторону, и Санда-дежурный ступила в коридор. Сделав несколько осторожных шагов, она подошла к спящему, подняла с пола рядом с креслом пузырек с нураформом и поднесла к носу дежурного.

Санда бросила флакон и кинулась назад, в помещение. Через секунду дверь снова закрылась. Она взглянула на стенные часы, подошла к консоли и принялась выполнять операции, смысла которых не понимала.

Дилан нервничала: дежурная, молодая женщина, не собиралась спать в зоне безопасности, а принялась проверять работу оборудования. А время шло. Наконец дежурная выбрала местечко за консолями и растянулась, положив куртку под голову. Она уснула, но не так быстро и легко, как ее коллега внизу.

Санда управилась за девять минут и была довольна результатом. Она погрузилась в глубокий транс — комбинация самогипноза и постгипнотического внушения — и, расположившись так, чтобы видеть спящую фигуру за прозрачной стеной, села в кресло, выжидая, когда действие нураформа кончится, и спящий погрузится в нормальный глубокий сон.

На это ушло тридцать семь минут.

И она снова начала обмен телами.

Прошел почти час, прежде чем обмен закончила Дилан. Уже в другом теле она убедилась, что все сделала правильно. Дилан, однако, решила обойтись без наркотика. Та женщина спала чутко и беспокойно, и ее легко мог разбудить шум открывающейся двери. Дилан быстро проделала необходимые манипуляции со схемами. Чтобы согласовать изменения, внесенные

Сандой, со своими, ей потребовалось менее пяти минут.

Несколько раз, проверяя свое тело, находившееся снаружи, она замечала, что оно шевелилось. Но все обошлось. Дилан легла на пол, расслабилась и заставила свое сознание связаться с другим, которое находилось за прозрачным пластиком. Тело так ломило от усталости, что она боялась уснуть...

Санда проснулась уже в коридоре. У нее раскалывалась голова и двоилось в глазах: ведь именно это ее тело подверглось действию нураформа. Она увидела, как дежурная зашевелилась, очнулась и теперь оглядывалась с немалым удивлением. Она встала и стала искать глазами роботов-уборщиков в конце зала.

Выкрикнула приказ, и машины поехали к нему.

Надеясь на их шум, как на единственное спасение, Санда выскользнула из кресла, оттолкнула его от себя, стоя на коленях и, не спуская глаз с дежурной, стала медленно уползать. Момент был опасный, один или два раза она, казалось, посмотрела в ее сторону, и Санда застывала на месте, но дежурная ее так и не заметила.

Только закрывшись в комнате для совещаний, Санда расслабилась и по-настоящему почувствовала, как ужасно болит голова. К тому же она вспомнила, что забыла пузырек с наркотиком. Нервы были на пределе, но все же ей хватило здравого смысла понять, что исправить это уже невозможно.

Дежурная собрала своих роботов, зевнула, еще раз потянулась и придумалась о своем странном состоянии. Покачав головой, она снова повела роботов-уборщиков к двери. Машина-мусорщик развернулась и двинулась вдоль коридора. Крошечный пузырек исчез в ее недрах.

Потребовалось более двух часов, чтобы Дилан провела обмен. Два беспокойных часа, когда казалось, что спящая проснется, или, еще хуже, что всерьез уснет сама Дилан. Но, к счастью, все обошлось. Дилан вернулась в кабинет и перевела дух.

Я наконец расцеловался со своими «свидетельницами» и приготовился ждать. Больше всего я боялся, что кто-то из них — а вдруг обе? — не сумеет проделать первоначальный или обратный обмен, не разбудив спящего. Я-то никогда не сомневался, что дежурные захотят вздремнуть; так они поступали всегда. И все же тревога не отпускала меня.

Я немного поспал и появился у Тукера в шесть утра. Рано, конечно, но вполне объяснимо для этих горячих деньков. Нужно было или задерживаться до поздна, или наверстывать с утра. Я устроил себе довольно свободное расписание, чтобы записи не показывали ничего подозрительного.

Оказавшись в почти безлюдном здании, я прошел в свой кабинет и сел за телефон. Внешних звонков быть не могло до восьми утра, когда главный компьютер переключался в нормальный режим, но внутренняя связь работала круглосуточно. Я позвонил в кабинет Сагала, выждал два звонка и снова набрал номер.

— Квин? — услышал я встревоженный голос Дилан и почувствовал некоторое облегчение.

— Да. Кто же еще? Как ты?

— Ужасно! Ох и сволочь ты... Лучше бы я охотилась на борков.

Я рассмеялся:

— Но у тебя все получилось?

— Да, хотя все еще не верится. Как Санда?

— Я еще не звонил ей.

— Послушай, сюда никто не придет в ближайшее время? Когда я смогу покинуть этот мавзолей? Я страшно проголодалась!

— В семь тридцать включатся общие лифты. Ты находишься на административном этаже. С первым же лифтом спустись на главный этаж и пройди через аварийный выход. Удостоверение не нужно.

Такое допускалось в экстренном случае, но при этом записывалось ваше изображение, дата и время. После их ухода я собирался воспользоваться кодом, который сообщил мне Сагал, и стереть запись.

Я сказал ей несколько ободряющих слов и позвонил тем же способом в комнату для совещаний. Санда волновалась еще сильнее, чем Дилан. Она поведала о досадном происшествии с нураформом. Я успокоил ее — ведь те же роботы убирали коридор. Успокоившись, Санда стала болтать без умолку.

— Это было, — щебетала она, — самым восхитительным событием в моей жизни. Даже большим, чем рождение моего первенца!

А у меня словно гора свалилась с плеч. План сработал. И у нашей троицы отличное алиби. Слава Богу! Мы свободны и чисты.

В семь сорок пять я стер запись. В восемь шеф Службы безопасности проверил пленку и убедился, что «нарушений не было». А я валился с ног, хотя собирался отключиться только к десяти. Я чертовски устал.

Вся прелесть аферы состояла в том, что участники не имели в ней никакого меркантильного интереса. А тот, кто докопался бы до «результатов», никогда бы не понял, как проделана вся наша операция.

ПОСЛЕДСТВИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В воскресенье мы собрались на корабле, чтобы отметить наш успех. Я особенно гордился Сандой, а ей не терпелось еще разок рискнуть. Дилан относилась ко всему гораздо серьезнее; она, так же, как и я, осознавала опасность проделки. Мы с ней очень походили друг на друга, несмотря на совершенно разное прошлое, только Дилан была намного практичнее. Но никогда бы не справилась с этим делом самостоятельно. Если бы не участвовала сама, никому бы не поверила, что такое возможно. Что, впрочем, и было нашим важным преимуществом перед гипотетическими сыщиками.

— Послушай, — обратился я к ней. — Так называемая правящая верхушка — президент корпорации, руководители синдикатов, центральная администрация — это те, кто выжил. Те, кому хватило дерзости, ума и везения повернуть собственные аферы, устранить соперников да к тому же выйти сухими из воды. И лишь неудачники попадают на страницы уголовного хроники.

— Хорошо, сейчас нам повезло, — возразила она. — Однако твое везение когда-нибудь кончится. Случись это прошлой ночью, на луны Момрата отправились бы мы с Сандой. Она вольна поступать, как ей заблагорассудится, но я больше не собираюсь рисковать ради твоих сумасшедших планов.

— Тебе не придется, — заверил я как можно искреннее. — Помогать, да. Мы все партнеры. Но такое

невозможно повторить. Отныне мы займемся кое-чем другим. Я один пойду к конечной цели.

— Ты все еще преследуешь Ваганта Ларв?

Я кивнул:

— У меня много причин.

— А если тебя уберут?

Я улыбнулся:

— Попытаюсь снова. Мои копии будут посылать до тех пор, пока задание не будет выполнено.

В этот же день я открылся Санде. Я считал, что она это заслужила — знать всю правду. Я кривил душой перед Дилан, обещая ей спокойное будущее; как я мог знать, что нас ждет впереди. Но мне наверняка понадобится ее корабль, и я действительно восхищался этими прекрасными женщинами, разительно не похожими на тех, с кем я в пятницу коротал вечер, — ограниченными и пустыми сплетницами.

Следующие недели были очень напряженными. Я зависел от общества, которое эффективно и компетентно управлялось преступниками. Но после успешного завершения нашей операции я склонялся к мысли, что был слишком щепетилен.

В конце дня ко мне зашел Турган Сагал. Он светился от счастья.

— Сегодня заподозрили Хамгирта, — сообщил он.

— Неужели? — Я старательно изображал безразличие, но чувствовал, как меня распирает от гордости.

— Похоже, он питал тайную страсть к азартным играм. Завяз в долгах, выкачивал деньги из корпорации и размещал в виде мелких вкладов в небольших банках. Несколько дней назад банковская служба безопасности наткнулась при проверке на цепочку счетов, которая привела к нему.

— Что вы знаете об этом! — насмешливо ответил я. На мгновение он запнулся.

— Это ваших рук дело? — пробормотал он, словно пораженный внезапной догадкой. — Вы сфабриковали это? Как?

— Я? Я не занимаюсь такими вещами, — ответил я с нарочитой серьезностью. — Черт побери, как можно фальсифицировать такое? Это немыслимо! — Я громко рассмеялся.

Он немного посмеялся со мной, а потом удивленно уставился на меня.

— За что же вас сослали сюда?

— Компьютерное мошенничество.

— Как они вас поймали?

— Так же, как Хамгирта, — объяснил я.

Он присвистнул:

— Черт возьми! Я больше не спрашиваю. События развиваются, и расследование ведется очень тщательно, поскольку Хамгирт не только все отрицает, но и прошел детектор лжи.

— Конечно. Они знают, что это фальшивка. Но не помогут ему. Только не волнуйтесь — его не убьют, не сошлют на рудники и не сделают ничего подобного. Устроят выволочку и выгонят. Не за растрату — просто за то, что оказался слабаком и позволил себя подставить. Разве таким можно доверять секреты корпорации? Синдикаты не прощают ошибок. Помните об этом, когда вас выберут.

Он кивнул:

— Разумно. А если они догадаются...

— Каким образом? — возмутился я. — Расслабьтесь и пользуйтесь шансом. Надеюсь, вы получите повышение?

— Именно поэтому я и пришел к вам. Меня попросили поработать инспектором корпорации, пока настоящий инспектор замещает президента. Вероятно, мы не выполним липовый план Хамгирта в этом квартале. На новом поприще я сведу его к более реальным цифрам. Может быть, даже покажу совету ди-

ректоров, что Хамгирт пытался мне отомстить. Они с удовольствием поверят...

— А когда я получу свое? — вкрадчиво спросил я. Он помолчал.

— Дайте мне месяц, чтобы я взял дело в свои руки. Тогда не вызовет подозрений, если я награжу нескольких старых сотрудников.

Я кивнул:

— Меня это устраивает. В любом случае мне придется много работать на компанию, прежде чем я уеду. Не удивляйтесь, у меня к вам еще кое-что.

Он с беспокойством посмотрел на меня:

— Вы о чем? У нас был уговор.

— Я не собираюсь его нарушать. Это касается больших услуг. Первое — мне хотелось бы время от времени бывать на приеме у инспектора корпорации. Ну, скажем, деловые завтраки. Хотелось бы, знаете, держать руку на пульсе...

Он успокоился:

— Это легко устроить.

— А второе одолжение совершенно иного рода. Я мог бы и сам проверить все это, но лучше, если все будет официально...

— Слушаю.

— Одна молодая женщина оказала нам с вами неоценимую помощь. Она связана — постоянные материнские обязанности, от которых хочет избавиться. Я хотел бы помочь ей — в знак благодарности.

Он слегка задумался:

— Это довольно сложно. Даже не знаю... Давайте подождем немного; я постараюсь что-нибудь сделать. Устраивает вас?

— Скоро у нее будет двухмесячный отпуск, поэтому дело терпит. Вам нужны ее имя и шифры?

Он усмехнулся:

— Нет. Я неплохо осведомлен о жизни моих подчиненных.

Он сразу вырос в моих глазах. Однако я не соби-
рался отступать:

— Как видите, мистер Сагал, я надежный друг. Я не собираюсь вставать на вашем пути. Не забудьте, пожалуйста, что, если вы попадете в беду, психический анализ выявит меня. И наоборот. Поэтому мы заинтересованы в обоюдном благополучии.

— Забавно, — ответил он. — Я собирался напо-
мнить вам то же самое...

Жизнь потекла размеренно и спокойно, как по расписанию. Сагала повысили, план сократили, правительственные эксперты определили максимальный производственный потенциал компании с учетом персонала и норм.

Пожарную сигнализацию полностью обновили, ночных дежурных заменили другими, а уборку помещений усовершенствовали. Несколько сотрудников, включая меня, допрашивали о личных знакомствах и тому подобном. Следователи, конечно, ничего не обнаружили, и буря утихла так же стремительно, как началась.

В конце месяца у Санды родилась девочка, и неделю спустя она выглядела и вела себя почти как прежде. Я дал ей знать, что занялся ее делом, но надо набраться терпения. Похоже, она смирилась. После нашей авантюры она мне доверяла полностью и не сомневалась, что выручить ее — для меня дело чести.

Вскоре в компании Тукера назначили нового управляющего. Многих сотрудников повысили, а кое-кого уволили — прежде всего тех, кого считали людьми Хамгирта.

Я получил директорскую должность президента Хроясэйл, дочерней компании Тукера. Место очень хорошо оплачивалось, но было известно, что это второстепенный пост, должность, на которую чаще переводили «сверху» проштрафившихся. А мое назначение

тоже никого не удивило — его восприняли, как результат очень личных отношений с Дилан.

...Вот я и стал «президентом» — меньше чем за год. Не важно, что должность бесперспективная. Я отвечал за флот — четыре охотника-истребителя и шестьдесят два траулера, а также за склады и цеха обработки улова.

Наша контора занимала трехэтажное строение с видом на гавань, устроенное в кронах двух гигантских деревьев. Одну из ветвей срезали и устроили на ней съезд, напрямую соединяющий здание с причалом.

Нижние этажи занимали младшие служащие и канцелярия, здесь же находились емкости для предварительного хранения скрита, маленького красноватого организма — нечто среднее между растением и животным. Из него извлекали вещество для электропроводящих материалов. Раз в неделю, а иногда и чаще, приходил грузовой флаер, забирал емкости со скритом и оставлял порожние.

А верхний этаж был закрыт со времен последнего управляющего, уже лет восемь. Я же стал щедро расходовать выделенные Тукером средства. Оборудовал удобные кабинеты для администрации и, конечно, роскошные апартаменты для себя. Вскоре я переехал в них, вслед за мной перебралась и Дилан. Мы составили и заключили брачный контракт, хотя брак считался редкостью на Цербере. Но в нашем союзе был практический смысл: четко определялись права на собственность и выполнялось мое обещание сделать Дилан полноправным партнером. Теперь ее положение в Хроясэйле стало одним из самых высоких.

Но было еще одно обстоятельство. Дилан придавала мне уверенности. Впервые в жизни у меня сложились столь доверительные отношения с женщиной. Мне было хорошо с ней даже тогда, когда мы порознь занимались каждый своим делом. Правда, зависимость эта беспокоила меня — до сих пор я считал себя выше подобных человеческих слабостей.

Как и полагается супругам, мы спали вместе и нередко менялись телами, но это нас ничуть не смущало. Принадлежа к Классу I, мы оба выполняли свои деловые обязанности независимо от тела, в котором находились: опыт сблизил нас сильнее, чем любую пару, которую мы когда-либо знали. Мне казалось, что я заполнил пустоту в жизни Дилан, оставшуюся после материнства. Она нуждалась в близком человеке постоянно, и для нее было гораздо важнее, чем для меня, делить ложе без экранов.

Меня, правда, раздражали ее привычки — сигары, которые смердели, несмотря на работающую вентиляцию, и то, что почти каждое утро она выходила на своем проклятом корабле и рисковала жизнью: Не прошло и двух недель моей службы на острове, как появились первые жертвы. Покалеченные и окровавленные моряки, если им «повезло», или искромсанные трупы в мешках, если не повезло. Я не хотел, чтобы Дилан постигла та же участь, но не мог на нее повлиять. Для себя я решил, что выйду в море только в крайнем случае.

Санда, конечно, была третьим лишним в этом раскладе, но дело обстояло не так уж плохо. Мы с Дилан были теперь неподалеку — на расстоянии короткого рейса до Дома Акеба. Санда была рада и этому, хотя в глубине души завидовала нам, нашей свободной и наполненной делами жизни.

Я уже не раз слышал от Сагала, хорошо укрепившегося на посту главного инспектора, что все высшее руководство сместят. Но Хамгирта, как я и ожидал, взяли на поруки — дали испытательный срок и посадили в кресло директора местной транспортной линии; она тоже принадлежала Тукеру...

Обстоятельства благоприятствовали мне. Но я был теперь осторожен — не искушал судьбу. Мне ведь предстояло достать самого Ваганта Лару! Так что надо быть начеку, надо терпеливо ждать удобного случая.

ОХОТА НА БОРКОВ

Мое беспокойство нарастало: Санда, похоже, помешалась на нашем приключении и просто умирала от бездействия. Однажды вечером она опять принялась за свое, услышав от Дилан какие-то ее новости.

— Это так здорово! — шумела Санда. — Я бы все отдала, чтобы хоть раз побывать там, на охоте!

— Ты можешь жестоко разочароваться, — заметила Дилан. — Да и не каждый день у нас бывают погони и атаки — слава небесам.

— Все равно. Мчаться по волнам и ощущать, что опасность подстерегает отовсюду — ах, как я это себе представляю! Мой отпуск на исходе. На следующей неделе я вернусь в Дом...

— Тебе нельзя в море, — доброжелательно заметил я. — Ты ведь ценная личность для государства. Не имеешь права рисковать!

— Я знаю, — вздохнула она.

Такие разговоры возникали регулярно. Санда пыталась договориться с Дилан, рассчитывая на ее дружбу, зная, что Дилан тоже однажды побывала в ее положении. Вечером Санда уснула в комнате для гостей, и мы легли почти не разговаривая. Наконец я сказал:

— Ты думаешь о Санде.

Дилан кивнула:

— Я слушаю ее и вспоминаю себя несколько лет назад. Можно как-нибудь помочь ей?

— Нет, и ты это знаешь. Сагал пробовал все связи, но пока безрезультатно. Это тупик — пока я не взло-

маю главный компьютер. А чтобы взломать его, нам придется заменить Лару.

— А наркотики? Они помогли мне выбраться оттуда.

— Этот путь теперь закрыт, — возразил я. — Тогда судьи решили, что ничего противозаконного ты не совершила. Тебя отпустили, но издали новые законы. Любой обмен с людьми из категории «ценных для государства» теперь под суровым контролем.

— Мы могли бы меняться с ней ненадолго, время от времени. Это уже кое-что.

— Да, но только не для морской охоты! Если что-нибудь случится с одним из наших тел, мы автоматически попадем в постоянные матери — навсегда, несмотря на наш Класс I. В этом-то и состоит дьявольская сущность их системы. Правители боятся, что рождаемость снизится настолько, что не обеспечит их потребность в новых телах и нормальный прирост населения. Вот они и держат ситуацию под контролем — сами решают, кто достоин жить вечно, а кто — умереть.

— Эй! Не забывай, что это и мое общество, я здесь выросла, — рассердилась Дилан. — И Санда тоже! Руководители знают свое дело.

— Да, — согласился я. — Но я никогда не смирюсь с тем, что они навязывают одним жизнь, а другим — смерть. Да, шестьдесят процентов детей получают хорошее воспитание, но мне не дают покоя остальные сорок!

— Ты откажешься от нового тела, когда придет твоя очередь?

Я горько усмехнулся:

— Черт возьми, конечно, нет. Даже противники системы не могут не признавать ее преимуществ. Но это уже не будет иметь значения для нас с тобой: я не выберусь из очередной передраги, а ты пойдешь на завтрак борку. Твои слова относятся и к тебе — удача однажды нам изменит.

— Я думала об этом, — произнесла она. — В последние годы мне фантастически везло, но всему есть предел. И день, когда ты будешь сражаться с Вагантом Лару, может стать для тебя последним. Ради этого я и живу сейчас. Мы оба обречены, выполняя любимое дело. Ты тоже чувствуешь это.

Я кивнул:

— Да.

— Но если мы завязтые авантюристы, почему бы не взять Санду с собой?

— Мой внутренний голос протестует, — честно признался я. — Не знаю почему.

— Я хочу рассказать тебе историю. Про одну девушку... Ее отобрали в юном возрасте; эксперты нашли все ее гены в полном порядке. Ее поместили в специальную школу. Вместо обычного образования ей непрерывно твердили о прелестях материнства. К тринадцати годам ее настолько обработали, что она страстно желала только одного — исполнить свой долг. К тому же ей внушили, что она — существо избранное.

Она помолчала с отчужденным и задумчивым видом. Потом продолжала:

— Наконец эта девушка сдала экзамены по акушерству и уходу за детьми, отметила свое пятнадцатилетие и была отправлена в Дом Акеба. Несколько месяцев она жила как в раю — имела все, что хотела, наслаждалась общением, путешествовала и так далее. И конечно, они сделали ее беременной. Хотя и весьма неромантически — в кабинете у врача. Она восхищалась чудом внутри себя. И вот родился ребенок, довольно болезненно в первый раз, но это не имело для нее значения: теперь у нее был прекрасный мальчик и заботы о нем — кормление, уход... Месяц спустя ребенка забрали. Они даже, — она запнулась, голос задрожал, — не сообщили ей об этом. А потом дали двух-

месячный отпуск и — обратно. Она должна была родить по ребенку в год.

Я увидел в ее глазах слезы. Она — это было впервые — плакала.

— И тогда, — продолжала Дилан прерывающимся, чужим голосом, — она кинулась к друзьям за утешением, но все вокруг привыкли к системе или сдались и примирились с ней. Меня это не устраивало, но в какой-то степени я сначала покорилась. Дом Акеба стоит почти на берегу, рядом с гаванью. Я привыкла наблюдать, как охотники выходят в море, и всегда, подобно Санде, мысленно была с ними. Я дружила с ними, но, когда скрыть беременность становилось невозможно, они чурались меня.

Однажды, во время отпуска — после пятих родов — один добрый человек, которого я никогда не забуду, сказал почти то же самое, что и ты сейчас. Он рисковал — и тайно провел меня на судно.

И знаешь — ничего особенного не случилось. Да, мы заметили борка, но другое судно перехватило его. Зато я возродилась, Квин! Я твердо решила изменить жизнь! Если бы не эта поездка, я бы по-прежнему жила в Доме. Рожала детей и смотрела на море. И так же, как Санда, убивала время. Теперь понимаешь?

Я повернулся, обнял ее и привлек к себе.

— Да, Дилан, — вздохнул я. — Когда мы возьмем ее с собой?

— Послезавтра. Не хочу, чтобы на моей совести была еще и смерть ребенка.

— Хорошо. Но, пожалуйста, продумай все еще раз. С морем шутки плохи.

— Знаю. Считаю меня глупой, слабохарактерной, какой угодно. Но я тоже рисковала ради тебя. Возможно, нам повезет еще раз. У меня хорошая команда. Они не проболтаются.

— Ты все решила?

— Абсолютно.

— Тогда и я отправляюсь с тобой.

Она села:

— Ты? После стольких уговоров?

— Мало ли что? Кто здесь директор и за все отвечает?

— Нет, — твердо произнесла она. — Поезжай, если хочешь — я буду рада. Но за корабль и людей отвечает только капитан. Таков закон. Понял?

— Слушаюсь, капитан, — ответил я и поцеловал ее.

Утро выдалось отвратительное. Стоял туман, временами накрапывал дождь, с трудом верилось, что давно рассвело. Штормило, и суда тяжело переваливались на волнах. Но Дилан выглядела довольной.

— Нас скроет пелена дождя, и даже наблюдатель из Дома Акеба ничего не заметит — Санда будет в плаще с капюшоном.

Накануне, в открытом море, она предупредила команду. Никто не возражал. Они знали ее — может, почти так же хорошо, как я. И очень уважали.

Официально кораблик назывался «Танцующий Гром», но звали его просто «лодкой Дилан» или еще проще — «лодка».

Мы с Сандой сидели в каюте, где не так давно плели свой заговор. А сейчас моряки обряжали нас в спасательные жилеты и инструктировали.

Мы старались не отвлекать Дилан от штурвала.

— Вы оба умеете плавать, так? — полушутя спросил один из моряков.

— Да, хотя не знаю, как далеко и с какой скоростью, — в тон ему ответил я. — Жаль, что день такой скверный.

Он рассмеялся:

— Что вы, день хороший. Видели бы вы настоящую непогоду! Волны катят через палубу, даже нас

тошнит. Но вы не беспокойтесь. В полдень будет уже тепло и солнечно.

На удивление, так и случилось.

Было очень интересно наблюдать за кораблями. В сопровождении двух охотников-истребителей медленно тащились траулеры, а мы, как замыкающие, последними покинули гавань. Вскоре «лодка» приподнялась, показались два напминавших лыжи крыла, и легко, набирая скорость, заскользила по поверхности моря.

Я смотрел на стремительно удаляющуюся «береговую линию», почти скрытую в тумане. Призрачный пейзаж. Массив деревьев, вздымающийся из воды и мглы, отмеченный лишь несколькими далекими огнями.

— Господи! До чего же здорово! — Возбужденная Санда носилась от одного иллюминатора к другому, ахая и охая от неподдельного удовольствия.

А я, старый космический волк, испытывал, мягко говоря, необычные ощущения в желудке.

— Давай поднимемся на мостик, — предложил я, когда мы прорвались сквозь шквал, и все вокруг неожиданно залили солнечные лучи.

— Отлично! Веди!

Мы прошли мимо электронной аппаратуры биомониторов, миновали камбуз и поднялись на мостик. Дилан спокойно сидела в капитанском кресле, положив руку на штурвал и поглядывая вперед. Она повернулась к нам и с улыбкой спросила:

— Ну как? Нравится?

— Изумительно! — восторженно произнесла Санда. — Дилан, я перед тобой в вечном долгу!

Дилан поднялась и крепко обняла Санду. По выражению лица нашего капитана можно было догадаться, что о большем она и не мечтает.

— Эй! — воскликнул я. — А кто будет править?

Дилан рассмеялась:

— Автопилот, конечно. Никакого управления не требуется, пока не попадем в свою зону.

Я застеснялся. Я ведь лез в логово зверя. Не сомневался в победе над Вагантом Лару. Водил звездолеты... А тут растерялся в двух километрах от берега!

— Ты позеленел, — нежно сообщила Дилан. — Будь я коварнее, я бы устроила настоящую болтанку! Видно, я слишком тебя люблю.

До полудня мы спокойно шли со скоростью тридцать шесть узлов по пустынному океану, направляясь к сектору на юго-востоке от Медлама — в свой промысловый участок. Там, в поисках скрита, кораблик стал описывать круги.

— Скрыт в коммерческих количествах не обнаружен, — сообщил громкоговоритель. — Внимание, замечен борк.

Дилан оживилась:

— Мы его не интересуем?

— Нет. Большой, четыре или пять тонн. Приблизительно в тысяче двухстах метрах к юго-западу, на глубине двадцать метров. Похоже, поднимается.

— Не спускайте с него глаз, — приказала капитан. — Докладывайте о поведении!

Она вышла на верхнюю палубу, я пошел за ней. Ветер на такой скорости пробирал основательно. Дилан всматривалась в открытое море, я проследил за ее взглядом, но ничего не заметил.

— Вот он, — произнесла она безразличным тоном, указывая на что-то. Я скосил глаза в ту сторону, но ничего не увидел, кроме воды.

— Я не вижу.

— Прищурься! Или надень темные очки.

Я надел очки, очень неудобные. Не помогло.

Она не успокаивалась:

— Видишь маленькие пятнышки?

— Кажется.

— Это гики.

Я силялся вспомнить, кто такие гики. Кажется, летающие чудовища... Питаются падалью.

— Они всегда сопровождают борков?

Она кивнула:

— Они слишком ленивы, чтобы охотиться, а борки — кровожадные убийцы. Странно, что они предпочитают кормиться скритом. Однако нападают на всех, даже на своих сородичей. Экологическое равновесие: борки кормят гиков и других прилипал, убивая животных, которых не хотят или не могут есть. Поэтому истребление борков ограничено.

Нас прервал громкоговоритель:

— Он поворачивает и направляется к колонии скрита. Кораблям приказано замедлить ход. Будем сражаться?

Дилан задумалась:

— Вызови Карел! Узнай, прикроет ли она нас.

Пауза. Я понял, что лучше не вмешиваться в их дела. Однако слова «четыре-пять тонн» не выходили у меня из головы.

— Карел в двадцати минутах хода отсюда, а эс-корт — в сорока.

Она посмотрела на меня:

— Где Санда?

— Была в каюте.

Она повернулась к громкоговорителю:

— Проверьте, где пассажир, и поторопите Карел. Все расчеты — в полную готовность! — Дилан щелкнула переключателем. Корабль резко сбросил скорость. Положив руку на штурвал, а другой взявшись за дроссель, она перехватила управление у автопилота.

— Тебе лучше пойти в каюту и пристегнуться, — обратилась она ко мне. — Нам придется уворачиваться от этого ублодка.

Я рассеянно кивнул, снова испытывая неприятные ощущения в желудке. Мне многое по плечу, но здесь,

в открытом море, я полностью во власти Дилан и ее команды. Мы приближались. С полдюжины гиков кружилось над водой.

— Квин! Пожалуйста!

— Хорошо, хорошо. Я просто подумал: почему их зовут борками?

В тот же миг перед нами вынырнула огромная туша, раза в три больше нашей «лодки». Распахнулась чудовищная пасть, показались страшные зубы и извивающиеся щупальца; громоподобное «БОО-ООААААРК!» прокатилось над морем, чуть не разорвав мои барабанные перепонки.

— Да-да, дурацкий вопрос, — пробормотал я и устремился в каюту. Санда, пристегнувшись к креслу, смотрела в окно. Я сел рядом. Меня швырнуло к борту — «лодка» неожиданно изменила курс.

На лице Санды застыло глуповатое выражение, рот приоткрылся. Я глянул в окно и сразу понял, что выгляжу не лучше.

Над бортом нависла красно-коричневая масса, разбухающая на глазах. С обеих сторон вздымались огромные щупальца, густо усаженные костяными шипами. Казалось, им ничего не стоит схватить и раздавить «лодку»...

А она, как бы неторопливо, кружила рядом. Словно на увеселительной прогулке!

Неожиданно двигатель заревел на предельной скорости. Прогремели выстрелы, корабль содрогнулся от носа до кормы. Со столиков что-то посыпалось, поскольку процесс становился неуправляемым. Кроме того, лазер не мог поразить такого исполина, чьи жизненно важные органы всегда находились под водой, вне досягаемости прямых атак с «лодок».

Снаряды явно достигли цели. Чудовище зарычало и рванулось с удивительной для его размеров скоростью. Но мы по-прежнему следовали за ним.

Со всплеском, который сам по себе мог утопить нас, тварь, похоже, начала погружаться, но я сомневался, что у нас будет передышка. Впервые в жизни я чувствовал себя не только беспомощным, но и напуганным.

Нас чуть не вырвало из ремней безопасности, когда взрели двигатели, и судно почти выпрыгнуло из воды. А борк тотчас же с ревом вынырнул за кормой. Я с ужасом понял, что мгновением раньше мы были на этом самом месте.

Заговорило кормовое орудие. Кажется, два десятка снарядов попали в тушу, но лишь слегка повредили ее. Борк снова исчез среди волн. Сверху, перекрывая шум происходящего, неслись яростные крики: «Гик! Гик!» Словно скандировала команда болельщиков — кажется, это было недалеко от истины: именно так многие животные на Цербере получили свои названия.

Больше получаса длилась игра с чудовищем в кошки-мышки. С обманными ходами, под грохот пальбы, которой хватило бы, чтобы стереть в порошок небольшой городок. Раны на теле громадины пузырились и шипели. Похоже, неповрежденных мест было пока больше...

В конце концов я понял, чего добивалась Дилан: она отгоняла борка от колонии скрита, кошунство — устраивать такую бойню в качестве развлечения. Кажется, она отогнала его на несколько километров. Но пушек было явно недостаточно, чтобы с ним справиться. Мы понеслись прочь, на сей раз не стреляя. Я решил, что все закончилось.

Но вдруг кораблик сделал крутой поворот, и я увидел другую «лодку» — несомненно, Карел, — мчавшуюся к зверю. Он, конечно, видел, что «лодки» повернули к нему, но не собирался отступать, несмотря на раны. Теперь мы стремительно приближались — я даже испугался, что мы столкнемся с этой тварью.

Но тут позади нас прогремели залпы: вторая «лодка» запустила управляемые торпеды. Две из них выпрыгнули из воды и устремились в глотку чудовища...

Его сотрясли мощные взрывы. Огромные куски окровавленной шкуры, кости и щупальца расшвыряло во все стороны. Я увидел подходившую с кормы «лодку» Карел, услышал потонувший в предсмертном реве чудовища сигнал и ответ с нашей «лодки».

Это подтверждение — борк уничтожен. Послышались крики и поздравления.

Санда восхищенно качала головой:

— Вот это да! Сколько я читала книг, слышала историй, смотрела видео, но никогда не представляла себе такого! Слушай, по сравнению с этим весь наш план — сущая ерунда! — Она замолчала и озабоченно посмотрела на меня. — А с тобой все в порядке?

— Кажется, у меня в штанах не совсем сухо, — проворчал я.

Позже я взял себя в руки, оправился и вышел наверх к Дилан. Нет, эту передрыгу я не забуду до конца дней своих... Оказывается, меня тоже можно напугать! А ведь Дилан не только рискует вот так же чуть не каждый день, но, похоже, не видит в этом ничего героического. Если я доверю кому-нибудь свои тылы, то это, несомненно, будет только Дилан Коль...

Остаток дня прошел спокойно. Мы видели еще одного борка, но дело обошлось без погони. Мы просто охраняли флотилию траулеров, добывавших густой, красноватый скрит. Происшествий не было, и я наслаждался каждой минутой покоя.

Емкости были заполнены скритом меньше, чем за два часа. И мы отправились домой.

Я был под сильным впечатлением «охоты» и все больше беспокоился о Дилан, вспоминая о происшедшем.

Мы благополучно добрались до гавани и аккуратно причалили. Дилан проследила за швартовкой и потом подошла к нам.

— Подожди, пока стемнеет, — предупредила она Санду. — Тогда никто не догадается, была ли ты с нами или пришла позже.

Она согласно кивнула, и я собрался уходить.

Меня тряс озноб.

Я попрощался и стал спускаться по трапу на пристань.

Пройдя несколько шагов, я замер. Два человека стояли внизу у трапа, оба выглядели точь-в-точь как фараоны в любом уголке галактики. В животе у меня что-то оборвалось, как тогда, на корабле, под носом у борка.

Мужчина показал значок и мягко произнес:

— Прошу остановиться и хранить молчание. — Он кивнул женщине, она прошла на корму, открыла дверь и вошла в каюту.

— Проходите, — приказал мужчина. В его сопровождении мне пришлось вернуться. Мы вошли в каюту, обе мои подруги были там.

— Кто из вас капитан Коль? — спросила женщина-полицейский.

— Я! — тут же ответила Санда.

— Нет, я. — Дилан с досадой взглянула на Санду. — Это не поможет. Они все равно сканируют нас обеих.

— Послушайте. — Я попытался вмешаться, избражая негодование. — Я директор этой компании! Что произошло, господа?

— Капитан Коль обвиняется в преднамеренном нарушении закона, статья 623, часть 2 Всеобщего Уголовного Кодекса, — объяснил мужчина. — Особо опасное преступление против государства.

— Невозможно! — возмутился я. — Эти женщины работают у меня!

— Заткнитесь, — оборвала меня женщина. — Мы знаем, кто эта девица.

— Им придется пройти с нами, — добавил мужчина. Потом повернулся ко мне и предупредил: — Прошу не вмешиваться, иначе будете нести уголовную ответственность!

— Я могу пойти вместе с ними? Капитан — моя жена.

— Не возражаю. Но без фокусов.

— Разумеется, — заверил я, чувствуя, что везение наконец кончилось, если не для меня, то уж наверняка для Дилан, которая мне дороже всего на свете.

Я-то с удовольствием устроил бы сейчас заварушку. Но в такой ситуации делать было нечего — оставалось только подчиниться.

СУД

По дороге я успел предупредить обеих моих подруг — будем молчать! Дилан пожала руки Санде и мне.

— Все будет в порядке, — просто сказала она. — Я знала, на что иду, и ни о чем не жалею. Что ж, наверное, так справедливо. Зато прожила по-настоящему целых пять лет. Теперь пришла очередь другому.

— Не смей, — прикрикнул я. — Жизнь еще не кончена.

— Моя — кончена, — прошептала она.

В полиции, находившейся в том же здании, что и муниципалитет, женщин подвергли проверке: считали документы и просканировали сознание. А мне пришлось ждать — просто ходить взад и вперед по комнате ожидания. Даже охота на борков теперь отступила для меня на задний план перед новой заботой. Примерно через полчаса мне позволили переговорить с Дилан.

— Вот и все, — вздохнула она. — Они следили за мной все эти пять лет. Я их раздражала, и они ждали случая поквитаться. Очень уж свободно я вела себя, да и мое избавление от принудительного материнства наделало много шума. Я становилась символом надежды. Вот и надо было меня подловить. Они долго этого ждали...

— Что же теперь будет? — спросил я, страшно разозленный.

— Суд, — просто ответила она. — Свидетель — их агент, служащая, которую заставили следить за мной, полицейские и результаты сканирования докажут вину.

Я лихорадочно искал выход.

— Кто судьи? Какой у них ранг?

— Профессиональные заседатели. Тринадцать человек. Это произойдет всего через час.

Я подумал о своих связях с высшим начальством:

— Может, нужно кому-то позвонить?

Она покачала головой:

— Пока не надо. Мы даже не знаем, каким будет приговор. Ясно только одно — все спланировано давно. Не вини себя! Я пошла на это сама, мне и отвечать.

— Это с моей подачи...

Мы сидели и ждали, когда ее вызовут.

Зал суда — типичное судебное помещение. За столом тринадцать мужчин и женщин в черном. Микрофоном завладел один, значит, он — председатель. Когда меня впустили, я увидел и Санду, сидевшую в кресле, обращенному к судьям. Она недавно плакала, но, кажется, сейчас овладела собой.

— Государство против Дилан Занг Коль, — объявил главный судья. — Обвиняемая, подойдите, пожалуйста.

Дилан встала и подошла к ним, уверенно глядя прямо в глаза главному судье. Молодец, девчонка! — подумал я.

— Дилан Занг Коль, на основании свидетельских показаний, признанных истинными и неопровержимыми, вы обвиняетесь в сознательном нарушении статьи 623 часть 2 Всеобщего Уголовного Кодекса Цербера. Желаете ли что-нибудь заявить?

— Нет, ваша честь, — твердо произнесла она.

Я выругался про себя и завертелся на стуле. Дважды за сегодняшний день я испытал настоящий страх, и теперь уже второй раз — полную беспомощность.

— Санда Тайн, — подойдите, пожалуйста.

Санда, маленькая и испуганная, встала рядом с Дилан. Я увидел, как Дилан взяла Санду за руку и нежно, как бы успокаивая, пожала ее.

— Санда Тайн, вы сознательно нарушили Правила Объединения Синдикатов, относящиеся к Дому Акеба. Это признается истинным и неопровержимым на основании свидетельских показаний. Желаете что-нибудь заявить?

— Это я во всем виновата! — смело заявила Санда. — Я ее упрашивала постоянно...

— Мы рассмотрели все обстоятельства, включая полный анализ психологических профилей вас обеих. Закон гласит: проступок рассматривается с точки зрения интересов общества. Если кто-то получит в банке заем и не вернет его, то виноват будет банк. Изучив ваш психологический профиль, Санда Тайн, мы пришли к выводу: в совершенном преступлении вы играли подчиненную роль, поскольку проникли на судно с разрешения капитана.

И поэтому суд приговаривает вас обеих к взаимному обмену телами средствами правосудия и к постоянному пребыванию в этих телах. Мы также постановили, что вы, Дилан Коль, возьмете на себя обязанности тела Тайн и не получите никакой другой работы. После окончания суда вы направляетесь на психологическое лечение.

— По какому праву вы превращаете мою жену в бессловесную тварь! — вскричал я.

Судья сделал паузу. Все тринадцать заседателей смотрели на меня с отвращением. Похоже, я сделал только хуже. Но мне было уже все равно.

— Вы супруг подсудимой Дилан Коль?

— Да, и я...

— Соблюдайте тишину! Или я прикажу арестовать вас! — Он замолчал, явно ожидая, не приму ли я вызов, но я сдержался.

— Позвольте объяснить вам, — продолжал судья с явным удовольствием, — что профиль Дилан Коль имеет суицидальный характер. Мы предотвратим возможное самоубийство и другие опасные поступки — только и всего! Вы удовлетворены?

Что я мог сказать? Впрочем, можно было попытаться, пока меня слушали.

— Ваша честь, разве она не может жить со мной? Даже исполняя другую работу, она могла бы помогать и мне — без всяких расходов со стороны компании или государства. Почему бы не использовать ее опыт?

Судьи стали перешептываться. Главный судья выглядел слегка удивленным. Подумав, он обратился ко мне:

— Похоже, мои коллеги в определенном смысле согласны с вами. Приговор не должен затронуть вас, вы ни в чём не обвиняетесь. Романтика какая-то... Позвольте спросить — вы когда-нибудь проходили полную проверку психики?

Я ответил:

— Да, ваша честь. По прибытии на эту планету и при устройстве на работу.

— Понятно. Ваше поведение типично для цивилизованных миров, а там ведь почти все стерилизованы... Способны ли вы к зачатию?

— Меня обнадежили, ваша честь, — ответил я. — Несмотря на то, что это тело — продукт генной инженерии, оно попало сюда с дальних рубежей.

Снова перешептывания, кивки и жесты. Наконец председатель провозгласил:

— Мы нашли приемлемое решение. Мы передаем подсудимую синдикату, который выращивает и воспитывает детей. Должны соблюдаться все его правила, уставы и положения, но заботиться о Дилан Коль поручаем вам на следующих условиях.

Во-первых, все правила, уставы и положения должны выполняться. Во-вторых, вы должны добро-

совестно исполнять обязанности по оплодотворению осужденной или заказывать их, если осужденная не выполнит норму. В-третьих, нести все финансовые расходы. Осужденная лишается кредита, денег и законной собственности за исключением того, что будет получать от вас. Все ее именные счета будут переведены на вас, ее удостоверение аннулируется. В-четвертых; она будет исполнять все обязанности, которые вы на нее возложите. В-пятых, если вы когда-нибудь откажетесь от ее общества и услуг, она должна немедленно сообщить об этом и зарегистрироваться в ближайшем Доме Гильдии. Вы поняли условия?

— Да, ваша честь.

Самый унижительный и позорный приговор, который я когда-либо слышал! Худшего не придумать для свободолюбивой Дилан — ее низвергают до рабства. Однако надо соглашаться, лучшего выхода сейчас нет! Но когда-нибудь, Цербер, я расквитаться с тобой за все!

— Приговор в отношении Дилан Занг Коль оглашен и утвержден, — произнес судья. — Осужденная будет находиться под стражей и подвергаться наказанию в течение нескольких часов. Освобождение завтра в десять утра, после чего она переходит в ваше ведение, Квин Занг.

Я кивнул и сел.

— Санда Тайн, — продолжил служитель Фемиды. — Вы осуждены и будете заключены в тело, которое сейчас принадлежит Дилан Коль. В дальнейшем вы подвергнетесь психологической адаптации в городском отделении Медлама и получите статус неимущего. Вы имеете право работать на непрестижных и малооплачиваемых должностях, относящихся к Класу II. Приговор должен быть приведен в исполнение безотлагательно. Заключенные будут отправлены в камеры предварительного заключения.

Тринадцать человек покинули зал, полицейский вывел двух женщин в боковую дверь. Ни одна не оглянулась на меня.

В десять утра я в волнении прохаживался по вестибюлю. Долго ждать не пришлось. Вскоре обе женщины, ничуть не изменившиеся за ночь, вышли и направились ко мне. Их остановили, велели что-то подписать, выдали им удостоверения.

Дилан была теперь в стройном светловолосом теле Санды.

— Привет, — вяло произнесла она.

— Привет, — я поцеловал ее. — Было неприятно?

— Да нет. Я почти ничего не помню. Все неприятности еще впереди. Неужели эти мерзавцы действительно отдали меня тебе!

— Ничего сверхъестественного, — объяснил я. — Похоже, у больших руководителей и у самого Лару имеются частные гаремы. Мужские или женские. Это ведь основано на их главном принципе — вы владеете своим сознанием, но государство владеет вашим телом.

— Возможно. Но они завладели еще и частью моего сознания. Не думаю, чтобы они упустили шанс унижить меня. И я должна, словно какое-нибудь животное, беременеть точно по расписанию? Я не смогу никуда отойти без разрешения, я не смогу взойти на борт корабля! Этакое дерьмо!

— Но я постараюсь скрасить твою жизнь!

Она попыталась улыбнуться:

— Я знаю. Послушай, я ведь говорила, что легко иду на риск. На этот раз мы проиграли, вот и все. Посмотри, сколько плюсов: тебе больше не придется беспокоиться обо мне. К тому же эти сволочи внушили мне яркие сексуальные фантазии о тебе.

— Я их не просил.

— Я знаю. — Она повернулась. — А вот и Санда. Она выглядела действительно потрясенной, преисполненной вины: она подвела своего кумира.

Дилан прижала ее к себе:

— Не казись! Ты теперь свободна! И мы по-прежнему вместе! — Она обернулась ко мне. — Ты ведь найдешь ей работу?

Я почувствовал облегчение:

— Конечно. — Я огляделся. — Пошли отсюда.

Мы вышли навстречу солнцу и морскому бризу. Дилан посмотрела на Дом Акеба.

— Они поставили еще одно условие, которое мне придется выполнить, — сообщила она. — Я должна пойти в Дом, рассказать женщинам о том, что случилось, и покаяться.

— Договорись сейчас, и покончим с этим, — предложил я. — Вот телефон!

Она подошла к нему, вынула удостоверение и вставила в щелку. Ничего не произошло. Она вздохнула и повернулась ко мне.

— Тебе придется набрать номер за меня, — устало произнесла она. — Без кредита я не могу даже позвонить.

Я пытался успокоить ее:

— Я разделаюсь с Лару и этой чертовой системой. Ты снова выйдешь в море. Клянусь!

Я хотел сделать все возможное, чтобы она поверила.

ПРОЕКТ «ФЕНИКС»

Дилан отправилась в Дом Акеба на принудительную исповедь. С моего благословения она осталась там на некоторое время, встречаясь со старыми друзьями, принимая соболезнования и советы. Несчастные нуждаются в обществе, как заметила Санда, и если вдуматься, не было никого несчастнее Дилан.

Вернувшись, она принесла кое-какие интересные новости.

— Там появились две женщины. Они пребывают в Затворничестве, — сообщила она. — Я ничего не слышала о них. Настоящие красавицы.

— Что такое Затворничество?

— Им нельзя выходить из Дома, у них отобрали удостоверения. Обычно так наказывают нарушителей, но в данном случае на это не похоже. Ты никогда не угадаешь, откуда они приехали.

Я пожал плечами:

— Что за тайна?

— Они с острова Лару, — сказала она. — Они были его — кем? Куртизанками? Наложницами? Не знаю.

— Что они натворили? Поссорились со старым хозяином? Или надоели ему?

— Они не знают. В один прекрасный день собрали группу и разослали по Домам — в Затворничество. Эти красавицы считают, что Лару затевает на острове какое-то крупное дело. Несколько месяцев назад там появилось много новых людей и оборудования. Одна

из них видела надпись на штабеле ящиков, поступивших от Тукера.

Все лучше и лучше!

— Какую надпись?

— Проект «Феникс».

Я справился на мониторе с энциклопедией — легендарная птица древних культур Земли, обладавшая способностью при приближении смерти сгорать и потом снова возрождаться из пепла.

— Ты можешь посещать Дом, когда захочешь?

— Конечно.

— Пожалуйста, получше познакомься с этими женщинами. Расспроси их подробнее о Лару, об острове и этом таинственном проекте.

— Как тебе будет угодно, — ответила она. — Но имей в виду, пожалуйста, если у тебя появятся новые планы: они вложили в мое сознание еще один запрет — я не способна лгать.

Я был готов к этому:

— А ты можешь не говорить правду? Промолчать?

Она задумалась:

— Да. В противном случае любой мог бы выкачивать из меня сведения о тебе, а это противозаконно.

— Вот и хорошо. Обходи каверзные вопросы.

— Как тебе будет угодно, — механически повторила она.

Я недоуменно посмотрел на нее:

— Что все это значит?

— Обработка, вот что... Любой твой приказ, если он не противоречит правилам Синдиката или другим, заложенным в мое сознание ограничениям, я должна выполнять. Не переживай — ты не можешь этого изменить. Ты даже не можешь приказать мне не считаться с ними, потому что они чертовски предусмотрительны! Я принуждена обслуживать. Меня сделали абсолютно пассивной. Если надо мной не будут доминировать, я буду страдать. Каж-

дый раз, подчиняясь твоим распоряжениям, я испытываю удовольствие... Я существую для того, чтобы выполнять твои команды, и ты должен с этим считаться.

Я с удивлением воззрился на нее. Неужели это та самая Дилан Колъ, которая всего сутки назад бесстрашно сражалась с чудовищем? Та независимая, отчаянная авантюристка, которая избавилась от материнства, добилась должности капитана и взломала компьютер? Я чувствовал растерянность:

— Тебе все время нужны задания?

— Да. Готовить еду, убирать, все что угодно. Тебе трудно принять это, да и мне нелегко, но ничего не подделаешь. Ты можешь отослать меня в Дом Акеба и забыть.

— Ни за что! Я найду каких-нибудь продажных психиатров и заставлю помочь тебе!

— Ничего не выйдет. Внушения заложены так глубоко, что любое вмешательство превратит меня в животное, а «ключ» от моего сознания — в главном компьютере. Только они сами могут восстановить мое мышление...

Опять главный компьютер! Я должен уничтожить Ваганта Лару! Обязан!

Я стал искать все служебные связи, начиная с Тургана Сагала, с которым встретился за деловым завтраком.

— Вам что-то нужно. Вы никогда не приходите просто так, — констатировал он невозмутимо.

— Что такое проект «Феникс»?

Он вздрогнул:

— Откуда вы знаете это название?

— Не важно.

Он перешел на шепот и очень разволновался:

— Приятель! Вы играете с огнем!

— Турган, я все равно узнаю.

Он вздохнул:

— Похоже. Поговорим в другом месте. Я добуду информацию.

Он сдержал слово, хотя сам не был посвящен. Вот что мне удалось реконструировать, пользуясь компьютерной сетью Тукера, чтобы создать собственную версию из фрагментов информации.

Первое. Специалисты, которых забрали у Тукера в начале прошлого квартала, были экспертами по органическим компьютерам. Большая часть таких машин и связанных с ними исследований запрещены Конфедерацией; столетия назад уже первые разработки едва не превзошли возможности человека. Они породили борьбу за власть, и после кровавой и дорогостоящей войны этих изысканий боялись вплоть до настоящего времени. И как же поступали с людьми, которые интересовались этой темой? Стирали память или ссылали на Цербер?

Второе. Два месяца назад на острове Лару началось крупное строительство. Якобы для обеспечения безопасной посадки челночных кораблей. Но на самом деле затевалось что-то более грандиозное, судя по количеству затребованных рабочих и материалов.

Третье. Хорошо закодированная информация с центральных компьютеров Тукера и других корпораций передавалась через спутник. На другом конце линии связи был остров Лару, хотя официально он был связан с командным пунктом властителя Ромба через орбитальную станцию Цербера. Вопрос: почему эта сверхсекретная работа не проводилась на космической станции? Она ведь такая же большая, как остров.

Четвертое. Промысловую зону Хроясэйла увеличили почти наполовину вскоре после моего назначения. И Коборн, находящийся примерно на таком же

расстоянии к югу от острова Лару, получил такую же прибавку. А отделение добычи Эмисэйл вообще отсутствовало в новом плане: его площади передали Хроясэйлу (что вполне естественно) и Коборну, что было очень странно, поскольку Коборн — отделение корпорации Компворд. Никто ведь за здорово живешь не отдаст ценный участок своему конкуренту... Только правительство могло быть инициатором этих перемен...

Пятое. Единственные существа, которые пользовались человекоподобными органическими компьютерами, были Чужаки и их роботы-шпионы, связанные с Ромбом Вардена. Именно поэтому меня послали сюда!

Вывод напрашивался простой: Вагант Лару строит в своем убежище лабораторию органических компьютеров. А материалом его снабжают траулеры Эмисэйла.

Целыми днями я ходил взад и вперед, обсуждая это с Дилан, которая ничем не могла мне помочь. Однако ее практический подход все же оказался полезен.

— Почему ты считаешь, что здесь замешаны Чужаки? — спросила она меня. — Может быть, это новый проект самого Ваганта Лару.

Я вздрогнул. Мне показалось, что все части головоломки становятся теперь на свои места.

— Нет! — сказал я. — Чужаки с этим связаны — только они не знают об этом сами!

— Как?

Я сел:

— Чужаки делают копии людей, занимающих ответственные посты, к которым тем необходим доступ. И эти органические роботы дураят не только аппаратуру для распознавания личности, но абсолютно всех. Близких друзей. Возлюбленных. Они даже проходят сканирование мозга! — Я пришел в возбуждение. — Конечно! Как я был слеп!

Она с удивлением смотрела на меня.

— Сначала агенты похищают прототип — человека, которого нужно продублировать. Они записывают его данные, делают голографические изображения, а наши друзья-Чужаки создают — точнее, выращивают — органического робота, физически идентичного двойника. Не считая его дополнительных возможностей — глаз, видящих в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах необычной силы. Он изготовлен из чрезвычайно прочного материала и лишь отчасти покрыт эпидермисом. Вероятно, питается энергией полей, окружающих нас, — поэтому может существовать даже в вакууме. Тот, который проник в Командование Военных Систем, похоже, умел изменять свою конструкцию — он буквально запустил себя в космос. И все же он одурачил всех! В нем текла настоящая кровь; когда требовалось, он знал все правильные ответы и копировал человека вплоть до малейших привычек. Для этого есть только один способ.

— Какой же?

— Стать тем, за кого себя выдаешь.

Она недоверчиво покачала головой.

— Нет смысла. Это робот или человек?

— Робот. Совершенный робот. Невероятная машина, состоящая из крошечных одноклеточных компьютеров, которые независимо управляют сами собой, — вероятно, их триллионы. Но Чужаки решили проблему, которая не давалась нам — необратимо запрограммировать эти объекты, — они никогда не отклоняются от своей программы. Личность человека передается роботу, уже запрограммированному быть агентом!

— Так же, как роботизировали меня, — произнесла Дилан бесцветным голосом.

Я кивнул:

— Только их методы изощреннее. Психологическая обработка здесь не подходит, поскольку им

нужна цельная личность — меняется только позиция, заданная Чужаками в исходную программу действия робота.

Нужного человека похищают, допустим, во время отпуска, чтобы его не хватились. А возвращается он из «отпуска» идеальным роботом-шпионом. Изумительно!

— Очень похоже на мой случай, — заметила она.

— Прости, — мягко сказал я. — Я просто восхищался техникой дела. Мне не безразлична судьба человечества. Однако почти невозможно выловить их всех, и, видимо, основной удар уже нанесен.

— А проект «Феникс»?

Я задумался:

— Наверное, чтобы получить правильный ответ, нужно посмотреть на перспективы Ромба глазами Ваганта Лару. Что могут предложить Четырем Властителям, кроме возмездия? Плата существует: когда они победят, Четыре Властителя и их приспешники — а может быть, даже все население Ромба — получат новые тела органических роботов. Ты понимаешь, что это — избавление от микроорганизмов! Свобода передвижения, возвращение в миры Конфедерации! Но существует препятствие, которое обязательно заметят параноики вроде Лару.

— Понимаю. Что мешает Чужакам запрограммировать этих роботов в рабов-сверхлюдей?

— Ты делаешь успехи. Итак, у Ваганта Лару есть шанс к спасению, но он опасается воспользоваться им. Как бы ты поступила на его месте?

Она слегка задумалась:

— Изучила бы их и изготовила свои.

— Ты снова права! И для этого надо собрать всех и вся, кто хоть что-нибудь знает об этом, запереть на острове с роботами и оборудованием и пытаться найти решение. Для этого и создан проект «Феникс»!

Я откинулся в кресле, испытывая удовольствие. В один присест я решил половину загадки Вардена. Конечно, я ничего не знал о Чужаках и не представлял природу и цели их заговора, но не сомневался в их связи с Ромбом Вардена.

— Но какой толк в этих знаниях? — спросила Дилан. — Что ты можешь сделать?

Добрая практичная Дилан! Она попала в самую точку. Что мог сделать я? Точнее, что я хотел сделать?

Убить Лару и разрушить систему. Но хотел бы я, чтобы проект «Феникс» потерпел крах? Не знаю. В этот миг я знал только одно. Важнейшее событие в истории варденских миров происходило теперь на острове Лару — и я жаждал попасть туда.

ПРОСТОЙ СПОСОБ ПОПАСТЬ В НЕПРИСТУПНУЮ КРЕПОСТЬ

По прошествии нескольких дней Карел взяла меня на свой корабль. Занимаясь обычным патрулированием, мы на этот раз осмелились заплыть подальше. Я вспомнил рассказ Дилан о преследовании борка близ острова Лару и решил, что мы могли бы разыграть подобную сцену.

Остров лежал в океане вне зоны видимости с какой-либо здешней «суши». Именно такое место должно быть по вкусу диктатору — небольшая роща исполинских деревьев на площади около ста квадратных километров. Не разгуляешься. Мы кружили у защитного периметра, полностью контролируемого дистанционными сканерами. Толстые, темные стволы венчали оранжевые, пурпурные и золотистые кроны, но даже отсюда, с расстояния почти пятнадцати километров, можно было разглядеть с помощью приборов необыкновенное строение в центре острова. Сверкающее серебром, словно фантастический замок или модернистская скульптура. И одновременно — неприступная крепость. Ссылные наложницы рассказывали о нем Дилан, а она — мне, но слова меркли перед подлинником.

Электронные экраны накрывали, подобно куполу, это место и уходили на двухкилометровую глубину — до самого дна океана. Обладая средствами и нужным оборудованием, можно было бы проделать туннель

под экранами. Но ведь проникший за первый барьер все равно рисковал быть обнаруженным...

Карел, крупная, мускулистая женщина с глубоким, низким голосом, явно догадывалась о моих намерениях и рада была помочь. Она ведь была напарницей Дилан больше трех лет, их многое связывало.

— А что, если нагнать сюда стадо борков? — предложил я.

Она рассмеялась:

— Забавно, конечно, но не поможет. Несомненно, можно завлечь сюда борков. Но экраны очень мощные. Ты не представляешь себе, что сделают защитные системы даже с дюжиной борков.

— Понятно. И все же: как приманить борков?

— Звуками высокой частоты и специальными вытязками, имитирующими присутствие скрита. Если повезет, приплывут три или четыре, не больше. Они встречаются реже, чем другие животные. Иначе скрит был бы уничтожен.

Я кивнул, думая о своем: на берегу я постараюсь кое-что предпринять. Если иметь достаточно времени — Бог весть, сколько его у меня, — можно пробраться через экраны... Но на острове меня тут же сканируют... Нет, надо искать другой, простой путь.

— Дилан.

— Да, Квин?

— Как действовали торпеды твоей «лодки»?

— Детонирующее устройство, снабженное микрокомпьютером, вворачивается сбоку. Боевая готовность и собственно взрыв включаются дистанционно.

— Хорошо. А чем они отличаются друг от друга? С одного дистанционного пульта запускается целая группа?

— Очень просто. Частота сигнала всегда одна и та же, торпеды универсальны. Но каждая поставляется

с напечатанным на ней кодом. Нужно считать код в свой передатчик, чтобы выстрелить.

Я кивнул:

— А кто вводит номера, когда поступает новая партия?

— Каждый капитан собственноручно загружает торпеды, считывает номера и лично заносит их в компьютер. Почему ты так заинтересовался торпедами? Что-нибудь замышляешь?

— То, чего ты не знаешь, не может противоречить твоим психическим установкам, — уклончиво заметил я. — Конечно, кое-что замышляю.

— Простая смена номеров ничего не даст, — предупредила она. — Они не пройдут тестирование.

Я усмехнулся:

— Каков радиус действия передатчика?

— В качестве дополнительной меры безопасности — три километра. Для хорошего капитана этого вполне достаточно.

— И для меня, дорогая, — ответил я и поцеловал ее.

На следующий день я занялся документами отдела морских перевозок Тукера. Мне пришлось ждать больше десяти дней, пока Эмисэйл не сделал новый заказ — на двадцать торпед. Небольшая «творческая работа» с документами — и торпеды попали сначала ко мне.

Дилан уже не помогала мне — запрещал судебный вердикт. Однако Санда была рада поучаствовать. Я подобрал ей должность ремонтника в доках, и она, похоже, смирилась со своей участью. Теперь, однако, мне срочно понадобились «ремонтные работы» иного рода.

Работая по ночам, мы с Сандой удалили номера и заменили их другими, используя трафареты. Было чертовски трудно отдирать их, но мои верные ком-

пьютеры Тукера сообщили рецепт растворителя. Новые номера выглядели хорошо.

Санда слегка оживилась, когда догадалась, что затевается новая операция.

— Какой прок в перенумерации? — удивленно заметила она. — Они не пройдут проверку и будут забракованы.

Я улыбнулся.

— Они пройдут проверку, — пообещал я. — Мы не просто меняем номера, мы их обмениваем между торпедами. Когда их загрузят и начнут проверку, в компьютер придут отзывы — от торпед на складе, — но компьютеры об этом не узнают! Суда отчалят от склада с комплектом абсолютно непригодных торпед...

— Похоже, ты собираешься взорвать доки, — заметила она.

— Нет. Вряд ли борки появятся в трех километрах от берега. Опасная зона — после пяти километров, а это слишком далеко. Но, если за мной действительно станут следить, я могу взорвать склады на пристани — с одной из ваших «лодок».

— Ох, — только и вымолвила она.

Вредительство было только началом. Мне нужен был прецедент для применения торпед. Я взялся за борков.

Выяснилось, что есть довольно простые и эффективные способы — некоторые растворимые сульфиды привлекали их и «приводили в бешенство» (словно у них бывает другое состояние!). Но на большом расстоянии требовалось что-то другое. И снова решение оказалось простым — как и другие морские животные, борки чувствительны к ультразвуковым колебаниям. Наверное, пользовались ими при «решении территориальных споров», в сражениях и любовных играх (трудно представить такое, но ведь борков не

становилось меньше). Диапазон был невелик и хорошо известен; судовые двигатели и другое оборудование во избежание несчастных случаев изготавливали с учетом этого дела.

Посему, не мудрствуя лукаво, я приобрел у Отаха несколько модифицированных ультразвуковых передатчиков и повозился с ними. После небольшой доработки они превратились в дистанционно управляемые приемопередатчики, которые я мог настроить на любую частоту из любой точки в радиусе от пятидесяти до ста километров... Еще одно небольшое усовершенствование — и у меня был готов заряд, взрываемый дистанционно. Его хватит, чтобы разнести передатчик вдребезги и не повредить корпус корабля.

Я не решился открыться Дилан и морякам. Дилан могла попытаться остановить меня из-за своих психических установок, а моряки вряд ли одобрили. Мне тоже не очень нравился этот план, но на кону стояло нечто большее, чем несколько жизней.

Однако мне был нужен помощник. Санда? Я не был стопроцентно уверен в ней. Какие команды заложили в нее? Без консультации специалиста действовать было опасно.

Большинство медиков на Цербере страдало от безделья; микроорганизмы Вардена весьма эффективно заботились о здоровье населения. Однако оставались врачи для несчастных случаев и научных исследований. И еще одна медицинская специальность была позарез необходима властям — психиатры.

Почти все они были, конечно, ссыльными, осужденными за незаконную практику. Я часто слышал имя Сварка Дюмония. Превосходный психиатр был готов на все за дополнительную плату. Я отправился к нему, прихватив Дилан, чтобы визит выглядел правдоподобнее, а высокий гонорар — оправданнее.

Худощавый и нервный человек носил очки в роговой оправе. Это бросалось в глаза, поскольку на

Цербере все обладали прекрасным зрением. Он перехватил мой взгляд и пожал плечами.

— Считайте это пунктиком. Мне нравится носить их, стекла, разумеется, простые, потому что я ощущаю себя вне толпы. У меня врожденная близорукость, но я никогда не пытался устранить ее, а просто приобретал очки. Здесь я чувствую себя без них неловко.

Я улыбнулся и сел. Моя собственная теория — нет психиатра, который бы не нуждался в психиатрической помощи, — подтверждалась.

— Доктор, — осторожно начал я. — Я пришел, чтобы больше узнать о психиатрической обработке. Я постоянно сталкиваюсь с ее результатами.

Он кивнул и щелкнул пальцем по папке.

— Гм... это интересный метод. Высокоэффективный. Эта профессия требует большого опыта, и получение заданных результатов не всегда возможно. Когда вы вкладываете в человека нечто большее, чем простую команду, в состоянии, скажем, гипнотического внушения, вы рискуете нанести урон всей личности. Ведь информация хранится в мозгу в виде рассеянных электрохимических единиц. Она упорядочивается в коре головного мозга, конструируя со скоростью света все, что нужно, — голографическую память, личность. Для подобной работы нужны не техники, а артисты.

— Артисты, — пробормотал я. — Они уничтожили мою жену...

— Извините. Как специалист я подхожу к этому, скорее, абстрактно. Так восхищаешься искусной операцией на сердце. Даже в случае летального исхода.

Я понял его:

— Она переродилась... Это хуже тюрьмы или смерти.

— Ну что вы! Здесь эта процедура настолько обычна, что вы встречали сотни и тысячи людей с

обработанным сознанием, не замечая этого. А вам следует подумать об альтернативах. Можете не соглашаться с тем, что ваша жена провинилась. Но кто справедлив в этом обществе? Разве не поэтому мы с вами находимся здесь?

Я был вынужден улыбнуться.

— Если рассматривать случай с вашей женой формально, они взяли отщепенца и превратили в здорового члена общества, который не будет больше нарушать законы. По крайней мере важные.

— Важные для кого?

— Для государства, разумеется. Чтобы понять мою работу, вам следует помнить: наша задача — превратить ненормальных людей в нормальных. Древние совершали жертвоприношения, чтобы умиротворить богов. И каждый, кто выступал против жертв или сомневался в существовании богов, считался ненормальным. Социум цивилизованных миров показался бы чудовищно ненормальным многим поколениям наших собственных предков, но он наш. Мы рождены в нем и пользуемся его ценностями, даже если ставим под вопрос или отрицаем некоторые из них. Церберрианская культура суть культура цивилизованных миров, приспособленная к местным условиям. В глубине души вы знаете это.

Такой поворот беседы начинал мне не нравиться.

— Вернемся к Дилан, — продолжил он. — Раз она избавилась от материнства, это уже подрывает основы церберрианского общества. Но ведь все, независимо от занимаемого положения, кто когда-либо попал сюда, нарушал законы — а она лишь слегка обошла их, — они не могли обвинить ее ни в чем серьезном. К тому же она сама выбрала профессию, которую большинство считает самоубийственной. Как и большинство моряков, она стала ко многому безразлична, зная, что рано или поздно везение кончится. Умереть в море — вот ее очередная фантазия.

Меня это слегка шокировало.

— Вы хотите сказать, что у нее были суицидальные наклонности?

Он взглянул в бумаги:

— В известном смысле. Она не стала бы накладывать на себя руки, но, наверное, говорила вам, что капитанами становятся от психического истощения. Все любят пощекотать себе нервы, но ее мечта должна была носить фатальный характер. Это ясно следует из ее профиля.

Я покачал головой:

— Не верю.

— Напрасно. Ее психопрофиль показывает, что недавно у нее появился новый фактор: она полюбила вас. И поэтому намерение погибнуть в бою стало гаснуть. И она сочла за лучшее сдаться: нарушила закон и взяла с собой Санду. Я уверен, что она даже почти решилась погибнуть в этот день вместе с любимыми людьми — чистый и романтичный финал. И только сильная любовь к вам удержала ее от этого.

— Значит, она знала, что ее поймают?

— Я утверждаю, что она этого хотела. Если бы ее не поймали в тот раз, она бы придумала что-нибудь еще. Она хотела выйти из игры...

Я ощущал целую гамму чувств — волнение, неудобство и недоверие.

— Но она могла уйти. Мы бы нашли ей работу в компании.

— Нет, нет. Сознательно она также не могла пойти на это. Вы восхищались ее отвагой, хотя и опасались за ее жизнь. Она боялась, что любой подобный ход вы воспримете как трусость, и она потеряет вас — а это единственное имело для нее значение. Вы.

— Как странно! Я бы не стал...

— Возможно, — согласился он. — Но человеческий мозг нечто большее, чем компьютер, поэтому и существуют психиатры. Мы эмоциональные индиви-

дуалисты, не склонные к иррациональному мышлению: Что делает нас, людей, великими и самыми ничтожными одновременно.

— Не укладывается в голове, — признался я.

— А! Любовь! — вздохнул он. — Самое безумное чувство. Оно почти искоренено в цивилизованных мирах и чертовски редко встречается здесь, на Цербере. Но дайте ей малейший шанс, и, несмотря ни на что, она поднимает голову. Пожалуйста, Занг, я вижу, что вам не очень по душе церберианская культура. Но посмотрите: вслед за дальними границами мира Вардена — все как один — позволяют многое. Мы все еще мечтаем, фантазируем, хотя реальность не оправдала надежд. Если вы покопаетесь в себе, то согласитесь со мной.

Я сухо и натянуто рассмеялся:

— Теперь понятно, как вы устроились здесь.

Он откровенно расхохотался:

— Со мной они просчитались. Послали на границу из-за нехватки медицинского персонала. Когда я возвратился в цивилизованный мир, то не поверил, неужто эти пустые и несерьезные места я любил, и стремился к ним всего три года назад. Я убежден, что эта цивилизация еще просуществует благодаря инерции, подобно древним империям, но будучи бессодержательной она такая же непрочная. Я знаю, что мы потерпим крах в результате любого серьезного воздействия Извне. Уже поэтому я пытаюсь восстанавливать психическое здоровье. — Он развел руками. — А что до вашей Дилан...

Он улыбнулся, словно собираясь поймать меня в ловушку:

— Мне известно о проделанных над ней манипуляциях от вас. Я сразу понял, что это бред — такая переделка психики требует недель, даже месяцев, если возможна вообще. Ваша Дилан убеждена, что все сказанное ей — серьезно. А на самом деле — чепуха, дей-

ствительных изменений в ее мозге очень мало! Остальное — самовнушение чистой воды...

Я начинал понемногу приходить в себя:

— Вы хотите сказать, что не существует психологической установки подчиняться каждому моему приказу? Нет запрета выходить в море?

— Уверяю вас, нет. Все это работа ее подсознания...

Я приподнялся с кресла:

— Вы утверждаете, что она сейчас живет в вымышленном мире?

— В какой-то степени, — согласился он. — Мы можем назначить процедуры, которые позволят ей воспринимать правду, но это потребует времени и вашей помощи, чтобы вернуть цельность ее личности. Тем не менее она станет в какой-то степени «новой Дилан», а не той, которой была раньше, — вы понимаете?

Я кивнул, хотя по-прежнему испытывал удивление.

— Хорошо. Мы договоримся об этом. Но я потрясен. Какие же команды вложили они?

— Что ж, запрет покушаться на человеческую жизнь вполне реальный и довольно распространенный приговор, — сказал он. — Это защищает ее и вас. Она также получила приказ, который воспрещает ей добровольно отказываться от материнства. Хотя это всего лишь подкрепление — согласно решению суда она все равно не имеет права меняться телами. Остальное, как я уже сказал, несущественно. Влияющие на мозг гормоны и тому подобное. Усиление, так сказать, ее естественных побуждений, которые определяются сознанием. Это удачный результат воздействия на ее чувства к вам, что крайне разумно, поскольку подпитывает ее психоз и делает ее управляемой.

— Судя по вашим словам, мы излечим ее? Но вы считаете, что она сейчас счастлива?

— Нет. Она не будет счастлива до тех пор, пока не осознает всего, что произошло с ней. Иначе она

превратится в того самого робота, которым себя считает. Это хорошо для государства и государственных психиатров, но не для вас с ней.

— Вы меня убедили. Скажите мне теперь и о подруге...

— Санда Тайн? Ну, у нее нет того интеллекта, чтобы действительно быть кем-то Извне. Хотя она великая мечтательница. Наслаждается опасностями и приключениями, словно ребенок, не осознавая риска, которому подвергает себя и окружающих. Она не испытывает вины за то, что случилось с Дилан. Она разочарована — не сумела заменить Дилан в вашей жизни и до сих пор надеется, что это когда-нибудь произойдет.

— Ревность?

— Зависть. Чужие плоды всегда слаще. В эмоциональном отношении ей лет восемь или девять. А казенные психиатры просто подавили ее самомнение и часть активного воображения; только и всего.

— Скажите, ей ввели запрет на насилие? Вы сказали, что это стандартная процедура.

— Да, но можно ненадолго преодолеть его. И очень многое успеть за какой-нибудь час: она не собирается вредить Дилан, опасаясь вашего недовольства. Кроме того, она уверена, что рано или поздно вы оставите Дилан. Она готова ждать. Я вижу для нее только одну возможность кому-либо навредить.

— И в чем же она заключается?

— Это если вы сами попросите ее. Тогда она пойдет на все. Ведь, по ее мнению, вы совершаете ошибку — и именно с Дилан.

Я усмехнулся, почувствовав себя лучше:

— Этого, конечно, не случится.

— Конечно, — согласился Дюмоний.

Торпеды переправили в Эмисэйл, мои «игрушки» были уже готовы. Убедившись в надежности Санды, я взял ее однажды с собой и убедился, что Эмисэйл

был спланирован так же, как Хроясэйл. «Этого следовало ожидать, — подумал я, — отделение построено той же корпорацией и для тех же целей».

Разумеется, на каждом шагу там охрана и электронные системы безопасности. В основном предназначенные для складов.

Санда, как и все цербериане, хорошо плавала. Оно и понятно — если вы живете в гигантских деревьях с вечным океаном внизу, то плавать учиться с колыбели.

Мы пользовались обычными аквалангами, чтобы на случай подводных устройств, реагирующих на воздух, выходящий из механических дыхательных приборов или средств передвижения под водой, все выглядело невинно. Начав с расстояния около двухсот метров от причалов, мы сумели подобраться к кораблям, осматривая их подводную часть. Вблизи причалов мы обнаружили датчики. Но они не помешали нам осмотреть все на расстоянии — вся прибрежная зона освещалась подводными прожекторами и хорошо просматривалась.

Не очень понятно — неужели Лару опасался диверсий со стороны моря? Ведь органические роботы, что гораздо важнее, должны были поступать на новую посадочную площадку из космоса. Зачем кому-то нападать на причалы?

Но как бы там ни было, а на следующую ночь мы с Сандой вернулись, прихватив сумку с моими миниатюрными индикаторами. Мы сумели быстро и бесшумно укрепить их не только на боевых кораблях, но и на самых больших траулерах.

Операция прошла так гладко, что Санда была даже немного разочарована. Что за приключение, если это так же просто, как переписка на машинке?

Мои магнитные устройства были отрегулированы так, что их можно было включать дистанцион-

но — с наших кораблей, когда мы оказывались поблизости во время обычных рейсов. Никто в команде, конечно, не знал об этом. Но я не мог проконтролировать, когда дефектные торпеды доставят на корабль для боевого использования. Оставалось заниматься текущими делами и ждать. Я просто надеялся, что, когда «неприятности» произойдут и раздадутся загадочные взрывы, информация об этом придет и ко мне...

Как известно, лучший способ добиться желаемого — создать ситуацию, в которой противник приглашает вас к себе и приказывает выполнить именно то, что вам в первую очередь необходимо. В моем случае простейший путь в неприступную крепость — это приглашение от ее хозяина...

СВЕДЕНИЯ ОБО МНЕ, КОЕ-КАКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ДОСТИЖЕНИЯХ

Дилан начала лечиться у Дюмония, и я ходил к врачу вместе с ней. Убеждал, что люблю ее несмотря ни на что. И я не кривил душой. Я хотел, чтобы она была счастлива. Но сначала она должна была почувствовать себя в безопасности, и это создавало вопиющее, кошмарное противоречие: я собирался убить Ваганта Лару и в то же время пытался защитить Дилан...

Конечно, я тоже подвергался определенному воздействию психиатра, но это меня не беспокоило. Мой прежний опыт позволял мне усилием воли входить в такое состояние, в котором психиатр извлекал только «разрешенную» мною информацию. Поскольку дело шло в основном о моих чувствах к Дилан, я был довольно спокоен. Однако во время второго визита я испытал настоящее потрясение.

— В ваше сознание заложены два внешних командных импульса, — заметил Дюмоний. — Вы о них знаете?

— Только об одном, — встревожился я. — Это новый процесс, который испробовали на мне, чтобы помочь акклиматизироваться здесь.

Он кивнул:

— Я догадался. Но существует еще один.

— И что же это такое?

— Похоже, содержит имя, — произнес он невозмутимо, словно речь шла о чем-то обыденном. — Наверное, команда убить Ваганта Лару. Ну, побудить вас так его ненавидеть, чтобы захотеть убить. Очень тонкая работа... Интересно, теперь каждый новый ссыльный отправляется сюда с такой обработкой? Впрочем, не мое дело... Вы ведь не страдаете агрессивностью! А время от времени всем нам хочется кого-то убить, но лишь единицы идут на это. У вас ведь нет особых причин убивать его?

— Нет, — спокойно ответил я. — Я никогда не встречался с этим человеком и не слышал о нем до ссылки на эту планету.

— Ну, хорошо. А второй импульс и вовсе странный.

— То есть?

— Это приказ о связи при любой возможности и после этого все забывать. Вы понимаете?

Разумеется, я моментально сообразил, в чем дело; как же это я ни разу не задумался об этом! Сукины дети! А как еще им следить за мной на Цербере? Органический передатчик прекратил работать в тот момент, когда я поменял свое тело...

Ответ лежит на поверхности: поблизости должны быть и другие агенты. Сколько раз кто-то из них может подойти ко мне, когда я, например, прогуливаюсь в одиночестве, и напомнить психоимпульсом о необходимом сеансе связи? Отвести к передатчику или к какому-то другому устройству, чтобы я послал «сообщение» моему второму «я», куда-то за пределы Ромба...

— Кажется, все ясно, — сказал я. — Да, раньше я работал с высокопоставленными особами. Значит, им нужна гарантия — кодирование в основном, чтобы я...

Он вежливо улыбнулся и перебил меня:

— Вы шпион, не так ли? Агент Конфедерации. Не смотрите так удивленно. Не вы первый и не вы последний. Я не собираюсь выдавать вас. Даже сделай я

это — ничего бы не изменилось. А ваша психика подтверждает, что вы весьма независимая личность. Так что Цербер и даже Дилан изменили вас мало.

Я откинулся на кресле и вздохнул:

— Как вы догадались?

— Я понял это сразу. Квин Занг — женское имя. Вы прибыли в женском теле. Но не были женщиной — только то короткое время, когда столь блистательно внедрились сюда. Результаты сканирования мужского и женского сознаний различны. Вы бы этого не заметили, а я — эксперт. И живу в мире, где такие обмены происходят постоянно. Однако ваш случай особый. И я пришел к выводу, что Конфедерация научилась наконец делать то, что мы производили естественным путем.

— Не совсем, — заметил я. — Еще много неудач. Но над этим работают.

— Поразительно. Впрочем, все равно существует другая неразрешимая проблема. Ведь всякий способный агент, которого посылают в миры Вардена, становится здесь одним из самых опасных для властей жителей Ромба. Скажите, вы действительно собираетесь убить Лару?

— Мне следует убить вас, — заметил я. — Вы — самый опасный для меня человек на Цербере.

— Вы не сделаете этого, — спокойно возразил он. — С одной стороны, это сильно осложнит вашу миссию. С другой — вызовет подозрения, вы же связаны со мной регулярными визитами. Сомневаюсь, чтобы вам захотелось оказаться в центре внимания. И еще — я думаю, вы понимаете: мне абсолютно безразлично, прикончите ли вы Лару, или осядете здесь, в этом проклятом месте. Если вы решитесь, то по крайней мере грянут какие-то перемены. Поверьте, Занг, вы седьмой агент, которого я встретил здесь, и ни одного не выдал. Вы наверняка уже раскусили — я романтичный революционный анархист, не ведаю-

щий страха. Но любящий красивую жизнь... Если бы вы сомневались в моей порядочности, вы бы никогда не пришли сюда!

Я почувствовал громадное облегчение. Он прав — мой единственный выход поверить ему. Он достаточно умен, чтобы позаботиться о своей шкуре.

И я решился:

— Послушайте, доктор, а вы можете удалить этот психоприказ общаться с руководством? Хотя бы ту его часть, которая заставляет забыть содеянное?

— Увы. Не с теми средствами, которыми я располагаю. А вот код в целом отменить довольно просто: вложить другой набор команд такой же силы. Например, внушить, что вам *нравится* Вагант Лару, и вам становится приятно при всяком упоминании его имени. Или дать аналогичную команду — *не пользоваться* передатчиком для внепланетной связи. Эффект тот же: когда вас вызовут, вы куда-то пойдете, но ничего не сообщите.

— Это меня не волнует, — признался я. — Возможно, позднее потребуется уничтожить мою информацию. Но мне-то надо помнить о ней. Как быть?

Дюмоний задумался:

— Понимаете, дело в том, что вам просто запрещено сознательно вспоминать! Может быть, я сумел бы в гипнотической серии *извлечь* из вас информацию и записать. После пробуждения вы все равно ничего не вспомните, но сможете прочесть записи.

— Хорошо, — сказал я. — Займемся и этим.

Уловка, можно сказать, удалась. Я по-прежнему не знал, *что* от меня передавалось, но быстро сообразил, кем. Все оказалось до смешного просто.

У кого были отличные возможности для космической связи? Ясное дело, у толстого дружелюбного Отаха. Неудивительно, что он мог достать любое запрещенное оборудование! Теперь понятно, как с

ним расплачивались. Ведь я не случайно оказался в Медламе, поблизости от острова Лару. «Они» заранее знали, что я когда-то туда попаду, и вот, пожалуйста, — меня уже поджидал Отах.

Что ж, мне это даже на руку. По крайней мере я теперь знаю, кто и когда.

Прошло три недели после моих проделок с химикатами в Эмисэйле, и я забеспокоился. Ведь что-то должно было случиться? Я начал продумывать менее замысловатые, но более рискованные варианты.

Единственное, что меня радовало, — лечение помогало Дилан. Конечно, она не пришла в норму, но уже гораздо спокойнее общалась со мной, не выглядела такой несчастной. Дюмоний объяснил, что мешала ее тревога обо мне. И я понимал ее страхи. Мы выросли в обществе, где интимные отношения и эмоциональные порывы людей сведены к минимуму. В церберрианской культуре могущество и положение достигались с помощью шантажа и других безнравственных поступков. В этих обстоятельствах и я был бы таким же.

Я очень хотел, чтобы ко мне вернулась прежняя Дилан — полноправная соратница, моя вторая половина. Странно, что я, убежденный одиночка, рожденный и воспитанный в пренебрежении к подобным вещам, проникся потребностью, почти страстью, быть с кем-то рядом. Я чувствовал, что это стало моей ахиллесовой пятой. Хотя привязанность к Дилан не казалась мне столь сильной, какой была на самом деле. В глубине души я понимал, что никто не застрахован от слабостей. Важно распознать их и постараться обернуть в свою пользу.

А несколько дней спустя, когда я уже не ждал хороших известий, в мой кабинет в Хроясэйле вошел

крупный жилистый человек с темными умными глазами, которые явно не вязались с его внешностью.

— Харл Боген, — представился он.

— Чем могу быть полезен, мистер Боген?

— Я координатор безопасности Председателя Лару, — сообщил он. Мое сердце чуть не остановилось: наконец-то новости — или очень хорошие, или очень плохие. — Вы знаете, что у него курорт на острове к югу отсюда?

Я кивнул.

— Боюсь, я даже неосторожно взглянул на него с нашей «лодки», — честно признался я. — Из любопытства.

Он усмехнулся:

— Да, этим грешат многие. Меня беспокоит другое. У нас проблемы с проектом, над которым мы работаем. Нужна ваша помощь. Мы заключили контракт с Эмисэйлом на постоянные перевозки грузов на остров и обратно, и все шло хорошо. Но две недели назад нас просто облепили борки — никогда столько не видел. Большую часть мы истребили, но они основательно потрепали флот Эмисэйла. Осталось только двенадцать небольших траулеров и всего один боевой корабль.

Я прикинулся потрясенным:

— Черт возьми! Между прочим, в последние недели у нас было затишье. Сообщалось об одном или двух, была только одна настоящая схватка.

Он удрученно кивнул:

— Неудивительно. Все они торчали у нас. Биологи утверждают, что их привлекли какие-то химикаты в подводных течениях.

Я затаил дыхание:

— Есть жертвы?

— Мы легко отделались, хотя и потеряли с дюжину сотрудников. Но главная беда в том, что нарушилось снабжение. Мы кое-как выкручиваемся, используя

воздушные перевозки, но нам позарез нужно несколько судов. Не траулеров — мы заказали крупные сухогрузы, — а боевых кораблей. По крайней мере четыре.

— Я понимаю, — ответил я. — Но у меня самого их только четыре.

— Нужен один из них, — заявил он прямо. — Мы забираем по одному еще из двух компаний на побережье. Вы будете третьим. — Это приказ, а не просьба.

Я вздохнул:

— Хорошо. Но я отвечаю за корабли и людей. Послушайте, а что, если нам подстраховаться? Берите все четыре мои «лодки» с командами, а сюда переправьте корабль из Эмисэйла и два других, чтобы восстановить численность. А назначить три разные команды на промысел и патрулирование гораздо безопаснее, чем конвоировать груз.

Он надолго задумался.

— Есть смысл, — наконец признал он. — Я бы и сам предложил это; если бы вы и ваши люди успешно прошли проверку.

Я поднял брови:

— О чем вы, мистер Боген? Вы же сотрудник безопасности. Вы уже проверили нас!

Он улыбнулся и слегка пожал плечами:

— Да, это правда. Ваши корабли и команды прекрасно выдержали испытание. Но с вами, мистер Занг, неувязка. Вы не устраиваете меня. У вас очень забавный психологический профиль. У меня странное чувство, что я могу привлечь к этому весь Хроясэйл, кроме вас.

— Я вас не понимаю.

— Мне трудно объяснить. Просто предчувствие. А интуиция меня редко обманывает. Кроме того, вы нам действительно не нужны... Вы это сами знаете.

Вот это настоящий профессионал! Я не был готов к такому, пришлось пойти на риск.

— Послушайте, — сказал я. — Кто я, по-вашему? Шпион Конфедерации? У вас же есть мои старые записи.

— Да, есть. И более подробные, чем вы думаете. Ваша личность и ваш профиль слишком не соответствуют Квин Занг, чтобы не обратить на это внимание. — Он на мгновение замолчал, как бы борясь с собой, а я пытался подавить растущее во мне напряжение.

Черт бы побрал Службу безопасности и ее транс-сексуальные фокусы! Сначала Дюмоний, а теперь Боген учуяли что-то неладное.

— Я не знаю, на кого вы работаете, Занг, и кто вы на самом деле, — продолжал он. — Но я хочу это знать. Ладно! Пойдем на риск: я позволяю вам отправиться вместе с ними. Ваш теперешний психопрофиль говорит о сильной, почти непреодолимой привязанности к жене. На сегодня этого достаточно.

Я испытал облегчение — мне не пришлось выкладывать козыри и по-настоящему рисковать.

— Когда отплытие?

— Послезавтра. Проинструктируйте команды и переключитесь на компьютерные сети. — Он встал и снова пожал мне руку. — Надо полагать, дело пойдет!

Я кивнул:

— Да, мистер Боген. А сейчас, извините, у меня много работы.

— Значит, послезавтра в Эмисэйле. — С этими словами он ушел.

Мне очень не понравилось поведение Богена. Кажется, я понял, почему в конце концов он смилился — очередное предчувствие. Мы смотрели друг другу в глаза и видели себя. Хороший профессионал всегда стоит другого. Он собирается подловить меня, вот в чем дело! «Ладно, померяемся силой один на

один, Боген, — думал я, чувствуя себя как ни странно лучше. — Победит сильнейший».

Переезд не представлял трудностей — с нами были только боевые корабли и служебный персонал. Обстановка почти не отличалась от нашей, разве что верхние этажи были в худшем состоянии. Их когда-то использовали под склады.

Дилан тотчас принялась хозяйничать, хотя первую неделю нам казалось, что мы живем чуть не в палатках, а не в нормальных условиях. Мы готовили на переносной плитке и спали на полу. Но Дилан орудовала по хозяйству вовсю и, похоже, получала от этого удовольствие.

Еще одно существенное отличие — вокруг было полно сканирующих устройств, без которых шагу нельзя было ступить. От всех потребовали заново пройти проверку для этой системы безопасности. А мне не хотелось испытывать ее надежность: методы, которые привели меня сюда, больше не годились. Боген наверняка следит за мной, и я не собирался давать ему лишние шансы, пока это не станет выгодным мне самому. Я не забывал и о том, что мое пребывание здесь оплачено двенадцатью жизнями, и испытывал обостренное чувство вины перед этими жертвами.

Дилан подозревала, что я каким-то образом способствовал нашему приезду сюда. Точнее, она не просто подозревала — она работала со мной над этим раньше, она сама снабдила меня исходной информацией. Только ее вера в то, что я не погублю невинных, позволяла поддерживать нам нормальные отношения. И я не хотел разочаровывать ее.

В первую очередь нужно было проверить торпеды, все еще лежавшие на складе. Ни одного из «моих» номеров на них не оказалось. Но мы прибыли сюда с запасом новых кодов, и я не беспокоился.

Грузы, которые корабли перевозили на остров, были разнообразными, начиная с обычных — продо-

вольствие, стандартное электронное оборудование, запасные части и тому подобное, — и кончая оснащением систем связи и компьютерных сетей. А также и оборудование для биолaborаторий. Это говорило о том, что проект «Феникс» не добился существенных результатов.

Мне разрешили сопровождать транспорт к острову и обратно, но не позволяли покидать пристань. За мной тщательно наблюдали. Странное футуристическое строение в центре острова вблизи казалось мне еще внушительнее, но подобраться к нему я не мог.

Я долго обдумывал создавшееся положение и понял, что зашел в тупик.

— Я разочарован, — признался я однажды Дилан. — Торчу здесь уже год, провернул массу дел, а на главном сейчас застрял. Обидно быть так близко от цели — и все зря...

— Ты все еще хочешь убить Ваганта Лару? — спросила она. — Я бы рада тебе помочь, но не могу.

Я кивнул и сжал ее руку:

— Я знаю. Убийство — не главное. Мне нужна информация о роботах. Я не хочу, чтобы легионы этих существ по команде Лару, Богена и прочих властителей Ромба вторглись в Конфедерацию. Эти твари могут создать новую форму жизни, совершенно не человеческую. Представь себе людей, мыслящих со скоростью суперкомпьютера, контролирующих буквально каждую «клетку» своих тел и приобретших фантастические возможности: летать в космосе, жить в вакууме и многое другое. Эти супермашины в человеческом обличье стремятся только к одному — власти. И к тому же они будут практически бессмертны... Но если у них все же возникнут проблемы, потребуются иной облик или пополнение, они просто вернутся сюда и получат это.

— Конфедерация выследит и уничтожит их!

— Не исключено. Я помню, как один из них проник в святая святых Конфедерации, обошел все ловушки, обманул персонал, состоявший как из людей, так и из роботов, и попался только потому, что ему требовалось посылать отчеты на Ромб Вардена. Он занимал должность старшего секретаря! Стоит поместить лучшие, хитрейшие, коварнейшие умы Ромба в эти формы и — что ж, доктор Дюмоний считает, что Конфедерация благоденствует только потому, что никогда не встречалась с настоящей опасностью. Если она столкнется с высокоразвитой культурой Чужаков — конец всему! Я должен пресечь это, Дилан!

Мы замолчали.

Я жаждал остаться на острове и внедриться в проект. Если это на самом деле замысел Четырех Властителей, то убийство Лару ничего не изменит по большому счету: его место тотчас займет другой, и все пойдет по-старому.

Так чего же я хотел? Я хотел, чтобы проект свернули, по крайней мере в настоящее время. Надо сделать этот прогнивший мир более человечным и в то же время защитить то, что для нас важно. Больше всего мне бы хотелось устроить хорошую взбучку и церберианам, и Четырем Властителям, и Конфедерации — всем вместе. И для этого ни разу не споткнуться на всем пути. Ошибись я хоть раз — за мою жизнь не дадут и ломаного гроша.

— Дилан!

— Да, Квин?

— Предположим — всего лишь предположим, — что можно остановить все это сейчас. Устроить небольшую заварушку, которая сделает Цербер открытым и гуманным обществом. А нас поставит во главе его.

— Ты опять сходишь с ума.

Я кивнул:

— Допустим все же! Тогда нам не пришлось бы никого убивать — даже Ваганта Лару.

Она рассмеялась:

— А шансов все равно слишком мало.

— Еще меньше. Вероятность удачного исхода — одна сотая или тысячная, если не меньше. Результат непредсказуем. А риск — с первой секунды, как только я запущу план. И тогда его уже не остановишь.

Она посмотрела на меня с тем непередаваемым восхищением, которое я замечал раньше:

— Ты любой ценой хочешь этого. Что же тебя останавливает?

Я прижал ее к себе:

— А разве ты не знаешь?

Она вздохнула:

— Если ты этого не сделаешь — будешь всю жизнь переживать. А если произойдет что-то ужасное — никогда себе не простишь. Боюсь, я тоже. Я мало знаю о вашей Конфедерации, но иногда мне кажется, что мы с тобой последние представители человеческого рода.

— Но что же будет с тобой? — мягко спросил я. — Это может положить конец всему.

— Значит, конец. Если мы все оставим по-старому, наши отношения станут бессмысленными. У меня будут дети, и их заберут, как всегда. К тому же вряд ли отменят мой приговор, и лет через двадцать я отправлюсь на Луну, на Момрат. Разве это жизнь? — Она внимательно взглянула мне в глаза. — Действуй, и если мои блокировки не помешают тебе, бери меня с собой. Или мы возьмем все, или уйдем из жизни вместе.

Я обнял ее, прижал к себе и стал целовать. А потом мы любили друг друга, словно в последний раз.

Настало время последней, решительной схватки.

ОСТРОВ ЛАРУ

Я отправился в отдел безопасности порта не в лучшем настроении, однако в полной «боевой готовности», словно всю жизнь готовился к этому моменту. Мне предстояло смело импровизировать; я собирался потягаться с лучшими на планете «знатоками», и это только подстегивало мое нетерпение.

Сотрудник отдела удивился, увидев меня — в этот день суда не приходили.

— Свяжитесь с координатором Богеном, — потребовал я. — Он мне срочно нужен.

— Боген на острове, — ответил сотрудник. — А все, что касается безопасности, находится в моем ведении.

— Не обижайтесь, Ханак, вы хороший полицейский, но это дело не в вашей компетенции. Речь идет не о нарушении закона.

Это уязвило его.

— Что вы несете, Занг?

— Радируйте Богену, что мне надо говорить с ним немедленно. Действуйте, Ханак, это необходимо.

— Он не захочет встречаться с вами, — насмешливо ответил Ханак. — У него дела поважнее.

— Свяжитесь с ним, и я гарантирую, что он побьет все рекорды и примчится сюда.

— И что же вы хотите передать?

— Передавайте: «Проблему дешифровки вы не решите независимо от времени, денег и усилий, вложенных от проекта «Феникс». Я могу помочь».

Ханак уставился на меня:

— Вы не должны знать об этом!

— Посылайте сообщение! И дайте мне знать, когда он ответит. А мне нужно работать. — Я повернулся и направился к административному корпусу.

Я не сомневался, что Боген клянет. И рассчитал, что буря грянет, когда я буду у себя в кабинете. Я не ошибся.

Несколько минут спустя ко мне ворвался Ханак.

— Ну, важная птичка! — произнес он. — Я послал депешу на остров, и они разразились проклятиями. Боген сейчас на спутнике, но он возвращается, как вы и хотели. Вы встретитесь с ним через девяносто минут.

Я кивнул и усмехнулся:

— Где?

— В его кабинете в Замке.

— На острове?

— А разве есть другой Замок? — Он помолчал и странно посмотрел на меня. — Знаете, Занг, либо вы глупец, либо отчаянный смельчак. Так кто же вы?

Я широко улыбнулся:

— Угадайте!

Собрать команду в выходной день оказалось труднее, чем я рассчитывал. Но с помощью службы авиарийного обеспечения я набрал экипаж за полчаса, оставил записку Дилан с единственным словом «Началось» и вышел к острову.

Боген должен был прибыть раньше меня. «Девяносто минут» — это для меня нереально, лететь мне было не на чем. Даже при максимальной скорости семьдесят километров в час кораблю-охотнику требовалось полтора часа, чтобы достичь острова. А мы ещё на полчаса опаздывали. Ну и отлично. Мне на руку, чтобы они ждали и волновались — это выводит людей из равновесия, они становятся эмоцио-

нальное. В то время как я веду себя абсолютно рационально и спокойно.

Мне казалось, что корабль едва движется, я боялся, что нас может атаковать борт и все закончится не начавшись.

Однако путешествие прошло гладко, и вскоре показалась сияющая башня Замка. Стемнело. Я ощутил легкую прохладу, предвещавшую дождь. Ладно, пусть палач беспокоится о погоде, а не жертва.

Мы подошли к причалу и пришвартовались. Я направился к зданию службы безопасности.

— Зант, — представился я дежурному офицеру-женщине, — Прибыл для встречи с Богеном.

Она посмотрела на экран и кивнула:

— Вам разрешено пройти. Только в его кабинет! Сопровождающие у ворот.

— Неплохо! — Я вышел и устремился к воротам. Раньше меня бы туда не пустили... Пришлось надеть сканирующее устройство; оно подтвердило мою личность, и створка скользнула в сторону, открыв путь в следующее помещение. Процедура повторилась. Наконец дальние ворота открылись. Два дюжих сотрудника Национальной полиции, вооруженные до зубов, цапали рядом.

— Идите между нами, — приказал один из них.

Я жестом пригласил его показывать дорогу. Многочисленные системы слежения наблюдали за каждым нашим шагом. Когда мы почти подошли к Замку, нам пришлось миновать еще одни двойные ворота со сканированием. Только после этого мы вошли во внутренний двор.

Я был потрясен — такого не видел с тех пор, как покинул Конфедерацию. Они доставили откуда-то дерн — наверное, с планеты-сада Лилит — и разбили огромную изумрудно-зеленую лужайку с экзотической растительностью. Еще больше меня удивило, что это устроено у Лару: я бы сделал так же.

После еще одной проверки мы оказались за двойными раздвижными дверями. Увиденное поражало воображение. Мы шли по огромным залам, обставленным с невероятной роскошью. Великолепные ковры гармонировали с покрытыми мехами диванами, креслами и кушетками. Стены украшали подлинники прекрасных картин. Диссонанс вносили только полицейские, стоявшие почти везде, на каждом шагу, и ощущение, что ты находишься под постоянным прицелом видеокамер.

Я не заметил ни одной лестницы, но они же где-то должны быть на всякий случай? Мы вошли в большой подъемник — прозрачная труба, обвивающая опорную колонну. «Очень грамотно, — подумал я. — Они контролируют входы и выходы подъемников и могут быть уверены, что вы направляетесь только туда, куда вам положено».

Мы вышли, по моим подсчетам, на четвертом или пятом этаже. Пересекли главное здание по небольшому пандусу, который выдвинулся, когда мы остановились там, и втянулся в стену, когда мы освободили его — еще один остроумный прием, — и двинулись по другому коридору. На этом этаже было множество помещений, напоминавших музеи. Оружие, монеты и драгоценные камни многих миров занимали сверкающие витрины. Я был восхищен. Эти предметы, находящиеся в распоряжении Ваганта Лару, не подвергались воздействию церберийской разновидности микроорганизмов Вардена и хранились здесь до тех пор, пока у владельца не возникала потребность в них. Я проникался все большим уважением к тому, что охранял Боген.

Наконец мы достигли коридора, где дверь, скользя в сторону, открыла приемную современного офиса. В ней находился секретарь, но не было, как я заметил, каких-либо следов его деятельности.

Моя стражи стояли по обе стороны от меня, когда я представлялся. Услышав мое имя, секретарь кивнул:

— Проходите. Директор Боген ждет вас.

— Не сомневаюсь, — пробормотал я и приблизился к двери. Потом обернулся и посмотрел на охранников: — И вы со мной?..

Они ничего не ответили. Я очутился в небольшом тесном кабинете — таком, в каких на самом деле работают. Книжки, журналы, распечатки валялись повсюду, загромождая большущий письменный стол с терминалами с одного края, кучами документов и другими предметами, включая пишущую машину-диктофон, — с другого. Боген был в рабочей одежде и явно нуждался в душе и бритье. Я, безусловно, застал его врасплох, и он злился.

— Скиньте этот мусор и садитесь, — бросил он, указывая на кресло.

Я подчинился и в упор посмотрел на него.

— Итак, — выпалил он. — Что за дерьмо вы пытаетесь всучить мне, Занг, или как вас там?

— Я хотел доказать один факт, касающийся вашей операции, и думаю, что это вам на пользу, — сообщил я, контролируя свое сердцебиение, кровяное давление и все остальное, чтобы выглядеть как можно спокойнее и расслабленнее.

— Что моя служба никуда не годится? Это? Нелегко услышать от работяг название проект «Феникс» и догадаться, что мы проводим здесь какие-то биологические эксперименты. Но вы суетесь не в свое дело. Кроме Председателя, меня, еще шестерых-семерых на Цербере и троих властителей — никто не знает о том, что мы делаем. И вы надеетесь когда-либо покинуть остров? Ну-ну! Однако прежде чем убить вас, я хочу знать, откуда у вас эта информация и почему вы открылись мне.

— Превосходно, — сухо заметил я. — Сентиментальные барышни упали бы в обморок.

— Не паясничайте, Занг! У меня неподходящее для этого настроение.

— А может, вы поверите, что я дошел до этого с помощью дедукции?

— Ха! Для этого вам нужно было знать всех на Цербере.

— Я их и знаю, — холодно ответил я. — Я не с этой планеты. И вы тоже, судя по вашему акценту. Я знаю о Чужаках, Боген, и их великолепных роботах!

— Откуда? Или вы признаете, что являетесь агентом Конфедерации, как я и думал?

— Да, я агент, — сказал я. — Раньше я работал в Бюро убийств Службы безопасности. Используя процесс, в основе которого лежит происходящее здесь, на Цербере, они поместили меня в тело Квин Занг и отправили сюда.

— С какой целью?

— Они догадываются, каким способом роботы так превосходно запрограммированы. — Я откровенно лгал, зная, что за мной наблюдают детекторы лжи высшего класса. Ничего, все в порядке! Я обучен дурчить лучших из них.

— Чушь, — отрезал он. — Они бы давно напали на нас. Несмотря на мирные отношения.

— Зачем? — возразил я. — Ну, допустим, сбить вашу прекрасную космическую станцию или, еще лучше, поджарить этот остров мощным излучением — но какой смысл? Им нужны Чужаки, Боген, а связь с ними поддерживается только на Цербере.

Боген усмехнулся:

— Что ж, им придется долго ждать. Сомневаюсь, что даже Лару хоть раз встречался с кем-нибудь из Чужаков. Скорее всего Криган с Липит. Это его идея.

— В наших интересах, чтобы этого никто не узнал. Я не хочу, чтобы меня поджарили, Боген.

— Можете считать, — угрожающе заметил он, — что вы уже труп.

— Сомневаюсь, — возразил я, делая вид, что не принимаю его угрозы близко к сердцу. — Я ведь мог сообщить о своих открытиях, касающихся проекта «Феникс», Конфедерации и позволить им принять жесткие меры. Но я пришел к вам.

— Продолжайте.

— Вы знаете о старой проблеме с агентами, засылаемыми в миры Вардена. Так же, как и вы, мы здесь оказываемся в ловушке...

— Они должны быть очень уверены в вас, поскольку вряд ли проследили ваши путешествия из тела в тело, — заметил он.

— Они уверены — и небезосновательно. Я рожден и воспитан для подобной работы. Вы, вероятно, слышали об убийцах.

Он кивнул:

— Встречал не раз. Фанатики. Думаю, старина Критан был из них. Поэтому я знаю, кто вы такой. Вы самый опасный человек на Цербере для меня и моего шефа.

— Но они промахнулись, — сказал я. — Поверьте, я удивлен не меньше. Цербер изменил и меня. Я должен жить ради чего-то, кроме своей миссии, или, точнее, ради кого-то.

Казалось, Боген слегка расслабился. Однако я заметил, что он косится на что-то незаметное моему глазу. Вероятно, на экран детектора лжи.

— И теперь вы хотите войти в дело и пытаетесь торговаться с нами, так? Но у вас нет козырей.

— Думаю, есть, — осторожно возразил я. — Они в Конфедерации оказались настолько подлыми, что внушили мне психическую команду отчитываться — и сразу забывать. Я не знал об этом, пока не посетил со своей женой доктора Дюмония в Медламе.

Боген напрягся:

— Возможно, вы уже отчитывались.

Я покачал головой:

— Нет. Или по крайней мере о немногом. Мой последний отчет состоялся более двух месяцев назад. И больше я не встречался с агентом, который давал бы команду. Зато теперь я знаю, кто он, и *они* не властны надо мной.

— Кто он?

— Какое это имеет значение? Если вы уберете его, они найдут еще дюжину. С тех пор как я разобрался в ситуации, у меня стали возникать собственные идеи. Во-первых, я действительно захотел войти в дело. Я не хочу быть пленником в большей степени, чем вы или любой другой из нас; и не желаю жить под неусыпным оком Конфедерации. Преуспел бы я или нет — я обречен, а я не хочу умирать, Боген. И я подумал о вас, о Лару и о проекте «Феникс». Вы занимаетесь продуктом чужеродной технологии, ваши люди в ней некомпетентны. Органические компьютеры, как вы знаете, запрещены, и специалистов в этой области мало. У вас нет профессионалов и времени на решение этой проблемы. И для вас это не секрет.

— И что вы предлагаете?

Я кивнул. Наконец-то мой укол достиг цели!

— Есть только одно место, где можно без помощи Чужаков заниматься этим: Служба безопасности Конфедерации! Они могут добыть данные и загрузить в компьютерную сеть такой сложности, какая потребуется для решения проблемы. Они используют органические компьютеры. Правда, совсем другие...

Он рассмеялся:

— Ничего себе! Вы их попросите, а они согласятся? Не говорите чепухи!

Я немного расслабился:

— Ничего подобного! Я говорил вам, что знаю связного. Если я заставлю его установить связь, не будет ни силы, ни принуждения, ни забывания. Теперь представьте себе, что я докладываю руководи-

телю, что нашел способ похитить одного из роботов Чужаков.

— Что?!

— Да-да! Похитить органический робот! И рассказываю свой план — очистить его от прежних программ и взять под контроль. Войти своим сознанием в него и забрать его с Цербера!

Он немного подумал:

— Они не поверят. Слишком рискованно. Но предположим, они согласятся. А что будет с Цербером, если вы не доставите в Конфедерацию робота?

— Если Конфедерация решится нанести атомный удар по Церберу, у нас останется достаточно времени. Такие решения не принимаются сразу. И мы сможем обратиться за помощью к Чужакам.

— А если они откажутся?

Такое, признаться, не приходило мне в голову. Мои начальники были изрядными подлецами и, как знать, может, их конечная цель — выкурить церберян с их планеты. Мне не по душе, если они хотят это сделать моими руками.

— Такая возможность существует. Риск, большой риск. Но что страшнее? Не пытаться раскодировать оргкомпьютеры и сидеть сложа руки в ожидании конца?

Боген вздохнул и покачал головой, вся его воинственность исчезла.

— Я не могу взять это на себя. Я должен доложить Лару. Вместе с вами!

— Это меня устраивает.

Через команду моей «лодки» я передал, что останусь на ночь, и зашифровал для Дилан сигнал — ободряющие новости! Меня не беспокоило, что это обнаружат люди Богена — он и так знает обо мне столько, что осмелился ввязаться в игру.

Я ждал Богена, который ушел, чтобы связаться с Лару. Наконец он вернулся.

— Он придет завтра. Вы останетесь в качестве гостя до тех пор, пока он не выслушает вас и не примет окончательного решения.

— Как с моей женой? — озабоченно спросил я. — Как вы знаете, она лишена кредита.

— С ней ничего не случится. Мои люди будут там, на случай, если ей что-то понадобится. А потом посмотрим. Пока что ваши жизни висят на волоске.

Разве я не знал! Однако у меня не пропал интерес к делу.

— Пан или пропал! Теперь, надеюсь, вы не станете запрещать мне взглянуть на ваше чудо?

— Конечно. Пойдемте.

Мы спустились в прозрачном подъемнике в глубь объемистого ствола основного дерева.

Современное оборудование лаборатории впечатляло. По пути несколько бывших сотрудников Тукера узнали меня и приветствовали, но Боген не разрешил остановиться.

В мрачном центральном помещении, состоявшем из двух частей, находились панель наблюдения и управления незнакомой мне конструкции и несколько кабинок у стены. Молодая, очень привлекательная женщина с длинными черными волосами считывала показания с машины. Она взглянула на нас, узнала Богена и поднялась.

— Лучший ум Цербера, один из лучших в Галактике, — просиял Боген.

Она улыбнулась и протянула руку.

— Зайра Мертон.

Я был потрясен, но все же пожал ее тонкую, нежную руку.

— Квин Занг. Вы сказали Мертон?

Она довольно рассмеялась:

— Да. Наслышаны?

— Еще бы. Однако я почему-то представлял себе маленького бородатого старичка.

— Я действительно довольно стара, — ответила она насмешливо. — Мне почти сто восемьдесят. Я попала сюда лет девяносто назад, и не только потому, что хотела изучать варденский процесс. В то время это был единственный способ сохранить жизнь. Но я всегда была женщиной и никогда не носила бороды.

Я рассмеялся. Она была очаровательна.

— Но где же вы слышали мое имя? — спросила она.

— Я детище того, что Конфедерация называет процессом Мертон, — объяснил я.

Похоже, она заинтересовалась:

— Вы хотите сказать, что они решили проблему? Мне казалось, что цена слишком велика, чтобы применять его на практике. Я отказалась от исследований, когда занялась изучением церберийского процесса. Это было — подождите! — пятьдесят лет назад.

— Там частично справились, — сообщил я. — Ведь это не относится к уровню смертности...

Она выглядела разочарованной и слегка рассерженной.

— Черт бы побрал их! Черт бы побрал меня! Я больше всего сожалею о том, что разработала начало и передала сведения в такой неполной форме. Однако в те времена здесь было мало людей и почти не существовало технологий и государственных структур. А мои достижения зависели от внешней поддержки. Я бы хотела когда-нибудь провести полное сканирование вашего мозга, чтобы выяснить, как далеко они зашли. После того, что вы сказали, я думаю, что это тупик.

Я промолчал. Из уважения к моим дублерам на Дилит, Медузе и Хароне.

— С удовольствием когда-нибудь поучаствую, — искренне заверил я. Если бы я кому-нибудь и доверился на этом безумном шарике, то, возможно, только ей. Исключительно из-за ее научного беспристрастия.

— Занг интересуется нашими друзьями, — сообщил Боген. — Можете устроить небольшую демонстрацию?

Она кивнула:

— С удовольствием. У нас один почти созрел.

— Созрел?

— Закончен. Доделан. Готов к работе. — Она вернулась к аппаратуре и выдала серию команд. Слабый зуммер прозвучал над одной из кабинок, и загорелся красный сигнал. Через мгновение его сменил желтый, потом зеленый.

Она подошла к кабине и открыла дверь. Увиденное поразило меня. Тело высокого мускулистого человека — словно по нормам цивилизованных миров. Кажалось, он недавно умер.

— Два-один-два-шесть-семь — проснись и выходи, — скомандовала она.

Труп шевельнулся, открыл глаза, осмотрелся. И вышел из кабины, оказавшись очень естественным.

Я подошел и взглянул на него с некоторой неловкостью, поскольку теперь это была личность, а не предмет вроде статуи.

— Поразительное сочетание органической химии, компьютера и молекулярной биологии, — заметила Мертон.

— Это робот?

Она кивнула:

— Они прибывают в грубом человеческом облике и с такой же массой. С помощью поставляемых нам образцов клеток мы можем пересадить ему всю эпидерму настолько искусно, что он станет точной копией своего донора. Материал, который мы исполь-

зуем для этого, аналогичен веществу всей конструкции, но способен следовать генетическому коду оригинала. Если подлинник у нас под рукой, можно добавлять шрамы, пятна и прочее, чтобы добиться абсолютного сходства.

— Черт возьми, как вы делаете это? — задохнулся я.

— Мы не делаем и не можем делать. Конфедерация смогла бы, если бы захотела. Но в этом случае конструкция была бы другой. При внимательном изучении быстро понимаешь, что эти устройства — продукт общества и культуры, чрезвычайно чуждых нашей. Здесь не нарушаются физические законы. Но до такого уровня эволюция должна была идти совершенно другим путем.

— Откуда же тогда они поступают?

Она пожала плечами:

— У нас здесь только несколько экземпляров. Частично для подготовки, частично для экспериментальных целей. Нам не дают их в больших количествах. Они довольно осторожны.

— Но что происходит у вас? Изменение сознания?

— Нет. Это может быть проделано в любом месте арденской системы в радиусе ста шестидесяти миллионов километров от орбиты Момрата. Так же, как это делается в атмосфере, содержащей только перберианские микроорганизмы Вардена. Подробности я не знаю.

— И вас не беспокоит, что мы используем их, чтобы шпионить за Конфедерацией?

— Почему я должна беспокоиться? В руках государства все превращается в прах, включая людей. Мы получаем абсолютно новую технологию от совершенно нечеловекоподобной цивилизации. Это гораздо интереснее. Я не могу винить их за то, что они не пошли на контакт с Конфедерацией. Мы же убивали физически или морально чужие расы, с которыми вступали в отношения!

— Похоже, если бы вы не попали сюда добровольно, то согласились бы отправиться сюда в качестве каторжанки...

— Возможно, — рассмеялась она. — Теперь мы этого не узнаем. Во всяком случае, у меня получилось!

Я уставился на нее, усиленно размышляя:

— И вам не удалось разгадать язык программирования? Кому же это по силам?

Она вопросительно посмотрела на Богена и, когда он кивнул, снова повернулась ко мне:

— Все не так просто. Пойдемте к видеоскопу.

Мы направились в инструментальный отсек.

— Вот. Смотрите на экран.

Я увидел увеличенное изображение клетки. Нет, не клетки. Что-то вроде амебы.

— Это клеточная частица одного из роботов, — объяснила она. — Не биологическая клетка, а объект, ведущий себя точно так, как клетка. Это полный микрокомпьютер, использующий органические молекулы и органическую структуру. — Она покрутила рукоятку, и изображение сменилось скоплением свободно плавающих образований. — Молекулярная химия сама по себе кошмар, — заметила она. — Мы не наблюдаем ничего необычного. Никаких особых элементов. Но атомы соединены друг с другом способом, который я себе не представляю. Мне не известен метод, позволяющий построить или вырастить подобное из всех этих компонентов, и заставить его работать. Например, я беру цепочки углерода, серы, цинка, калия, магния, десятки других элементов и соединяю их, но я никогда не получу ничего похожего. — Она сфокусировалась на группе клеток и увеличила изображение до предела. — Видите маленькие волоски? Это электрические соединения между ближайшими клетками. Похожи на нервы, но не являются ими. Объединенные, они образуют сознательную систему связи между клетками. Мозг сообщает

каждой клетке или группе клеток последовательность действий, скажем так, и они ее выполняют. Мимика и вообще все что угодно. Вплоть до функций организма. Невероятно! Даже в старые времена, в разгар войны роботов, не встречалось ничего похожего. Может быть, нам когда-нибудь удалось, если бы тогда исследования не свернули.

— Понятно. Вы полагаете, что даже Конфедерация не в силах перепрограммировать или распрограммировать эти штуки?

— Мало ли что Конфедерация! Мы — в тупике. Мы можем наблюдать за процессом, но не в состоянии изменить его. И самое главное, мы не способны отделить нужную программу от ненужной информации. Понимаете?

— Значит, вы считаете, что Конфедерации это по силам?

— Сомневаюсь. Потому что каждая клетка снабжена устройством самоуничтожения. Выведенная из строя или находящаяся под угрозой захвата, она просто тает.

— Полубовались? — нетерпеливо спросил Божен. — Достаточно для первого раза.

Я кивнул. Я был поражен. Более того, напуган до смерти.

БАГАНТ ЛАРУ

Я провел ночь в комнате для гостей с необычайным комфортом, окруженный полотнами старых мастеров, и в такой компьютеризированной роскоши, о которой успел уже забыть. Я спал долго, зная, что мне могут потребоваться все мои силы и способности. Потом великолепно позавтракал, потом с разрешения и под неусыпным наблюдением охраны осматривал коллекции шедевров.

Вечером прилетел флаер и приземлился на лужайке, которая так нравилась мне. Вышли пятеро, каждый держал в руке чемоданчик. Мне оставалось только смотреть в окно и гадать, кто из них Лару.

Похоже, это был специальный трюк.

— Вы никогда не знаете, кто из сопровождающих — он, — предупредил меня Боген. — У него около двух дюжин людей, которые выполняют за него различные функции, и путешествует он с этой свитой.

Я немного забеспокоился:

— Значит, настоящего здесь может и не быть?

— Я гарантирую, что один из них — это он. Это надежно. Обращайтесь с каждым из них, словно он Лару.

Я мрачно кивнул, и мы направились в замысловатый кабинет властителя Ромба. Мысль о «двойниках» тревожила. «Еще одно уязвимое место», — взволнованно думал я.

Меня представили высокому элегантному мужчине с шевелюрой, тронутой сединой, что придавало ему вид солидного политического деятеля. Я посмотрел на остальных. Один был тучным коротышкой и немного

напоминал Отаха, но я представлял себе властителя Цербера совсем другим. Надо обратить на него внимание. Никто не примет человека с такой внешностью за диктатора. Я окинул взглядом остальных, сидевших в расслабленных позах и смотревших на меня. Интересно, сами-то они знали, кто из них кто?

Я подошел к указанному мне «Лару», остановился и слегка поклонился.

Он подал руку, на губах заиграла улыбка.

— Оставьте эти церемонии, — любезно предложил он. — Здесь мы — деловые люди. Присаживайтесь.

Я последовал совету. Некоторое время он изучающе рассматривал меня.

— Значит, вы убийца первого класса.

— Был, — уточнил я, слегка расслабившись. — Меня больше не интересует эта работа.

— Похоже, в вашем лице, Занг, мы нашли ценного и интересного человека. Однако мне непонятно. Если вы добровольно согласились на это, то почему стали изменником?

— Я не был добровольцем, — ответил я. — Выбрали мою кандидатуру, усыпили, проинструктировали и разбудили на тюремном корабле.

Он рассмеялся.

— Да, это на них похоже. И теперь вы занимаетесь своими делами. Я задам вам несколько вопросов более практического характера.

— Начинайте.

— Во-первых, предположим, что мы взяли вас в дело. Какие гарантии, что вы не обманете нас?

Теперь наступила моя очередь смеяться.

— Обману вас? Я, одиночка? Посмотрим на это с другой стороны. Чем вы гарантируете мне жизнь после завершения операции?

— Справедливо. Значит, мы начинаем сотрудничать на базе взаимного доверия. Хорошая основа. Вам известно, что хотим получить мы. А что нужно вам?

— Я хочу, чтобы был отменен приговор моей жене. Она мне нужна. В частности, потому, что это единственная возможность проверки, что меня еще не раскрыли.

Это заявление явно развеселило властителя и его компанию. С некоторым беспокойством я отметил, что они отреагировали на мое заявление практически одновременно — и одинаково.

— Вы мне нравитесь. Стоит мне только пальцем шевельнуть — и вас не станет, словно никогда и не было. Несмотря на это, вы выдвигаете требования и даже просите аванс. Мне это действительно по душе.

— Если вы принимаете мое предложение, то это совершенно разумно, — ответил я. — Если нет, то на мне все равно можно поставить крест.

Он одобрительно кивнул:

— Верно. Вы знали, что я заинтригован, иначе бы я не нарушил свое насыщенное расписание и не полетел бы сюда. Более того, мне нужно срочно принять меры в целях личной безопасности. Марека Кригана, властителя Лилит, вчера убили.

— Что? — Во мне нарастала волна возбуждения, которую я не мог подавить.

— Мне преподнесли это как несчастный случай, но совершенно ясно, что без Конфедерации не обошлось. Я и другие властители вынуждены считать, что Конфедерация послала убийц, чтобы убрать нас всех. Не это ли было вашим заданием?

Честность — лучшая политика. Кроме того, они, возможно, уже навестили Дюмония и похитили записи.

— Да, конечно. Глубоко в моем подсознании еще хранится команда. Но если вы спросите доктора Дюмония, он объяснит, что она не является императивом. Я уже изменил свой план. Я не люблю, когда влезают в мое сознание...

— Верю, — сказал он. — Но вы, возможно, не единственный.

— Наверняка, — согласился я, подогревая его. — Мне сказали, что могут быть и другие.

— Конечно. Значит, проект «Феникс» надо форсировать. И я подумал: не сделать ли из вас робота? Это гарантирует вашу преданность, честность и сотрудничество.

Меня охватила паника. Против этого «предложения» у меня не было аргументов.

— Это бесполезно, — солгал я как можно убедительнее. — Тренинг сознания, который проводился в течение всей моей жизни, вступит в конфликт с программой робота. И приведет в лучшем случае к безумию.

Он задумался:

— Как знать. У нас еще не было здесь людей с вашей подготовкой и воспитанием. Но я проконсультируюсь с психиатром. Теперь идите обедать — Боген вас проводит, — а мы пока совещаемся.

Аудиенция закончилась, но я не испытывал радости и не хотел есть. Боген, составивший мне компанию, выглядел очень довольным. Я сразу догадался, кто подобрал эту идею.

После обеда нас снова вызвали на свидание с пятью особами. Церемоний было еще меньше.

— Ладно, — начал Лару. — Этот раунд вы выиграли. Мы связались с пятью лучшими специалистами, включая вашего. Двое согласились с вами, а трое других не уверены. Учитывая все обстоятельства, я не могу рисковать вами сейчас. Я рассмотрел также вариант замены вас вашей женой — очень простая процедура на самом деле.

Я напрягся, но ничего не сказал.

— Однако, — продолжал он, — Дюмоний сказал, что это превратит вас в суицидального убийцу, и вас придется немедленно уничтожить. Но идея остается

привлекательной — и учтите, вы бы даже не узнали, что я решился на это. Что ж, я ценю ваш ум!

— Если вы замените Дилан, я ведь сразу догадаюсь...

Он вздохнул:

— Да, правильно. А посему я даю вам шанс.

Я расслабился. Второй важный барьер взят.

— Когда?

— Как можно раньше, — заявил он. — Обычно я ставлю такие вопросы на совещании властителей Ромба. Оно состоится послезавтра, но Кригана теперь нет. Значит, в свое время я их проинформирую. — Он встал, как бы отпуская меня.

— Моя жена! — напомнил я. — Оплата наличными!

Он поколебался, потом вздохнул.

— Хорошо. Свяжитесь с Дюмонием, когда сойдете на берег. Я все устрою через него. Не тяните время. Но психические команды остаются. Вы поняли? И кредитная зависимость. Ваши жизни в ваших руках: один обман, один неверный шаг одного из вас — и вы оба будете мечтать о смерти, понятно?

Я кивнул, уловив злобные нотки в его голосе, и понял, что на сей раз стоял перед настоящим Вагантом Лару. Значит, чаша весов начала потихоньку склоняться в мою сторону. Теперь я мог узнать его в комнате, полной двойников. Все они были чертовски хорошими актерами, но должен же существовать какой-то нюанс, присущий ему одному.

А Боген в моих глазах уменьшился до пигмея. Второразрядный шеф Службы безопасности, ничего больше. Вагант Лару — вот кто самый страшный человек из всех, кого я встречал. Я ни на мгновение не усомнился в его угрозе.

ТВОРЧЕСКАЯ ПСИХИАТРИЯ И ВРЕМЯ ПРИНИМАТЬ РЕШЕНИЯ

— Даже не верится, что тебе удалось это, — говорила Дилан по пути к Дюмонию. — Боже мой, Квин! Ты здесь всего год, а уже столько наворотил. Стал директором компании, пролез в совершенно секретный проект, а теперь отменил приговор мне...

Я кивал и улыбался. Но мрачные ситуации, когда обстановка выходит из-под контроля, еще подстерегали нас.

— Самое трудное впереди, от Лару можно ждать чего угодно, Дилан. Теперь я понимаю: вся эта концепция Ромба была величайшей глупостью Конфедерации! Самых блестящих, самых преступных психопатов посылают в одно-единственное место. Выживший в такой борьбе по-своему совершенен — одарен, полностью аморален, абсолютно безжалостен! Этот Лару обмозговал все возможности раздавить меня...

— Но тебе удалось обойти его ловушки, — заметила она, — и он решил сотрудничать с тобой. Если он настолько умен, то почему же он так поступил?

— Встань на его место. Он безумно боится, что его огромная, растущая власть может рассыпаться в прах. Он боялся и раньше, а теперь, когда одного из властителей убили, страх превратился в навязчивую идею. Лучшие умы Цербера ищут совершенное решение. И не могут найти. Лару нуждается в проекте «Феникс». Даже подозревая какой-то обман, он готов работать

со мной, у него нет выбора! Он рассчитывает, что пережит меня раньше, чем я его.

— Ты уверен, что он чувствует подвох?

Я кивнул:

— Как сказал Боген, профессионал чувствует профессионала за версту. Если я решу задачу проекта, у него будут все основания бояться меня еще больше. Однако он знает, что мне придется провернуть массу дел, и надеется вычислить момент вовремя. Именно поэтому он дал мне свободу действий и согласился на мои условия.

Она посмотрела на меня:

— А ты справишься?

Я пожал плечами:

— Не имею ни малейшего представления. Это будет зависеть от Отаха, от моего двойника, от Круга и его руководства... Остается уповать на них всех!

Вскоре мы были в клинике Дюмония. Лару не терять времени: в каждом углу сидели его агенты.

Дюмоний выглядел изумленным.

— Что ж, вы сорвали с себя маску, — как бы случайно заметил он.

— Почему бы и нет? Она всегда была ненадежной. И раз уж вы знали об этом, то когда-нибудь это все равно обнаружилось.

Он поморщился:

— Неужели у меня такая плохая репутация?

— Нет. Вы именно тот, за кого себя выдаете. Но с таким же успехом вы могли быть и самим Вагантом Лару. В таком мире все возможно.

Это показалось ему забавным.

— Знаете, это типичная проблема Цербера — паранойя. По милости Конфедерации, среди нас полно психопатов и преступников; необходимо нечто серьезное, чтобы держать их в узде: это угроза нака-

зания или смерти. Может быть, именно поэтому я люблю эту планету: какое поле для моей деятельности!

Последние несколько недель я много думал о Сварке Дюмонии. Он был живым олицетворением противоречий — личность с преступными наклонностями, одновременно полностью посвятившая себя пациентам.

— Ваша мысль о том, что я мог быть Лару, — заметил он, — классический случай паранойи. Но я не Лару. И никогда не мог быть им по той простой причине, что я ненавижу власть. Ненавижу все учреждения, начиная с Конфедерации и правительства Цербера и кончая местным медицинским обществом. Все они — организованные муравейники. Созданные, чтобы душиить и сковывать индивидуальность. Надо сказать, у них это здорово получается. Религии — то же самое, если не хуже. Догма! Вы должны верить в нечто, вы должны поступать так, а не иначе. Тратить время на глупые ритуалы, вместо того чтобы заниматься делом. Знаете, только в одном Медламе сто семьдесят конфессий? Все, начиная с католической церкви и ортодоксального иудаизма — не забудьте о проблеме смены пола, обрезания и прочего, — и кончая безумными культами. «Боги спят внутри Цербера и когда-нибудь проснутся, чтобы взять нас во время второго пришествия» — и тому подобное.

— Значит, вы анархист?

— Пожалуй. Этаким денди в костюме от хорошего портного, владеющий виллой и личным флаером. Знаете, именно в этом ошибка философов древности: анархизм не является инструментом масс. Наоборот! Массы хотят, чтобы их куда-то вели. Иначе они бы не справились с сознанием всех этих бюрократических структур, которые им предписывают, как надо и как нельзя думать. Единственное, что можно сделать с коллективным сознанием, это периодически встря-

хивать его, давать ему революционный пинок. К сожалению, потрясение быстро проходит — возникают новые догмы и бюрократии. Но оно полезно. Когда Конфедерация превратилась в столь упорядоченное общество, что даже мелкий бунт стал невозможен, именно тогда она начала загнивать.

Я прозревал, к чему он клонит:

— Вы считаете меня местным революционером?

— Может быть, вы лишитесь своей глупой головы, а может быть, пнете их как следует. Со временем вы станете тем, кого вы уничтожили, но потом придет какой-нибудь умный прохиндей, и история повторится. Так и циркулируют жизненные соки...

Я пожал плечами. Нет, я не представлял себя в роли нового Лару.

— Но вы станете им, — продолжал психиатр. — Вы признались мне, что испытали дурное предчувствие и страх, когда встретились с ним. Знаете, почему? В глубине души вы знали, что смотрели на самого себя.

— Я не жажду власти.

— Потому что у вас никогда не было такой власти, и вы не представляете, что она может сделать с вами. Нет, вы любите побеждать противника (не важно, человека или систему) и демонстрировать свое превосходство.

— Искренне надеюсь, что вы ошибаетесь. Но даже в том невероятном случае, если я стану властителем Цербера, я буду часто приходить к вам. Чтобы вы ставили меня на место. Хорошо?

Он не улыбнулся:

— Этого не будет. Вы предпочтете не верить моим словам, вам это надоест. У меня уже есть печальный опыт: двадцать лет назад у меня состоялся почти такой же разговор с Вагантом Лару.

— Что?!

Он кивнул:

— Они приходили и уходили на моих глазах, я помог ему занять это место, помогу и вам, но ничего не изменится.

— Почему же вы еще живы, доктор?

Он усмехнулся:

— Мой маленький секрет. Не забудьте: каждый, кто правил Цербером, был моим пациентом.

— В том числе и я? — пробормотал я, обращаясь, наверное, сам к себе.

Передо мной был умнейший и хитрейший человек на этой планете — и, как ни странно, его не нужно было бояться. По крайней мере пока нынешняя власть противоречила его взглядам.

— Давайте перейдем к насущным вопросам, — предложил я, чувствуя себя все неуютнее. — Вы сказали, что, если с Дилан снимут обвинения, вы проведете полное лечение. Что надо делать теперь?

Он перешел на профессиональный тон:

— Пустить все на самотек — это самый безопасный путь. Сейчас ей намного лучше. Большая часть ее прежней индивидуальности вернулась, частично восстановилась уверенность в себе. Остался страх потерять вас. Есть только один способ разубедить ее, но он чрезвычайно рискован для вас обоих.

— Я хожу по лезвию ножа, док, — сказал я. — Может ли быть больший риск?

Он откинулся в кресле, размышляя:

— Ладно. Вы слышали о церберрианской шизофрении? В очень редкие моменты обмена личностями мы сталкиваемся с необычным состоянием: когда данные из обоих сознаний одновременно присутствуют и в том, и в другом мозге. Вы же знаете, что там недостаточно свободного места. И тогда два сознания могут слиться в одно после острого кризиса, или возникают две отчетливые личности в одном теле. Время, степень подготовленности и

тому подобное существенны, но не гарантируют результата. Процесс необратим.

— Я что-то слышал об этом. Во время инструктажа, когда прибыл сюда. И какое же отношение это имеет к Дилан?

— Это единственный способ полностью уверить ее, что ее страхи беспочвенны. Ведь такой процесс оставляет сильный отпечаток другой личности в каждом сознании. Словно вы читаете самые сокровенные мысли друг друга, поэтому никто и не осмеливается... Отсутствие секретов! Если проделать это с вами, она бы побывала, так сказать, в вашей голове и больше не сомневалась. В течение нескольких дней вы были бы открыты друг для друга.

Я присвистнул:

— Тяжелое бремя. Знаю ли я сам, чего в действительности хочу и что чувствую? И каковы шансы на успех?

— По правде говоря, пятьдесят на пятьдесят.

Я вздохнул:

— Ясно. А если мы с Дилан рискнем, сколько времени займет подготовка?

— Как минимум день. Я давно не занимался подобными вещами.

— А сколько раз вы проделывали это?

Он слегка задумался:

— Четыре. В том числе два раза удачно.

— Мы подумаем, — пообещал я. — Это серьезный шаг. А сейчас мне нужна ясная голова.

Он кивнул:

— Может быть, вам удастся...

— Опять все яркое и отчетливое, — сказала мне Дилан на обратном пути. — Ты не представляешь себе, как остро воспринимаешь взаимосвязь через

микробы Вардена, когда впервые лишаешься ее. Словно ослеп, а потом неожиданно прозрел.

Я понимал это только отчасти, потому что перестал их замечать. Мы перестаем слышать шум моря, но если море утихает, мы вдруг осознаем это.

— Следи за собой, — предупредила она. — Однажды ты можешь проснуться в роли матери!

Я рассмеялся и поцеловал ее:

— Не беспокойся. Я всегда получу свое тело назад, если захочу.

Мы коснулись различных тем, включая радикальные идеи Дюмония.

— Ты пойдешь на это? — спросила она. — Ради меня?

— Если тебе это нужно, — заверил я. — И если мы уцелеем в ближайшие дни.

Она крепко обняла меня:

— Тогда не стоит. Мне достаточно знать, что ты согласен. Ты мой партнер.

— Возлюбленный, — возразил я и в свою очередь сжал ее в объятиях.

Ни магазин, ни сам Отах нисколько не изменились. Мы давно не встречались, и он, казалось, обрадовался моему появлению. Хотя, кажется, насторожился при виде Дилан. Однако он подошел к нам:

— Квин! Вот это здорово! Я уже думал, что тебя нет в живых!

— Как видишь, жив, — сухо ответил я и кивнул в сторону Дилан. — Моя жена, Дилан Коль.

— Ваша жена... Будь я проклят! Подумать только! Вы ведь впервые встретились здесь!

— Нет, — поправила его Дилан. — В этом теле была другая женщина.

Новость слегка сбила его с толку, это был хороший знак. Значит, Отах не знал того, что я передавал.

Иначе он бы знал все о Дилан, Санде и остальном. Значит, он сам не слушал или не мог слушать.

— Чем могу служить в этот прекрасный день? — вежливо спросил он. Я видел, что он лихорадочно думал, как разделить нас, и заставить меня выйти на связь.

— Прекрати игру, Отах, — произнес я тихим голосом. — Я знаю о передачах. Я знаю, что ты получаешь от Конфедерации незаконную электронику за то, что обрабатываешь парней вроде меня.

Он нервно рассмеялся:

— Что ты мелешь, Квин! Это — безумие!

— Нет, это правда — и мы знаем это. Отах, это стало важнее твоей подпольной торговли. Мне нужно связаться. Немедленно и совершенно сознательно. Ты понял?

— Не представляю, о чем вы!

— Хватит крутить! — оборвал я. — Если хочешь и дальше притворяться — отлично. Существуют другие источники. Но обещаю: за несговорчивость ты очень скоро окажешься на Момрате. Отах, я имею дело с людьми Ваганта Лару! Одно мое слово — и тебе амба.

Он сглотнул и прошипел:

— Ты не сделаешь этого.

— Сделаю не задумываясь. Оставим эти школьные штучки, ладно? Мы должны были стать друзьями, потому что тебе платили за это. Так что теперь я могу воспользоваться тобой — или выдать тебя. Выбирай!

Он снова сглотнул, покачал головой и вздохнул:

— Послушай, Квин, ты здесь ни при чем. Поверь. Это всего лишь работа.

— Передатчик, Отах. Давай разберемся. Обещаю, что, если ты будешь сотрудничать и не выкидывать фокусов, никто об этом не узнает. Но на некоторое время мы с Дилан связаны. За нами следят, и мне придется воспользоваться услугами доктора, чтобы

избавиться от двух маленьких устройств наблюдения, которые имплантировали нам без нашего ведома. Сегодня мы веселимся и навешаем старые места, твой магазин в том числе. Но если мы здесь надолго застрянем, они обратят внимание.

Он нервно озирался:

— Пойдемте.

Подсобное помещение напоминало склад всякого хлама. Отах извлек из него напоминающее шлем устройство, подключил к чему-то, похожему на испытательный стенд, и включил питание.

— Похоже на оборудование для сканирования мозга — серьезная штука, — заметила Дилан.

— Возможно, принцип тот же. Отах, как она работает, если не произносить пароль?

Он пожал плечами:

— Понятия не имею. Передача идет через обычную антенну на крыше. Я думаю, она кодируется и принимается где-то еще на Цербере, потом пересылается на спутник, а оттуда неизвестно куда. А действует так: мы беседуем, ждем, пока магазин опустеет. Потом я произношу условные слова, после чего мы идем в подсобку и включаем устройства. Потом ты надеваешь эту штуку и впадаешь в транс на несколько минут. Затем снимаешь ее и выходишь. Я произношу еще что-нибудь, ничего не значащее. И ты продолжаешь разговор как ни в чем не бывало...

Я кивнул:

— Хорошо. Иди в магазин. А ты, Дилан, останься. Я осмотрел шлем.

— Упрощенный вариант считывающего устройства, используемого клиником. Службы безопасности, — сообщил я. — Предназначено для передачи информации.

— Я думала, это невозможно, — удивилась она. — Никто, кроме тебя, не воспримет ее.

— Почти. Не волнуйся, если я войду в транс. Ни в коем случае не прерывай меня! Когда я закончу, мы узнаем, что к чему.

— Квин, кто на другом конце этой штуки?

Я вздохнул:

— Вероятно, компьютер. Квазиорганического типа. Возможно, что он — это я...

«...Сообщаю о положении в данный момент. Надеюсь, что ты оценишь эту информацию и сразу же передашь ее оператору, не дожидаясь окончательного доклада, который я сделаю, если смогу».

Повисла легкая пауза, словно не стало атмосферных помех. Неожиданно возник голос — вернее, ощущение его, сформировавшееся в моем сознании.

— Я сообщу, что доклад следует прочесть, — произнес компьютер. — Но умолчу о том, что он неполный. Он сам примет решение.

— Ну, спасибо, — сказал я. — Сколько же ждать?

— Неизвестно. Он потрясен докладом с Лилит и отказывается заниматься этим. Наверное, послезавтра.

— Как же я снова войду в контакт? Я не могу привлекать внимание к этому месту.

— Мы сами свяжемся с вами. Не беспокойтесь.

— Тебе легко сказать! Ты ведь всего машина и не рискуешь здесь, внизу, с петлей на шее...

КОНЕЦ СВЯЗИ. СЧИТЫВАНИЕ. ЖДИТЕ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ.

Наблюдатель снял шлем и откинулся в кресле, чувствуя себя опустошенным. Он просидел несколько минут, уставившись в никуда, неспособный собрать воедино свои мысли и взять себя в руки.

— Вы снова расстроены, — отметил компьютер. Он указал куда-то рукой:

— Разве это я там? Неужели у меня такие романтические привязанности, такое безумие и честолобие?

— Конечно. Проверка и отпечатки сознания подтверждают это.

Он сухо рассмеялся:

— Да. Количественный анализ. Все сводится к симпатичным аккуратным цифрам и символам. Должно быть, приятно быть компьютером. Не беспокоиться о том, что все твои мечты и желания лопаются, как пузыри.

— Мы являемся суммой соответствующих программ, — заметил компьютер, — ни больше ни меньше.

— Программы! Какая от них польза? Тебе этого не понять. Никто раньше не проходил через такое...

— Однако мы многое узнали. Если Цербер потребует уничтожить прямо сейчас, мы готовы и располагаем всем необходимым. Мы знаем, как программируются роботы. Мы знаем, что Чужаки и Ромб общаются на орбитах лун Момрата. Мы готовы нанести удар по этим роботам, хотя загадка еще не решена.

— Я не рекомендую сжигать Цербер! — отрезал он. — По крайней мере сейчас.

— Достаточно станции и острова Лару, чтобы помешать операции. Почему же вы колеблетесь?

— Почему... Действительно, почему? — громко спросил он сам себя. — Да потому, что в деле на планете Лилит я в конце концов убедил себя сам. Это было помрачение рассудка. Я технологический агент и должен идти на компромиссы. Но Цербер? Какие тут могут быть оправдания? И только ли мои близнецы там, на планетах, претерпели изменения?

Можно отважиться только на одно. И он знал это.

— Чтобы помочь вам решиться, — вставил компьютер. — Замечу, что уничтожение Цербера не остановит операцию с роботами, только оттянет ее.

Пока в распоряжении Чужаков имеется церберрианская разновидность микроорганизмов Вардена, ее можно будет использовать в любой точке системы. У нас есть сведения, что ее уже применяли таким образом. Однако время конфронтации еще не пришло. Если мы уничтожим или нейтрализуем систему Вардена, мы потеряем все связи с противником.

Он задумался:

— Хорошо. Передай предложения Центру безопасности и получи прогнозы и рекомендации.

— Принято, — ответил компьютер.

ЗАПРЕДЕЛЬНЫЕ КОМПЬЮТЕРЫ И ОПАСНОЕ РЕШЕНИЕ

Я сообщил Богену, что установил контакт и жду результатов. Этот период, похоже, будет не из легких. Единственное, что радовало: к Дилан вернулся ее решительный характер. И если бы не мои затруднения, эти три дня были бы самыми счастливыми из проведенных мною на Цербере.

На третий день раздался звонок от неизвестного лица. Боген следил за мной и прослушивал телефонные разговоры, но почему-то я был уверен, что этого он не услышит.

Изображения не было, только звук.

— Квин Зант?

— Да.

— В вашем предложении есть смысл, но ничего нельзя сделать без физического образца.

Я затаил дыхание:

— Размеры?

— Около пятидесяти кубических сантиметров мозга и столько же любой другой ткани. Это возможно?

— Я выясню, — ответил я кому-то или чему-то. — Как вам сообщить?

— Мы свяжемся с вами.

Вошла Дилан:

— Кто это?

— Ты знаешь, кто, — ответил я. — Пора позвонить Богену — из Службы безопасности.

Я подсоединился к линии:

— Со мной вступили в контакт. Им нужны образцы тканей.

Он кивнул:

— Как вы и ожидали... Кстати, как они сделали это? Вы были дома, и вам не звонили!

— Они звонили по моему номеру. Вы должны были засечь.

Он выглядел встревоженным:

— Да-да... Но пока мне не доложили. Мне это не нравится...

— Вы проверили телефон? — спросил я.

Он взволнованно кивнул:

— Разумеется. Устройства, установленные у вас, не записали ничего, кроме обычного шума. Хотя мы слышали, как ваша жена спросила «Кто это?», и вы ответили.

Я присвистнул. Мы с Богеном были удивлены, но по разным причинам.

— Вы получите образцы, — проговорил наконец Боген.

— Мне забрать их или вы доставите? Я подготовлю корабль, — предложил я.

— Нет. Председатель Лару приказал, чтобы ноги вашей больше не было на острове. Охрана уничтожит вас.

— Мы так не договаривались! — запротестовал я, чувствуя, как во мне все оборвалось. Я должен по-пасть туда.

— Мы передумали. Вы известный убийца, Занг, и мы не можем рисковать. Если потребуется что-то, чего мы не сможем сами, — позволим вашу жену. Нам так спокойнее. Она здешняя, и к тому же запрограммирована — запрет убийства.

— Я не хочу втягивать ее. Я расторгну соглашение!

Он злобно рассмеялся:

— В таком случае вам обоим конец. Вы знали, на что шли. Так что позаботьтесь, чтобы она оказалась на острове через два часа!

— Ну, ладно, — выдохнул я. — Пока будем играть по вашим правилам. Но ей запрещены морские путешествия.

— Кем? Властью Председателя Лару она освобождается от этого ограничения. Того, кто усомнится, посылайте ко мне.

— Я думал, что у нее психический запрет...

— Дюмоний удалил его. Действуйте. Мы теряем время.

Я отключился, чувствуя себя менее уверенно. Такой поворот — это хамство с их стороны...

Дилан, однако, не унывала. И мне осталось только проводить ее на пристань и распрощаться. Она радовалась — снова окажется на корабле!

Ее не было пять часов. Я волновался все больше, и когда она наконец вернулась, все еще был взвинчен.

— Они ничего не сделали тебе, правда? — спросил я. Она рассмеялась:

— Нет. Я управляла кораблем. И развлекалась. Здорово там у них, на острове. Меня пустили только на первый этаж, дали опечатанный контейнер и отправили назад.

Я с беспокойством смотрел на нее. Догадался бы я, если бы ее заменили роботом, обработали с помощью психиатрических машин?

Что ж, ответ на первый вопрос я получил бы ночью, если бы мы поменялись с ней телами. Впрочем, уверен, что сейчас они бы не пошли на это. Второе я мог выяснить только с помощью Дюмония.

Неожиданно меня осенило.

— Сукин сын! — пробормотал я. — Старый пройдоха!

Она удивленно посмотрела на меня:

— Кто?

— Дюмоний. Он опережает и меня, и Лару. Он знал все заранее!..

* * *

Мы внесли контейнер в помещение и стали ждать указаний извне. Ничего не было. Покончив с какой-то рутинной работой, мы легли спать. А когда проснулись утром, контейнер исчез.

Я сообщил о пропаже Богену. Нельзя сказать, чтоб он обрадовался. Заработали видеокамеры, агенты, вся система безопасности, но никто ничего не обнаружил. И ведь пять независимых следящих устройств были в самом контейнере и, очевидно, прекрасно работали. Они как бы не исчезли — по крайней мере они сообщали, что контейнер по-прежнему в комнате. После долгих поисков нашли крошечный записывающий прибор, что-то вроде миниатюрной батарейки, заданный в половицу.

Он-то и передавал сигналы пяти следящих устройств!

Боген был разъярен, раздражен, но я не сомневался, что Лару получит доклад, в котором шеф Безопасности предстанет в наилучшем свете.

Образцов не было уже девять дней, за это время не произошло ничего интересного. Только Боген становился все нетерпеливее и уже угрожал нам. Мы с Дилан начали волноваться...

Наконец прозвучал вызов.

— Меня всегда удивляет, что вы так свободно разговариваете, — обратился я к агенту.

Он улыбнулся и кивнул нам обоим. Это был доктор Дюмоний.

— Ну, небольшая новинка. Вас прослушивают, и люди Богена сейчас записывают наш разговор. Но слышат они нечто совершенно другое. Как приятно работать в окружении техники, отставшей от современной на несколько десятилетий!

— Вечно вы с вашим анархизмом! Я давно почувствовал, что с вами надо держать ухо востро, но не догадался, на чьей вы стороне.

— На своей, конечно. И вы двое — тоже, вот так. Я сказал вам чистую правду: ненавижу Конфедерацию! И если бы я был уверен, что Чужаки не истребят нашу расу, я бы приветствовал их. Нет лучшего лекарства для человечества, чем старая, добрая война, при условии, что раса выживет и будет развиваться. А я психиатр, и люблю комфорт и свою работу.

— Почему же вы работаете на них? — озадаченно спросила Дилан.

— Это не так. На Цербере я олицетворяю Конфедерацию. Тонкая шутка, не правда ли? Квин как-нибудь расскажет вам подробнее. А сейчас не время философствовать, слишком многое предстоит сделать. Скажем так: к нашей взаимной выгоде я использую их, они используют меня. Я также использую Лару, его людей и его систему. Я живу так, как хочу, и занимаюсь любимым делом.

— Я не понимаю, зачем тогда прислали меня, — заявил я с уважением, как профессионала к коллеге. — Вы можете проделать все это с меньшими трудностями.

— Нет. Если я окажусь поблизости от Лару, я медленно подвергнусь серьезной опасности. Моя деятельность направлена на то, чтобы сохранить мое душевное спокойствие как можно дольше: Неограниченно долго, надеюсь. Я не отношусь к активным людям. Лару не доверял бы мне, просто потому, что я слишком хорошо его знаю. — Он усмехнулся. — Он думает, что у меня частично стерты воспоминания. И только благодаря этому заблуждению я здесь. Но, с другой стороны, я слишком близко подошел к проблеме, пробыл здесь слишком много лет, знаю слишком многих. Моя объективность сомнительна. Требовался свежий аналитический ум, чтобы отфильтровать

информацию. А кроме того, в этом случае головой рискуете вы, а не я.

— Но вы сказали, что не возражали бы против атаки Чужаков, — заметила Дилан, всё еще пытаясь понять его. — Зачем тогда помогать борьбе против них?

Он стал очень серьезным:

— Чужаки — это воплощение абсолютной угрозы. Совершенные организмы и полностью программируемые. А мы можем стать и тем, что никогда не предусмотрит никакая программа. Именно поэтому тоталитарное общество не могло искоренить индивидуальность. А вот роботы — первая реальная угроза. Выражаясь эвфемистически, меня чуть не пронесло, когда я узнал о них.

— С чего же начнем? — спросил я его.

— Мы по-всякому возились с этими образцами, — сказал агент-Дюмоний. — Доктор Мертон права: мы не представляем, как их копировать. Это не в наших силах. Это плохая новость. А хорошая заключается в том, что, невзирая ни на что, мы можем работать с ними, если вы меня поняли.

— Ни в малейшей степени, — признался я.

— Хорошо. Предположим, я не знаю, как делается карандаш, но я знаю, как пользоваться им. Управление, вот в чем дело. Внутри каждой квазиклетки есть программное устройство, но мы совершенно не разбираемся в нем. Однако мы можем добавлять информацию в уверенности, что она передается и записывается с помощью микроорганизмов Вардена. Возможно, этот объект создан с учетом микроорганизмов Вардена и не работает без них. Значит, эти штуки были изготовлены Чужаками специально для нас...

— И что все это значит? — нетерпеливо спросила Дилан.

— Что часть образцов отправлена куда-то, а часть осталась в моей лаборатории. Это было увлекательное исследование! Использовать организм, который мы

вообще не понимаем, чтобы воздействовать на другой, который мы не можем ни создать, ни скопировать. Но с помощью компьютеров Извне кое-какие результаты получены. Язык химического кода довольно сложен, но *код подчинения* повторяется в каждой клетке. Программа в общем-то элементарная — это основа для всех разновидностей роботов-агентов, рассылаемых в другие миры на различные задания и в различные условия.

— Значит, вы в состоянии избавиться от нее? — вмешался я.

— Нет. Но мы можем дописать программу так, чтобы обойти начальные этапы, оставив сознание свободным в сверхтеле.

— Доктор Мертон должна была подумать об этом, — заметил я.

— Несомненно, — согласился он. — Но у нее нет таких мощных компьютеров и программ. Из-за этого они и застряли. Лару был прав.

— Значит, мы в силах дать ему то, что он хочет, — вздохнула Дилан. — А что взамен?

— Что ж, для начала нужно обеспечить вам какую-нибудь абсолютную защиту. Например, сделать сложное психическое внушение, используя систему безопасности. Лару не обойдет его. И никто не обойдет, в противном случае мы бы уже проиграли. Иными словами, вы не сообщите ему информацию, пока не захотите...

— Но мне разрешено ездить на остров только одной, — возразила Дилан. — Вдруг он превратит меня в робота и будет манипулировать им, невзирая ни на какие психические блоки?

— Нет. Мы добавим для надежности еще один блок, вроде тех, которые Безопасность щедро имплантировала Квину годами. Не существует человека, который бы не проболтался под пытками или после химической обработки. Поэтому мы используем метод,

сводящий на нет подобные процедуры. Именно это заставило Лару отказаться от мысли сделать из Квина робота. Наверняка он и сам снабжен подобной командой — она стирает другую информацию, если субъект подвергается принуждению! Он ничего не сделает с вами, вы необходимы ему.

Дилан выглядела удивленной, но я прекрасно понял его:

— Доктор имеет в виду, Дилан, что эта команда может быть запущена Извне агентом Конфедерации. Вроде той, которую сам добрый доктор «привил» Лару, чтобы гарантировать свое благополучие.

Дюмоний улыбнулся и кивнул.

— Жаль только, что Дилан придется действовать одной, — недовольно заметил я. — Обидно пропускать развязку. В конце концов идея была моя.

— Вы же знаете, что существует способ, — мягко напомнил Дюмоний, и я заметил, как блеснули его глаза. — Я приготовился на случай, если вы отважитесь рискнуть.

Дилан посмотрела на него, потом на меня.

— Я не уверена, — произнесла она. — Я немного боюсь.

— Я понимаю ваши сомнения, — признал психиатр. — Во-первых, вы можете разделиться. В этом нет ничего особенного. Или слиться в одну личность. Или обнаружить, что вы не любите друг друга. Особенно это касается Квина...

Она кивнула:

— Я знаю. Но это меня мало волнует. Я люблю его теперешнего, и вряд ли мне бы понравился прежний Квин: он слишком напоминает Ваганта Лару. Решено — мы отправимся вместе! — твердо заявила Дилан. Но разве они не догадаются, кто снабдил нас информацией?

— Если все удастся, вопрос потеряет академический смысл, — ответил доктор. — А если что-нибудь

не заладится — что ж, у нас есть пути к отступлению. Не беспокойтесь, я хорошо маскируюсь.

— Не сомневаюсь, — сухо заметил я. — Перейдем к делу.

Как я и предполагал, Богену совершенно не понравился измененный план.

— Что ж я мог поделать? — невинно спросил я. — Мы возвращались от Дюмония, неожиданно у нас потемнело в глазах. Мы очнулись через полчаса посреди города с одинаково внушенными нам инструкциями. Вы сами знаете, что ваши люди потеряли нас.

Ему оставалось только хмуриться.

— Шефу не понравится, — проворчал он. — Слишком много уязвимых моментов. Однако сегодня вы оба отправитесь на остров. Прихватите вещи — визит может затянуться.

Я кивнул и отключил связь.

— Ты действительно думаешь, что Лару пойдет на это? — озабоченно спросила Дилан. — В конце концов он отдает себя в руки Конфедерации.

— Да, — заверил я. — У него нет выбора.

— Самый могущественный человек на Цербере, один из самых могущественных на Ромбе и, может быть, один из самых могущественных людей в Галактике — и напуган до смерти?

— Ее-то он и не боится, — заметил я. — Пошли собираться.

ПОСЛЕДНИЙ ФОКУС

Дюмоний и его психиатрические компьютеры создали исключительно яркий психологический профиль Ваганта Лару, с момента, когда он впервые оказался на Цербере.

Как и все выдающиеся люди, он больше всего опасался покушений и несчастных случаев. Этот его страх прогрессировал на Цербере, где возможно было в принципе жить вечно. Лару полагал себя Богом, а Бог не может быть смертен! Что ж, наилучшим гарантом полной безопасности был робот.

Более того, он дал бы ему возможность покидать Ромб и возвращаться туда. Окруженный небольшой свитой преданных органических роботов, он стал бы практически неуязвим. Освобожденный от всех потребностей и плотских желаний, оснащенный мозгом, который мог поспорить с быстродействующим компьютером, он становился уникалом, какого не знало человечество.

Он понимал это, а его характер подталкивал его. Кроме того, с одним из властителей Ромба было покончено, с властителем, которого он уважал и боялся, — это был решающий довод. И он отважился.

Я не мог не думать о том, как сильно повлиял на меня Дюмоний. Он подстроил сам, чтобы выбор пал на него — задолго до проекта «Феникс». И вот теперь, когда я должен пойти на исключительный риск, я

почти без колебаний и с полной поддержкой Дилан иду на него.

Все воспоминания и рассуждения теперь не имеют значения. Теперь все должно сойтись воедино — или развалиться. Подозреваю, что где-то ждет наготове космический крейсер, чтобы подойти к Церберу и уничтожить остров Лару — вместе с нами...

Мы с Дилан почти целую неделю провели в Замке, предоставленные сами себе, но всегда под пристальным взглядом охраны и сканирующих устройств. Ее восхищала зеленая лужайка — нечто немыслимое на Цербере — и радовали музеи похищенных ценностей. Я с удовольствием рассказывал ей о культурах, породивших эти шедевры.

Когда мы прибыли, нас направили к доктору Мертон для проверки возможных психических команд и блоков. Теперь я не блефовал, и пробы это подтвердили. Мы перечислили — не понимая, что описываем, — оборудование, необходимое для распрограммирования. Мертон отнеслась к этой информации с интересом и заверила нас, что все будет быстро собрано.

Наконец, без всякого предупреждения, на лужайку приземлился большой транспортный корабль. Как и в прошлый раз, из него вышли пять человек, на этот раз совершенно других. Дилан с интересом наблюдала за ними из окна. Мальчик и девочка, подростки. Элегантная женщина за сорок, шатенка с короткой прической. Невысокий худощавый человек с очень темной кожей. И молодой клерк с бородкой эспаньолкой.

— У него неплохая команда, — одобрил я. — Здесь нет ни одного из тех, кто был в прошлый раз.

— У них одинаковая походка, — отметила Дилан. — Даже женщина шагает, как мужчина.

— Они потрясающие актеры.

— Кто настоящий Лару? И есть ли он среди них?

— Проще простого, — хмуро ответил я. — Настоящий останется жив и в конце нанесет удар.

* * *

Охранники проводили нас в нижний научный комплекс и сразу исчезли. Пятеро прибывших, Мертон и Боген ждали нас в лаборатории; пятеро сидели в креслах.

— Они даже одинаково кладут ноги одна на другую, — прошептала Дилан, и я подавил смешок.

Мы остановились. Заговорил клерк с эспаньолкой.

— Ладно, Квин Зант. Я не намеревался встречаться с вами еще раз, но вы меня вынудили.

— Вы не пожалеете, — пообещал я ему.

— Старайтесь, — проворчал он. — Я не люблю незаменимых людей. Понятно?

Я кивнул:

— Конечно! У вас есть выбор: мы можем все забыть и отправиться домой.

Он проигнорировал мои слова и повернулся к Дилан.

— Рад вас видеть. Надеюсь, теперь у вас все в порядке?

— В полном, — ответила она с прежней самоуверенностью.

Я почти читал ее мысли и любовался ею. Вагант Лару не смог бы охотиться на борков!

— Сначала кое-какие испытания...

— Мы к вашим услугам, — сказала Дилан. — Хотя, по правде говоря, разбираемся в этом не больше вашего. — Она окинула их взглядом. — Кто будет первым?

— Пока никто. — «Лару» кивнул Богену, и шеф Безопасности вышел.

Два техника вкатили устройство, сильно смахивающее на то, о котором несколько дней назад мы гнали информацию доктору Мертон. Гибрид из разных приборов. Но раз Мертон считала, что он будет работать, — что ж, я не прочь довериться специалисту.

Машина напоминала три сушилки для волос на длинных, толстых, как гусиные шеи, стержнях, «воткнутых» в заднюю стенку приборной панели. С помощью Мертон ее подсоединили к приборному отсеку лаборатории. Множество проводов выходило из верхней части панели и тянулось к приборам. Включили питание. Мертон проверила все, кивнула им.

Меня охватило ощущение, будто меня сейчас казнят. Как на электрическом стуле. Если верить Мертон, эта штука должна позволить нам с Дилан, если мы сконцентрируемся, посылать импульсы наших сознаний третьему лицу.

Внесли стулья, поставили их под приборами, а шлемы подкрутили, и они повисли над нами обоими.

— Что теперь? — требовательно спросил Лару.

— Нам нужен робот, — ответил я ему. — Сначала мы вводим сигнал в робота, а потом вы пересаживаете в него сознание. Старым цербериянским способом.

— Мертон? — вопросительно произнес он.

Она подошла к одной из кабинок и открыла ее. Находившийся в ней был полностью подготовлен, он был жив, но безлик. Человек не смог бы такое изобразить.

И я, и Дилан одновременно вздрогнули:

— Санда!

Нет, это была не Санда, а ее точная копия, копия режнего тела Дилан.

— Видимо, я недооценил этого парня, — пробормотал я. — Каков мерзавец...

Все «Лару» смотрели на меня с плохо скрытым злорадством.

— Если вы захотите провести меня, вам будет труднее с тем, кого вы оба знаете и любите, — тихим голосом «пояснил» кто-то из них.

— Вы убьете ее после этих опытов! — возмутилась Дилан. — Я в таких вещах участвовать не буду.

Один из «Лару» слегка задумался и, мне показалось, покосился на девочку. Девочка очень естествен-

ным жестом подняла руку и почесала нос. Человек с бородкой замолчал и, напустив на себя задумчивый вид, уставился в потолок. Наконец он произнес:

— Хорошо. Но по причинам, которые, полагаю, ясны, вы затрудняете испытание. А без него мы не двинемся дальше.

Я пожал плечами:

— Что вы на меня смотрите? Не я оставил ограничители!

— Не в этом дело, — отрезала Дилан. — Я в любом случае против!

Лару вздохнул и снова задумался. Наконец он сказал:

— Выйдите оба. Подождите там!

— Не ожидал такого от меня, да? — самодовольно спросила Дилан. Я попросил ее больше не злить их: Лару достаточно неуравновешен. Он откажется от всей затеи, если на него слишком сильно жать.

— Не дразни его, — предупредил я. — Есть вещи, которые для него гораздо важнее.

Она кивнула и сжала мою руку. Вскоре нас позвала доктор Мертон.

— Хорошо, — произнес Лару. — Давайте действовать поэтапно. Сначала мы попытаемся очистить нейтральное, так сказать, тело. Потом Мертон проверит его и решит, что можно из этого извлечь. Согласны на это?

Мы увидели, что робот заменили. Это уже не Санда. Я посмотрел на Дилан и пожал плечами. Она вздохнула:

— У нас нет выбора. Я согласна.

Перед нами был гигант с могучими мускулами. Мертон с двумя ассистентами усадили его на стул — сам он едва двигался.

— Кажется, они прибывают с минимальной программой, — заметил я.

— Включаться и выключаться, идти вперед или назад, стоять и сидеть — вот почти все, — подтвердила Мертон. — Им не требуется большего, когда вводят сознание.

Я занял место у машины, Дилан села рядом со мной. Мое беспокойство нарастало — я знал истинную цену Лару и не доверял ему ни на грош.

Шлемы опустились; я почувствовал прикосновение контактов и датчиков.

— Отлично, — сказала Мертон. — Все устроено так, как вы рассказали. Приступайте!

Я расслабился, сделал несколько глубоких вдохов и услышал, как Дилан делает то же самое. И тогда я сконцентрировался. Нет, не только: я заставил переплывающую пройти.

На мгновение я испытал беспомощность, не мог двинуть ни рукой, ни ногой, но это прошло так быстро, что я усомнился: может, мне показалось?

— Все, — произнес я. — Дилан, а ты?

— Кажется, всё.

Ассистенты щелкнули выключателями и осторожно сняли с нас шлемы. Мы с Дилан встали и уставились на нашего гиганта. Он выглядел таким же «пустым».

Лару посмотрел на доктора Мертон.

— Ну что?

— Мы записали что-то, — сказала она. — Но кто же знает — что?

И тут меня осенило: а если это маневр, ход? Если Мертон создала процесс, не переносящий, а копирующий информацию в мозг? Если так, то мы больше не нужны никакому Лару! Оставалась отчаянная надежда, что Дюмоний (или Служба безопасности Конфедерации) предусмотрел это.

Подожли два ассистента со странной высокой тележкой. Гиганту приказали встать, тележку наклони-

ли, ловко подвели под него, уложили и повезли в боковую дверь. Доктор Мертон пошла следом.

— Куда они направились? — с интересом спросил я.

— Сначала его подключат к анализатору, — сообщил Лару. — Потом двинемся дальше.

Спустя несколько тревожных минут снова появилась Мертон.

— Ничего из того, что я могу измерить, не изменилось, — заявила она.

Лару вздохнул:

— Ладно. Попробовать живьем. Вы подготовили Самаша?

Она кивнула, подошла к аппарату, с кем-то связалась. Я узнал голос Богена. Не прошло и минуты, как в лабораторию ввезли другую бесчувственную, совсем не похожую на гиганта, фигуру. Это был старик — самый старый человек из всех, кого я видел на Цербере. Ему было на вид лет пятьдесят.

— Самаш работает здесь техником, — сказал нам Лару. — Он очень предан, хотя и не слишком умен. И как видите, весьма нуждается в новом теле.

— Еще бы, — заметила Дилан.

— Теперь займемся им.

— Его опоили?

— Это Кабаш, о котором вам, кажется, кое-что известно.

— Да.

Я начал понимать: средство, стимулирующее обмен, если кто-то поблизости находится под его действием. После повторения процедур Самаша перевезли в другое помещение, и вскоре появилась Мертон с ассистентами.

— Подождем часок, — уверенно произнесла она. — Я позову вас.

Нас отпустили. И снова очень хорошо накормили.

— Я по-прежнему беспокоюсь, — заметила Дилан.

— Только этого не хватало, — поделился я своими опасениями по поводу Мертон.

Она вздохнула:

— Что ж, мы сделали все, что могли.

— Посмотрим. Еще не конец.

Примерно через час нас позвали назад. В лаборатории ничего не изменилось за исключением того, что в центре стола спал гигант. Тела старика я не заметил и догадался, что его уже нет — за ненужностью.

Несмотря на то, что гигантский робот спал, не оставалось сомнений, что теперь это личность. На лице появилось какое-то выражение.

— Разбудите его, — приказал Лару.

Доктор Мертон и ассистенты отступили, раздался громкий звон. Он быстро затих, и Мертон позвала:

— Самаш! Проснись!

Он вздрогнул. Мы отступили к стене и затаили дыхание. Даже «Лару» были, похоже, предельно напряжены.

Глаза Самаша открылись, на лице появилось удивленное выражение. Он откашлялся густым басом, потряс головой, сел и огляделся.

— Что... что случилось? — пробормотал он.

— Посмотри на себя, Самаш, — обратился к нему Лару. — Видишь, что я подарил тебе!

Самаш посмотрел и тяжело задышал, однако, видимо, сразу понял. Он спрыгнул со стола, потянулся и с улыбкой оглядел всех нас. Мне не понравилась эта улыбка.

— Самаш, я — Вагант Лару. Код активации AJ360.

Гигант некоторое время колебался, но потом начал смеяться.

— Самаш, код активации AJ360! — нервно повторил Лару.

Самаш оборвал смех, перекосившись от злобы, и повернулся к человеку с эспаньолкой.

— Я не буду тебе подчиняться, — отрезал он. — Никогда! Я не буду никому подчиняться! Я знаю, что такое код активации AJ360. Но он ничто для меня. На этот раз ты проиграл, Лару. — Он повернулся, не замечая нас, и громко произнес сам себе: — Вы не представляете себе, что это такое — Могущество! Я чувствую себя Богом! — Он повернулся к человеку с эспаньолкой. — Эй, Лару, кто бы из вас им ни был, с тобой покончено! — И ринулся к пятерым «Лару».

— Спасите! — завизжала девочка-подросток. В ее голосе звучала настоящая паника.

Но тут, к нашему изумлению, остальные четверо, два ассистента и доктор Мертон рванулись к гиганту. В одно мгновение его повалили на пол.

— Господи! — выдохнула Дилан. — Да они все — роботы!

Девочка-Лару, явно настоящая, нервно отступила к стене и закричала в аппарат-интерком.

— Я — Лару! Удвоить охрану!

Помещение тотчас заполнили люди Богена и Национальной полиции.

— Отойдите от него! — крикнул Боген. — Пусть встанет!

Они так же быстро оставили его. Доли секунды хватило Самашу, чтобы вскочить и кинуться на полицейских...

У него не было никаких шансов. И хотя он был быстр, как молния, они оказались быстрее. Лучи ударили в гиганта. Его движения замедлились; помещение наполнилось резким запахом. Яркая вспышка почти ослепила нас — и Самаш взорвался, превратившись в лужу слизи.

— Все они! — повторила Дилан. — Даже Мертон, Боген и полицейские!

— Кроме нее, — заметил я, указывая на все еще испуганную девочку. — Сегодня она Вагант Лару.

Лару — она или он — уже овладела собой.

— Да, — сказала она. — Все важные люди на острове — роботы. Обычно в моей свите их двое, но сегодня я решил перестраховаться.

Я кивнул:

— Но все же вы рисковали. Он почти достал вас!

Девочка нервно кивнула:

— В следующий раз мы подготовимся лучше. Я не ожидал ничего подобного.

— А чего же вы ожидали? — едко спросила Дилан. — Особой любви на Цербере к вам не питают. Что же вы наделяете этого парня такой мощью?

— Хватит! — оборвал ее Лару. — Убирайтесь отсюда! Идите наверх и ждите, когда я вас вызову.

«Если мы тебе понадобится», — сердито подумал я.

— Что ж, по крайней мере мы доказали, что система работает, — заметил я, и мы ушли, осторожно обходя полицейских и все еще дымившуюся лужу.

— Как им удалось остановить его? — спросила меня Дилан вечером.

— Думаю, они испробовали на нем несколько видов оружия в разных режимах, — ответил я. — Один луч достиг цели, повредил что-то важное и запустил процесс самоуничтожения.

Она содрогнулась:

— Ужасно.

— Не думаю, что нам бы понравился Самаш, — заметил я.

— Я не об этом. Я о том, что все они — роботы! Даже милая доктор Мертон.

— Понимаю. Я не догадывался об этом, правда! Проклятие, они такие настоящие! Боген, Мертон — они были настоящими людьми, естественными, понятными. Они смотрели, говорили, вели себя как нормальные люди. — Меня передернуло. — Господи! Неудивительно, что они не нашли защиты...

— Что мы будем теперь делать? — строго спросила Дилан.

Я вздохнул:

— Утро вечера мудренее.

На следующее утро нам подали великолепный завтрак. Хороший знак. После того как мы поели, привели себя в порядок и оделись, нас вызвали в лабораторию. Лару не менял тело и был без двойников, Мертон или Богена. И еще один человек, которого мы оба сразу узнали, находился при нем.

— Санда? — произнесла Дилан.

Она увидела нас и улыбнулась:

— Дилан! Квин! Мне сказали, что вы здесь! Что происходит? Я ничего не помню после того, как уснула вчера вечером в Медламе!

Мы с Дилан похолодели; одна и та же мысль пришла нам в головы, и Санда, почувствовав неладное, тоже застыла и удивленно смотрела на нас.

— Что-то случилось?

Я повернулся к Лару:

— Все-таки вы сделали это.

Девочка пожала плечами:

— Она уже была подготовлена. Мы решили проверить, справедлив ли процесс доктора Мертон, основанный на вашей записи.

— Полагаю, что он не сработал, иначе бы нас не было здесь, — заметил я.

Санда была неподдельно удивлена:

— Квин? Дилан? В чем дело?

— Достаточно, Санда, — утомленно произнес Лару. — Отправляйся на третий этаж.

Поведение Санды резко изменилось. Она повернулась к девочке и поклонилась.

— Как вам будет угодно, повелитель, — произнесла она и вышла. Мы изумленно провожали ее взглядами.

— Как она работает, Лару? — спросил я. — Что предписано делать программой, которую мы удаляем?

— Разве вы не знаете? Любить, уважать, почитать того, кто произносит код активации. Слушаться только этого человека или его доверенных лиц. Эмоциональная ловушка, которую нельзя разрушить. Они действительно любят меня!

— Но не вы же лично активировали их всех!

— Конечно, нет. Но если один из моих роботов становится активатором, возникает тот же эффект. Хотя это довольно сложно. Чтобы запомнить, кто кого любит, требуется компьютер.

— Однако я понял, что ваш процесс не работает с записью! — облегченно произнес я и повернулся к Дилан. — Не беспокойся о Санде. Она осталась прежней. Просто теперь она любит другого.

Лару вздохнул:

— Мы сделали все, что могли. Нет причин, чтобы запись не работала, однако это так. Мы проверили это не только на Санде, но и на других, меняя параметры. Бесполезно. К сожалению, вы пока нужны мне!

«Опять мой ход, — подумал я, — и спасибо Дюмонипо или кому-то еще».

— Вы готовы подвергнуться обмену? — спросила Дилан.

Девочка кивнула:

— Мне потребуется полчаса, чтобы подготовиться. Однако предупреждаю сразу: любой ваш фокус, любой сбой в моей программе, даже случайный — и мои роботы разорвут вас в клочья.

— Никакого обмана, — заверил я его. — Мы тоже заинтересованы в этом. Мы единственные, кто не может стать роботами, и поэтому вы нужны нам, чтобы снабдить в необходимый момент новыми телами. Это честная сделка.

— Надеюсь. — В девичьем голоске звучали те же угрожающие нотки.

Мы с беспокойством ожидали окончания приготовлений. К нашему разочарованию, выбранное Лару тело было весьма непримечательным. Стандартный мужчина цивилизованных миров.

— Неглупо, — заметил я Дилан. — Он меньше всего хочет привлекать к себе внимание.

— Оно не так плохо, — критически произнесла Дилан. — Даже немного напоминает тебя.

— Большое спасибо.

Тело девочки ненадолго увезли и снова доставили в соседнее помещение. Не мешкая, мы обработали тело мужчины на машине со шлемами. Его тоже увезли.

Я осматривал лабораторию, задавая Мертон пустячные вопросы. Меня насторожило, что Лару слишком легко согласился. Я чувствовал какой-то подвох. Спустя некоторое время я поделился с Дилан догадкой: еще один трюк. Смотри в оба!

Она нахмурилась и прошептала так тихо, что я еле услышал:

— Откуда ты знаешь?

— Там, наверху, вчера были приборы, а сегодня — это лазерные пушки.

— Ты уверен?

— Именно. Хитрый мерзавец, но мы его раскусили. Не расслабляйся.

Прошло чуть больше часа, и тело ввезли назад. Началась обычная процедура пробуждения. На сей раз мы успели зажать уши, когда раздался звон. Человек ощутил то же самое, что и Самаш накануне, и, спрыгнув на пол, с удивлением осмотрелся:

— Черт бы меня побрал!

Мертон подошла к нему:

— Код активации AJ360.

Человек помолчал, улыбнулся и покачал головой:

— Нет. Когда вы произносите это, я ощущаю какое-то покалывание, словно из меня что-то рвется наружу. — Он вздохнул. — Я понимаю, что чувствовал Самаш. Он чувствовал себя Богом! Невероятно! — обратился он к Мертон. Потом повернулся к нам.

— Что ж, — произнес он. — Действительно случилось! Вы не догадываетесь, какую силу я чувствую в себе. Мне даже трудно подстроиться под ваши ритмы, чтобы просто беседовать с вами. Каждая клетка моего тела жива! Жива и чувствует! Чувствует и подчиняется! Сила неслыханная! До сих пор я не предполагал, сколь могучи и универсальны эти тела. И никакой боли! После рождения каждый испытывает боль. Мы живем с болью. Свобода быть полностью защищенным от нее почти пугает.

— Мне непонятно, — заметил я, — зачем, если Чужаки так умны, зачем они оставили эту лазейку?

Он пожал плечами:

— Не знаю. Это тоже тревожило меня, но не теперь. Ничто, — злобно добавил он, — не будет больше тревожить меня. Ничто и никто. — Он снова посмотрел на нас. — А теперь скажите, существует ли причина, по которой я позволил бы вам прожить еще хоть мгновение?..

Дилан строго посмотрела на меня, как бы спрашивая: ты уверен, что это Лару?

— Доверься мне, — прошептал я и снова обратился к Лару. Я убежден был, к мнимому. — Гарантии? Вспомните Самаша. И того робота, которого поймали в Командовании Боевыми Системами. Трудно его убить — да. Совершенство? Да. Бессмертный? Нет. Но не только это. Мне известно, чем Чужаки подкрепляют свои гарантии!

Мертон и «Лару» выглядели смущенными.

— Продолжайте, — решил он.

— Они заключены в телах роботов. Роботы когда-то выйдут из строя независимо от того, насколько они

хороши. И если здесь не окажется кого-то, кто очистит программу робота, вам, Лару, придется вернуться в человеческое тело!

— Никогда! — отрезал он. — Побывав однажды в этом теле, вы никогда не захотите вернуться обратно. Ни на мгновение! Ни за что! — Он понял, что увлекся. — Да, вы правы. Но тогда вы останетесь здесь, на острове, моими постоянными гостями — навсегда! Получите новые тела. Вы, кажется, хотите иметь детей и воспитывать их самостоятельно? Отлично! Здесь, в роскоши, и приступайте!

— Вы имеете в виду роскошную тюрьму, — уточнила Дилан.

Он пожал плечами:

— Считайте так. Она будет обтянута бархатом и позолочена. Вы ни в чем не будете нуждаться. Конфедерация быстро поймет, что вы провели ее. Вас захотят достать любой ценой, чтобы стереть информацию. Возможно, с помощью какой-то простой команды. Я ее не знаю и поэтому не могу позволить вам общаться ни с кем. Кроме меня...

— А если они уничтожат остров? — язвительно спросила Дилан.

— На это они не пойдут, — твердо заявил он. — Они не уверены! А мы покажем им трупы и сочиним правдоподобную историю, которая сведет на нет слухи о проекте «Феникс». Все будет нормально, уж вы поверьте!

Я вздохнул и пожал плечами.

— У нас нет выбора?

— Нет, — злобно ответил он.

В этот момент я заметил, что он стоит в центре помещения. Включилась лазерная пушка, и он тоже растаял.

Я посмотрел на коричневое пятно, оставшееся от Самаша, несмотря на все усилия уборщиков. Все так, мой ход — удача! И проверка.

Дилан, задыхаясь, прошептала:

— Ты был прав. — Но потом заколебалась: — Но как мы узнаем настоящего?

— Никак, — ответил я. — Положись на меня.

Мы присутствовали еще при трех обменах. Каждый из них был таким же убедительным, как и первый. Робот неожиданно расплавлялся. Мне было интересно — оставались бы они такими уверенными, если бы узнали о судьбе своих предшественников?

Однако четвертый, такой же, как остальные, в конце повел себя иначе. После «светской» беседы он улыбнулся и вздохнул:

— Отлично. Хватит ломать комедию. Я убедился. — Он сделал нам знак, и мы с беспокойством последовали за ним, обходя мокрые места и опасно косясь на пушки.

Мы все благополучно вышли из лаборатории. Ожидавший нас Боген поклонился:

— Как дела, повелитель?

— Превосходно. Похоже, наши друзья не смошенничали. Позаботься о них, Боген. Дай им все, что они захотят, кроме связи с внешним миром. Понял?

— Как вам будет угодно, повелитель, — почтительно ответил Боген.

Мы двинулись по коридору, и я принялся тихонько напевать песенку, которую никогда не знал раньше, но ее очарование было хорошо мне известно:

Варкалось. Хливкие шорьки

Пырялись по наве,

И хрюкотали зелюки,

Как мюмзики в мове.

Лару остановился и удивленно воззрился на меня:

— Что это?

— Песенка из моего детства, — объяснил я. — Не забывайте, что последние недели я прожил в страшном напряжении. Теперь оно ушло.

Он недоверчиво покачал головой:

— Гм. Какие-то безумные слова...

— Мы еще увидимся с вами? — кокетливо спросила Дилан.

— Конечно. Я не собираюсь покидать остров прямо сейчас.

— Возможно, через месяц, — предложил я. — По крайней мере мы сможем обсудить нашу жизнь здесь.

— Конечно. Но через месяц!

Мы с Дилан пошли к себе, а они с Богеном отправились куда-то еще.

Освободившись теперь хотя бы от постоянного конвоя, мы отправились на лужайку и, наслаждаясь теплом и солнечным светом, разделись и легли неподалеку друг от друга. Некоторое время мы молчали. Наконец Дилан заговорила:

— Мы действительно контролируем теперь владельца Цербера?

— Я пока не уверен. Через месяц мы, пожалуй, это узнаем. Если его цель — покинуть остров, — значит, он настоящий. Если нет, мы будем повторять это до тех пор, пока не получится. Я думаю, что это был настоящий.

Она захихикала:

— У нас впереди целый месяц райской жизни. А потом...

— Теперь весь Цербер принадлежит нам, дорогая. А старый добрый Дюмоний...

Она удивилась:

— Кто?

— Доктор Дю — почему я вспомнил его?

Она пожала плечами:

— Не знаю. Нам, конечно, больше не потребуются психиатр. Разве только удалить из твоего мозга команду докладывать.

— Да, но доктор Мертон, наверное, справится с этим не хуже.

Она повернулась ко мне:

— Знаешь, за что я люблю тебя? Ты все сделал сам! Невероятно!

— Нам помогала Конфедерация.

— Чепуха. Каждый из твоих безумных, бессмысленных планов сработал. Прошло чуть больше года, и ты из ссыльного превратился в настоящего властителя Ромба.

— Не забывай, что ты тоже теперь властительница Ромба.

Некоторое время она расслабленно лежала рядом, потом спросила:

— Шокирует кого-нибудь если мы займемся любовью прямо здесь?

— Вероятно, только роботов, — ответил я. — А мы знаем, чего они стоят.

Она рассмеялась:

— Помнишь, когда они предложили поменять нам с тобой сознания? Кто это был?

Я покачал головой:

— Слишком давно. Я не помню. Какое это имеет значение. Почему ты заговорила об этом?

Она рассмеялась:

— В этом не было необходимости. Теперь я — часть тебя. А ты, я думаю, часть меня. По крайней мере я не могу выкинуть тебя из себя.

КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ. ПЕРЕХОЖУ К АНАЛИЗУ. КОНЕЦ СВЯЗИ. СТОП. СТОП.

Эпилог

Наблюдатель откинулся в кресле, снял шлем и вздохнул. Он выглядел усталым, измотанным, даже постаревшим — и знал это.

— Вы по-прежнему встревожены, — заметил компьютер. — Не понимаю, почему. Это блистательная победа, возможно, ключевая для нас. У нас будет собственный шпион-властитель.

Он откликнулся не сразу. Компьютер раздражал его, и это тоже было необъяснимо. Техника и агенты хорошо дополняли друг друга, и раньше он тоже в какой-то степени ощущал себя машиной. Холодные, бесстрастные, логичные. Прекрасная рабочая пара. «Действительно ли меня нервнрует компьютер, — думал он, — или машина была отражением моей прежней личности, и теперь это бесит меня?» Сознание выхватило на мгновение слово «прежняя». Странное слово: Откуда оно? Неужели я так изменился?

«Я не изменился! — сказал он себе, ударив кулаком по подлокотнику. — Это они изменились. А я — нет!»

«Но они — это ты», — обвинил его разум.

И все-таки в чем их отличие? Планеты, конечно, куда экзотичнее, чем большинство миров из стали и пластика, к которым он привык. Но не настолько отличались от приграничных. До сих пор он не испытывал ничего подобного.

Возможно, его «альтер эго» знали, что останутся там навсегда. Никакого возвращения, доклада, никакого отдыха до следующего задания. Никаких радостей Конфедерации. Последнее задание. И работа только на себя.

Всю жизнь его воспитывали в духе Общности. Все на благо человечества. Защита цивилизованных миров от внутренней угрозы. И не важно, что погибнут некоторые индивиды или даже целые планеты. Человечество в целом становится лучше.

«Верю ли я теперь в это?» — снова и снова спрашивал он себя.

Миры из стали и пластика... Не значит ли это, что они растили пластиковых людей? Был ли прав Дюмоний? Неужели чужеземная угроза сильнее во сто крат из-за того, что мы переделали себя?

И все же цивилизованные миры — благодатное место. Ни голода, ни нищеты, ни болезней — вообще никаких напастей, которые веками преследовали человека. Даже границы Галактики, благодаря обширной технической поддержке, стали не такими несчастными и опасными, как в прошлом.

Он вырос в этой культуре и, оглядываясь на историю, верил в нее. В этом и заключалась загадка, которая мучила его. В целом это было хорошее общество счастливых, здоровых, благополучных людей.

Это слегка успокоило. Дюмоний голословно утверждал, что искры человеческого величия в такой системе пропадали. Нет, они хранились под спудом до тех пор, пока в них не возникала необходимость. Живое доказательство тому — Ромб Вардена, силы и надежды человечества, сохранившиеся там.

Хорошие мысли немного улучшают настроение... Это было хорошо для Общности, а не для индивида. Особенно в пяти вариантах...

Дважды он ступал на опасную стезю. Дважды видел, какие изменения претерпел. В каком-то смыс-

ле — радикальные: отказ от своего облика, от преданности долгу, идеалам — даже идеалам! В обоих случаях он разрушал свой стереотип — осознание себя убежденным одиночкой, который, снисходя до чего-то, на самом деле ни в чем не нуждается. Это тоже дремало в нем и вышло наружу, когда пуповина, связывающая его с Конфедерацией и ее ценностями, была обрезана... Разрыв — пусть не по его вине — все же произошел.

Больше всего его мучает, что он зависим, что он как на привязи. Ведь это против всех его устоев и принципов, но — надо смотреть правде в глаза. Люди там, «внизу», считают себя в ловушке, а его — свободным человеком. Они ошибаются. Он завидует им...

Но остается миссия, и они-то свою часть выполняют.

— Анализ?

— Корреляции с Лилит разительны, — сообщил компьютер. — Некоторые совершенно иррациональны.

Он кивнул.

— Нам придется послать кого-нибудь на Момрат, но это — после анализа информации, — продолжал компьютер. — И усилить патрулирование всего Ромба Вардена, поскольку где-то существуют точки пересечения между Чужаками и людьми.

— Надо усилить наблюдение за курортами в цивилизованных мирах, — заметил он. — Наверное, они похищают свои жертвы оттуда.

— Это реально только до определенных пределов, — отозвался компьютер. — Интересно узнать, кто намечает кандидатуры для похищения. Пока что их замысел ускользает от меня потому, что у нас недостаточно роботов-агентов, чтобы сравнить их позиции. А Чужаки весьма коварны.

— Мы знали это с самого начала. Но кто мог подумать, что Чужаки будут нанимать королей преступного мира на черную работу?

— Боюсь, это нечто большее, нежели черная работа. Давайте определим один или два критерия, разумных с точки зрения известных фактов, но учитывающих, что мы имеем дело с чужим сознанием. Оно может не следовать нашей логике.

— Продолжай.

— Допустим, они либо уступают нам в силе, либо не готовы к последствиям, которые принесет прямая атака.

— Предположение может оказаться неверным, — вмешался он. — В конце концов если они создадут такие сверхроботы, то с их помощью можно и воевать.

— Может быть. Но эти изделия слишком нерентабельны для массового производства. Я полагаю, заговор целиком построен на коварстве. Дело не в прямых военных действиях.

— Тогда в чем?

— Допустим, их план — подрывная деятельность. Ослабить, нарушить работу ключевых служб и ведущих отраслей. Основу экономической и социальной систем. Правильно подобранные и размещенные органические роботы нанесут больше вреда, чем банда головорезов. Стоит взглянуть на ваши психологические реакции, чтобы понять, как легко и тонко нас можно изменить. Род человеческий скорее уничтожит себя сам, чем будет завоеван Извне. Пример тому — молодые независимые планеты и государства! Мы часто оказывались на грани самоуничтожения, а вовсе не капитуляции. Агрессору некого будет побеждать.

— Значит, ты считаешь, что решение Четырех Властителей продиктовано не только практической целесообразностью? Гм-м... Лару сказал, что инициатором был Криган, а Криган, несомненно, был склонен к жестокости и подлым заговорам. — Он откинулся в кресле. — Подведем итоги! Ты полагаешь, что

Чужаки не собираются нападать на нас? Что их цель — создать у нас внутренний хаос?

— Разумно, — подтвердил компьютер.

Он кивнул:

— И дешевле всего. Сами Чужаки вне опасности. Вся грязную работу делает Ромб вместе с их роботами. Это даже выгодно. Предположим, ты прав. Анализ?

— Если Четыре Властителя будут гнуть свою линию и сделают правильный выбор — план срывается. Не сразу. Мы даже не сможем вовремя узнать и оценить их успехи. И катастрофа наступит не из-за того, что подменяет высокопоставленных чиновников. Посулив роботов и свободу, они мобилизуют лучшие преступные мозги последних семидесяти лет и бросят их на уже ослабленную и наводненную агентами Конфедерацию.

Эта перспектива ужаснула его.

— Но подожди. Они могут привлекать только преступников с Цербера. Разновидности микроорганизма Вардена в трех других мирах не подходят для обмена сознаниями.

— Вы забыли о процессе доктора Мертон.

Он присвистнул и покачал головой:

— Тогда наша единственная надежда — обнаружить и раскрыть Чужаков. Но у нас нет гарантий, что кто-нибудь из них находится вблизи Ромба. Все могли делать роботы или подставные лица, нанятые властями.

— Возможно, однако, что один из двух оставшихся сообщает нам об этом, — предположил компьютер тоном надежды. — Или повезет одному из патрулей.

— Сопоставь и передай версию, — приказал он. — Нам остается только ждать.

— Принято.

* * *

Человек прошел в жилой модуль большого патрульного корабля, приготовил себе стаканчик крепкого питья и сел на койку. Догадки компьютера беспокоили его, и все равно он не мог заставить себя сосредоточиться на всей проблеме, на возможном заговоре.

Кол Тремон... Квин Занг... Ти... Дилан Коль...

Словно навязчивый мотив, который застревает в голове и звучит снова и снова.

Я не могу выбросить вас из головы.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИЛИТ	5
ЦЕРБЕР	275

**В книге Стивена Бакстера "По ту сторону времени"
на стр. 286 неправильно указана фамилия переводчика.
Следует читать: Е.Н.Еремченко.**

Литературно-художественное издание

Джек Л. Чалкер

Лилит. Цербер

Составители серии *С.Н.Герцева, Н.А.Наumenko*

Художественный редактор *С.Н.Герцева*

Компьютерный дизайн *А.А.Кудряцев*

Технический редактор *Н.Н.Хотулева*

Подписано в печать с оригинал-макета 16.05.96.

**Формат 84 x 108 $\frac{1}{32}$. Бумага типографская. Гарнитура
"Ньютон". Усл.печ.л. 26.04 Тираж 15000 экз.**

Заказ 249

Издательство "АСТ". Лицензия ЛР № 060519.

143900 г.Балашиха, Московской обл., ул. Фадеева, д.8

Отпечатано с оригинал-макета в Тульской типографии,

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

